

В.В. Ильин
А.С. Панарин
А.С. Ахиезер

**ТЕОРЕТИЧЕСКАЯ ПОЛИТОЛОГИЯ:
РЕФОРМЫ И КОНТРЕФОРМЫ В РОССИИ**

Циклы модернизационного процесса

Под редакцией проф. В.В.ИЛЬИНА

Редколлегия серии:

В.В.Ильин, В.И.Коваленко, А.С.Панарин

Рецензенты: доктор философских наук, профессор А.И.Алешин доктор философских наук, профессор В.М.Межуев.

Авторы: В.В.Ильин (предисловие, часть I, раздел I части II, послесловие); А.С.Панарин (раздел II части II, раздел II части III); А.С.Ахиезер (раздел I части III)

Издание осуществлено в авторской редакции при поддержке фирм:

"Мегаполис Туре" — генеральный директор А.Шахнер; "Совинсервис" — генеральный директор Г.Либензон;

Российского гуманитарного научного фонда; Федеральной программы "Университеты России"

Ильин В.В., Панарин А.С., Ахиезер А.С.

Реформы и контрреформы в России / Под редакцией В.В.Ильина. — М.:Изд-во МГУ, 1996. — 400 с.

ISBN 5-211-03734-0

Для студентов факультетов журналистики, социологов, историков, филологов, а также для всех, кто хочет понять недавнее прошлое России. Работа является пятой после "Философии власти", "Россия: опыт национально-государственной идеологии", "Философии политики", "Политической антропологии" книгой серии "Теоретическая политология: мир России и Россия в мире".

Реформы в России. Почему в национальной истории они неизменно венчались контрреформами? Явные и тайные пружины российской модернизации; традиции социальной конфликтности; политический парадокс: сочетание автократии с демократией; характер и направление современного социально-политического обновления, Россия — эпицентр столкновения программ общественных преобразований; Европа и Евразия — два типа цивилизации и перспективы их взаимодействия в историко-философских и геополитических моделях и сопоставлениях — таковы сюжеты издания.

Для обществоведов, широкого круга читателей

0301010000-048 ,ISBN 5-211-03734—0

ББК 87 И 45

ПРЕДИСЛОВИЕ

Существо современного обновления Отечества едва ли не повсеместно связывается с магическим сдвигом от плана к рынку. Сдвиг этот и сцепленная с ним страновая динамика квалифицируется как "королевский путь" для России; вестернизация подается неким благодетельным и само собой разумеющимся. Подобная восторженность, безапелляционность, однако, идущая от идеологов, миссионеров, ангажированных пропагандистов, иной склонной к некритической трескотне политической жульбии, не пристала представителям кругов академических. Избегая тенденциозности, высветим геостратегические возможности России в переживаемый момент принципиально.

Поражает быстрота, эффективность страновой реформации послевоенной Италии, Германии, Японии. Период восстановления и стабилизации занял здесь одно десятилетие. Для Европы был разработан план Маршалла, для Японии — вариант Доджа. Программа мероприятий фронтальной реконструкции сводилась к следующему. Демонополизация; диверсификация собственности; сбалансирование государственного бюджета; отказ от кредитования убыточных предприятий; стабилизация заработной платы; контроль эмиссии, цен, курсов национальных валют; расширение экспорта; отлаживание налоговой тактики (прямые прогрессивно-подходящие налоги); протекционизм; усовершенствование системы поставок продовольствия; помощь мелким и средним предприятиям; льготное субсидирование сельского хозяйства; привлечение иностранного капитала; упор на развитие приоритетных отраслей хозяйства, авангардных технологий.

Совокупность данных акций, как указывалось, отлично зарекомендовала себя в опыте (за исключением показателей по внешней торговле та же Япония к 1955 г. во многом превзошла довоенный уровень), приобрела чуть ли не универсальный характер. Насколько реализуема она для России, порвавшей с тоталитаризмом и двигающейся в направлении демократического общества и свободной экономики?

Трезвый анализ подводит к скептическому выводу: практически ни одна из упомянутых добротных составляющих за декларированное время реформ в жизнь не пошла. Мы не случайно употребляем оборот "декларированное время реформ". Курс на перестройку в основном протекал как санация общественного сознания. Зримые результаты перестроечной кампании — легализация многопартийности (фактическое начало легитимной политико-гражданской жизни, прерванной разгоном Учредительного собрания в 1918 г.) и кооперативов (фактическое начало трансформации форм собственности). Непосредственные реформационные инициативы отсчитываются лишь от послеавгустовской фазы 1991 г. Что сделано в России с этого момента и далее по, казалось бы, отлаженному плану? Отвечаем односложно: ничего. Причины отчасти в реформаторах, отчасти в страновых особенностях России, се почве.

Субъективная сторона. Не заданы исходные предпосылки реформации — внутренний мир, гражданское согласие, политический консенсус (октябрьский национальный кризис 1993 г., война в Чечне), отсутствует консолидированность общества, нацеливающая на согласованные, вдохновенно-единодушные действия. Не обеспечены направляющие, контролирующие (центрально-директивные) функции государства в переходный период, где они отнюдь не порочны. История ответит на вопрос, кто персонально повинен в этих упущениях, просчетах. Пока же мы имеем то, что имеем.

Объективная сторона. Геостратегическая специфика России не допускает шаблонных действий. Говоря об этом предмете, примем во внимание лишь существенное.

1. Онтология России исторически предполагала централизм, который политически обеспечивал суверенитет территориальной громады, разбросанной на колоссальном просторе нации; экономически единственно выполнял задачу аккумуляции дефицитного получаемого в условиях критического земледелия прибавочного продукта, способствуя его рациональному распределению и перераспределению. Централизм — наша почва. С

наметившимся еще в перестройку ослаблением централизма произошла политическая и хозяйственная дезинтеграция, хаотизация. Свободный рынок в такой ситуации — рынок продавца. Как следствие этого — не ослабление, а усиление монополизма, который в комбинации с конкуренцией покупателей подхлестывает цены (ср. с соответствующими пунктами планов Маршалла и Доджа).

2. Трансформация форм собственности, приватизация неэффективны при колоссальном избытке рабочей силы (скрытая и явная безработица выражается цифрой порядка 50% всех занятых). Рыночные (т.е. эффективные) методы хозяйствования несовместимы с патронированием столь масштабного балласта. На вопрос, как обходиться с данной обузой, ответа простого, прямого не существует.

Высвобождающаяся из народного хозяйства масса обостряет конфликтность, для демпфирования которой нужны резервные средства на социальное обеспечение, оперативное создание новых рабочих мест. Требуемых средств, накоплений в нашем дефицитном бюджете нет. Не подходит и схема экспорта рабочей силы. Ввиду геополитического положения России она не может вывозить трудовые ресурсы как на перенаселенный Восток, так и на относительно удаленный Запад, принимающий контингента из южной и центральной Европы, Магриба, ближнего Востока, центральной Азии.

3. Эффективная реформация опирается на мобилизацию, ограничивающуюся реалиями компактных геополитических структур. В масштабных организациях типа российской мобилизация возможна лишь через авторитарные формы, что несовместимо с предварительно анонсированными и отчасти объективированными элементами демократизма, либерализма, парламентаризма (иная последовательность компонентов в цепочке "экономика — политика" при реформировании в Китае оказалась предпочтительней).

С финансово-экономической точки зрения мобилизационное реформирование совпадает с шоковой терапией. Шок (скажем, "план Бальцеровича") есть краткосрочная жесткая монетарная линия в гиперинфляции, нацеленная на снижение среднемесячных темпов инфляции с 50% и более до 2—3% и сводящаяся к ликвидации источника поддержания спроса (той же монополии), стабилизации цен, адаптации предприятий к рыночным условиям, что в итоге повышает деловую активность, увеличивает инвестиции в производство, снижает банковский процент ставок, создает предпосылки промышленного роста. (В Польше в 1989 г. ежемесячные темпы роста цен составляли 55%. Через ужесточение монетарной политики, сокращение темпов роста денежной массы в 1993 г. вышли на рубеж — 2,5%. Результат — стабилизация цен, ценовых пропорций, начало инвестирования производства. В 1993 г. ВВП увеличился на 4%). В России рост денежной массы и цен составлял: 1991 г. — 2,3 р., 2,5 р.; 1992 г. — 7,4 р., 26 р.; 1993 г. — 4,8 р., 9р. В России, следовательно, жесткого контроля прироста денежной массы с динамикой 2—3% в месяц в течение года не было. Оттого не было и шоковой терапии. Следствие — прогресс инфляции, торпедирование инвестиций, консервирование спада; этому способствуют также бюджетный дефицит, кредитные накачки недееспособных хозяйственных единиц, помощь зарубежью, рост бюрократии.

4. Для фронтальной индустриальной модернизации в России внутривысоких накоплений нет. Никаких внешних займов, кредитов для нее не хватит. Некогда реализованный леворадикальный троцкистский путь темповой сверхиндустриализации за счет ограбления деревни вторично невозможен. Ставку в поиске средств следует делать на село — протекционизм в развитии сельского хозяйства, легкой и пищевой промышленности. Это позволит кроме прочего наращивать качество жизни, снимать конфликтность социальных тенденций. Нечто подобное предпринималось в Японии, где закупочные цены на рис для отечественных сельскохозяйственных производителей поддерживались значительно выше мировых. Япония завозила рис, при этом неизменно опекая своих крестьян, избавляя их от конкуренции.

У нас (пока?) — противоположное. Для обеспечения России хлебом требуется примерно 110 млн. тонн зерна в год. На такой рубеж вышли в начале 70-х гг. С 1971 по 1985 г. в среднем собирали необходимое количество. С конца 80-х по настоящее время наблюдается спад. В 1994 г. собрали лишь 81,3 млн. т. Закупочные цены остаются низкими, отечественные сельскохозяйственные товаропроизводители бедствуют. Объем засеваемых площадей сокращается. В 1994 г. клин уменьшился на 6% (3,5 млн. га). Сельскохозяйственное производство остается убыточным — в 1994 г. уровень его рентабельности составлял минус 6%. В 1994 г. по отношению к 1991 г. производство мяса и молока снизилось на 3,2%. В 1995 г. оно упало еще на 10%. В 1994 г. разорилось и обанкротилось 20 тыс. фермерских хозяйств (на которые поначалу сделали ставку) и 60% бывших колхозов и совхозов, ставших акционерными обществами. (Для сравнения: в 1990 г. в тогдашних СССР и ЕС по зерну на одного россиянина в год приходилось 711 кг, тогда как на одного жителя ЕС — 521 кг. Урожайность в СССР в 1984 г. была выше, чем в Канаде в соответствующих климатических зонах; в 1991 г. она была уже ниже на 10% и т.д.) Не может развиваться, таким образом, легкая и пищевая промышленность; реальная база индустриализации деградирует.

5. С 1989 по 1993 г. ВВП в России сократился на 40%. Спад производства накаляет социальную обстановку; паллиативное залатывание дыр через непродуманную импортно-экспортную линию усиливает структурный кризис. Снижается доля продукции обрабатывающих отраслей, возрастает доля добывающих. Растет энергоматериалоемкость единицы ВВП (на производство единицы ВВП в России тратится в 2 раза больше нефти, чем в индустриально развитых странах). В европейской и японской модернизации акцентировались прорывы в авангардных производствах, машиностроении. У нас же машиностроение откатилось на позиции 30-летней давности. Сравнительно с 1990 г. капиталовложения в экономику уменьшились в 4 раза (доходы не инвестируются, а вывозятся за рубеж, что в очередной раз убеждает — основным инвестором в России должно быть государство). Снижение инвестиционной активности снимает с повестки дня вопрос индустриальной модернизации и актуализирует проблему поддержания экологически опасных, военно-технических объектов (ядерные реакторы, атомное оружие, энергетика, морской, воздушный флот).

6. Не продумана тактика продажи государственной собственности на рынке. Приватизация протекает с выгодой для иностранного капитала. Изменение форм собственности влечет не активизацию производства, не стимулирование инвестиционной политики, а проедание прибыли, по выражению К.Вальтуха, "заршгатизацию". Проедание выручки усугубляет инфляцию. Ее уровень в январе 1995 г. составлял 18%, в июне 6%. Это весьма далеко от желательного; кроме того, темпы инфляции в России выше, чем в других республиках бывшего СССР (в Беларуси — 4%, на Украине — 3% ежемесячно на 1-е полугодие 1995 г. и т.д.). За 1992—1993 гг. отечественные товары подорожали в 15 раз в долларовом выражении; неконкурентоспособность наших товаропроизводителей породила необходимость импортировать буквально все. Фермерские хозяйства дают лишь 2% объема получаемой сельскохозяйственной продукции. Приобретает черты разграбления нелегальный вывоз из страны ценностей. По данным В.Илюхина, это примерно 20% добываемой нефти, 34% минеральных удобрений, ежегодно вывозится около 20 млрд дол., по контрабанде беспошлинно ввозится 80% импортных товаров (ширпотреб, продукты питания).

7. На фоне укорененной в нашем менталитете черты патернализма, государственной опеки (со знаком плюс или минус) собственности, народа, лица обостряется вопрос социальной цены реформации. В 1993 г. по сравнению с 1990 г. рождаемость упала в 2 раза и составила 9,4 на тысячу. С 1992 г. впервые за мирные годы уровень смертности превысил уровень рождаемости на 800 тысяч. Актуализировалась проблема воспроизводства нации. Доля продуктов питания в структуре потребления составляет 70%, что отмечалось непосредственно в послевоенный период. Фонд

потребления не только недостаточен для формирования среднего класса, но даже не препятствует катастрофическому расслоению общества. По материалам Н.Римашевской, в течение послеавгустовских преобразований значительно улучшили социальное положение 10% населения. 40% оказались за чертой прожиточного минимума. Около 15% пребывают за порогом нищеты (уровень их потребления в 2 раза ниже минимального). 35% испытывают постоянное расслоение с тенденцией к вхождению в низшие страты. Усиливается маргинализация. Выбитых из седла парий в России приблизительно 1,5 млн. (каждый сотый!). Рост суицида отмечен в 30%. Число разводов в 7 раз превышает число браков. В среднем заработная плата женщин на 33% ниже мужской (по развитым странам — 17%, т.е. без малого в 2 раза).

8. Неудовлетворительна система государственного управления и государственного строительства. В переходный период роль государственного центрального управления не должна ослабляться. У нас же пафос реформирования кратко выражается формулой "государство-элиминация". В качестве итога:

— геополитический аспект: возрастает конфликтность. По оценкам экспертов, на Кавказе существует и зреет 5 конфликтов, в средней Азии — 4, на территории бывшего СССР назревает или имеет место 12 конфликтов;

— управленческий аспект: после передела собственности центр тяжести переместился на подножие власти — местный, региональный уровень. Вообще говоря, потворствовать развитию местного самоуправления необходимо, не разрушая при этом единой системы государственного управления. В настоящем же самоуправляемые единицы на уровне района не входят в структуры государственного управления. Последнее порождает опасную зависимость регионов от зарубежья, иностранных инвесторов в обход федеральных органов. В связи со сказанным проступает противостояние центра окраинам. На Западе нет периферии. В России периферия — колоссальная проблема, в связи с которой дополнительный глубокий смысл приобретает вопрос-сетование Твардовского: "В космос мы уже проникли, но вот проникнем ли мы когда-нибудь в Калугу?";

— финансовый аспект: до сих пор не отлажен механизм сбора налогов. В принципе, налоговая политика призвана стимулировать производство. В России в текущий момент взимается примерно 41 вид налогов. Все их выплачивать невозможно. По некоторым подсчетам, суммарная выплата налогов составляет 117%, что, с одной стороны, обесмысливает производство, а с другой - плодит махинации;

— военный аспект: стратегическая триада (стратегическая авиация, ВМС, ракетные войска стратегического назначения) прозябает. Не хватает средств поддержания парка вооружений, число налетанных часов снижается, графики боевых дежурств не выдерживаются, у ракет отсутствуют полетные задания, ощущается недокомплект личного состава, нет оборудованных в оборонительном отношении границ, не создается новой инфраструктуры армии, с 1991 по 1995 г. на флоте корабельный состав уменьшился на 44,2%. Все свидетельствует о серьезном снижении национальной безопасности. И это в обстановке, когда Япония за 5 лет увеличила военный потенциал в 2 раза, США — на 12%, Китай наращивает вооружения примерно на 3,5% ежегодно; — этнический аспект: на 1 января 1995 г. в России официально зарегистрировано 700 тыс. беженцев. За 1993—1994 гг. не менее 2,5 млн. этнических русских (каждый десятый!) выдвинуто из ближнего зарубежья. Неустроенные люди, конечно, не способствуют устроению реформируемой страны.

Общий вывод: в силу блока причин отработанная, опробованная на опыте Европы и Японии реформационная программа в жизнь не проводится. На что можно надеяться?

Существо ситуации в том, что Россия проходит фазу безвременья, социальной, цивилизационной неопределенности. Перепутье несет неустойчивость, содержит многие потенции, могущие воплотиться в реальность в зависимости от обстоятельств. Какие же векторы вероятных воздействий влияют на российскую страновую динамику? Какие

объемные устроительные схемы просматриваются?

Вестернизация — объективация рыночных отношений, укоренение частнособственнических институтов. Представляется, что вестернизация в последовательном, чистом виде нам не грозит. Дело и в институционализации собственности, в легитимации рынка, и в трудно допустимом дальнейшем усилении либерализма, идущем рука об руку с ослаблением государственности, и в номенклатурной приватизации, реализующей не идею реформы собственности, а идею ее передела (популистское "грабь награбленное в пользу директорского корпуса). Но дело и в общей цивилизационной тупиковости западного пути в связи с рельефно проступающей глобальной несостоятельностью индустриализма и консьюмеризма. С позиции глобалистики вестернизация давно и безнадежно самоисчерпалась. Учитывая громаде странового тела, у России, верно, есть некий временной запас прочности для воплощения схемы интенсивного природопотребления. Тем не менее следует отдавать отчет: схема эта в стратегическом отношении бесперспективна.

Страновой сброс. В результате игры на сложностях — превращение России в политический и промышленный придаток Запада. Экономически стране уготовливается роль отстойника индустриальных экологически вредных технологий, поставщика продуктов, сырья, материалов. Геополитически дозированно подпитываемая Россия выполняет функции буфера от просачивающихся в Европу инородцев: она — бастион от желтых, вал от мусульман¹.

Насколько реалистична такая перспектива, зависит от многих факторов, в том числе в последнюю очередь от степени непатриотичности уже ступившего на стезю компрадорства нашего правительства. Как бы там ни было, но модель эта отвергается нами по соображениям гражданским. *Ultima ratio* в политике принадлежит не правительству, а народу, чувство национально-исторической жизни которого, в конце концов, заявит о себе однозначно и решительно.

Почвенный изоляционизм — акцентирование особого "русского пути". Утопическая фантазмагория в славянофильской обертке с поэтизацией "софийности", "соборности" (общинность, артельность) критики не выдерживает². По сугубо экологическим соображениям неприемлем и выдвигаемый некоторыми политиками лозунг "закрыться". Разумеется, Россия может вступить на путь сверхэксплуатации собственных геостратегических ресурсов. Таким путем в недалеком прошлом пытались идти США, преодоление кризиса 30-х г. в которых обошлось стране весьма дорого; были вырублены почти все леса, распаханы почти все земли. Усилившаяся эрозия, утрата фертильных пластов, оскудение среды обитания очень скоро заставили произвести переориентацию с потребления собственных на потребление импортируемых ресурсов. В России, практически лишенной возможности завозить ресурсы, интенсификация потребления природного тела вызовет не только региональную, но и глобальную дисфункцию. Сверхэксплуатация (при современном технико-технологическом оснащении) российского фрагмента биосферы невозможна в силу губительности такой практики для человечества. Оттого в пределах России ставится задача ослабления антропогенного пресса на биосферу, расширения площади заповедных территорий с 2 до 10% (как, скажем, в Канаде).

Евросоветская кооперация — модель евроветского пространства, имеющая антиатлантическую направленность: ресурсы России, технология Европы интегрируются против США. Анти-американский консолидационный блок старого света вполне реален, учитывая агрессивную политику мировой монополии, проводимую США и далее все более и более трудно терпимую. Уровень жизни в США поддерживается за счет

¹ Ильин В.В., Панарин А.С. *Философия политики*. М., 1994. С. 275

² См.: Россия: опыт национально-государственной идеологии / Под ред. В.В. Ильина. М., 1994. С. 52—73

ограбления стран "третьего мира". К настоящему моменту США представляют экологическую угрозу человечеству. Ежегодно они производят около 280 млн. тонн опасных жизненно вредных отходов, тогда как ОЕ примерно 25 млн. тонн, восточная Европа порядка 20 млн. тонн, остальной мир приблизительно 15 млн. тонн. Суммарное загрязнение среды странами всего мира многократно уступает соответствующей деятельности США. Мириться с подобным положением на неопределенное время более невозможно.

Консолидация развитых стран против развивающихся. Наше время делает нас свидетелями своеобразного реванша колоний над метрополиями. Метрополии некогда захватывали колонии силой. Колонии сейчас захватывают метрополии демографической массой, миграционным просачиванием. В разных частях мира идут типологические процессы: на США этнически давят латины, выходцы с островов Тихого океана, на Францию — мигранты из Магриба, на Германию — курды, турки, на Россию — среднеазиаты, китайцы. Возникает крайне острая задача сохранения антропологического ортогнатизма³. Человечество дифференцировано по национально-государственному признаку, но консолидировано в зависимости от расовых, этнических, культурных, исторических параметров. Как знать, какие из черт наберут силу, будут превалировать. Однако ясно, что такие страны, как Китай, Индия, Пакистан, Бангладеш, Иран, Азербайджан, некоторые республики Средней Азии, где отмечается 3,5% демографического роста ежегодно и где практически исчерпаны собственные резервы выживания, представляют или скоро будут представлять угрозу для сопредельных государств, регионов, человечества. Последнее, очевидно, внесет свои коррективы в наличные конфигурации силовых линий, повлияет на процессы блокообразования.

Независимо от политической и экономической конъюнктуры предпочтительней вариант, предусматривающий

Суверенное развитие России — следствие благоприятного стечения объективных факторов и субъективных причин. Объективные факторы: изменение природной, климатической ритмики, возможно, ухудшит положение Китая, США и улучшит обстановку в России. Россия, занимающая 1/8 мировой суши и ныне являющаяся основным биорезервуаром человечества, в ближайшей перспективе может стать мировой житницей. Субъективные причины: усиление реформационной роли государства как регулятора производства, распределения (в переходный период), инстанции, управляющей ценовыми пропорциями, налоговым, дотационным механизмом, связывающей свободные средства (ср. с германскими реформами Эрхарда), ликвидирующей диспаритеты, дисфункции. Нерв деятельности — не обожествление рынка, а разумное сочетание рыночных и планово-регулирующих начал, позволяющее наращивать производительность труда, увеличивать долю прибавочного труда, развертывать инвестиционный комплекс.

Благоприятная комбинация данных факторов и причин позволит сплотить российский этнос вокруг идеи величия России, воспрепятствовать торжеству "грядущего хама", падкого на деструкцию, тривиальную социальную поножовщину, о которой герой Лескова метко сказал: "Да, да, нелегко разобраться, куда мы продвигаемся, идучи этак на ножах (через социальную или криминальную революцию. — авт.), которыми кому-то все путное в клочья хочется порезать; но одно только покуда во всем этом ясно: все это пролог чего-то большего, что неотразимо должно наступить". Пускай же в России неотразимо, наконец, наступит что-то светлое, чаемое.

³ См.: Ильин В.В., Панарин А.С. Цит. соч. С. 52.

ЧАСТЬ I

ПАНОРАМА ОТЕЧЕСТВЕННЫХ РЕФОРМ

Для целей нашего изложения уместно различать реформационную и инновационную деятельность. Реформа — направленное, радикальное, фронтальное, всеохватывающее переустройство (или планируемая модель такового), предполагающее изменение порядка сущностного функционирования социальной структуры, обретение ею принципиально иного фазового состояния⁴. Инновация — рядовое, однократное улучшение, связанное с повышением адаптационных возможностей социального организма в данных условиях. Отличие первого от второго в пространственно-временной масштабности, объемности, глубине, основательности, системности преобразовательных акций и трансформационных эффектов. Реформационная деятельность выступает одной из аналитически устанавливаемых разновидностей инновационной деятельности, более широкой (богатой) по содержанию и более узкой по объему; всякая реформация является инновацией, но не наоборот. В одном случае воплощается намеренная активность на устройство, в другом — на обихожение институтов. Под углом зрения проведенного различения составим панораму российских реформ.

Древняя Русь. Проблема российских реформ — изначально острая. Достаточно задаться вопросом "откуда есть пошла земля русская"? В эпицентре осмысления его (вопроса) памятная карамзинская констатация удивительного, едва ли не беспримерного в летописях случая: "славяне добровольно уничтожают свое древнее правление и требуют государей от варягов, которые были их неприятелями. Везде меч сильных или хитрость честолюбивых вводили самовластие (ибо народы хотели законов, но боялись неволи): в России оно утвердилось с общего согласия граждан..."⁵.

Принимаемое Н.М.Карамзиным на веру (в примечаниях подчеркивается: "так ли было действительно, не знаем; но так говорит летописец. Истину знали верно одни современники"⁶), летописное свидетельство буквально ввергает нас в пучину конфронтующих спекуляций. С позиций замшелого норманизма, славяне как неспособный к автономному гражданско-государственному общежитию народ требуют иностранной опеки. Выстраивается уничижительный ряд: приглашение на княжение варягов, массовый завоз из зарубежья венценосных особ, сановных лиц, бюрократии, не имеющая альтернатив вестернизация. С позиций мелководного популизма, исходная реформаторская инициатива — знаменательный народный выбор — накладывает печать на весь ход российской истории. Глас народа — глас Божий, откуда — народническая схема преобразований в духе почвенного экономического романтизма, модернизации традиционного солидаризма (артель, община)...

Когда роль факта в рассуждении непомерно значима, правильно исследовать существо факта. Способ получения историей фактов двоякий: это — археология и источники. В нашем случае, поскольку факт имеет источниковую природу, нельзя уклониться от критики источников.

Обстоятельную критику источников (главным образом "Повести временных лет", хотя соответствующую процедуру, видимо, допустимо проделать и с иными текстами), на которые опирался Карамзин, провел В.О.Ключевский, поставивший под сомнение старую привычку (свойственную, кстати, и Н.И.Костомарову) "слепо и с верою держаться известий в том виде, в каком они передаются летописными источниками, мало вникая в то, что самые источники, по разным причинам, нередко являются лживыми, даже без умышенного обмана"⁷.

⁴ Подр. см.: Ильин В.В., Панарин А.С. Цит. соч. С. 59.

⁵ Карамзин Н.М, История государства российского. Т. 1. М., 1989. С. 93.

⁶ Там же. С. 240.

⁷ Костомаров Н.И. Автобиография. М., 1922. С. 364.

Не воспроизводя аргументы и суммируя критику, ассоциируем соображения Ключевского в две группы доводов. Первая — историко-хронологическая.

а) Хронологические указания в "Повести" являются лишь с 852 г., но не потому, что она "имеет что-нибудь сказать о славянах под этим годом: она не помнит ни одного события, касавшегося славян в этом году... вся статья под этим годом вставлена в повесть позднее чужой рукой"⁸.

б) "...Первое русское известие, помеченное в "Повести" годом, таково, что его нельзя приурочить к какому-либо одному году: а именно под 859 г. "Повесть" рассказывает о том, что «...варяги брали дань с северных племен, а хазары с южных. Когда началась та и другая дань, когда и как варяги покорили северные племена, о чем здесь узнаем впервые, — об этом "Повесть" ничего не помнит"⁹.

в) "Еще более неловко поставлен 862 г. Под этим годом мы читаем длинный ряд известий: об изгнании варягов и усобице между славянскими родами, о призвании князей из-за моря, о прибытии Рюрика с братьями и о смерти последних, об уходе двух бояр Рюрика, Аскольда и Дира, в Киев из Новгорода. Здесь под одним годом, очевидно, соединены события нескольких лет: сама "Повесть" оговаривается, что братья Рюриковы умерли спустя два года после их прихода"¹⁰.

В качестве вывода подытоживание: "Хронологические пометки, встречающиеся в "Повести" при событиях IX в., не принадлежат автору рассказа, а механически вставлены позднейшей рукой"¹¹. Фактически последующие историки имели дело не с аутентичной летописью, а с летописным сводом, составленным из "Повести временных лет" (вероятное написание до 1054 г.); Сказания о крещении Руси, помещенного в своде под годами 986—988, но исполненного скорее всего в начале XII в.; Киево-Печерской летописи, охватывающей события XI и XII вв. до 1110 г. включительно. Свод этот изобилует пустотами (княжение Игоря), вкраплениями из иных текстов (хронограф Амартола, греческие переводные и южно-славянские произведения, первые опыты народной повествовательной письменности), инкорпорациями фольклорного, былинного, притчевого материала из национального эпоса (хождение Игоря за данью, смерть князя, акты Ольгиной мести и др.).

Вторая группа доводов концептуально-теоретическая. Основы государственности с доктринальной точки зрения проистекают из признания власти силы властью по праву. Согласно одному из авторов норманской теории Шлёцеру, поворот от силы к праву на древней Руси произвели варяги, привнесшие в общественные взаимодействия цивилизую нормосообразность. Такая трактовка, однако, абсолютно беспочвенна. Начать с того, что приглашение на княжение — заурядное, рутинное явление древне-русской жизни, имевшее всеобщее, народное конституирование. Некие трудности на этот счет, к слову сказать, испытывал Святополк, который, по старшинству рождения рассчитывая на киевский престол, добивался признания киевлян, утверждавших его законные притязания народным согласием. Итак, приглашение — крайне вероятный факт, но почему приглашение инородцев? Повесть о начале Руси ставит следующее сказание. Еще в до рюриковы времена "варяги как-то водворились среди новгородцев и соседних с ними племен славянских и финских, кривичей, чуди, мери, веси, и брали с них дань. Потом давники отказались ее платить и прогнали варягов... Оставшись без пришлых властителей, туземцы перессорились... не было между ними правды, один народ восстал на другой и пошли между ними усобицы". Утомленные ими "туземцы собрались и сказали: "поищем себе князя, который бы владел нами и судил нас по праву" (так в лаврентьевской летописи. — Авт.). Порешив так, они отправили послов за море к знакомым варягам... приглашая желающих... прийти владеть пространной и обильной, но

⁸ Ключевский В.О. Сочинения: В 9 т. Т. 1. М., 1987. С. 96.

⁹ Там же. С. 96—97.

¹⁰ Там же. С. 97.

¹¹ Там же

лишенной наряда земель"¹². По обращении пришли Рюрик, Синеус и Трувор, принявшие власть соответственно в Новгороде, на Белоозере и Изборске. Далее из рассказа явствует, что князья-братья, усевшись на местах, начали "города рубить и воевать всюду". Самый характер государственной деятельности приглашенных (строительство пограничных укреплений, подавление бунтов оскорбленного населения и т.д.) говорит "не о благодушном приглашении чужаков властвовать над безнарядными туземцами, а скорее о военном найме. Очевидно, заморские князья с дружиною призваны были... для защиты страны от... внешних врагов и получали определенный корм за свои сторожевые услуги. Но наемные охранители, по-видимому, желали кормиться слишком сытно...поднялся ропот среди плательщиков корма, подавленный вооруженной рукою. Почувствовав... силу, наемники превратились во властителей... свое наемное жалованье превратили в обязательную дань с возвышением оклада. Вот простой прозаический факт... скрывающийся в поэтической легенде о призвании князей: область вольного Новгорода стала варяжским княжеством"¹³. Идея власти перенесена с почвы силы на основу права, "и вышла очень недурно комбинированная постройка начала Русского государства"¹⁴.

Каковы причины столь, в общем, безупрочной постройки?

а) "...Сказание о призвании князей, как и все древнейшие предания о Русской земле, дошло до нас в том виде, как его знали и понимали русские книжные, ученые люди XI и начала XII в., к которым принадлежали неизвестный автор "Повести временных лет" и игумен Сильвестр, составитель начального летописного свода... В XI в. варяги продолжали приходить на Русь наемниками, но уже не превращались... в завоевателей, и насильственный захват власти, перестав повторяться, казался маловероятным"¹⁵.

б) "...Русское общество XI в. видело в своих князьях установителей государственного порядка, носителей законной власти, под сенью которой оно жило, и возводило ее начало к призванию князей. Автор и редактор Повести... не могли довольствоваться уцелевшими в предании малоназидательными подробностями того, что случилось некогда в Новгороде: как мыслящие бытописатели, они хотели осмыслить факт его следствиями, случай осветить идеей"¹⁶. Поскольку юридическим моментом возникновения государственности, как отмечалось, является трансформация власти силы во власть по праву, идея подобной "правомерной власти и внесена в легенду о призвании"¹⁷.

в) Сказание о призвании князей с идейным комплексом "владеть и судить по праву" — "совсем не народное предание: не носит на себе его обычных признаков: это — схематическая притча о происхождении государства"¹⁸, стереотипная, популярная школьная формула правомерной, легальной, гражданской власти.

Безнадежно заблуждался Аристотель, полагая, будто нечто в прошлом не может быть предметом сознательного выбора: так никто, дескать, не разрушает Илион, ибо о прошедшем не принимают решений, их принимают только о будущем и о том, что может быть, а прошедшее не может стать не бывшим, потому, мол, прав Агафон:

"Ведь только одного и богу не дано

Не бывшим сделать то, что было сделано"

Напротив, прошлое — арена борьбы. Кто контролирует прошлое, контролирует будущее. Кто контролирует будущее, контролирует настоящее. Контролирующий прошлое, следовательно, контролирует настоящее. Он контролирует реально живущих

¹² Ключевский В.О. Цит. соч. С. 152.

¹³ Там же. С. 153.

¹⁴ Там же. С. 155.

¹⁵ Там же.

¹⁶ Там же.

¹⁷ Там же.

¹⁸ Там же.

людей. Отсюда стремление властвующих запускать руки в прошлое, оповещая присутствующих о том или ином событии, в силу чего и как именно. Такая прерогатива, замечает Оруэлл, "нестрашнее, чем пытка или смерть"¹⁹. Власть над прошлым влечет насилие над временем, позволяет произвольно разрушать Илион, влиять на фактические потребности текущей минуты. Это крайне опасная деструктивная власть, долженствующая быть исключенной из актива социального созидания.

Оценка норманнской теории обнажает ее полнейшую предвзятость, несостоятельность. Образование древнерусского государства — капитальный естественный реформационный процесс на рубеже IX—X вв., обусловивший возникновение качественно новой социальности. У населявших Карпаты в VII—VIII вв. восточных славян государственности не было. Исходной формой общежития у них выступали роды и дворы. Под влиянием кристаллизующихся экономических интересов, налаживания торговли, необходимости обороны, хозяйствования в сложных погодных условиях усиливается родовая сплоченность славян. Выживать можно лишь сообща. Выходившие из общинной сферы в неукрепленные починки и заимки смерды оказывались легкой добычей кочевников, бандитов, соплеменных князей и дружинников. Задолго до появления варягов, по свидетельству Нестора, с основанием Киева обозначается государственная организация княжества полян (среднее Приднепровье). К ней тяготеют сходные поселенческие организации (конгломерация дворов перерастает в город с укрепленной окрестностью — особая экономическая, торговая, военно-хозяйственная единица) древлян, дреговичей, полочан, новгородских словен, северян. Даже если без всякой критики принять "сказание о призвании князей" в целом, окажется, что варяги способствовали оформлению государственности лишь на северо-западной славянской окраине. Составлявший же ядро союз славянских племен, набиравший крепость с градостроительства легендарного Кия, складывался автономно без ощутимого влияния пришельцев.

Основные вехи естественной, растянувшейся на века, капитальной, повлекшей образование древнеславянской государственности реформы таковы:

- а) оформление союза славянских племен с возвышением Киева (деятельность полуэпического Кия);
- б) переход княжения в Киеве и Новгороде под юрисдикцию одного князя (князь Олег);
- в) расширение границ киевской Руси за Днестр, подчинение уличей, тиверцев (князь Игорь);
- г) подчинение Киеву древлянской земли (княгиня Ольга);
- д) присоединение земель вятичей, территорий на северном Кавказе, карпатской Руси (князья Святослав Игоревич, Владимир Святославович).

Окончательное складывание государственности (планомерное превращение городов из торговых в военно-политические центры, государственные территории) стимулировало принятое в княжение Владимира Святославовича христианство (988—989 гг.). Новая религия, отменяя язычество, приобщая к мировой культуре, поощряла идейную, духовную, культурную консолидацию расселенных на Восточно-Европейской равнине древних славян. Если бы не христианский монотеизм, славян ожидал неминуемый мировоззренческий кризис: плюрализм языческих святынь ввергнул бы их в междоусобные ценностные конфликты. Унитарная же аксиологическая платформа жизни придала импульс государствообразованию. (На данном эпизоде видно, сколь важно для славянского мира наличие духовного единства, сплачивающей идеологии.)

При выверенном толковании хода государствообразующей реформы сами собой отпадают спекуляции как о русской бесшабашной вольнице, так и искони рабской

¹⁹ Аристотель Соч. В 4 т. Т. 4 М., 1984 С 246 Оруэлл Дж "1984" и эссе разных лет М., 1989 С 41

русской натуре, якобы препятствующей устроению национальной гражданско-политической жизни.

Объединение русских земель под эгидой Москвы, образование национального централизованного государства в XIV—XV вв.

Почти трехвековой период российской истории с начала XIII по

XV столетие в социально-экономическом, державном и культурном отношении — этап крайне неблагоприятный. Старая киевская Русь Ярослава и Владимира Мономаха прекратила существование под действием как внутренних, так и внешних обстоятельств.

Внутренние обстоятельства — утверждение удельного порядка. Ранее порядок княжеского владения определялся очередью старшинства. Всеволод впервые изменил норму, отдав первенство младшему сыну. С XIII в. в Суздале утверждается иная формула наследования — по прямой нисходящей от отца к сыну. В старой киевской Руси владения, передаваемые по старшинству, именовались волостями (наделками), находившимися во временном пользовании и распоряжении. Внедренный Всеволодом новый регламент наследуемого владения вел к образованию вотчин (уделов) — отдельных постоянных наследственных земель. Удельный порядок ("княжение на уделе") в противовес очередному ("большое княжение по роду, старшинству") заметно трансформировал стиль жизни. Схема старшинства и очередности влекла солидарные отношения рассредоточенных по пространству родственников; переход к оседлости обуславливал отчуждение князей, их культурное, державное одичание. В отсутствие идеи русской земли, единого, общего национального дела происходило измельчание государственной практики и государственного же сознания. Подобную деградацию усиливало естественное дробление земель при потомственной передаче наследства. Земельное и политическое дробление древней Руси означало ее варваризацию.

Внешние обстоятельства — колониционный натиск на Русь буквально по всем сторонам горизонта. На Юге половцы занимают северное Причерноморье, Византия — часть Крыма; на Западе венгры захватывают карпатскую Русь, полоцкая земля оказывается вассалитетом Литвы, провал крестовых походов намечает новую северо-восточную линию экспансии европейского (немцы, датчане, шведы) рыцарства; юго-западная Русь (Украина) с середины XIV в. попадает под власть Польши и Литвы, Молдавия оккупируется монголами, затем венграми; с Востока на Русь вторгаются монголы. Печальные следствия этого — утрата позиций Руси в зонах Причерноморья, Крыма, северного Кавказа, Прибалтики, Галиции, Поволжья, Средней Азии.

Россия проигрывает тогда, когда ослабляется политически. Освобождение земель от киевской великокняжеской власти вследствие утверждения удельного порядка владения повлекло бесконечный непоправимый упадок древней Руси. Значение центральной власти в России колоссально. Любой ее подрыв, подтачивание влечет национальную гибель. И это хорошо иллюстрирует обстановка того периода: разрушение политического единства державы, феодализация, членение на уделы (ср. с этно-политической феодализацией в наши дни) привнесли разобщение сил страны, распыление потенциала народа, потворствовали утверждению иноземного ига. Последнее, сдерживая экономическое развитие (иные толкования результатов монголо-татарского нашествия на Русь представляются нелепыми), подрывая культуру, хозяйство, торпедируя рост городов, ремесел, торговли, породило капитальную для Руси проблему политического и социально-экономического отставания от Европы. В 250-летнем порабощении Руси монголо-татарскими захватчиками скрыт корень исходно печальной российской проблемы "догнать..."

Экстенсивно централизованное самодостаточное государство на Руси складывалось за счет территориального роста московского княжества. Иван Калита, Василий II Темный и Иван III в борьбе за великое княжение последовательно присоединяли к Москве Мещеру, Тарусу, Муром, Нижний Новгород, Суздаль, Новгород, Карелию, Прикамье, северное Приуралье, Тверь, Вятку, Пермь. В 1499, г. осуществляется

подчинение Югры; строительство крепости на Печоре знаменует первый шаг колонизации Севера и Сибири. После разгрома Золотой Орды Тимуром (1395 г.) Москва прекращает платить монголам дань. Окончательное внутреннее объединение русских земель и свержение иноземного ига датируется 1480 г.

Интенсивно усиление Москвы происходит как объективная необходимость достижения политического единства Руси, без которого немыслима борьба за свободу. Стратегия обретения независимости предполагала обособление сильного центра с общедержавными полномочиями. Поскольку династические тенденции московских князей совпадали с государственными потребностями великорусского населения, общенациональные функции народного освобождения приняла на себя Москва²⁰. Значение собирания земель вокруг Москвы огромно, состоит в политической консолидации великорусской народности, придании национальному державного выражения. Данное обстоятельство трансформирует статус Москвы: до сих пор она — один из уделов северной Руси, теперь она становится уделом единственным и общенациональным²¹.

Вторая супруга Ивана III Софья Палеолог перенесла в Москву державные права византийского дома, славянский город оказался политическим, церковным преемником византийской империи, новым Царьградом. Московская власть обрела независимую от какой бы то ни было сторонней силы самодостаточность. Избавившись от отношений вассальности, московский князь наполняется сознанием независимого государя. С данного рубежа возникает атрибутика царства. Иван III начинает титуловаться не просто Иваном, а выпренне "Иоанном, Божию милостью - государем всея Руси". На гербе появляется восточно-римский двуглавый орел, имя "боярин" становится величайше жалуемым саном, вводится чиновная иерархия (окольничие), учреждаются приказы с дьяками. Становясь государем, самодержцем, великий князь в поведении культивирует приличествующие его положению черты снисходительной медлительности, подчеркнутой неторопливости. Право наследования Иван III заменил актом самовластья, что рельефно демонстрирует эпизод 4 января 1498 г. с венчанием на царство не сына, а внука. В Успенском соборе 15-летний Дмитрий был коронован на Русь шапкой Мономаха и бармами. Впрочем, это не воспрепятствовало его последующей опале с передачей трона сыну Василию. Очевидная деспотическая самочинность, абсолютизм усиливается в случае женитьбы Василия, подбор спутницы жизни которого проходил вполне волюнтаристски через приказной просмотр 1500 девиц с выбором лучшей. Этот брак, обобщает Костомаров, "имеет вообще важное историческое значение по отношению к положению женщины в московской стране. Брак этот способствовал тому унижению и затворничеству, которое составляло резкий признак домашней жизни высших классов в XVI и XVII вв. Прежде князья женились на равных... с тех пор, как государи стали выбирать себе жен стадным способом, жены их хотя и облекались высоким саном... в сущности не были уже равны мужьям... государь выбирал (жену. — Авт.) по произволу, государь мог и прогнать ее: вступаться в ее права было некому"²².

Централизация земель вокруг Москвы с образованием единого общенационального великорусского государства — неизгладимая веха российской истории. Фактическая ликвидация удельного права, формируя державное самосознание народа, укрепляя национальные традиции, культурно-исторические святыни,, активизировала, довела до победы освободительную борьбу поработенной страны. Одновременно реализованный на Руси регламент государственной централизации при сопоставлении его с однопорядковыми западноевропейскими движениями оказывался

²⁰ Также см.. Ключевский. В.О. Соч. Т 2. М., 1988. С. 97

²¹ См.: Там же. С. 107

²² Костомаров Н.И. Русская история в жизнеописаниях ее главнейших деятелей. М., 1990. С. 306—307

далеким от желательного.

1. Централизация через упрочение абсолютизма в России преимущественно свелась к установлению самочиния — волюнтаристского единоначалия, деспотического произвола, но не законосообразной власти. Как подмечает Костомаров, "возвышая единовластие, Иван не укреплял его чувством законности. По произволу заключил он сначала в тюрьму сына, венчал на царство внука, потом заточил внука и объявил наследником сына; этим... он создал правило, что престол на будущее... зависит не от какого-нибудь права, а от своенравия лица, управляющего в данное время государством, правило, сродное самому деспотическому строю, и вовсе не представлявшее прочного залога государственного благоустройства и безопасности". Развал законосообразности в опоре на слепую и тупую силу (идуший именно отсюда, а не от пресловутой впитываемой с молоком матери национальной вольницы), стимулируя на одной стороне господство, на другой подчинение, тлетворное самодурство и раболепие, атрофировал искомое приближение к законной власти. Центральная власть, попирая нормы, устои, формировалась и действовала незаконно; лишенный правосознания, чурающийся собственной власти народ формировался и действовал безнарядно.

2. В Англии, Франции и России с известным временным сдвигом по фазе наблюдаются сходные явления. В середине XIII в. Англия борется с иностранным засильем в стране. Франция в начале XIV в. активно противостоит папской власти. Россия в XIII—XV вв. ведет войну с татаро-монгольскими захватчиками. Все очень похоже. Но вот нюанс. В Англии с принятием Оксфордских (1258) и Вестминстерских (1259) провизии, учреждением триумvirата Монфора (1265) и созванным им собранием утверждается парламент. Во Франции созванное Филиппом IV для сплочения народа против папства общенациональное совещание (Генеральные штаты, 1302 г.), равно как в Англии, дает начало феодальной монархии с сословным представительством. В Англии и Франции, следовательно, консолидация нации для отпора внешнему врагу идет через внутреннюю демократизацию.

Ничего близкого в России. 1478 и 1480 гг., фиксирующие этапы покорения новгородской вольницы, свидетельствуют о противоположном. Рычагом противостояния иноземной силе является ужесточающийся абсолютизм. В России, таким образом, консолидация нации в борьбе с внешним врагом идет через внутреннюю антидемократизацию. Здесь складывается абсолютная монархия с правительственным персоналом. К нему должна быть отнесена и Боярская Дума, по существу никогда не выполнявшая функций общенационального сословно-представительного органа. Может ли при оккупации быть демократизация, насколько деспотическая реакция как средство подавления сепаратизма универсальна, выяснится ниже. Пока же обратим внимание на указанное симптоматическое отличие протекания, казалось бы, сходных процессов в России и Европе.

3. Централистский процесс не вполне снял проблему удельного права. Упраздненная содержательно, она оказалась нерешенной формально. Когда государей много, велико нестроение. Но даже Иван IV в духовной 1572 г., назначая преемником старшего сына, отказывая ему царство русское, выделил удел другому сыну Федору. Верховная власть и государственная территория должны быть нераздельны. Сие принималось как умственный императив, но не практика. Атавистическое наделение второго сына полномочиями удельного князя плодило на Руси многократную смуту. Все это результат юридически, законодательно неоформленных властных порядков, действующая по фамильной, а не державной логике. Первая в российской истории неизменно подрывала вторую.

4. Положительно полноценно не был решен вопрос единства нации. Удельные века разбили русскую народность на юго-западную и северо-восточную половины. Совершенно справедливым политическим притязаниям Москвы на находившиеся под юрисдикцией Венгрии, Польши и Литвы юго-западные земли, однако, не суждено было

повлиять на реальность. Так в веках вызревало, пожалуй, достигшее своего пика ныне мучительное отчуждение Украины от России.

"У России, — отмечает Ключевский, — общие основы жизни с западной Европой, но есть свои особенности"²³. Последние, обуславливая способ укоренения русского государства в XVI в., предопределяли его последующее развитие.

Экстенсивное хозяйствование в западной Европе практически самоисчерпалось. Об этом свидетельствовали повсеместные крестьянские войны, демонстрировавшие пределы народотерпения в производстве прибавочного продукта в теснинах заскоруждой феодально (фольварочно)-барщинной основы деятельности. Данное обстоятельство наложило отпечаток на континентальную страновую динамику.

Нидерланды, Англия, отчасти Франция тяготеют к капиталистическому (английское новое дворянство) либо полукапиталистическому товарному производству (та или иная степень освобождения крестьян от личной крепостной зависимости, обретение права сравнительно свободного распоряжения хозяйством при выплате феодальных повинностей). В Италии вследствие феодальной раздробленности, неблагоприятной экономической конъюнктуры (неконкурентоспособность суконной, военной промышленности, кораблестроения), перемещения торговых путей из Средиземноморья в океаны наблюдается общий политический и промышленный спад, повлекший иностранное завоевание (испанское иго). Испания с ее отсталым сельским хозяйством делает ставку на аннексию (политика Карла I), вскоре, правда, лопающуюся (ситуация при Филиппе II, Филиппе III). В отсутствие свободного рынка внутренне слабо связанные Германия, Польша, Литва, Швеция также упирают на экспансионизм, спрягая экономическую перспективу с походом на Восток. Как видно, большинство европейских стран (за исключением главным образом Англии и Нидерландов), опутанных цепями феодальных отношений, с целью обеспечения расширенного воспроизводства уповают на захват (Испания, Германия, Польша, Литва, Швеция). Неспособные вести захватническую политику (Италия) попадают в зависимость.

Для России, где к XVI в. каких бы то ни было предпосылок капиталистических отношений не сложилось, возникла двойная задача: ведя фронтальную борьбу за суверенитет на северо-западе, форсировать колонизацию на юго-востоке. Иных путей выживания не находилось. Магистралью странового развития России выступала юго-восточная колонизация, влекущая консервирование экстенсивного (феодально-патриархального) способа обеспечения существования. Всякий пытающийся непредвзято оценивать геополитические перспективы России, не может не признать данной особенности: являясь линией российского странового жизнеобеспечения, юго-восточная линия одновременно выступала линией блокирования его (жизнеобеспечения) интенсивного развития.

Освоение новых земель русскими, учитывая масштабы крайне разреженного юго-восточного направления, осуществлялось тактикой не расселения (давление демографического пресса в замкнутом геополитическом контуре), а переселения. Снимавшиеся с мест колонисты навечно разлучались с прежними районами жительства. Занимая новые территории, перенося в них более высокие производительные уклады, сливаясь с аборигенами, испытывая влияние региональных факторов, они (колонисты) добивались получения необходимого для наращивания качества жизни прибавочного продукта. Но достигали этого экстенсивным способом. Принимая во внимание пространства, ресурсы заселяемых площадей, ловишь себя на мысли, что какой-то чрезвычайности в интенсификации производства просто не было. Сдерживая колонизационный натиск западно- и центральноевропейских держав, фактом своего бытия Россия стимулировала интенсификацию их развития; сама же, не сковываемая внешней силой в колонизационном порыве, она еще очень долго оказывалась не в

²³ Ключевский В.О. Письма. Дневники. М., 1968. С. 264.

состоянии исчерпать возможностей экстенсивного типа странового движения.

Реформы середины XVI в. Борьба царя, государя, монарха с аристократией — стержень политической истории России. С удельной системой, плодотворной для своекорыстной княжеской и боярской своры боролся Иван Калита, Василий Темный, Иван III. Недостатки местничества — атавизма мифологического сознания, мыслящего не логическими сочетаниями, а символическими обрядовыми образами и действиями, и устанавливающего порядок назначения на посты не в соответствии с личными качествами, подготовкой, талантом, а с относительным служебным значением фамилий (сакрализация генеалогии, выраженная в местническом отечестве, — унаследованном значении лица к другим лицам), начал ощущать уже Иван III при руководстве армией. Неотлаженность отношений "престол—боярство" в полной мере прочувствовал на себе Иван IV, в малолетстве своем при регентстве Елены Глинской столкнувшийся с сильнейшей усобицей (дворцовая свара Шуйских—Бельских). В обстановке верхушечных интриг, заговоров, переворотов, бесконечных усобиц, нарастающего антифеодального народного движения⁷ требовалась реформа центральной и местной власти, призванная преодолеть кризис, укрепить царскую власть, ограничить самовластие боярства, привести в правящие верхи элемент согласия. Этим и озабочилось правительство Ивана IV в лице "избранной рады" — кружка доверенных лиц в составе Адашева, Сильвестра, Макария, Курбского.

В 1549 г. созывается Земский собор — первое собрание представителей верхушки господствующего класса, которое и знаменует создание сословно-представительной монархии в России. (По временному показателю отставание от соответствующих акций выражается в случае Англии — 284 г., Франции — 247 лет, Польши (Радомская Конституция 1505 г.) — 44 года.)

В 1549—1550 гг. на время военных действий с целью повышения боеспособности армии, укрепления единоначалия ограничивается (не отменяется!) местничество. С ущемлением ценза породы снялась (пока локально) несвобода верховной власти "в самой щекотливой ее прерогативе, в праве подбора подходящих проводников и исполнителей своей воли: она искала способных и послушных слуг, а местничество подставляло ей породистых и зачастую бестолковых неслухов"²⁴.

Реорганизация отрядов пищальников в отряды стрельцов дает начало формированию регулярного обученного войска.

Запросы власти в расширении слоя надежных служилых людей из дворянства повлекли развитие поместного владения. Более чем тысяче дворян выделены земельные наделы.

Для оперативности управления страной архаичная дворцово-вотчинная система заменялась системой отраслевых и областных (Поместный, Разрядный, Посольский, Стрелецкий, Разбойный, Земский, Казанский) приказов. Направленность данных мероприятий — ликвидация пережитков феодальной раздробленности в управлении, подрыв положения наследственной аристократии, перераспределение властных полномочий в пользу верноподданного дворянства (судебная, губная, земская реформы, замена наместников, волостелей, кормленщиков лицами, органами дворянства и крестьянства), расширение социального базиса власти посредством относительной демократизации (выборность "излюбленных голов", целовальников из посадской, крестьянской среды). Все это, усиливая абсолютизм, обслуживало интересы центральной власти, внутренняя стабилизация которой проинициировала ее геополитическую активность.

В 1551 г. строится военная база-крепость Свияжск — форпост юго-восточного колониального потока. В 1552 г. берется Казань. В 1556 г. ликвидируется Астраханское Ханство. (Россия воевала не с татарским этносом, как ныне подчас

²⁴ Ключевский В.О. Курс русской истории // Соч. Т. 2. С. 146.

подается, а с поддерживаемыми Турцией обломками Золотой Орды — Казанским и Астраханским ханствами, эксплуатировавшими и Русь и народы среднего Поволжья — мордву, удмуртов, мари, чувашей, татар. Геополитически Турция традиционно поддерживала все и всякие антирусские тенденции. В настоящее время под видом духовно-культурного сотрудничества производится... экипировка казанской милиции. Что бы сказали, если под столь же невинным предлогом Россия проводила бы экипировку курдских отрядов?) В 1557 г. Большая Ногайская Орда признает вассалитет от Руси. В том же году к России добровольно присоединяются ногайские башкиры. Иван IV гарантирует им право на землю, экономическую деятельность. (Примечательный штрих русской колонизации — она несла свободу, льготы, создавала условия беспрепятственного роста народов — в данном случае народов Поволжья, Южного Приуралья.) Устройство тульской и иных засечных линий обеспечивает предпосылки притока населения в интегрируемые районы. В основном это беглые, вольные крестьяне из центрально-русских земель и казаки. Беглые и вольные как людской ресурс, движущая сила колонизации — принципиальная особенность отечественной юго-восточной экспансии, по определению нерепрессивной, некровопролитной. Освобожденная Волга приобретает значение национальной стратегической водной артерии.

Широкомасштабная колонизация на юго-востоке, борьба с Ливонией, Литвой, Швецией в Прибалтике требовали постоянного притока служивых людей, они требовали, следовательно, расширения поместной системы — этого испытанного инструмента укрепления блока власти и аппарата. Так как резервы свободной земли истончились, Иван IV разыграл неординарную партию перераспределения наделов. Последнее составило суть опричнины, призванной за счет отбора земель у боярства и передачи их в руки лично преданных царю дворян, во-первых, экономически разгромить титулованную олигархическую знать, а во-вторых, расширить корпус адептов единодержавия из числа заинтересованных слоев общества. (Из этих стандартных шагов складывается тактика любой реформации: 1) через демократизацию изживаются пережитки; 2) через расширение среднего класса — социально ответственных страт — упрочаются позиции действующей в рисковом режиме власти.)

Связанная с ущемлением интересов земельная редистрибуция проводилась огнем и мечом, методом террора, жестоких репрессий. Избежать их позволила бы интенсификация юго-восточной колонизации, на своем пути встречавшая, однако, два препятствия. Первое — антагонистичность, повышенная конфликтогенность русского общества, раздираемого классовыми (феодалы — крестьяне) и внутриклассовыми (пикировка ветвей и институтов власти) противоречиями. Второе — наличие внешней угрозы на северо-восточных рубежах. Через насилие Иван IV вынужденно укреплял абсолютизм, прибегая к карательным мерам против собственной бюрократии. Последнее также инициировало вполне шаблонный для таких казусов способ действия — компрадорство (план захвата царя, замены его Владимиром Старицким, переход под эгиду Польши). Антипатриотизм — финальный и летальный ход, всегда многократно усиливающий остроту, затратность социальной конфронтации. Ответ на него один — ужесточение становящихся как бы оправданными (национально-патриотическая карта) казней. В одних только новгородских землях в опричнину было уничтожено несколько десятков тысяч людей.

Осязаемыми итогами реформ Ивана Грозного явились:

1. За счет наступления на привилегии родовой знати оформление неограниченного тираничного, деспотического самодержавия, замена боярства дворянством.

2. Обозначение геополитических векторов державного роста — борьба за выход к Балтике (ливонские войны) (дело, удачно подхваченное Петром и столь бездарно проваленное образца 1991 г. августовскими самозванцами), укрепление позиций страны на юго-востоке (присоединение Западной Сибири, Кабарды, расширение сферы влияния

на Кавказе).

3. Контакт с миром — установление дипломатических связей с Англией, Испанией, Нидерландами, Венгрией, Турцией и др., налаживание торговли с Европой (через Архангельск), Средней Азией, Кавказом, Ираном (через судоходство по Волге).

4. Дальнейшее закрепощение крестьян ("заповедные лета", отменяющие право перехода в Юрьев день), повлекшее в скором времени наряду с войнами депопуляцию, сокращение возделываемых площадей, расстройство хозяйства.

5. Членение государства на опричнину и земщину, обусловливая укрепление абсолютной власти через понижение статуса высшей власти и повышение статуса власти среднего и местного уровня, препятствовало экономическому и политическому сближению русских земель.

6. Политика ужесточения гнета в отношении собственного народа адекватно не трансформировала колониционную политику. Быстрота и легкость завоевания Сибири объясняется выгодным контрастом новой власти относительно имеющейся (сибирского хана Кучума). По покорению Сибири тот же Ермак "начал себя открывать" не как захватчик, оккупант, а как "милостивый государь, который тем доволен, что подданные безобидно принести могут"²⁵24.

7. В царствование Ивана IV юридически так и не решен обостренный в" правлении Ивана III вопрос о престолонаследии. Многие великие противоречия между трон и боярством оттого продолжали иметь нерациональную политическую, а нерациональную (и потому неустрашимую) династическую подоплеку.

8. Оставался невыработанным законодательный регламент власти, канализирующий полномочия самодержавия. Де-факто престол признавал правительственный класс — аристократическую организацию, которая в инициативах своих зачастую не оправдывала его ожиданий. Антагонизм верхов, несомненно, бросал негативную тень на весь строй отечественной политической истории. Выстраивается характерная цепочка, образуемая звеньями: Иван Кали-та, Василий II, Иван III, Иван IV, Федор, Петр, Павел, Александр I, ну, и так далее, где именным переменным в левой части противостоит в правой константа олигархического аппарата.

9. Переход на странный форсаж, форсмажорный темп жизни, сопровождающийся колоссальными социальными и экзистенциальными издержками. Возможно, прав Ключевский, утверждая: "Жизнь московского государства и без Ивана устроилась бы так же, как она строилась до него и после него, но без него это устройство пошло бы легче и ровнее... важнейшие политические вопросы были бы разрешены без тех потрясений, какие были им подготовлены"²⁶.

10. Отсутствие правовых уложений власти, оперативный властный беспредел (неограниченное правом поле реализации власти), безрегламентность иерархии управленческих институтов (законодательная неуточненность полномочий структур в пирамиде власти) породили неправовой тип управления страной на базе тягловой сословной системы. Основу социальной интеракции конституировала повинность, выхолощенная в гражданском и правовом смысле (трудно удержаться от параллелей с противоправным тоталитаризмом).

Реформы Петра I. Целенаправленное проведение реформ — специализированных инновационных предприятий протекает как ряд выпуклых мер, стабилизирующих военное, хозяйственное, социальное положение России в конце XVII—начале XVIII вв.

После расправы над исполненными удельного сознания стрельцами из потешных полков создается регулярная армия. Задачу укрепления позиций России на направлениях

²⁵ Бахрушин Q.B. Г.Ф.Миллер как историк Сибири // Миллер Г.Ф. История Сибири. Т. 1. М.-Л., 1937. С. 43.

²⁶ Ключевский В.О. Соч. Т. 2. С. 187.

колонизации — мораль из бесславного похода В.В.Голицына — Петр изначально ставил и решал как системную. Колонизационное движение в районы Азовского, Черного морей, Балтики, Сибири рассматривалось через призму необходимости общего подъема отечественной индустрии, укрепления централизма, оптимизации управления, развития науки и техники. В створе этой программы создается металлургическая промышленность, разворачивается строительство мануфактур, верфей. Посредством земельных пожалований производится широкая вербовка на государственную службу людей из дворянства. Указом 1714 г. поместье (пожизненное владение наделом земли) юридически приравнивается к вотчине (наследственное владение землей); вводится объединяющая боярство и дворянство, консолидирующая верхние слои категория наследуемой недвижимости. Для полного покорения местничества анонсируется Табель о рангах (1722 г.), поднимающая значение не происхождения, а индивидуальных возможностей. Каждый, достигший восьмого ранга, переходил в пожизненное дворянство. В отсталое сельское хозяйство (традиционное трехполье, в лесных северных полосах — подсека, в степных южных — перелог) внедряется производство технических культур, овцеводство. Денежная реформа (1701—1703 гг.) с чеканкой новой монеты дает казне доход в 2,8 млн. рублей. Для стабилизации налогообложения учреждается подушная подать. С 1724 г. торговля переводится на протекционистские таможенные тарифы. Реформа государственного управления 1699—1711 гг. окончательно утвердила неограниченное самодержавие, абсолютизм. Олигархическая боярская Дума заменена на назначаемый царем объединяющий его сподвижников Сенат, ведающий подготовкой законодательных управленческих актов и решений. Место дублирующих друг друга приказов заняли четко функционирующие коллегии. Принято губернское административное деление, впоследствии уточненное провинциальным делением с соответствующим бюрократическим оснащением. Реорганизована армия — в 1698 г. вошел в силу новый воинский устав, возникла гвардия; в 1699 г. введен механизм рекрутов. Проведена секуляризация монастырского имущества, церковь перешла в подчинение власти (назначаемый царем Синод).

С 1721 г. Россия стала империей. Оценка вклада Петра I в национальную историю неоднозначна. М.Щербатов усматривал в петровских реформах "повреждение нравов". Сходных взглядов (подрыв самобытности) держались славянофилы (К.Аксаков). Западники, напротив, возносили дело Петра: без его устройства Россия была бы шведской провинцией (П.Чаадаев). С.Соловьев уподоблял допетровское время долгим сборам в дорогу, явился Петр-поводырь и осветил путь народу. П.Милюков инновациям Петра отказывал в системности. М.Покровский энергично и негативно характеризовал плоды усилий Петра: "Смерть преобразователя была достойным финалом... пира во время чумы".

Очевидно: разброс мнений велик. Что непреходящего сквозь толщу лет проступает в петровском усовершенствовании России?

Основной итог — вывод страны из полудикого, едва не колониального состояния; из окраинного захолустья Европы, объекта экспансии Россия превратилась в передовую сильнейшую державу, без участия которой ни один сколько-нибудь значимый вопрос мировой жизни не мог ни ставиться, ни решаться. Завоевать, поработить Россию отныне стало нельзя; русский народ утвердился в истории как непреходящий самодостаточный субъект цивилизации. Сформировалось континентальное политическое единство, общеевропейский политический процесс, театр органических действий. Природа организма такова, что если "не все части переходят в тожество, если одна часть полагает себя как самостоятельное целое, то все должны погибнуть"²⁷. Европейские части образовали "тожество". Ввиду равновесия ни одна часть уже самонадеянно не полагала себя как автономное целое. Сложился баланс сил, обуславливающий органическое (не

²⁷ Гегель Г.В. Соч.: В 14 т. Т. 7. М., 1934. С. 278

субординационное, а координационное) движение "ставшей тотальности".

"Становление тотальности" — чем оно достигалось?

Великим напряжением сил, переходом в гиперфункциональный режим странового состояния. К началу XVII в. взаимодействие России и Европы как двух разнородных, но равнозначных геополитических таксонов прекращается. Начинается однонаправленное влияние Европы на Россию, крепящееся на явной асимметрии лучше — хуже организованной жизни (обеспечиваемые государством предпосылки существования в виде внутренней и внешней безопасности, порядка, свободы, простора самореализации) в западном и восточном секторе континента. Конец XVI столетия прошел под знаком гримас российской отсталости, сказавшейся в перманентной смуте, нестабильности, поощрениях нашествий, захватов, которые ставили под сомнение самые народные, державные судьбы.

Роковая примета отечественных реформ — умонастроение "нельзя так жить боле". Нельзя жить по дедовской старине — в противном случае разлад не преодолеть, из смуты не выбраться, перспектив не иметь. Магистральи благополучия — не в доморощенности, а в заимствовании более эффективных иноземных форм общежития. Тактику перенимания и избрал Петр, озаботившийся линией выбрать из Европы лучшее и импортировать его в Россию. Характер данного импорта позволяет квалифицировать петровы действия как насильственную вестернизацию. Обнаруживая на Западе передовые технологии — военные, административные, финансовые, бытовые — без соответствующей рефлексии гражданского статуса (проблема неорганичности — потенциальные отторгающие реакции, императивы культурной, гражданской среды) Петр инкорпорировал их в национальную почву. Трансплантация западных институтов без учета отечественных реалий — это и есть вестернизация, осуществляемая не как самоцель (случай Павла), а как получение имперских выгод. Главное — добиться превосходства, превзойти Европу, после чего "повернуться к ней задом" (аутентичная мысль Петра, сообщенная Остерманом).

Прodelать замысленное Петру не довелось: повернуться к Европе телесным тылом ни при его жизни, ни впоследствии суждено не было. Суждено было укорениться сущностному контакту с европейской ойкуменой при отечественных преобразованиях.

Карамзин противопоставлял эволюционный стиль Ивана III революционным приемам Петра I. Царствованием последнего с эволюцией как инновационным типом социального устройства в России практически покончено. Спутниками, тенями, подспудьем обустройства стали фундаментальные комплексы "мы — они", "реформа — заимствование", "догнать — перегнать". В итоге ценой сверхусилий "мы стали гражданами мира, но перестали быть в некоторых случаях гражданами России" (Карамзин). Хочется добавить: мы перестали быть вообще гражданами. Подтверждение тому — от реформы к реформе крепнущая утрата сопричастности единому национальному делу. Разумеется, дискретизация существования, порождаемая сильнейшими деформациями, разрывами связей: "народ — правительство", "просвещение — история", "настоящее — прошлое", "реформа — почва", "инновация — традиция".

Специфическими чертами петровских реформ явились:

1. Совмещение индустриальной модернизации с военной кампанией. Мотором странового обновления выступала война, обусловившая темповой административно-приказной стиль преобразований. В ходе модернизации

— создана отечественная индустрия: к 1725 г. в России насчитывалось 233 промышленных объекта;

— достигнуто активное торговое сальдо: на 2,1 млн. рублей импорта приходилось 4,2 млн. рублей экспорта;

— сформированы ремесленные цеха с выборными старостами, введен семилетний срок ученичества без нормирования производства, — такого протекционизма не знала и Западная Европа.

Успехи несомненные, замечательные, однако какой ценой достигнутые? С эпохи

Ивана IV актуализировалась тема социальной цены реформ. В прецеденте Петра I можно констатировать: в качестве способа перевода России на интенсивное развитие была выбрана очень жесткая технология сверхэксплуатации народа. Ужесточилась налоговая политика: налогами обложено буквально все — окна, трубы, двери, бани, места на базарах и т.д. Поборы с крестьянства с введением подушной подати увеличились в 3 раза. Вошло в практику приписывание крепостных к заводам: только на 11 уральских заводах использовался труд 25 тыс. подневольных крестьян.

Ущемление прав, свобод, благосостояния оправдывалось чрезвычайщиной, в качестве итога давая не подъем уровня жизни, а увеличение статей казенного дохода²⁸. На примере преобразований Ивана IV и Петра I убеждаешься: реформы в России обслуживают государево, а не народное дело.

2. Возведение военных командно-приказных методов управления контингентами в гражданскую норму. Карательные меры, дисциплинаризация от организации фронта до раскроя ткани, пошива камзола, фасона стрижки превратились в универсальную методологию отправления государе-государственного дела. Если казус Ивана IV сам по себе еще был лишен демонстративности, с царствия Петра I центрально-административная система, практика тоталитаризма стали устойчивой чертой жизни.

3. Дифференциация государева и государственного с приматом последнего. До Петра эти начала отождествлялись. Петр же дистанцировал национальный интерес от интереса пускай августейшей, но личности. Когда два интереса вступали в конфликт, предпочтение отдавалось интересу нации. На эпизоде царевича Алексея просматривается железная воля в подчинении монарха (лица) государству (общенациональному).

4. Укрепление единонаследия. Памятный указ 1714 г. позволял избегать удельщины при передаче наследства. Косвенно он поддерживал крестьянство — дробление наделов способствовало усилению эксплуатации. Напрямую он стимулировал рост когорты служилых людей из безземельного дворянства — вторые, третьи и далее сыновья для получения жалованья шли на госслужбу.

5. Расширение прав и свобод лица в приватной сфере, относительное освобождение индивида от пут родовых связей, домостроя, давления традиции. Петр ввел запреты на браки по принуждению родителей и господ (хотя — в угоду национальному интересу! — насильно женил собственного сына (царевича Алексея) на ненавистной вольфенбюттельской принцессе Шарлотте).

6. Укрепление общественной, гражданской, державной роли дворянства. Иван IV, поставивший на дворянство в борьбе с боярством, использовал его как энтелехию опричнины. В смутное время дворянство, зависимое от абсолютной власти, боролось против боярского ставленника Василия Шуйского. Табелью о рангах Петр не только усилил социальный статус дворянства, но и, лишив его герметичности, оздоровил его как страту. Тактику на расширение полномочий дворянства впоследствии проводили: Петр III — отмена обязательной службы; Екатерина II — усиление корпоративности (новое сословное самоуправление); Николай I — право дворянских собраний делать власти представления. С эпохи Петра дворянство стяжало монополию на чиновничество, функционально отождествляясь с госбюрократией (ср. с августовской революцией 1991 г., которая ни в малой степени не ослабила управленческо-бюрократические позиции кондовой партноменклатуры). С этого момента государево дело становится дворянским делом и наоборот.

7. Обострение противоречия центр — провинция. Численность городского населения к концу царствования Петра едва держалась на уровне 3%, отображая серьезные недостатки и перекосы общественного разделения труда. Управление центром сосредоточилось в Сенате, коллегиях. Управление периферией по областной реформе составляло прерогативу губернаторов и местных органов — дворянских на селе и

²⁸ Также см.: Ключевским В.О Соч. Т. 4. М., 1989 С. 197

регулярных граждан (купцы, банкиры, промышленники) в городе. Бичом центрального управления оказался бюрократизм, взяточничество, казнокрадство, к чему на местном уровне добавлялись сложности, громоздкость, дороговизна. С этого момента в России упрочается бюрократически-полицейское сословное (номенклатурное) государство, во многих своих признаках не разрушенное и по сегодня.

Гигантской антиномией реформаторства Петра, словно пикой, пронизывающей его устройство, является антиномия "свобода — рабство". На одной стороне — логика территориального расширения государства, необходимость борьбы за суверенитет (колониционный напор с севера — Швеция, запада — Литва, Польша, юга — Турция), требующие перехода на социальный форсаж, взыскующие абсолютизма и централизма. Условно это — восточный вектор политики, связанный с привлечением ультражестких социальных технологий. На другой стороне — логика модернизации жизни, опирающаяся на заимствование цивилизованно достаточно лояльных достижений и новинок. Условно это — западный вектор политики, акцентирующий рассчитанные на гуманитарно раскрепощенную личность относительно мягкие социальные технологии. Итак, западный модерн — восточная архаика... Надежды грозою власти вырвать самодеятельность в порабощенном обществе, через рабовладение водворить европейскую науку, народное просвещение; желания, чтобы раб, оставаясь рабом, действовал сознательно и свободно — доколе они будут жить и побеждать в нашей истории²⁹?

Контрреформы 1725—1762 гг. Тридцать семь лет отечественной истории охватывают период после смерти Петра I до воцарения Екатерины II. За эти годы на российском троне перебивало шесть человек. Бездарные люди, убогие времена, проматывающие ранее обретенное. В монархической стране нет царствующей династии, в государстве засилье иноземцев, основным способом ведения престолонаследственных дел являлся дворцовый переворот и гвардейская интрига. Неозабоченные собственной августейшей судьбой не озабочивались первые лица и судьбами державными. Ввиду сказанную фигура "контрреформы" достаточна условна. Каких-то намеренных противодействий, прямых дезавуирований воплощений Петра I, кроме, пожалуй, краткосрочного возвращения столицы в Москву Петром II, предпринято не было. Тем не менее использование термина "контрреформы" как принципиальной характеристики в отношении деятельности предводителей отечества этого исторического промежутка уместно.

В вопросах власти, как нигде, страшна посредственность, всегда обрекающая на жертвенное прозябание. Столь незавидную долю и уготовало России провидение, более трети века беспорядочно тасующее на царском месте незадачливых бессеребренников. Страна лишилась многого не столько вследствие прямых потерь, сколько вследствие неиспользования шансов обретения большего.

Невзирая на явный монарший успех, Петр I оставил преемникам тяжелое наследство. Вымотанный войной и реформой народ был перенапряжен, страна расстроена. Констатацию этого дает январский 1727 г. указ Екатерины I, повествующий: "Сколько ни трудился Петр Великий над устройством духовных и светских дел, однако ничего из этого не вышло, "того не учинено", и едва ли не все дела в худом порядке находятся и скорейшего поправления требуют". Поправления, однако, в ближайшие десятилетия не воспоследовало. Причины? Отсутствие дееспособной центральной власти, полномочной решать крестьянский (что для России равнозначно — народный!) вопрос, непатриотичное правительственное окружение в виде алчных временщиков, в массе завозимых злонамеренных иностранных чиновников, грабящих и расхищающих Россию.

Временщики — факиры на час — бич власти. Удерживающие влияние чувственностью, они привносят в политику нерациональное. Освещаемый отрезок национальной истории — временщический. При Екатерине I временщик — Меньшиков.

²⁹ См : Там же. С 203

При Петре II — Долгорукий. При Анне Ивановне — Бирон. При Иване Антоновиче — Анна Леопольдовна и Миних с Остерманом. При Елизавете Петровне — сменяющие друг друга Шубин, Разумовский, Шувалов. При Петре III роль временщика фактически играл Фридрих II.

Снование временщиков, столкновение корыстных краткосрочных интересов, отсутствие жизни по закону обусловили чехарду инициатив, институтов. Петр I реформировал местное управление. Екатерина I трансформировала модель Петра, ввела губернаторов, провинциальных и уездных воевод с канцеляриями, поручив им административные, судебные, финансовые, хозяйственные функции. У Петра доминировал прямой налог. У Елизаветы Петровны (проект Шувалова) — косвенный. Екатерина I ограничила компетенции Сената, учредила Верховный тайный совет. Елизавета Петровна сначала восстановила Сенат (1731 г.), затем тем же годом нейтрализовала его Кабинетом ее величества. Петр II упразднил городовые магистраты. Елизавета Петровна их реанимировала. Анна Ивановна стимулировала экспорт немецкой бюрократии. Елизавета Петровна изгнала немцев со службы. Елизавета Петровна воевала с Пруссией. Петр III заключал с ней скоропалительный мир, лишавший Россию плодов победы. Петр I вел активную юго-восточную политику. В послепетровское время усилиями всех коронованных особ юго-восточное направление российской политики успешно провалено (утрата соответствующих районов Каспия, Дагестана, Азербайджана). И так далее в том же духе.

Многочисленные неурядицы, естественно, усугублялись серостью власти, но в качестве основной своей причины имели негативные факторы деятельности Петра. Петр решал сложнейшие геополитические задачи посредством перевода жизни в режим форс-мажора. Средства, нужные для индустриализации, создания боеспособной армии и флота, в виде подушной подати, значительно перемогавшей платежные силы, изымались с народа. К концу царствования Петра российское население было истощено. В 1724 г. недобор средств составлял 1/5 подушного оклада. В 1733—1735 гг. случились неурожай, принесшие "тяглу" дополнительные бедствия. В 1730—1749 гг. расходы на содержание двора утроились, а недоимки с крестьян составили 15 млн. рублей. В России, таким образом, что очевидно, осложнялся процесс первоначального накопления, проходивший в условиях феодализма, крепостничества, широкого применения подневольного труда в промышленности, жесткой фискальной политики.

Непоправимое, что сделал Петр, — своим деспотизмом он подорвал отношения собственности. Закон о единонаследии делал большинство дворян безземельными, крестьяне же и так были безземельными; и те и другие не могли разогнуться от бремени службы и налогов. Учитывая массовое использование крепостного низкопроизводительного труда в промышленности (посессионные, приписные крестьяне), мы получаем завершение картины. Характерной особенностью российских производительных сил выступает кабальность. Крепостничество как способ организации производства, во-первых, сдерживало развитие любых форм труда, а во-вторых, усиливало экстенсификацию странового прогресса. Удовлетворение потребностей расширенного воспроизводства могло обеспечиваться лишь благодаря новым запашкам, стимулировавшим милитаризацию и колонизацию. Наше итоговое оценочное суждение таково: на 37-летнем периоде контрреформации выявились базовые противоречия петровских реформ, порожденные волюнтаристским переводом страны на властно-мобилизационный тип движения. В результате:

1. Не решался крестьянский вопрос. Как писал Сумароков, "свобода крестьянская не токмо обществу вредна, но и пагубна, а почему пагубна, того и толковать не надлежит". Все бедствия России — крестьянской страны — от бесправия, кабальности села (почему и реформацию России надо начинать с села, завязанной на него легкой и пищевой промышленности). Тюрго, проводивший реформы 1774—1776 гг. во Франции, в первую очередь ослабил налоговое положение крестьян, обложил пошлиной

привилегированные сословия. Перспективы России в этом отношении прекрасно понимал Пугачев, в своих манифестах жаловавший "монаршим и отеческим нашим милосердием всех, находившихся... в крестьянстве и в подданстве помещиков, быть верноподданными рабами собственной нашей короне и награждением древним крестом и молитвою, головами и бородами, вольностью и свободой и вечно казаками, не требуя рекрутских наборов, подушных и прочих денежных податей, владением землями, лесными, сенокосными угодьями и рыбными ловлями, и солеными озерами без покупки и без оброку и освобождением всех прежде чинимых от злодеев дворян и градских мздоимцев — судей крестьянам и всему народу налагаемых податей и отягощений"³⁰.

Вопреки этому действовала правящая верхушка, усиливающая закрепощение. У крестьян все съедала барщина (три обязательных дня растягивающиеся до шести); практиковалась месячина (безнадельные крестьяне работали за продукты, — как сие напоминает последующие трудодни). В 1760 г. дворяне получили право ссылатъ крестьян в Сибирь. В 1765 г. это дополнилось правом отправлять их на каторгу. Все устраивающая "ко благу всех вообще и всякого особо" Екатерина II расширила привилегии дворянства, Грамотой 1785 г. освободила его от налогов и утвердила монополию на владение землями и крестьянами.

2. Бесконечные выступления работных людей, посадского населения, горнозаводских рабочих, приписных, посессионных крестьян, беглых солдат, бурлаков, казаков диктовали укрепление сословно-административной власти. После разгрома Пугачева в 1775 г. проведена губернская реформа, усиливающая власть дворянства на местах. Данной акцией фактически отменялась затея Петра (в мыслях высказываемая еще Иваном III) о ротации административных кадров (допускаемая Табелью о рангах инкорпорация в дворянство разночинцев). Чиновная государственно-административная власть монополизировалась дворянством. Отсюда начало безраздельного полного дворяновласти в России.

3. До XVI в. в русском государстве бытовал вотчинный порядок: государство расценивалось не как народный союз, а как государев приход. Казалось бы, народ отстоял страну в смутное время, избрал царя, который уже не вправе считать державу вотчиной. По всему должно было пересилить земское начало с креном в сторону народно-национального правового государства. Такой крен задавал Петр, трактуя власть как цареву должность на служении государству, народу. Эта многообещающая тенденция Петра, к несчастью, блокировалась деспотическим стилем его действия. Петр не оставил после себя свободного лица, гражданина. Порядок вводил он бесправием, свободу принуждением. Петру, как уточняет Ключевский, "не удалось укрепить... идею государства в народном сознании, а после него она погасла и в правительственных умах. Законным преемником Петра, его внуку и дочери, была недоступна его государственная идея. Остальные смены приносили на престол нечаянных властителей, даже инородцев, которые не могли видеть в России не только своей вотчины, но и своего отечества. Государство замкнулось во дворце. Правительства, охранявшие власть даже не как династическое достояние, а просто как захват, которого не умели оправдать перед народом, нуждались не в народной, а в военно-полицейской опоре"³¹. Она складывалась и крепла в это время в виде окончательного оформления крепостнического сословно-дворянского, а не гражданского народно-правового государственного состояния.

Реформы Александра I. Как это нередко бывает в жизни, к благому стремятся, к злему приходят. Вся натура преемника импульсивного Павла соткана из противоречий вида и сути, формы и содержания, обличия и души. Начал он со Сперанским как реформатор, завершил с Аракчеевым как реакционер. Трагедия Александра I как личности и монарха в том, что он не выдержал заявленной высоты, не сослужил России

³⁰ Русская прсна XVIII века М-Л, 1950 С 252

³¹ Ключевский В. О. Цит. Соч. С 330.

подобавшей службы.

Исходно замыслы Александра I направлены на смягчение внутренних антагонизмов сословно-дворянского бюрократического управления и крепостнического хозяйствования: он намеревался дать России "новое бытие", преобразованное "во всех частях". Вокруг царя сложился вольнодумный кружок — неофициальный комитет в составе Кочубея, Новосильцева, Строганова, Чарторыйского, — ставивший задачу помочь в "систематической работе над реформой бесформенного здания управления империей". В рамках абстрактного моделирования, умозрительных эскерциий вырабатывались проекты, к доводке которых в скором времени был подключен Сперанский.

Пафос реформирования заключался в привитии российской жизни духа законов. Пестовался план трех независимых ветвей управленческих структур: законодательная — Государственная Дума, избираемая из представителей всех сословий; исполнительная — министерства, подотчетные Думе; судебная — Сенат. Все три ветви контролировались аристократическим Государственным Советом. План, оставаясь планом, материализован не был. В действительности по реформе предприняты такие практические меры:

— сфера госуправления — реорганизован Сенат, екатериненский Госсовет в 1801 г. заменен "непременным Советом" из 12 сановников, затем открыт Госсовет как совещательный орган при царе в составе 35 человек. Манифестом 1802 г. коллегии преобразованы в министерства, возглавляемые подотчетными Сенату министрами. Указ 1809 г. регламентировал порядок производства в гражданские чины коллежского асессора (8-й класс) и статского советника (5-й класс), содержал перечень требований, предъявляемых к квалификации претендентов на службу в госучреждениях. Законами 1810 и 1812 гг. повышались налоги, вводился подоходный прогрессивный налог (главным образом за эти акты Сперанский подвергнут дворянской обструкции, что повлекло опалу и удаление от двора);

— крестьянский вопрос — в 1801 г. запрещена раздача населенных имений в частную собственность; в том же году предоставлено право всем свободным гражданам приобретать вне городов в собственность недвижимость без крестьян (подрыв монополии дворянства на приобретение наделов). В 1803 г. вышел указ о свободных хлебопашцах, по которому помещики получали возможность освобождать крестьян с землей за выкуп.

Насколько далеко в реформах в дальнейшем мог пойти Александр I, сказать сложно. Помешала разорительная война. За годы наполеоновской агрессии население уменьшилось на 4 миллиона, промышленности нанесен серьезный ущерб, усилилась инфляция, упал курс рубля. Восстановление хозяйства, как казалось Александру I, исключавшее реформирование, проходило как усиление эксплуатации крепостных крестьян, экстенсивное освоение новых земель. Образование на Венском конгрессе охранительного Священного Союза означало принятие в качестве стратегического курса отмечающей реформационный зуд реакции. С реформацией в России было покончено.

Изломы судьбы, направлений деятельности Александра I показательны в нескольких отношениях.

1. Схема реформ, если она серьезна, при столкновении с жизнью не должна превращаться в чисто условную конструкцию. Фаворит Александра I Сперанский дошел-таки до такого несчастья. Как замечает Ключевский, Сперанский "был способен к удивительно правильным политическим построениям, но ему туго давалось... понимание действительности... Приступив к составлению общего плана государственных реформ, он взглянул на... отечество, как на большую грифельную доску, на которой можно чертить какие угодно математически правильные государственные построения. Он и начертил такой план, отличающийся удивительной стройностью, последовательностью в проведении принятых начал. Но, когда пришлось осуществлять этот план, ни государь, ни министр никак не могли подогнать его к уровню действительных потребностей и

наличных средств России"³².

2. Реформа государственного управления завершилась крахом. Введение министерского единоначалия разваливало унитарные коллегиальные принципы управления на уровне Сената, комитета министров, губернских учреждений. Победенная (!) Польша получила больше гражданских свобод, чем Россия.

3. Указ о вольных хлебопашцах — несомненная веха на пути возможного мирного освобождения крестьян — оказался неработоспособным. За два десятка лет по добровольному соглашению с помещиками из крепостной зависимости вышло на волю 0,3% крепостных крестьян. В прибалтийских (по всему колониальным!) провинциях крепостное право отменено: в Эстляндии в 1816 г., в Курляндии в 1817 г., в Лифляндии в 1819 г. Крепостные получили свободу без земли, без права переселения в другие губернии (пример все той же характерной асимметрии в отношении устройства колоний и метрополии на российской почве).

4. Замысел Александра I привить номологичность, законосообразность российской жизни — благой, но оставшийся невоплощенным. В реальной политической практике продолжал господствовать произвол. Почему? По причине бесправно-беззаконного положения громадной массы крепостного (юридически несвободного) населения. Нельзя вводить свободу во властные институты (через законотворчество), предварительно не вводя ее в социальные институты (через гражданские права, отношения собственности).

Контрреформы Николая I. Квалификация "контрреформы" применительно к монаршему действованию выдающейся посредственности на троне — Николая I — скорее всего сильна. Генеральная его линия — нового не вводить, старое поддерживать. И все же, принимая во внимание развернутую им программу широкой поддержки реакционно-крепостнической части дворянства после разгрома (14 декабря 1825 г.) прогрессивно-демократической его части, преимущественную ориентацию царской администрации на консерватизм и бюрократизм, решиться на подобную резюмирующую сущностную оценку предпринятого в России за 1825—1855 гг. позволительно.

Неудача последнего дворцового переворота 14 декабря подводит черту под историей политических выступлений дворянства. С этого рубежа разгромленное репрессиями, деморализованное, оскудевшее, оно становится вполне прирученным, податливым бюрократическим орудием в хватких руках царской власти. К середине XIX в. демократическая инициатива от дворян окончательно переходит к разночинцам.

В экономике продолжает господствовать феодализм, всемерно препятствующий развитию производительных сил. Параллельно усиливаются процессы обезземеливания крестьян и образования беспоместного дворянства. Ко второй трети XIX столетия кричаще сказывается отсталость России, проявляющаяся в отсутствии условий прогресса наемного труда; утверждение зачатков капитализма идет не на капитале и конкуренции, а на монополии и владельческом праве (и одно и другое, по сути, не изжито поныне). Низкая производительность кабального тягла делает неэффективными капитальные вложения в сельское хозяйство. Неземледельческие работы селян — всецело в помещичьем произволе. На госмануфактурах, в заводах также широко практикуется подневольный труд. Все это консервирует патриархальность, снижает конкурентоспособность товаров, искажает структуру спроса на промышленные изделия, рутинизирует технологию. Положение основной производительной силы общества — крестьян все более и более ухудшалось (вплоть до массового вымирания — количество помещичьих крестьян за 1836—1851 гг. сократилось на 0,5 млн.).

В такой обстановке Николай I принял имобилизационный курс на укрепление самодержавно-крепостнического государства.

Указ 1836 г. подтверждает монополию дворянства на владение крепостными. В коррекцию петровской процедуры расширения касты дворян ужесточается регламент

³² Ключевский В.О. Соч. Т. 5. М., 1989. С. 200.

присвоения дворянского звания (ценз повышается с 8-го до 5-го класса), усиливается эзотеризация дворянского слоя. Александровский закон о свободных хлебопашцах заменяется законом об обязанных крестьянах (1842 г.), по которому право помещиков освобождать крестьян за выкуп влечет сохранение земель в собственности помещиков; крестьяне получают наделы не в собственность, а во временное пользование. В 1845 г. выходит закон о майорате, запрещающий дробление наделов при наследственной передаче. Аналогичные ранее издаваемые документы обслуживали прогрессивные интересы страны: борьба с удельщиной (Иван III), формирование государственного чиновного слоя (Петр I); теперь же закон обслуживает интересы регрессивного крепостнического самодержавия: большая инерционная масса поместий — опора консервации феодальной архаики.

Несмотря на ряд относительно перспективных мероприятий, к каким могут быть отнесены указ 1840 г. о праве на волю посессионных крестьян, реформа 1837—1841 гг. по управлению государственными крестьянами, закон 1848 г. о праве крестьян приобретать недвижимость, — в целом на царствовании Николая I лежит печать серого рутинного охранения феодализма, инициирующего разорение и дворянства (к 50-м годам XIX в. совокупный дворянский долг составил 0,5 млрд. рублей), и крестьянства (через усиление патриархальной кабалы в виде барщины, оброка, натурального содержания). Николай I усилил центральное начало в губернском и местном управлении. Законами 1831—1837 гг. ввел ограничения в процедуру принятия решений на дворянских съездах и выборах (привилегии потомственным дворянам, крупным землевладельцам). Дворянство, отмечает Ключевский, стало "вспомогательным средством коронной администрации, полицейским орудием правительства". Николай I сообщил самодержавному крепостническому государству централизованные, чиновно-бюрократические канцелярско-полицейские свойства.

Великие реформы 1856—1874 гг. Крымская война была войной империалистической Европы против России. Активные боевые действия вели Англия, Франция, Сардиния, Турция. Угрожали войной Австрия, Швеция, Пруссия. Ситуация едва не напоминала геополитическую обстановку смутного времени и начала царствования Петра I. Это был последний колониальный поход всей Европы на Россию.

Поражение в Крымской войне, отраженное в Парижском мирном договоре 1856 г., усилило внутренний упадок российского общества. В качестве державного ответа на него воспоследовала стратегия обновления. Констатация этого делает прозрачной такую аналогию. После тяжкого поражения от французов, позорного Тильзитского мира начата реформация в Пруссии. В 1807 г. отменено крепостное право, придавшее осязаемый импульс развитию производительных сил. Сродни этому в России. То, что за николаевское время (1826—1850 гг.) случилось 576 антифеодальных выступлений крестьян, осталось незамеченным, понадобилась общенациональная драма, дабы решиться на преобразования. Между Россией и Пруссией — единство сущностное: и там, и здесь антикрепостническая реформа имеет догоняющий, обозный характер.

Крымская кампания обнажила безнадёжную административную и технологическую отсталость России. Будучи великой державой, по уровню технического оснащения, развитости инфраструктуры, оперативности управления, мобильности коммуникаций Россия отставала от других великих мировых держав на эпоху. В российской армии на вооружении

- парусный флот, тогда как у Англии и Франции паровой;
- гладкоствольные ружья, в то время как у Англии и Франции винтовки с большей дальностью и скорострельностью;
- в качестве основной тактической единицы принят батальон
- в Европе более мелкая единица рота;
- применяется сомкнутый боевой порядок — в Европе стрелковая цепь, рассыпной строй;

— акцентируется штыковая атака с воздержанием при движении от стрельбы (архаичное суворовское "пуля — дура, штык — молодец"); стрельба ведется залпами с остановками

— в Европе приняты индивидуальные стрелковые действия;

— практикуются марши под огнем с пренебрежением укрытиями, якобы подрывающими "боевой дух", — в Европе бережное отношение к личному составу.

Общая неэффективность хозяйствования выражалась колоссальным финансовым дефицитом, который за период 1853—1856 гг. вырос с 52 до 307 млн рублей серебром и поставил страну на грань банкротства.

Объективная реальность, следовательно, столкнула Александра II с необходимостью решения системной задачи (по примеру Петра I): для преодоления страновой — административной, хозяйственной, армейской — отсталости нужно освобождение от ее главного основания — крепостнической патриархальной рутины, сковывавшей развитие производительных сил, выработку, использование передовых технологий. Подчеркиваем: правительство не могло ограничиться паллиативом совершенствования инфраструктуры, проведения перевооружения, перехода на новый регламент комплектования контингентов; военное поражение России выявило наличие глубокой державной стагнации, сущностного, проникающего кризиса в самом истеблишменте, оно поставило верхи перед неотвратимостью перемен. В логике выхода из национального ступора, а не революционном факторе (давление низов) видится нам инспирирующая основа великих реформ.

Землеустройство. 19 февраля 1861 г. опубликован Манифест об отмене крепостного права, предоставляющий крестьянам личную юридическую свободу без выкупа, право владения собственностью, свободу передвижения. Устанавливалась процедура наделения земель в постоянное пользование. По согласованию с землевладельцами крестьяне могли полностью выкупать земельные наделы. В этом случае они пользовались ссудой, получали полную свободу хозяйствования, становились крестьянами-собственниками. При неспособности сразу выкупить землю крестьяне за пользование ею несли согласованную барщину и платили подобный же оброк. В этом случае они становились временнообязанными (находящимися под надзором помещиков, выполнявшими в их пользу повинности). Количество земли в наделах определялось взаимным договором — уставной грамотой, с действием по которой при разногласиях помогали мировые посредники (из местных помещиков или губернских чиновников). Россия делилась на нечерноземную, черноземную и степную полосы. С учетом плодородия почвы, заселенности полосы делились на местности — количеством в трех полосах 29. По каждой местности из соображений конкретных условий вырабатывались нормы подушных наделов (участок на ревизскую душу по X ревизии — независимо от фактического количества рабочих рук). Низшая норма составляла 1/3 высшей. На практике исходили из количества земли, которое обрабатывалось крестьянами до опубликования Манифеста. Если оно превышало норму и помещик не уступал, производились отрезки (они равнялись примерно 18% площади надельного фонда) до размеров не менее низшего подушного участка в данной местности. Помещики могли дарить крестьянам наделы (площадь дарственного надела — 1/4 высшей нормы), тогда при принятии их оставшая земля отходила в помещичью собственность. За порядком растягивавшегося на время (к 1881 г. оставалось еще 20% невыкупленных временнообязанных) выкупа, намного превышавшего рыночную стоимость земли, надзидала община, несшая обязательства за каждого крестьянина (принцип круговой поруки).

Положения 19 февраля варьировались по регионам. Для белорусских, литовских, украинских крестьян правобережья с 1864 г. отмена крепостного права шла на льготных условиях: увеличивались крестьянские наделы, уменьшались повинности, земельный выкуп снижался на 20%. На Кавказе и Закавказье процесс освобождения крестьян заметно

отягощен: размеры крестьянских наделов уменьшены на 30%, положение временнообязанных сохранено до 1912 г. (объяснение этому — недавнее присоединение части кавказских и закавказских земель, где выстрадавшие страной преобразования не должны перебивать преодоление феодальной раздробленности) .

Земства. Смысл учреждения земств — подключение новых слоев свободных людей к управлению за счет выведения из-под попечения короны местных учреждений. В ведении земских органов — губернских и уездных — вопросы местного хозяйства, образование, медицина, благотворительность. Уездные земские учреждения — собрания и управы, избираемые из гласных от уездных обывателей. Слой "обывателей" составлялся тремя разрядами уездных землевладельцев, городских обывателей уезда, крестьянских общин. В уездные собрания поразрядно на съездах выбирались гласные. Для права быть избранным (стать гласным) вводился земельный (различающийся по губерниям, но не менее 200 десятин), имущественный (стоимость недвижимости — не ниже 15 тыс. рублей), коммерческий (годовой оборот дела не менее 6 тыс. рублей) цензы. Крестьян представляли члены волостного схода (не менее 1/3 каждого схода). Число гласных для уездов определялось количеством отвечающих цензу лиц. Уездное земское собрание имело распорядительную хозяйственную местную власть, собиралось раз в год, работало в течение 10 дней. Исполнительной инстанцией уездного земского собрания была земская уездная управа, включавшая председателя и 2 членов, избираемых на 3 года. Из уездных земских собраний пропорционально составам (1/6 гласных от уезда) формировалось губернское земское собрание, ведающее хозяйством губернии. По регламенту оно созывалось раз в год, работало не более 20 дней. Исполнительный орган губернского земского собрания — губернская земская управа — председатель и 6 членов, избираемых на 3 года. За деятельностью уездных и губернских учреждений надзирала губернская власть и министерство внутренних дел. Земства введены лишь в 34 европейских губерниях за исключением Прибалтики, Белоруссии, правобережной Украины, Кавказа, Средней Азии, Сибири, Дальнего Востока, Астраханского и Архангельского регионов, которые не имели органов местного самоуправления.

Городское управление. С 1870 г. упразднены сословные городские учреждения, введена избираемая по имущественному цензу (прусское влияние) городская Дума; решения ее конституировались коронной администрацией.

Образование. Еще М. Погодин, идеолог официальной народности, осуждал правительство Николая I за "чугунный" цензурный устав, сковывавший печать "излишними стеснениями", ставивший страну на черту "тьмы невежества". В целях либерализации духовной сферы развернута сеть начальных народных училищ, введена частичная автономия университетов, ослаблен цензурный гнет.

Армия. Сокращен срок службы (до 6—7 лет) с последующим выходом в запас. Отменены телесные наказания. Приняты новые уставы. Введена всеобщая воинская повинность (с 20 лет). Страна разбита на сеть военных округов. Открыты юнкерские школы, военные училища. Утверждено военное судопроизводство. За монархом оставлена prerogative назначать главнокомандующих, производить в высшие армейские чины (битва "великих князей" продемонстрирована, насколько система царского патронажа усиливает профессиональную компетентность армии).

Суд. С 1864 г. действуют новые судебные уставы, декларировавшие равенство всех перед законом. Вступило в права новое судоустройство на основе публичных судебных заседаний с адвокатами и присяжными. В судопроизводстве, однако, сохранена сословность — крестьяне в основном проходят по особым волостным судам, где нередки телесные наказания. Хотя А.Ф.Кони говорит об участии крестьян в судах в качестве присяжных заседателей, точных данных на этот счет нет. Между тем можно предположить, что принятый имущественный ценз серьезно затруднял их участие в судопроизводстве. Политические дела велись в закрытых заседаниях без участия присяжных заседателей. Должностные преступления чиновников также не

рассматривались в общих судебных инстанциях (зависимость суда от центральной власти сохранилась вплоть до печально известного телефонного права коммунистической эпохи).

Резюмируя, обратим внимание на столь принципиальные сквозные черты отечественной истории, как сословность, всеобщность и подневольность государственного тягла, разобщенность сословий (усилившуюся после освобождения дворян и оформления их сословных привилегий — Петр III, Екатерина II), отсутствие гражданского общества. Сверхзадачей великих реформ была интенция на выправление обусловленных данными чертами многообразных анахронических пережитков, деформаций и перекосов — уничтожение личной зависимости крестьян в пакете с развалом вотчинной власти и (в идеале) установлением периферийного сельского и городского самоуправления.

К основным результатам реформ правильно отнести:

— юридическое освобождение крестьян, ликвидацию (хотя далеко не полную) внеэкономического принуждения; — укрепление административно-финансового положения дворянства. Ко времени реформы подавляющая масса дворян перешла в разряд мелкопоместных. В 1859 г. в залоге числилось 2/3 дворянских имений с таким же количеством крепостных крестьян. Имения и крестьяне, таким образом, переходили в руки государства. Реформы, бюрократически форсируя естественное разложение помещичьего крепостного права на благоприятных для землевладельцев условиях, оказали им значительную материальную и моральную поддержку (казна брала обязательства уплаты 4/5 капитальной суммы, приходящейся на каждый крестьянский надел);

— формирование предпосылок национальной гражданской политической жизни. Если дореформенный период характеризуется дворцовым состоянием политики, то пореформенный этап намечает динамику: от двора к министерствам и далее редакциям влиятельных изданий, самостоятельным организациям, обществам, клубам — неказенным, неформальным объединениям, выразителям чаяний, властителям дум.

Перспективные, обнадеживающие, вдохновительные интенции во многом, к несчастью, остались интенциями; практическое воплощение реформ в жизнь успешным признать нельзя.

1. Основная масса земель осталась у неспособных вести их обработку дворян. Помещичье землевладение, малоземелье крестьян, жесткие условия аренды угодий, отсутствие рынка рабочей силы всячески тормозили прогресс капиталистического сельского производства. (В США капиталистическое сельское хозяйство складывалось также в отсутствие рынка рабочей силы. Однако мелкое семейное малопроизводительное фермерство находило режим благоприятствования в самой обстановке начала колониального освоения континента — оно не испытывало конкуренции, пользовалось финансовым допингом проводивших колонизацию стран. У нас сейчас некоторые ретивые адепты американского пути выступают с абсолютно нереалистичной программой фермеризации сельского хозяйства. Фермерство не сможет накормить Россию по той простой причине, что оно (пока?) малопроизводительно. Отсутствие рынка рабочей силы на селе и мелкотоварность подрывают (пока?) перспективы российского фермерства. Условиям критического земледелия соответствует крупное, получающее государственную поддержку хозяйство.) Избы с огородами (которых через 100 лет лишил крестьян Хрущев) и тощие наделы за выкуп — архискудная материальная база, доставшаяся по реформе отечественному неустроенному крестьянству. Через неустроенное крестьянство никак не может стать устроенной крестьянская страна Россия.

2. Далеко не во всем ликвидировано внеэкономическое принуждение. Пережитки его оставались двух родов. Первый — статус временнообязанных. До перехода на выкуп крестьяне, в сущности, сохраняли подчиненное положение, в какое они были поставлены Соборным уложением 1649 г. Имело место фактическое "поземельное прикрепление

крестьян с освобождением их от крепостной зависимости, но с сохранением вотчинного полицейского надзора помещика"³³. В 1883 г., когда выкуп был объявлен обязательным, оставалось еще 15% временнообязанных, несших повинности (барщина, оброк, издольщина) крестьян. Второй — община со сходом, круговой порукой. Преследующий достижение состояния максимальной социально-политической стабильности царизм, естественно, не желал оставаться один на один с 22-миллионной освобожденной крестьянской массой. Для амортизации социальных взаимодействий был поднят институт крестьянской общины, представлявшей сельский поселок, интегрированный в волость (волость объединяла села общим числом не менее 300 и не более 2000 ревизских душ). Община управлялась волостным старостой и общим сходом, выполняла административно-хозяйственные функции. Ставшее юридически свободным лицо, будучи элементом крестьянской общины, не обрело правовой, гражданской, социальной самостоятельности. Вопросы жизнеустройства индивида — от порядка работ до целесообразности поездок отчуждались в ведение коллективной инстанции (ср. с ситуацией советского беспаспортного села, руководимого назначаемым правлением). Учитывая подчиненность общины волостным конторам (волость управлялась выборным волостным старшиной и составленным из домохозяев волостным сходом; в волости располагался сословный суд с коллегией выборных судей), курируемым губернской администрацией, получаем вполне этатистскую картину чиновно-бюрократической обезличенной подневольности личности.

3. Одна из планировавшихся, но не нашедших разрешения в реформе задач — внедрение в монархический строй начал конституционности. Социально-политическая модернизация не пошла столь далеко, чтобы обогатить структуру российских государственных институтов законодательным органом. Модернизацию парламентаризма обозначает 1905 г., породивший Государственную Думу. Кроме того, печальный выстрел народовольцев надолго прервал работу над конституцией. Невзирая на внушения Сперанского, после ссылки в Пермь и генерал-губернаторства в Сибири, принявшего линию чистой (абсолютной) монархии, Александр II стимулировал-таки подготовку Основного закона России. Вместо конституции тем не менее вслед за цареубийством российское общество получило манифест 29 апреля 1881 г. "О незыблемости самодержавия" и "Положение о мерах к сохранению государственной безопасности и общественного спокойствия" (14 августа 1881 г.). С крахом конституционных починов самодержавие окончательно утрачивает социальную инициативу. Государственный либерализм как умонастроение однозначно дискредитируется. Любая потенциальная реформация нанесла бы непоправимый урон схеме самодержавия. Вот почему царизм со своей активной сторонницей чиновной бюрократией ей отчаянно противился. Реформы 60-х лишь подорвали самодержавный порядок. Окончательный его слом выпал на долю буржуазно-демократических революций 1905 и 1917 гг.

4. Реформа не выработала механизмов гражданской консолидации общества. Уложение царя Алексея фрагментировало население страны на два антагонистических слоя. Пропась между правящей элитой и подвластным народом углубил Петр I, насильно введенными разными стандартами жизни, культуры, общения для верхов и низов еще более расколовший европейски ориентированную образованную часть публики и невежественных, по Домострою живущих простолюдинов. Он же различия сословий закрепил документально. С сословной атрибуцией человека, идущей от факта его рождения, в явном виде было покончено. Однако неявно сословные отличия оставались. Дворянство, прежде руководившее местным управлением, наделено прерогативами верховодительства в уездных и губернских земских собраниях. Сословные различия оставались в судопроизводстве — для крестьян сохранялся сословный суд, они — субъект местного, а не государственного законодательства; определенную дискриминацию

³³ Там же С 274

крестьянства и вообще низов приносили различные цензы. Наконец, законодательно, конституционно никак не регламентировалась привилегированная верховная единодержавная самочинная власть.

5. Александровская фронтальная модернизация не извела российских цивилизационных рудиментов, таких, как всеобщий крепостнический строй и отсутствие гражданского общества. Всеобщее крепостничество было серьезно подорвано, но не упразднено. Атавизмы скрытой власти помещиков через статус временнообязанных, патриархальность крестьянской общины, выкупные платежи, институт мировых посредников, засилье дворянского руководства земских учреждений еще долго отражались на жизни "свободного" крестьянства. Но долгожданный решающий шаг тут все-таки был сделан. Подобного не отмечалось в аспекте оформления гражданских институциональных структур. Страновая особость России в патриархальности, представляющей специфический уклад жизни на базе сакральности, незаконности власти, сословности и ее легитимности, общинности, угнетенности индивида, неправового контура жизни.

Невзирая на потуги реформ, Александр I активизировал не либеральные, а охранительные начала. Через консервативный Священный Союз он пытался приблизить не Россию к Европе, а Европу к России. В противоположность официозу, цвет нации — дворянские революционеры пытались двигать Россию к конституционной монархии и республике. 14 декабря они были разгромлены. Разночинные демократы, отвергая дворянские ценности (либерализм, конституционализм, парламентаризм), в деле политической реорганизации страны поставили на крестьянство с его патриархальным — царистским, неправовым мировосприятием. Этим воспользовался Александр II, не тронувший неправую (самочинную) власть, но демпфировавший развитие гражданского общества. Революционный порыв не реализовал свой шанс; неправова власть вкупе с атрофией гражданского общества стали нашей почвой, нашей многострадальной историей.

Отсюда — укоренение столь одиозного феномена, как полицейское государство, сочетающее общественную отсталость -с мощью самодержавного истеблишмента. Полицейское государство — дериват абсолютного монархического права, использующего рычаги принудительного администрирования (граждански неподконтрольные указы) в проведении высочайшей воли. Иван III хотел — оставлял царство внуку (в поправку норм), хотел — сыну. Также гвардия, перенимая стиль вершения государственных дел, кому желала, тому и передавала престол. На значительные дисфункции, рассогласования звеньев связок "держава — закон", "государство — общество" обращали внимание многие. Ограничимся ссылкой на пронизательные суждения Фонвизина: "Государь, подобие Бога, преемник на земле высшей его власти, не может равным образом ознаменовать ни могущества, ни достоинства своего иначе, как постановя в государстве своем правила непреложные, основанные на благе общем и которых не мог бы нарушить сам, не перестав быть достойным государем.

Без сих правил, или, точнее объяснить, без неперемных государственных законов, не прочно ни состояние государства, ни состояние государя. Не будет той подпоры, на которой бы их общая сила утвердилась. Все в намерениях полезнейшие установления никакого основания иметь не будут. Кто оградит их прочность? Кто поручится, чтоб преемнику не угодно было в один час уничтожить все то, что во все прежние царствования устанавливаемо было? Кто поручится, чтоб сам законодатель, окруженный неотступно людьми, затмевающими перед ним истину, не разорил того сегодня, что создал вчера? Где же произвол одного есть закон верховный, тамо прочная общая связь и существовать не может; тамо есть государство, но нет отечества; есть подданные, но нет граждан, нет того политического тела, которого члены соединялись бы

узлом взаимных прав и должностей"³⁴; и Абазы "...трон не может опираться только и исключительно на миллионы штыков и армию чиновников... Мы не должны забывать, что... в государстве есть... образованные классы. Для пользы дела необходимо заручиться их участием в правительстве, прислушаться к их мнению и не пренебрегать их зачастую столь разумными советами"³⁵.

Великие реформы не затронули вопросов ни правового государства, ни гражданского общества. Как следствие — не найден консенсус государства и общества, власти и права. Все это лишний раз выдавало структурную безопорность самодержавия. Гражданское общество продолжало складываться в России как заговорнически-подпольная организация, оппозиционная правительству. Мотором европейской модернизации выступали граждански ответственные организационно оформленные легальные слои, лучше правительств чувствующие национальные интересы. В России роль гражданских слоев сказывалась лишь в катастрофе (казус Минина и Пожарского).

Контрреформы Александра III. Мартовское царевубийство 1881 г. подвело черту под непродолжительной хилой полосой народовольства. Невзирая на жестокие репрессии, последнее оказалось политически и морально девальвированным, самоисчерпанным, опустошенным. Основным уроком состоял в понимании: устранение самодержца не влечет отмену самодержавия. И это своим откровенно реакционным курсом продемонстрировал преемник Александра II Александр III, развязавший оголтелую карательную кампанию и против народовольцев, и против их невольных пособников либералов, на коих лежало несмываемое пятно подстрекательства, попустительства социальным радикалам ("подрывным" элементам). Царствованием Александра III, в коронационной речи перед предводителями дворянства 21 мая 1881 г. провозгласившего курс на мир и спокойствие, восстанавливается наиболее косная атмосфера российской государственности, отмечавшая времена единодержавия Николая I. Николай I и Александр III — темнейшие, узколобейшие фигуры на троне.

В обстановке массового разорения крестьян и дворян (о раскрестьянивании свидетельствуют такие цифры: в 80-е г. XIX в. 1/5 часть зажиточного крестьянства прибрала к рукам почти половину крестьянской земли; бедняки же (50% всех крестьян) владели лишь максимум 30% земли. О "раздворянивании" говорит следующее: с начала 80-х г. XIX в. до рубежа XX в. дворянский клин сократился на 1/4, совокупный помещичий долг казне многократно возрос) вследствие наступления капитализма, повсеместных архаичных пережитков крепостничества Александр III приступил к массовой контрреформе, протекавшей как консервативная система мероприятий по ужесточению правительственного контроля государственной и общественной жизни, укреплению позиций дворянства в гражданской сфере. Пафос контрреформ конца XIX столетия, следовательно, — упрочение самодержавия через реставрацию корпоративности, реабилитацию политических функций нелиберального промонархического поместного дворянства.

Массированная контратака на реформизм велась главным образом в области политики. 8 марта 1881 г. на заседании Совета Министров ближайший советник Александра III, в прошлом его воспитатель К.Победоносцев, отменил любую европеизирующую реформу: "...В России хотят ввести конституцию, и если не сразу, то, по крайней мере, сделать к ней первый шаг... А что такое конституция? Ответ на этот вопрос дает нам Западная Европа. Конституция, там существующая, есть орудие всякой неправды, орудие всяких интриг... И эту фальшь, по иноземному образцу, для нас непригодную, хотят, к нашему несчастью, к нашей гибели, ввести у нас. Россия была сильна благодаря самодержавию, благодаря неограниченному взаимному доверию и тесной связи между народом и его царем..."

³⁴ Русская проза XVIII века С. 529—530.

³⁵ Перетц Е.А. Дневник Е.А.Перетца. М., 1927. С. 37, 40—41

Исходный отказ от "игры" в конституцию положил начало откату в реформах, который конкретно выразился в торпедировании нововведений встречными запретительно-ограничительными законами, положениями, актами.

Суд. Закон "Об изменении постановлений о присяжных заседателях" (12 июня 1884 г.) давал широкие полномочия полицейским чинам участвовать в формировании состава присяжных; вдвое ограничивал право отвода; сокращал число запасных заседателей; резко увеличивал количество присяжных в столицах и уменьшал в провинции (усиление асимметрии центр — окраины). Закон "Об изменении правил составления списков присяжных заседателей" (28 апреля 1887 г.) удваивал ценз присяжным; уполномочивал губернаторов по своему усмотрению без объяснения причин исключать любого из списков; вводил правила грамотности ("ценз полграмотности", ибо грамотность предполагает умение как читать, так и писать). Дела о "сопротивлении властям" вообще выведены из рассмотрения суда присяжных.

Земства и город. "Положение о губернских и уездных земских учреждениях" (12 июня 1890 г.) и "Городовое положение" (11 июня 1892 г.) предполагали свертывание активности низших гражданских слоев (в уездных земствах представителей от крестьян и мещан — 40%; в уездных городских думах их около 50%) в управленческой деятельности, вытеснение их дворянством в государственных и общественных организациях. Этому же способствовало и учреждение института земских начальников из дворян с неограниченными административными и судебными правами относительно крестьянства.

Образование. Ликвидирована университетская автономия, развернуты репрессии в отношении демократического студенчества, прогрессивной профессуры. Свернуто высшее женское образование. Наметился возврат к сословной школе.

Община. Выпущены акты, консервирующие патриархально-общинный строй, препятствующие разделу семьи, выходу из общины, затрудняющие переселение крестьян на новые земли (где в отсутствие шлейфов крепостнической архаики — помещичья аренда, ссуды, отработки, скрытая барщина — капитализм утверждался более легко и стремительно) юга и востока.

Окраины. Ограничена автономия Финляндии; усилена карательная линия в отношении Польши; в мусульманских районах Поволжья насильственно насаждается православие.

Экономика. Торможение политического развития, усиление абсолютизма и дворянского бюрократизма, свертывание местного самоуправления, стагнация гражданской активности, как ни странно, не препятствовали хозяйственной модернизации. В царствование Александра III усиливается протекционизм (через налоговую политику), проводится огосударствление экономики (железные дороги), смягчается острота рабочего вопроса (лимитируется трудовой день женщин и подростков, вводится фабричная инспекция, контролирующая условия труда, утверждаются правила работы на промышленных объектах), все крестьяне переводятся на обязательный выкуп, размеры выкупных платежей снижаются, подушная подать отменяется, для кредитования крестьян создается крестьянский поземельный банк (1882 г.). Консервативная стабилизация политической жизни наряду с активизацией экономики в годы правления Александра III создает предпосылки последующего промышленного подъема (индустриализации) России в конце XIX в.

Основные политические итоги абсолютистской контрреформации "гатчинского пленника":

1. Свертывание конституционной кампании, усиление дворянского бюрократизма, десикация местного самоуправления, стагнация гражданской жизни, и через это — стабилизация самодержавия.

2. Дальнейшая этатизация социальности. Александр III фактически завершает огосударствление России, роднящее ее с восточной державной организацией.

Первый фазис этого процесса — формирование национального централизованного государства усилиями великого князя владимирского и князя московского Ивана I (Калиты), великого князя владимирского и князя московского Ивана II (Красного), князя московского Василия I, великого князя московского Василия II (Темного), великого князя московского, а затем великого князя всея Руси Ивана III, великого князя московского Василия III, первого русского царя Ивана IV (Грозного).

Второй фазис — оформление и упрочение российской империи в деятельности самодержцев Петра I, Екатерины II, Александра I, Николая I, Александра II.

Третий фазис — окончательная этакратизация истэблишмента в царствование Александра III с укоренением столь характерных примет российских державных институтов, как а) неконституционность; б) анаэробность гражданского общества; в) корпоративность (дворянская, крестьянская, казаческая); г) бюрократичность. Подобный букет, отличающий несомненно азиатский тип государственности, является обузой для отечественной реформации. Отгалкивающийся от оценок Н Кондратьева Р Годдгмит вывел, что прирост продукции крупной промышленности за 1860—1900 гг. в России составлял около 5%. Показатель высокий. Но он мог быть выше, кабы не плачевная национальная азиатская составляющая.

Принципиальное, что требует акцентации, — отсутствие в российской социальности предпосылок для интенсивного (западного) развития.

Хозяйственная база — сельский труд — в условиях критического земледелия при низкопроизводительной культуре (трех-полье, подсека, перелог с нехваткой органических удобрений) с тожеством патриархально-крепостнических пережитков (общинные переделы земли, издольщина, скрытая барщина), не обеспечивая естественного расширения воспроизводства, стимулировала колонизацию. Экстенсивность, следовательно, питала колонизацию, колонизация — экстенсивность (порочная хозяйственная возвратность).

Политическая база — исключаяющая неуставную активность (от индустриальности до персональности), разрешительная, вполне волюнтаристская, неправовая система, замыкающаяся на монаршую волю. Смешно сказать, но уже на пороге XX в. робкие надежды имперских либералов на участие в вершении дел государственных очередной раз разбиты о неприступную скалу николаевского коэнного высокомерия: "бессмысленные мечтания".

В такой обстановке, очевидно, не находилось никаких реальных возможностей для проявления западного уклада: атрофировалось предпринимательство, возрастала общественная конфликтность (обострение рабочего вопроса, рост недовольства буржуазии), но находились все возможности для проявления восточного уклада — репрессивного самочиния. Не находя поддержки цивилизационно более продвинутой среды (буржуазии и пролетариата), царизм пестовал полицейское чиновно-бюрократическое государство (к концу XVIII в. в России насчитывалось 13—15 тыс. "табельных" чиновников; к середине XIX в. уже 61,5 тыс.; к концу XIX в. их было уже 436 тыс., причем половина сосредоточивалась в государственном аппарате³⁶), консервировал атавистические общинно-крестьянские порядки.

Этакратический репрессивный монархизм вкупе с экстенсивной патриархальностью — сквозной признак российской действительности.

3. Страновой доминантой российского устройства оказалась незападность. Отслеживание нюансов политического спектра приводит к картине: в правом (почвенном) конце — монархисты, народники, по разным основаниям отстаивающие косно-патриархальные (общинность, артельность, уравнительность — народники, в том числе антимонархисты-бунтари) и самодержавно-корпоративистские (монархисты) идеалы. В

³⁶ См. Ерошкин Н. Российское чиновничество // Политическое образование. 1989 № 6. С. 77.

левом (цивилизационном) конце — либералы, социалисты, борющиеся за разные ценности. Одни привержены конституционализму, парламентаризму, правовому государству (рыночная демократия), другие, отмечая как почву, так и либерализм, ратуют на нерыночную индустриальную общинность (производительно-распределительный коллективизм). (Промежуточная линия — экономизм, функционально и социально разводящий экономическую (прерогатива рабочих) и политическую (прерогатива либералов) борьбу, в России не утвердился.) Поскольку с либерализмом в широком смысле в России после разгрома новгородской вольницы Иваном IV, подавления выступления дворянских революционеров 14 декабря и прекращения конституционной кампании после бомбометания Гриневского было покончено, узурпация власти любым субъектом политической жизни означала проведение лишь западного (нерыночно-недемократического) курса. Последнее полностью подтвердила последующая история.

Реформы П.Столыпина. Наметившийся в царствование Александра III курс на консервацию политических институтов с одновременным реформированием институтов экономических подорвал желанный баланс хозяйственной и государственной составляющих державности. К характерным особенностям страновой ситуации в России на пороге XX столетия следует отнести:

а) промышленное перевооружение России породило специфический перекося — в отраслевой структуре значителен процент (40%) производств, выпускающих средства производства. Обслуживая темповую индустриализацию, подобная структура хозяйствования, однако, препятствует наращиванию качества жизни (темпы роста производства предметов потребления падают), способствует утяжелению экономики, требует дополнительной инвестиционной подпитки (через займы);

б) стремительная пролетаризация протекала как урбанизация крестьян, мощным потоком приносящих в рабочую среду общинное, коллективистское, антисобственническое мирозерцание;

в) осложняющие капитализацию села, разложение крепостничества реформы 60-х и контрреформы 80-х г. XIX в. стабилизировали нерыночные традиционные устои хозяйствования. Страна, где сельским трудом занято 3/4 населения, ведущего непроизводительную земледельческую, невзирая на промышленные рывки, оставалась цивилизационно отсталой;

г) выкупные платежи и налоги, составляя основной источник финансирования промышленной программы (вот корни модели индустриализации страны за счет села. Рецидив этого в настоящем — ножницы цен на промышленные, городские, и сельскохозяйственные, деревенские, товары), снижали уровень потребления, разоряли непосредственных товаропроизводителей (откуда необходимость протекционизма относительно тружеников села; нацеленная государственная поддержка российской деревни с форсированной модернизацией легкой и пищевой промышленности — то, что сейчас требуется) ;

д) к началу XX в. помещичьи площади составляли 53 млн десятин, т.е. более половины частнособственнических земель³⁷. Деревенское население в европейской России в пореформенное время выросло на 40 миллионов, количество земли на мужскую душу уменьшилось с 4,8 десятины до 2,6 десятины. Безземельные составляли до 30% членов общины. Крайне остро ощущалась проблема выходящих из состава семьи взрослых сыновей. Аренда угодий у помещиков для прокорма превращалась в кабалу. С 1862 по 1901 г. помещичьи крестьяне выплатили 1,4 млрд выкупных платежей (первоначальная сумма 867 миллионов) и остались должны еще около 400 млн рублей.

Наличие архаичных пережитков, дисбалансов объективно подводило к увязыванию экономических нововведений с подвижками в политической жизни. На

³⁷ См Святловский Б В. Мобилизация земельной собственности в России (1861 —1908 гг). СПб, 1911 С 111

Западе рынок развивался параллельно со структурами гражданского общества и правового государства как средствами решения социальных коллизий. В России ничего подобного не наблюдалось (и едва-едва наблюдается сейчас, предопределяя криминализацию современных обстоятельств). Твердолобый Николай II в вопросах перспектив устройства России неотступно следовал консервативно-охранительной линии (помещичье землевладение, общинные каноны); его антизападная ориентация приобрела вид навязчивого антипетровского сознания: разрыв с политикой предка символизировало и имя, данное сыну, — Алексей, роднящее его дело с делом несвершенной почвенной реставрации казненного потомка Петра I. Отсюда приверженность Николая II реакционному плану В.Плеве, рекомендовавшему ввести минимумы далее недробимых земельных наделов (решение проблемы обезземеливания); максимумы сосредоточения земли в одних руках (борьба с кулаком); прожиточные квоты, несоблюдение которых позволяло выходить из общины, превращаться в наемную рабочую силу (регулирование общинных связей с параллельным регулированием капитализации села).

Данная модель консервации почвы, сдерживание развития производительных сил противопоставлялись либерально-госкапиталистической схеме С.Витте, предусматривающей блок самодержавия с рыночным производством через участие просвещенной бюрократии (аппарата), якобы заинтересованной во введении частной собственности на землю.

Поскольку предпосылок решения политических проблем сверху не находилось, требуемое решение продиктовали низы; реформация политосферы в России началась выступлением масс.

Носители патриархально-монархического сознания крестьяне и генетически связанные с ними столичные рабочие, напутствуемые Гапоном, оформили свои требования в виде просительной петиции к царю, обличающей чиновничье правительство. С позиций либеральной стратегии реформирования в подобном ходе некий резон был. Чиновный произвол в России оказывался прямым следствием неправовой стати государства. В 1904 г. на петербургском земском съезде подавались предложения об изменении отечественного государственного управления. Говорилось: "Ввиду важности и трудности положения, переживаемого Россией, необходимо, чтобы Верховная Власть признавала свободно избранных представителей народа, дабы при содействии их вывести отечество на новый путь"³⁸. Пока же — на "старом пути" неправового строя — писанные законы не определяли обязанностей, не ограждали прав русских подданных; права и обязанности всецело находились в зависимости от толкования и воли отдельных лиц³⁹.

Учитывая царистские настроения демонстрирующих, правительство могло пойти на верхушечно-либеральную реформу. Но оно предпочло ответить огнем и мечом. Урок кровавого воскресенья состоял в развенчании исходящих из глубин народа монархических идеалов. С января 1905 г. у российского народа царя больше не стало.

Обострение социально-политической обстановки вынудило убежденного антиконституционалиста Николая II пойти на создание национального законосовещательного органа — Государственной думы. С августа по схеме министра внутренних дел Булыгина на базе высокого имущественного и земельного ценза анонсирован порядок выборов в I Государственную думу. Дальнейшая эскалация революции, однако, требовала от царизма все больших уступок, буквально приневолила в период всероссийской стачки обнародовать Манифест 17 октября "Об усовершенствовании государственного порядка". Документ декларировал эволюцию российской монархии в сторону парламентаризма и конституционализма, обеспечения

³⁸ Муромцев С.А., председатель I Государственной Думы. М., 1913. С. 10

³⁹ См.: Столыпин П.А. Поли. собр. речей в Государственной думе и Государственном совете. 1906—1911. М., 1991. С. 51

демократических свобод (личности, слова, печати, собраний, союзов, совести), предусматривал последовательный переход к всеобщему избирательному праву. 11 декабря 1905 г. вышел Указ об изменении положения о выборах в Государственную думу, вводящий не обещанную прямую, а ступенчатую процедуру (определение выборщиков, избирающих депутатов). Права избирателей корректировались имущественным цензом: выбирающее население делилось на 4 курии с неравным числом голосов. Землевладельцы имели 1 выборщика на 2 тыс.; буржуазия — 1 выборщика на 7 тыс.; крестьяне — 1 на 30 тыс.; рабочие — 1 на 90 тыс. избирателей. Крестьянам обеспечивалось 45% всех мест. Для рабочих устанавливались трехстепенные, для крестьян четырехстепенные выборы. Примерно 50% взрослого населения лишалось избирательных прав — все женщины, мужчины моложе 25 лет, военнослужащие, учащиеся, поденные рабочие, кустари, рабочие малочисленных предприятий (менее 50 чел. занятых; всего около 3/4 рабочих не допущено к выборам), безземельные крестьяне.

До выборов в Думу (март—апрель 1906 г.) Манифестом 20 февраля 1906 г. произведена реорганизация Государственного совета с превращением его в законодательную инстанцию. (Существующий с 1810 г. сословно-корпоративный Государственный совет, наполовину назначаемый царем, наполовину выбираемый дворянско-помещичьими и буржуазно-городскими организациями, получал право законодательной инициативы (кроме вопросов государственного законодательства) с правом отклонения думских законопроектов. Фактически он был способен подменять собой Думу.) 6 апреля 1906 г. обнародуется обновленная редакция "Основных законов Российской империи", содержащая два интересные нам положения. Положение, что императору всероссийскому принадлежит верховная самодержавная власть и положение о введении двухпалатного парламента с нижней госдумовской и верхней госсоветовской палатами. Пикантность в том, что оба положения вступают в противоречие с более ранними декларациями Манифеста 17 октября, провозглашающими: 1) "никакой закон не может воспринять силу без одобрения Государственной Думы"⁴⁰; 2) однопалатный выборный парламента.

В который раз в истории государства российского верховная власть с легкой руки Ивана III выказывает волюнтаризм, ликвидируя зачатки легитимной правовой организации. Последняя была так возможна.

Из всех российских партий лишь большевики, отвергая "игру в парламентаризм" (Ленин), руководствовались тактикой активного бойкота Думы (впоследствии это было признано ошибочным). Меншевики расценивали Думу как легальный орган борьбы с полицейским самодержавием⁴¹. Располагающие представительнейшей думской фракцией кадеты ратовали за смену царского министерства Горемыкина министерством, назначаемым Думой. Как полагал Милюков, "кадетское министерство, во всяком случае, было той первой зарубкой, на которой революционный процесс мог задержаться"⁴². Аналогичной линии держались октябристы и трудовики. Согласно раскладу политических сил, российские либералы (октябристы, кадеты, меньшевики) выступали за парламентский эволюционный путь легальной социальной ответственности. "Понятие социальной революции, — подчеркивал П.Струве, — как теоретическое понятие не только лишено значения и бесцельно, но прямо-таки ложно. Если "социальная революция" должна обозначать полный переворот социального порядка, то она не может быть в наше время мыслима иначе, как в форме продолжительного непрерывного процесса социальных преобразований"⁴³. Лишь непредставленные в думе непримиримые

⁴⁰ Законодательные акты переходного времени (1904—1906 гг.) СПб., 1906. С. 238.

⁴¹ См.: Государственная Дума. Стенографические отчеты 1906 г. Сессия первая. Т. 2. СПб., 1906. Стб. 1404.

⁴² 41 Самодержавие и либералы в революцию 1905—1907 г. М., Л., 1925. С. 64.

⁴³ Струве П.Б. Марксовская теория социального развития. Киев, 1905. С. 22.

большевики ставили на дестабилизацию общества — нелегальную насильственную революцию. В конце концов их линия победила. Однако в победу ее ощутимую лепту внесло правительство. Мы имеем в виду незаконный роспуск I (9 июля 1906 г.), а затем II (3 июня 1907 г.)

Государственных дум высочайшими повелениями. Либеральное дело было окончательно и бесповоротно царем предано, конституционный, парламентский путь заблокирован. Председатель I Госдумы Муромцев не пережил этой трагедии. Власть сызнова обнаружила безнравственность. Одной рукой она выдавала права (Манифест 17 октября), другой рукой она их отбирала (новая редакция российских законов, противоречащие Манифесту 17 октября указы о роспуске I и II Госдум и т.д.). Незаконнопопослушный режим управления не только подыгрывал большевикам, расшатывая реперы законной государственности, но и дезорганизовывал деятельность правительства.

Правительство есть аппарат власти, опирающийся на законы⁴⁴. Прочных, независимых от самодержавной воли законов в России не было. Скажем, Госдума — законодательный (по идее) орган, но законодательными полномочиями наделен и Госсовет. Далее, если правительство назначается царем, оно ему и подчинено. Тогда к чему вмешательство в работу правительства Госдумы? Для легитимизации их необходим переход к полному парламентаризму. А этого не производилось. Вследствие подрыва законосообразности, недоопределенности в полномочиях имелись многочисленные пикировки исполнительной и законодательной власти (на себе это рельефно ощущал Столыпин). Регламенты выборов в Думу беспорядочно изменялись. От анонсов прямых и равных пришли к непрямым и неравным, а завершили пропомещичьей схемой выборов (в III и IV Госдумы), когда голос помещика равнялся 4 голосам представителей крупного капитала, 65 голосам мелкой буржуазии, 260 голосам крестьян, 543 голосам рабочих. Начали с демократии, а кончили гарантиями сословного представительства независимо от исхода голосования. При любых вариациях помещики имели 51,5% голосов, буржуазия 24%, крестьяне 22%, рабочие 2,5%. Так избирались III и IV Госдумы.

Третьеиюньский демарш правительства (по статусу не только роспуск, но даже изменение регламента выборов в Думу должно было ею санкционироваться) подвел политическую черту под первой русской буржуазно-демократической по содержанию, крестьянской по духу, пролетарской по способам борьбы революцией.

Стоящие перед ней задачи революция решила отчасти:

1. Революция способствовала искоренению пережитков крепостничества — провозглашены политические, гражданские свободы, 9 октября 1906 г. указом разрешен выход из общины, созданы представительные институты, выделилась законодательная ветвь власти. Однако Россия не стала конституционной монархией, осталась единодержавным царством; результирующая разновекторных сил привела лишь к симбиозу монархического единодержавия с парламентаризмом.

2. Пролетариат и крестьянство в революции преследовали разные цели. Первый выступал за социалистический коллективизм, второе — за общинный коллективизм и частично индивидуализм. Антимонархическая мотивация борьбы рабочих гасилась монархическими чаяниями крестьян мирного получения земли — экспроприация помещичьих наделов под эгидой царя.

3. Облегчено положение трудящихся: пролетариям — сокращен рабочий день, снижены штрафы, повышена заработная плата; крестьянству — отменены выкупные платежи, снижена арендная плата, продажная цена на землю.

4. Правый (октябристы) и левый (кадеты с примыкавшими к ним меньшевиками) либерализм вполне разделял державное кредо "контрреволюционера" Столыпина, отвергавшего социальный радикализм за безответственную тенденцию среди других

⁴⁴ См.: Столыпин П.А. Цит. соч. С. 40.

сильных и крепких народов превращать Россию "в развалины для того, чтобы на этих развалинах строить новое, неведомое нам отечество"⁴⁵. Бесконечная трагедия российского либерализма состояла в том, что он а) не имел массовой общественной базы ввиду отсутствия в стране развитого среднего слоя; б) сплошь да рядом дискредитировался граждански неуравновешенным, импульсивно действовавшим правительством.

5. Антидемократическими поборниками традиционного самодержавия проявляла себя лишь горстка отпетых консерваторов. Остальные — революционные и неревolutionные силы единодушно ратовали за демократическую реформу. Но реформаторы не имели объединительных принципов. Европейские реалии — социальная дифференциация, высокая гражданская конфликтность, обострение межимпериалистических противоречий — не вдохновляли; путь вестернизации был заказан. Опора на почву — модель общинного социализма, пропагандируемая народниками и неонародниками (эсерами), — была неуниверсальной. Либеральная формула — конституционно-парламентские частичные, поэтапные улучшения — перманентно деформировалась взаимопикировкой властей, неотработанностью парламентской процедуры. "Всем известен, всем памятен, — сетовал Столыпин, — установившийся, почти узаконенный наш законодательный обряд; внесение законопроектов в Государственную думу, признание их здесь недостаточно радикальными, перелицовка их и перенесение в Государственный совет, в Государственном совете признание уже правительственных законопроектов обыкновенно слишком радикальными, отклонение их и провал закона. А в конце концов, в результате, царство так называемой вермишели, застой во всех принципиальных реформах"⁴⁶. Действительность идеала не поставляла. Его поставляла социалистическая доктрина, отмечающая эволюционный парламентаризм и агитирующая за революционное внедрение в российскую среду конгениальных ей социальных архетипов коллективизма, уравнительности, коммунальной справедливости, общинного демократизма. Стихийными воплощениями этих архетипов стали образуемые снизу советы.

Гражданские завоевания, как ни странно, оказывались хозяйственно неподкрепленными. Даже развернутая С. Витте масштабная программа экономического обновления, зиждущаяся на интенсивном железнодорожном строительстве, наращивании экспорта зерна, введении государственной винной монополии, золотого стандарта (свободной конвертации рублей на золото), не давала ожидаемых результатов. Все плюсы уничтожались одним минусом — наличием абсолютной монархии, пестующей помещичью систему землевладения, консервирующей крепостническо-общинные порядки. Шутка сказать, но уже в нашем веке лично свободный крестьянин зачастую не мог выйти из общины, реализовать свое право самостоятельного ведения хозяйства. Требовалось, таким образом, новая экономическая инициатива, отвечающая вызову обстоятельств. Подобной инициативой стала столыпинская аграрная реформа.

Как дальновидный политик Столыпин понимал, что социальная смута вскормила и вспоила революцию, и одни только политические мероприятия бессильны ее уничтожить, "лишь в сочетании с социальной аграрной реформой политические реформы могли получить жизнь, силу и значение"⁴⁷. Столыпин намечал закрепить в личной собственности обрабатываемые крестьянами участки общинной земли (хутора и отруба). Это нашло отражение в указе 9 ноября 1906 г. "О дополнении некоторых постановлений действующего закона, касающихся крестьянского землевладения", который 14 июня 1910 г. стал законом. С социальной точки зрения упор делался не на "убогих и пьяных, а на крепких и сильных" — способных, трудолюбивых крестьян — "соль земли русской", которым давалась "возможность укрепить за собой плоды трудов своих", "предоставить

⁴⁵ Столыпин П А Цит. Соч. С 90 64

⁴⁶ Столыпин ПА Цит. Соч. С 359

⁴⁷ Там же С 246

их в неотъемлемую собственность"; им же правительство обязывалось помочь советом, кредитом, деньгами⁴⁸. Безземельных крестьян планировалось переселять на неосвоенные земли Сибири, Казахстана, Алтая с соответствующим финансированием обустройства.

В общине вводился новый правовой и гражданский порядок. Отменялась монополия общинной групповой собственности, ликвидировались специальные крестьянские суды, на правах землевладельцев крестьяне допускались к участию в выборах.

В целях повышения культурного уровня населения (прежде всего крестьянства) развертывалась реформа школы. Устанавливалась непрерывность начального, среднего, высшего образования с законченным обучением на каждой ступени. Начальное образование становилось общедоступным и обязательным (с 1908 г.); в средней школе вводилась профессиональная подготовка. Преподавательскому корпусу оказывалась ощутимая материальная поддержка.

В реформацию, по замыслам, должны были быть вовлечены сферы государственного страхования, местного самоуправления, налоговая политика и др. Между тем замыслам не суждено было сбыться. Десятый по счету террористический акт стал роковым. Реформатора страны не стало.

Правительственную аграрную программу Столыпин именoval "государственным социализмом". Данная квалификация, разумеется, натяжка. Сознательно, целеустремленно Столыпин проводил не госсocialистический, а буржуазно-демократический (либеральный) курс. Уповал при этом на эволюционное правовое развитие. До того, как был развязан беспощадный левый террор, на который согласно статье 87 "Основных законов империи" Столыпин ответил введением военно-полевых судов, им, по признанию кадета В.Маклакова, было подготовлено столько инновационных проектов законов, что ни II, ни III, ни IV Госдумы не смогли рассмотреть их.

Непреходящая заслуга Столыпина — в грандиозной попытке эволюционной и легитимной реформации почвенного уклада с расширением предпосылок прусского пути развития капитализма в сельскохозяйственном производстве без экспроприации помещичьих земель с их национализацией или социализацией. Этот позитив, однако, оказывался и негативом реформы.

1. Принципиально аграрный вопрос не мог быть решен без ликвидации помещичьего землевладения — элиминации имущего слоя владельцев земли, не умеющих на ней хозяйствовать. Более далеко идущая же постановка в этом направлении, связанная со статусом царского самодержавия, не обеспечивалась политической позицией Столыпина — человека верноподданного.

2. Кредо Столыпина — подрыв общины через мелкую частную собственность на землю. Длительности этого подрыва с переходом к фермерству председатель Совета Министров устанавливал в 20 лет. Скорее всего он недоучел всей косности крестьянской среды, замешанной на общинном землевладении. С 1907 по 1917 г. из общины (как правило, без ее согласия) вышла примерно 1/5 крестьян, около 2 миллионов. Из них 1,2 миллиона продала свои земли по ценам ниже рыночных. Какой была бы динамика далее, сказать нельзя. Можно лишь констатировать, что в 1914 г. крепкие хозяева — кулаки давали половину товарного хлеба.

3. Чем объяснять подъем сельскохозяйственного производства в России накануне I Мировой войны — непосредственно ли нововведениями Столыпина или вхождением России в повышательную фазу циклического развития (промышленный подъем) — наверное не ясно. Но, опираясь на факты, уместно утверждать: "зерновой экспорт России в 1912 г. почти на 30% превышал экспорт Аргентины, Канады и США вместе взятых и составлял 15,5 млн тонн в год. Личные денежные вклады фермеров к началу 1916 г.

⁴⁸ Там же. С 93—94.

составляли 2 млрд. золотых рублей"; к 1914 г. "страна имела большие запасы хлеба — 900 млн. пудов, что очень помогло в тяжелые времена"⁴⁹.

Одновременно, реалистично оценивая обстановку, необходимо признать: на 1912 г. 60% крестьян составляла беднота (безлошадные и однолошадные) с глубоко укорененными патриархальными наклонностями к уравнилельности (стихийно-массовые поджоги крепких хозяйств). Политика направленного переселения на неосвоенные земли востока оказалась недостаточно подготовленной, продуманной. Около 100 тыс. крестьян-мигрантов погибло. За один 1911 г. 116 тысяч переселенцев возвратилось с целины нищими. К 1917 г. хутора и отруба составляли лишь 1/10 крестьянских дворов с ограниченной географией. Индивидуальное начало привилось в основном в районах Прибалтики, юга Украины, Предкавказья, среднего Поволжья, где имелись соответствующие традиции частного уклада и социальной вольницы, не затронув в огромном большинстве Россию.

4. Развитие капитализма торпедировалось архаичным земледелием и землевладением, помещичьей монополией на землю. Реформы всемерно сдерживались а) непрофессиональным правительственным руководством экономикой: за 1904—1913 гг. Россия взяла займов на 1 млрд. рублей, а на обслуживание их истратила 1,7 млрд. рублей; б) несовершенным внешнеполитическим курсом, втянувшим страну в разорительный межимпериалистический конфликт; в) заскорузлой патриархальностью почвенного уклада, препятствующего укоренению индивидуально-хозяйственных начал; г) леворадикальными элементами, дестабилизирующими общественную среду, выветривающими из нее искомый момент "успокоения".

Февральская буржуазно-демократическая революция 1917 г. Для пролонгации гражданского мира надо быть империалистом. Этот императив Ллойд-Джорджа, однако, по ходу эскалации империалистической войны все более обесмысливался. Положение трудящихся воюющих стран ухудшалось. Внутриполитическая обстановка обострялась. В Европе назревала революция. Началась она в России.

Неудачи на фронтах, развал экономики, опрометчивый вывоз золота (640 млн рублей золота переправлено в Лондон в качестве гарантии расплаты по военным заказам), расстройство финансов, разлаженность управления, непомерный государственный долг (около 50 млрд. рублей к 1917 г.), продовольственный кризис, безуспешность хлебной разверстки зимы 1916 г. и последующий голод в тылу и на передовой, — все это окончательно дискредитировало царизм как правительственную систему, шедшую "закрыв глаза по инерции"⁵⁰.

Протесты относительно войны, голода, эксплуатации обернулись массовым стихийным выступлением против атактистического самодержавия. В годовщину кровавого воскресенья 9 января 1917 г. началась забастовка. 25 февраля она приобрела всеобщий характер. Через два дня отмечался массовый переход войск на сторону восставших. Большевики выпустили манифест "Ко всем гражданам России", содержащий призыв к организации республиканского строя с созывом Учредительного собрания на базе всеобщего, прямого, равного, тайного голосования. Оперативные полномочия возлагались на должностующее быть избранным из народной среды Временное революционное правительство с прерогативами: прекратить войну, провести конфискацию помещичьих, монастырских, удельных земель, ввести 8-часовой рабочий день, подготовить и провести выборы в Учредительное собрание.

Иные, менее решительно настроенные партии пытались реализовать компромиссный парламентский путь нормализации ситуации, для чего вступили в переговоры с двором. Николай II не нашел ничего другого, как указом 27 февраля прервать деятельность Думы. Этой бездарной акцией фактически разрушилась последняя возможность легитимного урегулирования острейшего социального конфликта. После

⁴⁹ 48 Семенникова ЛИ Россия в мировом сообществе цивилизаций. М, 1994, С. 340—341.

⁵⁰ Падение царского режима. Т. 3. Л., 1925. С. 93.

непродуманных действий 9 января 1905 г. это был второй роковой шаг верховной власти, которая отвернулась и от народа, и от парламента. Самодержавие окончательно лишилось каких бы то ни было опор в обществе.

Либеральное крыло распушенной Думы во главе с октябристом М.Родзянко сформировало Временный комитет с правительственными функциями, который озабочивался переводом революционной стихии в мирное русло. Параллельно восставшие массы создали Советы рабочих и солдатских депутатов. В результате договоренности делегаций Исполкома столичного Совета и думского Временного комитета 2 марта учреждено Временное правительство. Координацию усилий петроградского Совета и Временного правительства осуществляла "контактная комиссия".

Во всех отношениях деморализованный, утративший кредиты монарх 2 марта от своего имени и от имени сына отрекся от престола в пользу Михаила, который поступил аналогично 3 марта. Царская семья была арестована.

Альянс Временного правительства с Советами позволил приступить к реформам: место губернаторов на местах заняли назначенные центром комиссары. В продолжение реформы 1864 г. принят проект реорганизации суда. Введена подчиненная земствам и городским Думам народная милиция. 10 марта в столицах утвержден 8-часовой рабочий день. 12 марта отменена смертная казнь. Декретом 20 марта устранены конфессиональные и гражданские ограничения в жизни национальных окраин. Решение земельного вопроса в целом возложено на Учредительное собрание, но отдано распоряжение о конфискации удельных и кабинетских земель. Инициировано создание земельных комитетов по подготовке аграрной реформы. Издан экспроприационный закон об изъятии у спекулянтов в пользу государства излишков хлеба. В вопросе войны занята позиция революционного оборончества, трансформирующая ведение захватнической войны в защиту революционного отечества.

5 мая в ответ на протесты масс по поводу двусмысленной ноты Милюкова последний с Гучковым выдворен из правительства, сформирован новый коалиционный состав с членами петроградского Совета министрами-социалистами (Керенский, Скобелев, Церетели, Чернов и др.). Временное правительство твердо, последовательно вело курс легитимного законотворческого реформирования. Взять тот же аграрный вопрос. Вопреки подстрекательским призывам VII Всероссийской большевистской конференции, ориентировавшей на конфискацию помещичьих земель с передачей их крестьянским и батрацким комитетам явочным порядком (это положило бы начало кровавому "черному переделу", усилив разруху и голод), министр земледелия эсер Чернов пытался ввести крестьянское выступление в законную колею, опереться на легитимный аграрный регламент готовящегося Учредительного собрания.

Отсрочка решения аграрного вопроса до санкций Учредительного собрания аргументировалась тем, что "стихийный, непланомерный захват подлежащих отчуждению земель... может вызвать анархию в деревне и борьбу внутри самого крестьянства при распределении... земель между отдельными хозяевами"⁵¹

В мае на I Всероссийском съезде крестьянских депутатов и в июне на I Всероссийском съезде Советов рабочих и солдатских депутатов приняты резолюции доверия Временному коалиционному правительству. Линия революционного оборончества поддержана, программа легитимного решения аграрной проблемы одобрена.

Легальной правительственной тенденции буржуазно-парламентской реформации противостоял нелегальный революционно-пролетарский демократизм большевиков. Воспользовавшись неудачным наступлением понесшей большие потери, разложившей подрывной социал-демократической пропагандой армии, революционеры-радикалы

⁵¹ Дело народа 1917 6 апр.

учинили в столице 3—4 июля антиправительственные демонстрации. Восстановление порядка упиралось в социальную нейтрализацию большевиков, финансируемых воевавшей против России Германией и отвергавших любое сотрудничество с либерально-парламентским правительством. 8 июля по отставке Львова председателем Временного правительства стал Керенский, кабинет которого Центральный Исполнительный Комитет Советов называл правительством спасения революции.

Акцентируем данное обстоятельство, дабы оттенить амбивалентность политических мероприятий большевиков, ущербных в державно-патриотическом измерении. При ведении боевых действий с агрессивной Германией нельзя было открывать фронт (к чему, собственно, призывали большевики). Но для обеспечения дееспособности армии на фронте требовалось репрессировать большевиков как антинациональные элементы. Антибольшевистские демарши правительства, однако, в пропаганде подавались как ущемление демократии. Борющееся за парламентскую демократию правительство оказывалось в инициативах связанным.

При недостижимости консенсуса с большевиками тактические возможности ограничивались либо диктатурой, либо сверхэнергичной законотворческой деятельностью. Временное правительство избрало второй вариант. 12 августа в Москве открылось "Государственное совещание", нацеленное на единение "государственной власти со всеми организованными силами страны". Предпринявший в конце августа попытку силового наведения порядка Корнилов объявлен Керенским государственным изменником. Председатель временного правительства остался верен либеральному кредо. Единственное, на что он вынужденно решился для предотвращения полного развала армии — ввел военно-полевые суды, военную цензуру, смертные казни на фронте.

1 сентября Временное правительство провозгласило Россию республикой, официально распустило IV царскую Госдуму. ЦИК Советов объявил о созыве "Всероссийского демократического Совещания", призванного расширить социальную базу легитимных реформ. 14 сентября Демократическое Совещание начало работу в Петрограде. На него съехались представители ЦИКа Советов, Исполкома Всероссийского Совета крестьянских депутатов, земств, городского самоуправления, кооперативных организаций и др. Высказавшись против правительственного блока с кадетами, Совещание учредило Совет Российской Республики с совещательными функциями при Временном правительстве. Этот орган, к несчастью, не смог развернуть деятельности. На фоне перманентного промышленного, финансового, продовольственного кризиса раскалывающие общество большевики вынудили Керенского 25 сентября создать третью правительственную коалицию с целью: подписать сепаратный мир с Германией, разгромить дестабилизирующий страну большевизм. Планы Временного правительства, как известно, провалились.

Значение февральской буржуазно-демократической революции для России заключалось в едва ли не уникальной в истории страны попытке реформировать государство последовательно парламентским законосообразным стилем на либерально-эволюционной основе. На этом насильственно прерванном многообещающем направлении в ничтожно краткий срок достигнуты зримые результаты.

1. Уничтожен царизм, монархический строй, Россия провозглашена республикой.
2. Намечен исключительно плодотворный в отношении державосозидания блок буржуазно-либеральных и народных (пролетарских, крестьянских, солдатских) управленческих органов. Буржуазно-демократическая революция в России сопоставительно со странами Запада была запаздывающей. Если к тому же принять в расчет господство патриархального (почвенного) уклада, слабость буржуазии, наличие углубляемого войной общенационального кризиса, можно понять, что отечественная буржуазия не имела шансов на единовластие. Дальновидным тактическим шагом либеральной буржуазии было установление функционального управленческого союза с советскими организациями. Для либералов открывалась возможность демонстрировать

потенции демократического парламентского эволюционизма. Для трудящихся намечалась возможность постепенного подключения к компетентному социально ответственному руководству, минуя издержки революционно-карательных, диктаторских приемов слома наличной госмашины, насильственных актов общественного обустройства. По точному выражению Суханова, соглашение с буржуазией пролетариату нужно потому, что он являет "реальную силу классовой борьбы, но не реальную силу государственной власти"⁵²

3. Либерально-парламентские методы управления, исключение массового насилия из арсенала используемых социальных технологий предопределили поражение правительства в конфронтации с внутренним врагом — большевизмом. Учитывая, что от одной трети до половины крестьян было призвано в строй (что и вызвало упадок сельского хозяйства, продовольственный кризис), антигосударственники-большевики развернули оголтелую мирную кампанию. Революционное оборончество Временного правительства, как отмечалось, одобрили всероссийские съезды крестьянских, рабочих, солдатских депутатов. Игравшие же на объективных трудностях, ведущие подрывную антинациональную агитацию популисты-большевики будировали окопную массу, противопоставляли правительственной модели войны свою утопическую модель мира. Большевистская демагогия, дереализация воюющего народа очевидны для отстраненных аналитиков, но не для сидящих на передовой бойцов. Естественные, однако державно неоправданные стремления контингентов к мирной жизни, конъюнктурно подогреваемые и канализируемые большевиками, позволили им создать перевес сил. Временное правительство утратило влияние в армии.

4. В февральской революции проступила весьма показательная для российских правящих элит тенденция — в соответственный момент производить обмен пространства (геополитический потенциал) на власть. О сдаче столицы немцам с гарантией удержания власти помышлял Родзянко. Аналогичную акцию с идентичной мотивацией планировал Керенский. Функционировавший за счет поддержки германской стороны предводитель большевиков Ленин, упрекая Керенского в непатриотическом замысле, спустя время действовал однотипно (Брестский мир).

5. Революция выявила в качестве немаловажных *causa agens* присутствие личных пристрастий, амбиций, фобий, — той антропологической среды, в которой протекает реальное вершение исторической жизни⁵³.

"После свержения царской власти 27 февраля 1917 года, — вспоминал Ленин, — Россия управлялась в течение приблизительно 4 месяцев как свободная страна, именно посредством открытой борьбы свободно образуемых партий и свободного соглашения между ними"⁵⁴. Чего же не хватало? Чем не устраивала буржуазная республика, за которую, кстати, ратовали противники вооруженного бунта из состава РСДРП (б) Зиновьев и Каменев? Не хватало личной власти. Безудержной, едва не патологической тягой верхушки большевиков к личной власти разве что можно объяснить тактическую чехарду вокруг лозунга "Вся власть Советам!", обструкции своих коллег — деятелей Временного правительства, деморализацию и дезорганизацию армии. То же революционное оборончество. Когда оно шло от Временного правительства, вызывающего к массам встать на защиту революции, оно плохо. Когда через ничтожный срок оно выдвигалось от другого правительства в защиту иной революции, оно хорошо...

В контексте любой нетривиальной социальной акции просматривается частное измерение персональной борьбы с энергетикой личностного самоосуществления. Разряды последнего, затмевая логику обстоятельств, порой могут быть решающими.

Октябрьский переворот 1917 г. Это — не межформационная революция, а вооруженный мятеж дереализованных марксистской доктриной заговорщиков, сумевших

⁵² Суханов Н. Записки о революции. Кн. 1. Берлин-Пг.-М., 1922. С. 22.

⁵³ Подпр. см.: Политическая антропология // Под ред. В.В.Ильина. М., 1995

⁵⁴ . Ленин В.И. Поли. собр. соч. Т. 34. С 58.

добиться экзальтации масс популистскими оболваниями, безответственными посулами желанного "мира", "земли", "хлеба", "свободы". Это — не межформационная революция, ибо таковой не было и не могло быть. Она не вводила и была не в состоянии ввести коммунизма даже как вынесенного в перспективу потенциального состояния. Ни доктринальная, ни тем более функциональная модели коммунизма (первой его фазы — социализма) критики не выдерживают⁵⁵. Коммунизм в виде лишенного глобального обобщения качественного образа социально совершенной стадии (где богатства льются полным потоком, где каждый занят чем душе угодно, чередуя занятия, отдавая по способностям, а получая по потребностям) есть в лучшем случае планетарно необеспеченный идеал (утопия), возникший в теснинах хилиастического сознания. В худшем случае, к которому приближалась реальность, коммунизм — мизантропическая схема общественного обустройства посредством контингентирования производства, десикации граждански-правовых атрибуций жизни, введения крайне жестких авторитарно-тоталитарных технологий, вырождающихся в геноцид. (Не вступая в диспуты с возможными оппонентами, предлагаем им с любых позиций высветить лишь один гуманитарный вопрос — об оправданности массовых репрессий, чисток, уничтожения населения по идейным соображениям на протяжении затянутой кампании борьбы за социализм и коммунизм в России, Китае эпохи культурной революции, Кампучии времен "красных кхмеров" и т.д.)

Взгляд, будто октябрьская революция — народно-демократическая, мы отвергаем также. Верно, народ в лице солдатской и флотской массы использовался большевиками, но в качестве слепой и грубой силы, так сказать, незаведомым для нее образом. Учитывая глубоко укорененные в большевизм абсолютно мифологические идейные комплексы, навевающие перспективу: переход к коммунизму в ходе инициации мировой революции установлением диктатуры пролетариата в отдельно взятой России, мы настаиваем на квалификации октябрьской акции как сектантского заговора с целью захвата власти. Власть, а не народовластие — объект вождельных отечественных визионеров — большевиков. Совершенствовать демократию, бороться за общественный прогресс легально — парламентскими методами — можно было с февраля 1917 г. Развал государственности, бесконечное интриганство, раскачивание люмпена требовались для одного — РСДРП(б)-вской узурпации власти.

Да что там!., поставим вопрос ребром: зачем требовалось вооруженное восстание, с которым так торопил Ленин? Назначен ведь был на 25 октября II Всероссийский съезд Советов рабочих и солдатских депутатов. Принимая в расчет, что уже в начале сентября 126 местных Советов высказались за передачу им всей полноты власти, на II Всероссийском съезде можно было легализовать переход власти к советской организации мирным образом. Тем не менее предводитель большевиков настаивал: "Ждать съезда Советов есть идиотизм, ибо съезд ничего не даст, ничего не может дать"⁵⁶. И далее — распалял страсти: "арест Временного правительства", "захват Зимнего, банков, почт, телеграфа". Почему? Потому что, даже имея перевес в ряде Советов, приложив массу усилий, чтобы на съезде были представлены их делегаты, "большевики не могли рассчитывать на то, что съезд поручит им сформировать правительство"⁵⁷. Вот где разгадка. Единственный способ заполучить власть для большевиков — устроить мятеж, поднять восстание. Любой ценой. Любыми средствами. Даже путем отказа от собственных программных заявлений, обещаний, резолюций, декретов.

VII апрельская Всероссийская конференция РСДРП (б) в резолюции по аграрному вопросу высказывается за национализацию земли. В блоке с левыми эсерами в революции

⁵⁵ Подр. см.: Россия Опыт национально-государственной идеологии // Под ред. В.В.Ильина. М., 1994.

⁵⁶ Ленин В.И. Т. 34. С. 281.

⁵⁷ Семенникова Л.И. Цит соч. С. 369.

большевики эксплуатируют лозунг социализации земли.

Весной 1917 г. бюро ЦК РСДРП (б) направило проект резолюции петербургскому комитету, где подтверждалась установка на созыв Учредительного собрания, обеспечивающего демократическую республику. Зимой 1918 г. Учредительное собрание, где большевики большинства не получили, ими за ненужностью распускается.

С февраля по октябрь 1917 г. большевики в лице Ленина разоблачали революционное оборончество Временного правительства. (Ленин в этом вопросе пикировался и с решением петроградского Совета, принявшего составленное в духе оборончества обращение "К народам всего мира", и со многими своими коллегами, например Каменевым, который в правдинской публикации от 15 марта утверждал: "...Война будет продолжаться, ибо германская армия не последовала примеру армии русской и еще повинуетя своему императору"; пока война не завершится организованно, армия "будет стоять на своем посту".) В феврале 1918 г. Ленин (после декрета о мире) стал оборонщиком, напутствовал добровольцев, идущих на фронт: "...Приветствую в вашем лице решимость русского пролетариата бороться за торжество... революции"⁵⁸ 57.

Двурушничество — печальный и неоспоримый факт большевистской практики — отчетливо проявилось в истории с основными актами советской власти.

Декрет о мире: народу сулили мир, однако лишили и внешнего, и внутреннего мира, инспирировав германский блицкриг, интервенцию Антанты, братоубийственную гражданскую гекатомбу.

Декрет о земле: народу обещали землю. II съезд Советов отменил помещичьи права на землю и передал ее без выкупа в распоряжение волостных Земельных комитетов и уездных Советов крестьянских депутатов. Право частной собственности на землю отменялось, земля переходила во всенародную государственную собственность. Купля—продажа, аренда, наемный труд на земле запрещались. Вводилось уравнильное землепользование по трудовой или потребительской норме с идеей периодических переделов земельных наделов. Как видно, аграрный вопрос решался по модели эсеров, видевших в крестьянской общине прообраз социального Грааля — коммуны. Игнорируя сильнейшую общественную, имущественную дифференциацию, идеализируя общинные порядки, эсеры пребывали в иллюзорном мире желаемого. В сельском патриархальном устройстве они обнаруживали зачатки особого русского воспроизводительного пути, где в качестве цели — удовлетворение потребностей (не получение прибыли), а в качестве средства — собственный труд (не применение наемной рабочей силы). Не замечать очевидную товарность крестьянского хозяйства — такое было возможным лишь вследствие доктринальной зашоренности социалистов-революционеров, в согласии с народническими догмами квалифицировавших трудовое крестьянство как главную социалистическую силу в России, а рутинные общинные принципы — стихийно-наивный демократизм, артельность, уравнильную справедливость, взаимоподдержку — как ростки коммунизма.

Большевикам ли, имевшим понятие о развитии капитализма в стране, было не знать о призрачности общинности, уравнильности при товарном производстве и социальном расслоении. Но они пошли на принятие типично эсеровского документа. Пошли для того, чтобы ангажировать и левых эсеров, и крестьянство с их патриархальным сознанием. И чтобы все это, узурпировав власть, предать анафеме, растоптать практикой prodrazverсток, коллективистского ярма, группового немилосердного тягла.

Советы. Большевики на II Всероссийском съезде конституировали советскую власть. Правые эсеры, меньшевики, бундовцы, отказавшись участвовать в работе съезда и высказавшись за поддержку Временного правительства, с кадетами в городской думе образовали "Комитет спасения Родины и революции". Меньшевики и эсеры выступали

⁵⁸ Ленин В.И. Т. 36. С. 216. 76

против Советов как постоянных властных органов. Они их толковали как временные промежуточные формы, и в этом отношении удалялись от масс. Что массы? Массы трактовали Советы как институции патриархальной общинности, вечевого коллективизма. О большевистском инструменте перехода к социализму⁵⁹ не было речи. Формальный глава державы Керенский *de facto* пытался объединить парламент с Советами, но потерпел неудачу. Ни левых, ни правых данный симбиоз не устраивал. Воспользовавшись провалом инициатив Керенского и во многом этот провал подготовив, большевики повели агитацию за Советы. Но Советы не в народном, а в пролетарски-диктаторском смысле.

Воля. Народ манили свободой, играли с ним в демократию. 26 октября (8 ноября) в докладе на II Всероссийском съезде Ленин говорил: "...Как демократическое правительство мы не можем обойти постановление народных низов, хотя бы мы с ним были не согласны"⁶⁰. Но тот же Ленин через год приказал разогнать социальную панацею масс — Учредительное собрание. Этого даже в мыслях не допускал "заклятый реакционер", "враг революции" Л.Корнилов, в августовском приказе говоривший: "Я, генерал Корнилов — сын казака-крестьянина, заявляю всем и каждому, что мне лично ничего не надо, кроме сохранения великой России, и клянусь довести народ — путем победы над врагом до Учредительного собрания, на котором он сам решит свои судьбы и выберет уклад новой государственной жизни". Когда же вышло, что на выборах в Учредительное собрание большевики собрали 22,5% голосов (наряду с меньшевиками — 2,9%; кадетами с союзниками — 17%; эсерами — 55%) и вследствие волеизъявления народа их власти создалась реальная угроза, вновь избранный орган был распущен. По своей противоправности случай неслыханный, беспрецедентный, усиливший гражданское противостояние.

А сфера гражданского права? При подготовке гражданского Кодекса РСФСР (1922 г.) в секретном (кстати, после обещания обнародовать тайные документы царской администрации) письме наркомюсту Курскому 20 февраля Ленин настаивал на непризнании ничего "частного", — "для нас все в области хозяйства есть публично-правовое, а не частное. Отсюда — расширить применение государственного вмешательства в "частноправовые" отношения; расширить право отменять "частные" договоры, применять не *cogitur juri romani* к "гражданским правоотношениям", а наше революционное правосознание".

Итак, представительный ряд: Иван III, гвардейские дворцовые перевороты, несоблюдение собственных ордонансов — Николай II, наконец, "государственное вмешательство", "революционное правосознание" — Ленин. Что сделали предшественники, более или менее понятно. Что сделал Ленин? Разрушил механизм гражданского права, деформировал систему гражданских отношений, подорвал возможность цивилизованно отстаивать частный интерес, положил начало центрально-административному, командно-директивному регулированию, огосударствлению жизни. Ленин заложил фундамент тоталитарного бесправного общества.

Национальный вопрос. 2 (15) ноября СНК принял Декларацию прав народов России. Провозглашалось равенство, суверенность право на свободное самоопределение, государствообразование. Казалось бы, предельно ясно. Но не таковы большевики, чтобы ясному не сообщать тайное. В национальном вопросе, как ни в каком другом, проявилось свойственное большевикам рассогласование слов с делом. Лозунг права наций на самоопределение вплоть до отделения национальные окраины поняли буквально: в России приходит к власти радикальное правительство, порывающее с колониальным историческим прошлым; прежним зависимым территориям метрополия дарует свободу. Страновая особенность России состоит в том, что политическая трансформация зачастую увязывается здесь с геополитической трансформацией.

⁵⁹ См.: Ленин В.И. Т. 31. С. 115.

⁶⁰ Ленин В.И. Т. 26. С. 228.

От имени демократии тройка канувших в Лету социально-политических экстремистов в 1991 г. развалила Союз. От имени упроченной демократии в 1993 г. пытались инспирировать передачу южных Курил Японии. После февральской революции попытку отделиться от России предприняли Финляндия и Украина. Пресекая окраинный сепаратизм, Керенский пошел на жесткую меру — распустил финский сейм. Чем он руководствовался? Тем же, чем и Столыпин. — мотивом укрепления государственности: "Не напрасно, не бессмысленно и не бессознательно были пролиты потоки русской крови, утвердил Петр Великий державные права России на берегах Финского залива. Отказ от этих прав нанес бы беспримерный ущерб русской державе, а постепенная утрата, вследствие нашего национального слабосилия или нашей государственной близорукости, равнялись бы тому же отказу, но прикрытому личиной лицемерия"⁶¹.

Есть вещи необратимые, неперерешаемые. Свершилась колонизация — процесс несправедливый, кровавый, но исторически необходимый. Сложился определенный мировой порядок, геополитический баланс сил. Зачем его ломать (в случае СССР с поправкой итогов всенародного апрельского референдума)? Почему не принимаются планы передачи Австралии аборигенам? Почему не разрабатываются проекты восстановления индейских прав в Америке? Почему лишь в России смена власти инициирует территориальные отпадения? Откладывая обсуждение вопросов на более поздний срок, отметим, что национально-освободительные движения в России (неизменно называемые большевиками "националистическими"), интерпретировав лозунг о праве наций на самоопределение дословно, выступили с почином "Вся власть национальным учреждениям!". Предоставить независимость потребовал Литовский Сейм, за автономию высказывались Казанский мусульманский комитет, Белорусский национальный комитет, Эстонский народный конгресс.

С такой постановкой изначально однозначно не согласились кадеты, эсеры и меньшевики, не считавшие возможным отказаться от модели "единой и неделимой России". Туркестанский комитет заявил: "Исключительное положение Туркестанского края делает невозможным введение в нем полной политической автономии... Как колония Туркестан должен быть устроен в отношении самоуправления наподобие английских и французских колоний"⁶². Прерогативой решения национального вопроса меньшевики наделяли Учредительное собрание; до ответственного вердикта последнего всяческие национальные отложения расценивались ими как безответственные, приводящие к анархии и развалу. Что до большевиков, то, объявляя позицию кадетов, эсеров и меньшевиков великодержавной, на словах они высказывались за самоопределение. "Ни один демократ, не говоря уже о социалисте, — уточнял Ленин, — не решится отрицать полнейшей законности украинских требований. Ни один демократ не может... отрицать права Украины на свободное отделение от России..."⁶³. Отделение... которое, однако, тут же согласуется с вольным союзом народов, добровольным соединением в одном государстве⁶⁴. Великороссы, еще и еще подчеркивает Ленин, "не будут насильно удерживать ни Польши, ни Курляндии, ни Украины, ни Финляндии, ни Армении, вообще ни одного народа. Великороссы предлагают братский союз всем народам и составление общего государства по добровольному согласию каждого отдельного народа, а никоим образом не через насилие, прямое или косвенное"⁶⁵. Идея самоопределения, следовательно, не самодостаточна — она идет в пакете с идеей добровольного союза. Дали независимость и одновременно "свободно" объединили в новое (а по сути старое)

⁶¹ Столыпин ПА. Цит. соч С. 148.

⁶² Великая Октябрьская социалистическая революция. Хроника событий. Т. 1. 27 февраля — 6 мая 1917 г. С. 586

⁶³ Ленин В.И. Т. 32. С. 341.

⁶⁴ Там же.

⁶⁵ Там же. С. 41.

союзное государство, — "пусть Россия будет союзом свободных республик"⁶⁶.

Реконструкция большевистского плана подводит к пониманию: решение национального вопроса рассматривалось ими в сцепке с вопросом пролетарской демократии и советской формы государственного устройства. Но вещь-то в том, что данная атрибутика утвердилась далеко не везде. До мозга костей непродуманный, популистский лозунг самоопределения требовался большевикам для революционизации российских окраин — недовольные царским и Временным правительством народы оказывались естественными союзниками большевиков в борьбе с ними. В обмен на борьбу они, предположительно, получали политическую автономию. Это — в идее. Как коснулось дела, народам вдруг стала навязываться пролетарски-демократическая советская форма организации. На подобное окраины не рассчитывали. Логичным ответом их стала национализация и сепаратизация. Однако на это уже не рассчитывали большевики, которым и в голову не приходило, что освободительное антимонархическое движение окраин может подвергнуть обструкции их социальную программу, выказать решимость "проводить свои идеалы в жизнь" (В.Винниченко).

В подобной "нештатной" ситуации большевики развернули массированную кампанию за "великую" Россию, собираемую за ширмой уже не царского произвола и угнетения, а "добровольного союза", скрепляемого более "высокими" (нежели национальные, этнические) принципами пролетарского демократизма и социализма. В ряде случаев сил не хватило. В результате стечения внутренних и внешних причин от России отошли Польша, Финляндия, Прибалтика, Бессарабия. Вернуть в Россию их большевики не могли. С провозгласившими суверенитет национальными правительствами Украины ("Универсал" Центральной рады) и Закавказья (антисоветское решение Закавказского комиссариата от 15(28) ноября) большевики боролись весьма упорно, с элементом оригинальности. Только один пример.

В декабре в Харькове собрались представители 49 советов Украины. На областном съезде советов Донбасса они объявили себя I Всеукраинским съездом Советов, который принял решение о создании Украинской Советской республики как федеративной части советской России. Съезд обратился к народу Украины с призывом вести борьбу с Центральной радой. СНК (ранее признававший раду как правительство независимой Украины) по схеме пролетарского интернационализма как государствообразующего принципа приветствовал Всеукраинский съезд Советов, выразил готовность оказать практическую (т.е. военную) помощь. В сентябре на Украину направлен (с позиций международного права это типичное вмешательство во внутренние дела независимого государства) чрезвычайный комиссар (эmissар) СНК Орджоникидзе. В январе 1918 г. в СНК РСФСР введен член украинского советского правительства Затонский. По просьбе советского правительства Украины для ведения боевых действий с войсками рады мобилизованы российские полки Красной гвардии. 26 января 1918 г. силы рады разгромлены; советское правительство из Харькова переехало в Киев. Борьба в Закавказье за советскую власть и "добровольное" воссоединение с Россией по схожему сценарию при дефиците средств длилась до 1922 г. Если бы не гримасы истории, по-видимому, аналогичные партии: "признание суверенитета — инициация советской формы — политическое двоецентрие — экспорт пролетарско-революционной солидарности — "добровольный" союз с Россией" — разыгрывались бы в других географических точках российско-большевистской империи.

Сказанное свидетельствует, что лозунг о праве наций на самоопределение обслуживал сугубо корыстные, эгоистические интенции большевиков в борьбе за режим советской власти. Действуя в отношении царского, а затем Временного правительства по принципу "чем хуже, тем лучше", дестабилизируя обстановку, используя недовольство руководством страной населения окраин, большевики обманывали народы

⁶⁶ Там же. С. 286.

популистскими декларациями независимости и свободы. Все же они исходили из модели единой и неделимой державы, складываемой не на традиционно исторической, а пролетарско-советской основе. Когда же в национальных фракциях окрепло движение за политический суверенитет, большевики обрушили на него дубину репрессий. Поскольку в заигрывании с национальными окраинами джин в некотором роде был выпущен из бутылки, а возможностей загнать его обратно оперативным путем не доставало, большевики противно воле положили начало демонтажу страновой онтологии России. От России отпали (главным образом вследствие германской оккупации) Польша, Финляндия, Бессарабия, Прибалтика. Возникли прецеденты, создались предпосылки последующих деструктивных центробежных тенденций национального сепаратизма и этноэтатизма.

Подведем итоги.

1. Октябрьский переворот — узкопартийный политический заговор с целью низложения легитимного правительства и узурпации власти большевиками. Упирая на бланкизм, подстегивание истории, раздувание пожара мифической мировой революции, большевики сделали все, чтобы свести на нет реальнейший шанс либерально-парламентского эволюционного пути российского странового развития. Не находя в рамках такого пути для себя достойной властной ниши, большевики инспирировали красногвардейский мятеж, явочным порядком, насильственно сместили кабинет министров, самозванно объявили себя народным правительством.

II съезд Советов, за ширму которого в дальнейшем большевики прятались, будучи форумом рабочих и солдатских депутатов, не репрезентировал народа в целом, не имел полномочий конституировать законности новой власти. Представляя 402 Совета, съезд не отличался однородностью. В числе 649 делегатов большевиков насчитывалось 390, эсеров — 160, меньшевиков — 72, прочих социалистов — 27. Меньшевики, правые эсеры, бундовцы, несогласные с властными амбициями большевиков, заседание покинули. Отмежевались от большевиков и оставшиеся левые эсеры и меньшевики-интернационалисты, выступившие не за большевистское, а общедемократическое правительство. 25 октября, в самый разгар событий меньшевики-интернационалисты, предвосхищая грядущее, вполне резонно увещевали: "... Переворот, отдавший власть в Петрограде в руки Военно-революционного Комитета за день до открытия съезда, совершен одной лишь большевистской партией средством чисто военного заговора. ...Единственным исходом из этого положения, который еще мог бы остановить развитие гражданской войны, могло бы быть соглашение между восставшей частью демократии и остальными демократическими организациями об образовании демократического правительства".

В это же время, что называется по горячим следам, аналогичные требования создания "однородного социалистического правительства" с обязательным участием меньшевиков, левых и правых эсеров выдвинул Всероссийский исполнительный комитет Союза железнодорожников (Викжель). На переговорах с ним большевики заняли откровенно обструкционистскую позицию. Последняя возможность поворота в сторону либерального парламента провалилась. В знак протеста ряд именитых (и сановитых) большевиков (Зиновьев, Каменев, Милютин, Ногин, Рыков) вышел из состава ЦК, а Милютин, Ногин, Рыков, Теодорович — из состава СНК; Каменев оставил пост председателя ВЦИКа.

2. "Мир", "Хлеб", "Земля", "Свобода" — лозунги, сделавшие I революцию, были до мозга костей декларативными, лишенными сколько-нибудь значимого общественно-политического наполнения. "Мира" в откровенно захватнической войне с прекращением боевых действий одной из конфронтирующих сторон наступить не могло. Более того, как доктринально моделировали большевики, победа пролетарской революции в одной отдельно взятой стране должна "вызвать не только трения, но и прямое стремление буржуазии других стран к разгрому победоносного пролетариата социалистического

государства"⁶⁷. Значит, говоря о мире, по крайней мере лидеры большевиков отдавали ясный отчет о перспективах 1 войны. "Хлеба" в разоренной войной, дорогостоящей военной программой (в 1910 г. принята программа частичного перевооружения [армии, восстановления Балтийского флота, уничтоженного при Цусиме, и усилении Черноморского флота, рассчитанная на 7 лет), [продразверстками Временного правительства, обнищавшей, полуголодной стране также быть не могло. "Земли" — ее хотел как цензовый элемент, начинавший укореняться, входивший во вкус хозяйствования столыпинский единоличник-собственник, так и общинный элемент — толща не порвавшего пут примитивного коллективизма патриархального крестьянства. В императив "земли", естественно, они вкладывали разное содержание. Искусство тактического ангажмента масс со стороны большевиков проявилось в умелом манипулировании популярной номинацией. Земли в крестьянской стране вождели все. Объявив отмену помещичьих прав на землю без выкупа, эсдеки одним махом приобрели сторонников в лице большинства населения. Далее, учитывая влияние эсеров в крестьянской среде, они грамотно эксплуатировали их подход к организации народнически-общинного земледелия, против которого, кстати, не выступали кулаки. Затем, когда дело сделалось, власть оказалась захваченной, большевики повели открытую непримиримую борьбу с "мелкобуржуазной стихией", то бишь народом, издревле желавшим соединить труд с собственностью. В аграрном вопросе большевиками отстаивался не народный, а доктринерский государственный социализм. Массированными продразверстками, отчаянной борьбой с кулаком, политикой "нейтрализации" середняка, всяческим выпячиванием беднейшего крестьянства, принудительной коллективизацией большевики завели аграрную проблему в тупик, из которого Россия (главным образом ввиду отсутствия законодательной основы) не вышла и по сей день. "Свобода" — идущее красной нитью сквозь отечественную историю капитальное чаяние — обрести личностную, национальную, социальную самооценку, достичь состояния самодостаточности, гарантированного права на персональную, производительную, гражданскую инициативу. Это неколебимое стремление масс было цинично использовано большевиками для установления беспощадной диктатуры — бесконтрольной неправовой власти вождя, партии, центра, учения, строя. Насильственное введение социализма в мелкобуржуазной стране обернулось гражданской войной, разгулом репрессий, дремучей программой контингентирования жизни — насаждение изощренно непроизводительных крепостнических порядков в промышленности, сельском хозяйстве, развал культуры, традиций, захват чужого имущества, доноительство, использование полуграмотных выдвигенцев, криминальных элементов, тривиальных разбойников, и все для того, чтобы "обогатить" мировой опыт новым типом свободы — свободы бедности, нищеты, утомления, ожесточения, безынициативности, правовой беспомощности. Россия и россияне вышли из революции нищими, опустошенными — имущественно и духовно.

3. Октябрьский переворот — мятеж оболваненной большевиками солдатчины, полуграмотных маргиналов, люмпенов. Социальная мифология большевиков, многократно усиливаемая пропагандой, которую денно и ночно на фронте и тылу не покладая рук, самозабвенно вели 600 агитаторов, 106 комиссаров, 61 инструктор, 10 тысяч завербованных в деревню рабочих, во всем отвечала хилиастическим умонастроениям темных обедневших масс. Еще бы жить без чиновников, министерства, падкой на злоупотребления, ненавистной власти, жить во всеобщем равенстве (уравнительности), по групповой (общинной) правде, по поруке Совета (вечевая форма схода), коллективному приговору (погашение лица в народе), с надеждой, что весь мир в скором времени заживет так же (народный отголосок ставки большевиков на мировую революцию, — до 1923 г. в РККА практиковалось обязательное изучение эсперанто —

⁶⁷ Ленин В И Т 23 С 67

языка мировой революции; полуграмотных, измотанных борьбой людей натаскивали на общение с братьями по классу). Фантазмагория эсдеков завораживала, окрыляла. Но она не могла быть запущена в жизнь без предварительной деструктивной работы. Кто на нее способен? Кто:

— искренне верил в скорую победу мировой пролетарской революции. Как 6 ноября 1920 г. признавался Ленин, "мы... начали наше дело исключительно в расчете на мировую революцию". Разногласия в головке большевиков состояли лишь в том, кому начать, — более развитому Западу или России. (Когда затея с мировой революцией лопнула, в марте 1936 г. Сталин в интервью Р.Говарду утверждал: "Какая мировая революция! Ничего не знаю, никаких таких планов и намерений у нас не было и нет".)

— маргиналы, не имеющие собственности, не связанные обязательствами, которым в любой мутной воде сподручней ловить рыбу. Речь идет о примерно 10% беднейшего населения. Это темная масса под влиянием суггестии большевиков раскачала и разодрала страну. В "Философии власти"⁶⁸. Шел разговор о необходимости нейтрализации в ходе реформ люмпена. Последний по природе — рьяный разрушитель, социальный деструктор. Если масса его приближается к критической отметке в 10%, общество утрачивает способность связать его поползновения ответственными действиями среднего класса. Социальные устои идут вразнос, утверждается инфернациональная организация.

4. Феномен октября — синтез большевизма и почвы. Секрет успеха большевиков — оседлание почвенных идеалов. Большевиков поддержали войска — 15 миллионов служивших оторванных от хозяйств и семей мужчин, желавших мира. Их поддержало также античиновно настроенное население страны, стихийно пропитавшееся духом бунтарства. Характерный эпизод — послание Петроградскому совету солдат IX армии, где говорилось: "...Приветствуем Совет солдатских и рабочих депутатов г. Петрограда за совершенное великое дело освобождения угнетенных масс от развращенного самодержавно-деспотического произвола... солдаты... преисполнены великой радости, что яд произвола, насилия и гнета, отравляющий существование населявших Россию народов, наконец, обезврежены"⁶⁹. "Дух разрушения есть в то же время созидаящий дух", — назидал Бакунин. Во имя революционного созидания в Могилеве убили верховного главнокомандующего Духонина. Вероятно, со схожей целью застрелили членов Временного правительства Шингарева и Кокошкина. Разогнали народно избранное Учредительное собрание...

Не обихоживать, а расстраивать отечество (громить старую госмашину, через колено гнуть собственный народ и т.д.) — печальный удел рядящихся в тогу выразителей интересов народной демократии эсдеков. Та же Советская власть, лицемерно именуемая большевиками как полномочная, решающая форма государственной власти⁷⁰. Когда большевики были в Советах, они были хороши, когда их изгнали оттуда, они оказывались плохи. Что становилось с Советами, которые по примеру III съезда Советов Махновского района в Гуляй-Поле требовали: "Долой однобокие большевистские Советы! Да здравствуют свободно избранные Советы трудящихся и рабочих", мы знаем. Сместив Временное правительство, разогнав Учредительное собрание, большевики насильственно прервали тенденцию развития в наших условиях как либерального парламентаризма, так и синтеза либеральных политических институтов (Учредительное собрание) с почвой (Советы). С репрессивным внедрением однобоко большевистской Советской формы (невзирая на настоятельные повеления мест "Советов без коммунистов", "Власти Советам, а не партиям") одной отдельно взятой страной на 74 года завладела почва.

⁶⁸ См Философия власти // Под ред. В. В. Ильина М , 1993 С 263

⁶⁹ Революционное движение в России в апреле 1917 г Апрельский кризис Документы и материалы М , 1958 С 493

⁷⁰ См Ленин В И Т 35 С 66

Партийно-коммунистической советской государственности — этой земной каторги большевиков — не принимали в районах Сибири, Дальнего Востока, Дона, где успел сложиться цензовый элемент — единоличник-собственник. Победе большевиков здесь, а с нею укоренению почвы способствовало приобретшее невиданный размах мародерство белочехов и принудительные мобилизации населения Врангеля (этим, конечно, занимались и большевики, но в данном частном случае негативно проявляла себя воюющая с ними сторона, что ополчало против нее местных жителей) .

5. Пассионарный выброс на волне массовой дереализации, отвечавшей хилястическому сознанию патриархальных и маргинальных слоев с их идеалами ветхозаветной общинной демократии, породил подобие политического хиатуса: большевики взяли власть, но властью в полном объеме не располагали. Верно, позиции врага (поддержанного Советами Временного правительства) были завоеваны. Но полагать, будто великие бои позади, оказывалось преждевременным. Оставался "мелкобуржуазный", непромотавшийся, неотчаявшийся народ, выразитель его настроений, дум — национальная интеллигенция, санкционированное Манифестом 17 октября многопартийное общество. Для укрепления своей властной многопартийной культуры большевики развязали беспрецедентную борьбу и с одним, и с другим, и с третьим. Взяв власть силой, с целью упрочения единоличной власти большевики возвели ее (силу) в норму права. В национальном масштабе в ущерб декларациям, чувству отечества практиковались:

— обмен пространства на власть. Вследствие близорукой своекорыстной политики, спровоцировавшей германскую оккупацию, Россия лишилась значительных в острейших перипетиях добытых предками территорий;

— война с внутренним врагом — "мелкобуржуазным" народом. Как отмечалось во втором томе нашей серии книг, по ходу насильственной ломки естественной жизни за 1917—1923 гг. население страны сократилось на 13 миллионов. Едва ли не каждый 8-й—9-й был вырезан⁷¹;

— искоренение инакомыслия, высылка "активных", "скрытых" контрреволюционеров. За время трех русских революций с 1905 по 1917 г. страну покинуло 3 миллиона интеллектуалов. Последние осколки серебряного века российской культуры выдворены на "философском пароходе" в 1922 г. К интеллигенции большевики — в порядке вещей — относились с подозрением. Ленин привычно квалифицировал ее по-простому — "г-но". Сталин неизменно — "вшивая". Имеющий полное университетское образование Горбачев не менее определенно — "сопливая";

— административный, а после восстания левых эсеров (6 июля 1918 г.) военный произвол, неправовые репрессивные, террористические действия, явочно элиминирующие многопартийность, правовое государство, гражданское общество. Непосредственно в послереволюционное время обострился вопрос легитимности большевистской власти. Дело приобрело нешуточный оборот. ЦИК Советов первого созыва не признал правомочность решений II съезда Советов, в оперативке, разосланной на места, рекомендовал дезавуировать его решения. 28 октября Исполком Всероссийского Совета крестьянских депутатов объявил о непризнании большевистской власти государственной властью, призвал крестьян к неподчинению СНК. Ловким тактическим лавированием, блокированием с имеющими авторитет в крестьянской среде левыми эсерами большевикам удалось получить политический козырь — выступать от имени народных масс. Параллельно усиливались репрессии. 27 октября СНК принял декрет о печати, предусматривавший закрытие буржуазных газет. 28 ноября — менее месяца по свершении переворота — появился декрет "Об аресте вождей гражданской войны против революции". Что не сделал либерал Керенский, сделал большевик Ленин — залил Россию кровью. Иной разительный факт — разгон Учредительного собрания. Не решаясь

⁷¹ Россия опыт национально-государственной идеологии С 77

отменить созыв популярного в массах форума и не получив в нем большинства (из 706 вакансий Учредительного собрания партии получили: большевики — 175 мест, левые эсеры — 40, эсеры — 370, меньшевики — 15, энесы — 2, кадеты — 17, национальные депутаты — 86, беспартийные — 1), эсдеки, во-первых, расстреляли мирную демонстрацию в поддержку Собрания, а во-вторых, стали навязывать ему принятие "Декларации прав трудящегося и эксплуатируемого народа", ограничивающую компетенцию Учредительного собрания "установлением коренных начал федерации Советских республик России"⁷². По отказе от обсуждения Декларации членами Собрания и соответствующей травести и с покиданием зала большевиками и левыми эсерами, декретом ВЦИК Учредительное собрание было распущено. Путь к гражданскому согласию оказался заблокированным.

Томление, горечь, протест отдельного лица, нации поглотили легальные лагеря либо катакомбы совнезаконности. На поверхности при "полном", "всеобщем", "одобрительном" единодушии установился социальный штиль. Иное исключалось: из безначалия "гармония" созидалась по канонам отвратительного, отпетого насилия и беззакония.

Послеоктябрьские действия. И египтяне были в свое время справедливы и человеколюбивы... Богданов различает органические и революционные эпохи. В органических "общественный мир стоит твердо на своих китах, и эти серьезные, флегматичные животные, не тревожимые острыми гарпунами практических противоречий и идейной критики, не проявляют опасной склонности ворочаться с бока на бок... не знают проклятых вопросов". Последние — достояние революционных эпох, являющих "страстный вопль бессилия этического сознания перед безнадежной прозаичностью развертывающейся жизненной борьбы"⁷³.

Бывает, что усердие превозмогает рассудок. Что сделала Октябрьская революция? То же, что и всякий социальный переворот катастрофического типа, — она нарушила правило прежде покупать полотно, а потом раму. В отсутствие полотна создавалась рама — общественный просцениум будущей пленяющей воображение, покоряющей душу, восхитительной, прелестной, но иллюзорной картины. В состоянии хаотичности умов созидание подменили разрушением культуры, пытаясь доказывать, что на беспристрастном безмене истории мирная кисть художника равновелика ратному мечу воина. Подобно любой другой революции октябрьский переворот подорвал естественный ток жизни, ударил по народу, государственности, стране насилием. Привычный уклад воспроизводства, право, закон, самоопределение личности вдруг, в одночасье, оказались выброшены на свалку истории. Эскамотацию масс предопределила догма, будто достаточно разрушить старые формы — и новые явятся сами собой. Пока дереализованный народ воспринимал посулы большевиков как социотехническое чудотворство, всеми правдами и неправдами они боролись за упрочение единоличной политической власти.

Во 2-м томе серии "Россия: опыт национально-государственной идеологии" отмечалось, что в силу слабости, зависимости от царизма, полуфеодалности отечественная буржуазия не обеспечивала стране более прогрессивное капиталистическое развитие⁷⁴, февральская либерально-парламентская революция происками большевиков была свернута. Существо действия обуславливается совокупностью обстоятельств. Февральская революция, сколь бы перспективной она ни казалась, не успела и в той обстановке не могла решить судьбоносные вопросы мира, земли, воли (если бы она успела эти вопросы решить, октябрь не состоялся бы). Тогдашние партии не имели отвечающих настроениям масс оптимальных программ преодоления общенационального

⁷² Ленин В.И. Т. 35. С. 223.

⁷³ Богданов А.А. Вопросы социализма. Работы разных лет. М., 1990. С. 77, 87.

⁷⁴ См.: Россия: опыт национально-государственной идеологии. С. 33

кризиса. Не имели подобной программы и большевики. Тем не менее ловкой тактикой подлаживания под настроения масс большевики выразили-таки их требования. Как в сердцах констатировал один из лидеров меньшевиков М. Либер, "ложь, что массы идут за большевиками. Наоборот, большевики идут за массами. У них нет никакой программы. Они принимают все, что массы выдвигают. Поэтому ясно, что они должны... победить"⁷⁵.

Если после корниловского мятежа Демократическое совещание образовало бы социалистическую однородную власть (поддержанная большевиками правительственная коалиция эсеров, меньшевиков, трудовиков), — удалось бы избежать октябрьского переворота? Мнение Либера отрицательное: «Власть штурмовали бы со всех сторон и удержаться у власти мы могли лишь методами большевиков. Ибо, если большевики неудержимо заходят все дальше и дальше по авантюристическому пути, то дело здесь вовсе не в их авантюристических личных качествах, а в том, что захват и удержание власти в нынешних условиях — авантюра и иными методами осуществлен быть не может».⁷⁶

Нам пришлось бы прибегать к тем же методам, что и большевики. Но так как мы не авантюристы, то мы не могли бы решиться на их применение и нам пришлось бы просто самим оставить власть, бежать от нее.

Ленин понимал, что делал, предлагая после корниловщины меньшевикам и эсерам взять власть до съезда Советов в свои руки и обещая на это время поддержку. Он знал, что мы и за это время сумеем показать невозможность держаться у власти иначе, как вступив на путь авантюры, сумеем показать и нашу неспособность к авантюрам, показать, что мы — неудачливые авантюристы. Тогда съезду было бы ясно, что власть должна перейти в руки авантюристов удачливых, настоящих. Съезд передал бы власть большевикам

Временное правительство Львова, а затем Керенского не смогло запустить механизм буржуазных преобразований. В результате недееспособности верховной власти и подрывной работы большевиков российская постмонархическая государственность потерпела банкротство (разваливался фронт, падало производство, одолевал голод, ширился самозахват крестьянами помещичьих земель и т.д.). Темноты о возможностях 1917 г. должны снять историки — слишком много документального, фактического науке, общественности неизвестно. Мы со своей стороны примем, что к октябрю 1917 г. в сложившихся условиях реалистичной альтернативы большевистскому перевороту не было. Политически прав Мартов, говоривший: "Месяц, прошедший со дня большевистского переворота, — достаточный срок, чтобы убедить каждого в том, что события этого рода ни в коем случае не являются исторической случайностью, что они являются продуктом предыдущего хода общественного развития"⁷⁷. Поскольку страна пошла путем революционного разрешения вопроса, поскольку "через голову демократии пролетариат в союзе с солдатской массой оказался у власти, постольку и мы (меньшевики. — Авт.) как партия политического реализма должны отдать отчет в том, что, независимо от наших симпатий и антипатий, пролетариат и те, кто идут за ним, путем этого переворота пытаются осуществлять агрессивно-прогрессивные задачи, перед которыми запнулась буржуазная демократия

Какие же задачи решали большевики? На этот вопрос нами дается однозначный и прямой ответ — задачу укрепления собственной единоличной политической власти. Стержень послеоктябрьского маневрирования большевиков — не отработка модели введения социализма постепенно или сразу, как представляется некоторым, а именно предмет власти⁷⁸. Своей масштабностью здесь выделяются три характерных акции:

⁷⁵ РЦХИДНИ. Ф. 275. Оп 1. Д. 15. Л. 54—55.

⁷⁶ Там же. Л. 14—14 об.

⁷⁷ Там же. Л. 17.

⁷⁸ Там же. Л. 18.

объединение рабочих и крестьянских Советов, Брестский мир, разгром левых эсеров.

1. В период работы Чрезвычайного съезда Советов крестьянских депутатов (11—25 ноября 1917 г.) большевики предложили доминировавшим на собрании левым эсерам (59% мандатов) правительственный блок. Когда те согласились, большевики провели идею объединения ВЦИК и ИК Советов. В итоге правые эсеры лишились возможности влиять на крестьянские массы через руководящие выборные органы; левые эсеры же, передав большевикам свой электорат, через полгода были уничтожены. Большевики добились, чего хотели — заполучили монополию в правящих органах. Примечательно: объединенное заседание ВЦИК Советов рабочих и солдатских депутатов II созыва, Чрезвычайного крестьянского съезда и Петроградского Совета от 15 ноября постановило включить на паритетной основе (по 108 человек) во ВЦИК представителей Чрезвычайного крестьянского съезда. Но 26 ноября начинает работу II Всероссийский съезд Советов крестьянских депутатов, на котором избирается иной исполком (108 человек), и он, а не рекомендованный Чрезвычайным съездом ИК вливается во ВЦИК Советов. 12 декабря Свердлов декларирует верховную власть ВЦИК. Все эти верхушечные махинации с корыстной целью провести нужных людей громко именовались упрочением диктатуры пролетариата и ее классовой основы. Пролетариата же в России насчитывалось 3,6 млн, или 2,5% населения. Подобный же эпизод — 6 ноября 1918 г. ВЦИК принимает декрет о роспуске Учредительного собрания. Депутаты подвергаются остракизму (чуть раньше, 28 октября СНК выпускает декрет об аресте лидеров кадетов и т.д.). Однако депутатов-большевиков и левых эсеров (недолго им остается) включают в состав ВЦИК!

10 января 1918 г. открывается III Всероссийский съезд Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов. 13 января в него вливаются делегаты III Всероссийского съезда Советов крестьянских депутатов (за полтора месяца три крестьянских съезда! — и все для решения кадровых (!) проблем). Слияние Советов венчает оформление едва не монопартийной (с повсеместно активно теснимыми, но пока лояльно настроенными левыми эсерами) большевистской политической культуры.

2. Не поддержанный левыми коммунистами, многими членами партии Брестский мир оценивался Лениным откровенно: "Во-1-х, если бы мы не заключили Брестского мира, мы сразу отдали бы власть русской буржуазии и тем повредили величайшим образом всемирной социалистической революции. Во-2-х, ценою национальных жертв, мы сохранили такое интернациональное революционное влияние, что теперь вот прямо подражает нам Болгария, кипит Австрия и Германия..."⁷⁹. Алчная жажда власти, попирающая национальные интересы страны; Россия как топливо на костер мировой революции — догматы антипатриотичного, обменивающего территории на собственную державную исключительность большевизма. Сепаратный мир с Германией подписывался с единственной целью — использовать стадию "развязанных рук для продолжения и закрепления социалистической революции"⁸⁰. Будучи реалистом, Ленин предвидел неминуемое поражение начинающейся создаваться пролетарской армии в первых же боях, а разгромленная армия, по его прогнозу, однозначно свергнет социалистическое правительство⁸¹. Для предотвращения этого установка — соглашаться на все условия германской стороны, которые "Советской власти не трогают"⁸². В знак протеста по поводу подписания Брестского мира заявил об отставке с поста комиссара иностранных дел Троцкий. Заявления об уходе с партийных и советских постов подали Бубнов, Бухарин, Ломов, Пятаков, Смирнов, Урицкий, Яковлева. Однако договор был подписан. Россия теряла Эстляндию, Курляндию, Лифляндию, Литву, Польшу, Финляндию,

⁷⁹ Ленин В И Т 28 С 92

⁸⁰ Там же Т 35 С 250

⁸¹ Там же.

⁸² Там же С 369

оккупированную Украину. В пользу Турции на юге отторгались Каре, Ардаган, Батум. Согласно договору, большевикам запрещалась революционная агитация против стран Четверного союза, Финляндии, Украины.

Последнее требование договора в отношении Финляндии и Украины большевики не выполнили. В Финляндии был спровоцирован путч с идеей на юге провозгласить Финляндскую советскую социалистическую республику. В мае 1918 г. германские войска восстание подавили. 10000 боевиков-путчистов ушли в Советскую Россию, влились "в так называемые интернациональные части, которые оставили кровавый след в годы гражданской войны во многих районах Великороссии"⁸³. На Украине дело приобрело более выгодный для большевиков оборот. После разгрома красновардейскими (экспортированными) отрядами войск Центральной рады Украина стала Советской. В марте 1919 г. III Всеукраинский съезд Советов принял Конституцию УССР, где фиксировалось стремление украинского народа к интеграции с РСФСР.

3. Большевики абсолютно не консенсуальны. Используя блок с левыми эсерами для политического представительства, в целях установления контроля над крестьянским электоратом большевики развернули против них настоящую борьбу. Вначале организационную, начавшуюся непосредственно на III съезде Советов. Съезд принял фактически эсеровский документ — "Основной закон о социализации земли", предусматривающий распределение земли по трудовой и потребительной норме (патриархальный принцип уравнительного землепользования), куда, однако, за счет процедурных экивоков (согласования спорных пунктов в комиссии, а при разделении голосов — согласования с президиумом съезда, где у большевиков был перевес) большевики протаскивали принцип национализации (огосударствления) сельскохозяйственной деятельности. Национализация при диктатуре пролетариата, подчеркивал Ленин, создает фактические предпосылки для перехода к социализму в земледелии⁸⁴. (Починком грядущего фронтального наступления на цензовый (фермерский) элемент явилось учреждение государственной монополии на торговлю сельскохозяйственной техникой и семенами.)

Принятый съездом закон стал претворяться в жизнь инициированным левыми эсерами Земсоветом и Наркомземом (НКЗ). Решительные протесты левых эсеров — партии политически самостоятельной (из 306 членов ВЦИК левых эсеров насчитывалось 125 человек при 160 большевиках) — по поводу вмешательства в деятельность НКЗ ВСНХ и НКВД были пресечены столь же решительным способом. Левоэсеровский нарком А.Колегаев отправлен в отставку, заменен на большевика С.Середу, руководство комиссариата подверглось "перетряске — укреплению": в коллегию НКЗ введены большевики В.Мещеряков, Н.Петровский, В.Харлов, А.Устинов.

Следующий виток левоэсеровской эпопеи — выход из состава СНК в знак протеста против подписания Брестского мира и активное неприятие большевистской аграрной линии. Выражая интересы дееспособного крестьянства, левые эсеры видели в нем живущего трудом собственника. Ввиду этого они не одобряли ни большевистской обструкции цензового элемента, ни форсированной кампании по организации комитетов бедноты. Передача всей полноты власти на селе неавторитетной полупролетарской, полудеклассированной маргинальной массе казалась левым эсерам насилием здравого смысла, дикостью. Большевики же ставили на нее как на рычаг пролетарско-большевистской диктатуры в деревне. Как отмечалось межведомственной комиссией по руководству комбедами, "истинное назначение этой организации... чисто политическое: произвести классовое расслоение деревни, вызвать к активной политической жизни те ее слои, которые способны... воспринять и проводить задания пролетарской социалистической революции... могли... повести за собой... среднее... крестьянство,

⁸³ Семенникова Л.И. Цит. Соч. С 388

⁸⁴ См.: Ленин В.И. Т. 37. С. 326.

вырвав его из-под экономического и социального влияния кулаков и богатеев, засевших в деревенских Совдепах"⁸⁵. Комбеды, по замыслу большевиков, функционируя параллельно с избранными населением непробольшевистскими Советами, в дальнейшем должны были подменить их уже на большевистской основе. "Мы постановили, — уточнял Ленин, — что комбеды и Советы в деревнях не должны существовать порознь... мы сольем комбеды с Советами, мы сделаем так, чтобы комбеды стали Советами"⁸⁶.

Таким образом, левые эсеры думали о налаживании сельскохозяйственной работы, большевики думали о проведении собственной партийной политики на селе. Задачи у них были разные, цели несовместимые. В дни работы V Всероссийского съезда Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов 6 июля 1918 г. левые эсеры подняли в Москве антибольшевистский мятеж, нещадно подавленный.

Принимая во внимание, что 14 июня 1918 г. ВЦИК постановил очистить Советы от небольшевистских элементов (эсеров и меньшевиков), разгром левозэсеровского выступления и последовавшее упразднение левозэсеровской организации означали оформление безраздельного партийного господства большевиков в политической сфере. С лета 1918 г. в России устанавливается номенклатурно-коммунистическая диктатура.

Политика военного коммунизма. Октябрь не выполнил функции детонатора мировой революции. Добившиеся власти большевики столкнулись с необходимостью налаживания разнесенных переворотом элементов развернутой социальной системы жизнеобеспечения. Вопреки ожиданиям Октябрь не составил базы структурной модернизации; в ходе слома старой госмашины, ожесточенной гражданской войны политический и хозяйственный [фундамент общества был раздавлен; с позиций цивилизационных (оценок страна впала в антизападную архаику. В ситуации всеобщего обнищания, разрушенности производительных сил проводился едва ли не единственный курс этакратизации — установления универсальной монополии государства на социокультурное творчество. В условиях деклассирования пролетариата, раскрестьянивания крестьянства, деинтеллектуализации интеллигенции этакратическая большевистская монополия упрочалась посредством введения мобилизационного режима наемного труда, когда потенции индустриально-дотоварного работника за фиксированное вознаграждение (прямое декретно-директивное распределение) реквизировались государством-собственником. Большевистский этакратизм конституировался а) всевластием государства; б) гипертрофированной ролью партии, задающей раму общественных взаимодействий благодаря принятию на себя всей полноты мыслимых и немыслимых инициатив от властных до хозяйственных и геополитических и осуществляющей связи продукто-производителей не экономическим (рыночным), а политическим способом; в) фундаментальной ролью идеологии как остова внеэкономического принуждения. Подобно азиатскому способу производства, где целостность общества задается властным фактором, с послеоктябрьской фазы Россия вступает в полосу политарной формации со специфической, кабально-общинной государственной формой социальной интеракции.

Первоначальный замысел большевиков, нашедший воплощение в практике — национализация банков, транспорта, внешней торговли, аннулирование царских и керенских займов, установление народного контроля над производством и распределением, — обслуживал идею добиться большей эффективности управления жизнью со стороны не чиновно-полицейского, а рабоче-крестьянского правительства. Постепенно, однако, по мере перехода Советов к контролю общественного воспроизводства первоначальный замысел большевиков трансформируется в форсированную программу введения социализма. (От чего раньше в полемике с

⁸⁵ Центральный государственный архив народного хозяйства СССР. Ф. 1943. Оп. 1. Ед. хр. 693. Л. 78.

⁸⁶ Ленин В.И. Т. 37. С. 180—181.

Каменевым отрекся Ленин)⁸⁷.

Итак, в теории предостережение от торопливого забега вперед, на деле — темповый ритм деятельности. Очередной разрыв проекта и реализации.

Постоктябрьская действительность отличалась плюрализмом форм собственности на средства производства; просматривались уклады:

- патриархальный (натуральное хозяйство);
- мелкотоварный (превалирующее в России единоличное крестьянское хозяйство, кооперативы, артели);
- частнокапиталистический (применяющие наемный труд ценовики, торговцы, владельцы ненационализированных предприятий);
- государственно-капиталистический (концессионные, арендные предприятия, подконтрольные государству);
- социалистический (национализированная промышленность, трудовые коммуны, совхозы, колхозы).

Причем, с точки зрения массовости, выделялся мелкотоварный уклад, а с точки зрения эффективности — госкапиталистический. (По признанию Ленина, госкапиталистическое хозяйство "несравнимо выше, чем наша теперешняя экономика"⁸⁸.) При диктатуре пролетариата, насилием не ограничивающейся, экономической основой ее жизни, успеха является более высокий сравнительно с капитализмом тип общественной производительной организации. Значит, не ликвидируя до времени массового и более развитого капитализма, надлежало развивать социалистический сектор. Этому воспрепятствовали обстоятельства.

В условиях войны, блокады, мятежей, оккупации с весны — лета 1918 г. производится полное огосударствление и национализация производства в комбинации с последовательной централизацией, командно-директивным управлением, милитаризацией жизни. 9 мая постановлением СНК установлена продовольственная диктатура. Нарком продовольствия А.Цюрупа получает чрезвычайные полномочия. Цены на хлеб замораживаются, внедряется практика продовольственных реквизиций (к концу 1918 г. численность продотрядов насчитывает 26 тыс. человек). С ноября запрещается частная торговля предметами первой необходимости. С января 1919 г. вводится продразверстка на хлеб, фураж, а затем и другие продукты. Переход на рельсы всеобщей мобилизации, режима чрезвычайщины, предполагающий использование жестких мер, именуется политикой военного коммунизма (ВК). Полагать, будто ВК лишь спровоцированный обстановкой, вынужденный тип общественной организации в мобилизационный период, неверно. Вызванный к жизни объективными реалиями ВК расценивался большевиками как непосредственная технология (по аналогии со стихийно возникшими Советами) социалистического устройства.

"Мы решили, — откровенничал Ленин, — что крестьяне по разверстке дадут нужное нам количество хлеба, а мы разверстаем его по заводам и фабрикам, — и выйдет у нас коммунистическое производство и распределение"⁸⁹. Ключ к коммунизму, казалось, был найден. Почему бы им не открыть двери рая? На пути стал человек со своим интересом, потребностью, волей, непросчитываемым, дискурсивно немоделируемым, аконцепционным чувством самостийного существования. Как в борьбе за коммунизм преодолеть человека?

Напомним, что в итоге социально-политических махинаций большевиков крестьяне:

- в пользование земли не получили: проведенная III съездом Советов рабочих и крестьянских депутатов социализация земли подменена государственно-

⁸⁷ См.: Ленин В.И. Т. 31. С. 100

⁸⁸ Там же.

⁸⁹ Там же. Т. 44. С. 157.

собственнической национализацией; широкий размах приобрело насаждение совхозов; на основе завоза неквалифицированной рабочей силы из города разворачивались сельхозкоммуны; головоутипаствовали комбеды, проводившие произвольный передел угодий, пашни, скота, инвентаря. Из 80 млн. га земли 50 млн. принадлежавшей цензовикам обработанной, ухоженной земли передано утратившим производительную культуру беднякам;

— в форме беспросветных разверсток остался оброк;

— практиковалась барщина: масштабные принудительные привлечения к обработке земель коммун, совхозов, колхозов; нештатные отработки по заготовке дров, подвозу фуража и т.п.

Печальными этапами раскрестьянивания российской деревни явились а) освободившая от рабства крестьян без земли реформа 1861 г.; б) ликвидирующий помещичье землевладение, но не передающий в личное крестьянское пользование октябрьский декрет о земле; в) нацеленный на ликвидацию цензового элемента комбедовский насильственный передел земли (откат к патриархальной уравнительности, уничтожение рентабельных хозяйств, вытравливание производительной культуры); г) волюнтаристская национализация земли, насаждение социалистических (антисобственнических) архетипов хозяйствования (в феврале 1919 г. ВЦИК принял' поспешное "Положение о социалистическом землеустройстве и о мерах перехода к социалистическому земледелию"); к 1920 г. инициировано 10 тыс. нерентабельных колхозов (с патриархально-общинной культурой жизни).

Страшный голод начала 20-х г., в результате которого от недоедания и истощения погибло 5 млн. человек, закономерно подытоживал большевистскую аграрную политику.

Как могли, крестьяне протестовали. За 1918 — первую половину 1919 г. произошло 340 крестьянских восстаний. В Тамбове создан беспартийный "Союз трудового крестьянства". В феврале 1921 г. в мятеже здесь участвовало 30 тыс. человек. Лишь после прекращения продовольственных разверсток, отзыва продотрядов, налаживания снабжения крестьян семенами восстание пошло на убыль. С весны 1921 г. начались вооруженные выступления крестьян в Сибири, на Северном Кавказе, на Украине. Крестьяне требовали разогнать совхозы, коммуны, ратовали за подлинную советскую власть без коммунистов. Н.Махно подчеркивал: "Я и мой фронт остаются неизменно верными рабоче-крестьянской революции, но не институту насилия в лице... комиссаров и чрезвычайек, творящих произвол над трудовым населением". Против хлебной монополии советской власти под лозунгами "Советы без коммунистов", "Свободу торговли" проходил Кронштадтский мятеж.

Не заинтересованное в деятельности село увядало, ситуация с крестьянством приближалась к критической. В такой обстановке — и в этом суть ответа на ранее поставленный вопрос о преодолении в борьбе за коммунизм человека — большевики сделали ставку на террор.

Советская организация уничтожила либеральный тип демократии — многопартийность, правовой строй, парламентаризм, разделение властей, открытость общества. "Историческое призвание Советов, — писал Ленин, — быть могильщиком... буржуазного парламентаризма, буржуазной демократии вообще"⁹⁰.

Основные вехи этого процесса:

— 27 октября 1917 г. кадеты квалифицированы как партия врагов народа;

— 6 января 1918 г. — разгон Учредительного собрания (созыв которого впоследствии гарантировался верховным правителем России Колчаком);

— 14 июня 1918 г. — вслед за победой меньшевиков и эсеров на выборах во многих городах и районах — декрет об исключении их из ВЦИК и Советов всех уровней;

— 6 июля — разгром левых эсеров; присвоение меньшевикам и эсерам

⁹⁰ Там же. Т. 41. С. 75.

характеристики "Социал-предатели". Все партии, кроме большевистской, фактически поставлены вне закона;

— осень 1918 г. массированные гонения на эсеров и меньшевиков. "Положение партии, — вспоминал Мартов, — было невыносимым. С внешней стороны все ее проявления... сведены на нет; все уничтожено: пресса, организации и т.д. В отличие от царистских времен нельзя даже "уйти в подполье" для сколько-нибудь плодотворной работы"⁹¹;

— май 1921 г. Мясников вышел в ЦК РКП (б) с требованием свободы печати "От монархистов до анархистов включительно". Ленин ответил: "Свобода печати в РСФСР, окруженной буржуазными врагами всего мира, есть свобода политической организации буржуазии и ее вернейших слуг, меньшевиков и эсеров... Мы самоубийством кончать не желаем и потому этого не сделаем"⁹² (за обращение к ЦК Мясникова исключили из партии);

— после вывода в Госиздате книги эсера С.Маслова "Крестьянское хозяйство", названной Лениным насквозь буржуазной, пакостной книжонкой, одурманивающей мужичка показной буржуазной ложью⁹³, работники издательства подверглись выволочке; введена жесткая цензура;

— сентябрь 1921 г. — в створе суждений Ленина, что в "Государственных школах и университетах учат (вернее развращают) молодежь старые буржуазные ученые старому буржуазному хламу", развернута атака на интеллигенцию; принято положение "О высших учебных заведениях РСФСР", кладущее начало пролетаризации вузов, привитию классового принципа образованию и обучению; несколько ранее (февраль) выпущен декрет СНК "Об учреждении институтов по подготовке Красной профессуры", специализирующихся на штамповке идейных шестерок режима.

Большевики брали власть под лозунгом большей демократии, но, получив власть, фрагментировали общество, сшибли части друг с другом, насадили антидемократическую организацию, породили всеобщую бойню. «Мы не обещаем свободу и равенство вообще» - выразил большевистское кредо Ленин. После октября отменено всеобщее избирательное право. Причем вопрос о поражении в правах подозрительных лиц передавался в ведение местных властей, руководствующихся "классовым чутьем", то бишь произволом. Выборы в Советы были многоступенчатыми (за исключением местных Советов); гражданские свободы предоставлены лишь неимущим, как правило, неграмотным слоям, не могущим в полной мере ими распорядиться.

"Управлять" практически все больше означало, по выражению Калинина, действовать "самостоятельно, не подчиняясь регламентирующим статьям закона". 21 февраля 1918 г. легализована смертная казнь, на базе введения внесудебной расправы развернута чудовищная подотчетная лишь партии (в письме ЦК РКП (б) чекистам говорилось: "Необходимость особого органа беспощадной расправы признавалась нашей партией сверху донизу. Наша партия возложила эту задачу на ВЧК, снабдив ее чрезвычайными полномочиями и поставив ее в непосредственную связь с партийным центром"⁹⁴) индустрия репрессий над "агентами, спекулянтами, громилами, хулиганами, контрреволюционными агитаторами... шпионами", "саботажниками", "прочими паразитами". В зависимости от обстоятельств и желания под эти группы могли подвести всех и каждого.

Установление сугубого неправового произвола оттеняет тактика захвата и массового расстрела заложников, обустройство концентрационных лагерей. К ноябрю 1919 г. в РСФСР насчитывался 21 концлагерь с 16 тыс. человек. Через год имелось уже 84

⁹¹ Отечественная история. 1992. № 5. С. 211

⁹² Ленин. В.И. Т. 44 С 79 См Там же. Т. 53. С 104. Там же Т. 39. С. 424

⁹³ Отечественная история 1993. № 6 С 51

⁹⁴ Ленин В И Т. 50 С 106

лагеря с 53 тысячами. В июне 1918 г. Ленин назидал: "...Поощрять энергию и массовидность террора"⁹⁵. За август—сентябрь 1918 г. репрессировано около 31,5 тыс. человек. Террор оказывался рычагом не борьбы против власти как в старое время, а рычагом удержания власти. От красного террора в 1918—1919 гг. по разным источникам погибло от 1,3 до 1,7 млн. человек.

Покровы с завуалированной диктатуры большевистской партии в январе 1918 г. снимал Плеханов, писавший: "Их диктатура представляет... не диктатуру трудящегося населения, а диктатуру... группы. Именно потому им приходится все более и более учащать употребление террористических средств. Употребление этих средств есть признак шаткости положения, а вовсе не признак силы. И уж во всяком случае, ни социализм... ни марксизм... тут совершенно ни при чем". Шокированные масштабом, наглостью большевистского террора, с его осуждением выступали рабочие. На собрании уполномоченных промышленных предприятий Петрограда в марте 1918 г. принята "Резолюция о политическом терроре". В ней говорилось: "На улицах и в домах днем и ночью ежедневно происходят убийства. Убивают не только грабителей и не только грабители, но и ответственные агенты Советской власти. Убивают под видом борьбы против контрреволюции, убивают не врагов народа, а честных мирных граждан, рабочих, крестьян, студентов, солдат. Убивают без суда и следствия, рассчитано и хладнокровно. Убивают нашим именем, именем революционного пролетариата.

Мы, представители рабочего класса, перед лицом всей России заявляем, что эти убийства позорят честь революции и демократии. Мы с отвращением и негодованием отмечаем от себя ответственность за кровавые дела. Мы призываем всех рабочих и всех честных людей присоединиться к нашему возмущению и протесту и требуем открытого суда над всеми зверствами и убийствами".

Перед большевиками открывалась дилемма: демократизация — закручивание гаек. За первый вариант с программой народовластия, "чистой демократии" без красных и белых (большевиков и монархистов) выступали полуразгромленные меньшевики и эсеры. Этот путь, на котором большевиков ждал неминуемый политический крах, был им заказан. Второй вариант активно отстаивал Троцкий. Незамысловатые аргументы последнего сводились к подчеркиванию социально-политической целесообразности: при дефиците ресурсов, временном цейтноте оптимально жесткое, граничащее с милитаризацией, центрально-командное администрирование. Отсюда лозунг: уравнительность (следствие контингентирования) и ударность, которую в отсутствие материальной стимуляции обеспечивает принудительное государственное регулирование. С Троцким солидаризировался Бухарин, обосновывавший (в "Экономике переходного периода" — 1920 г., в частности) волюнтаристско-этатистский статус экономики переходного периода: объективные законы здесь, дескать, не действуют; хозяйство налаживается внеэкономическим принуждением пролетарского государства.

И Троцкий, и Бухарин исходили из действительности, вычленили хотя крайние, но вполне реальные стороны тогдашней (и грядущей!) жизни — репрессивность и волюнтаристичность, которые, точно близнецы-братья, шли рука об руку.

Требуемый прояснения вопрос, однако, состоял в том, кто конкретно наделяется прерогативой центрально-командного администрирования. В явочном порядке на роль субъекта администрирования выдвинулась партия. "Ни один важный политический или организационный вопрос, — констатировал Ленин, — не решается ни одним государственным учреждением в нашей республике без руководящих указаний цеха партии"⁹⁶. На местах во многих случаях партийные комитеты самочинно объявляли себя верховной властью.

Подобная неконституционная практика, разумеется, была опасной. Плодилась

⁹⁵ Политическая история отечества. 1861 — 1920. Хрестоматия М, 1991. С 136.

⁹⁶ Ленин. В.И. Т. 45. С. 30—31.

комбюрократия, процветало головотяпство, учащались (см. программную работу Зиновьева "Новые задачи партии") неквалифицированные некомпетентные вмешательства партийных инстанций в деятельность государственных и хозяйственных органов. Дальнейшее лобовое огосударствление партии вело к катаклизму.

Недовольный положением на коммунистическом Олимпе, используя сложности текущего момента, Троцкий развернул дискуссию о профсоюзах. Оформились блоки Троцкого, Ленина, Шляпникова.

Троцкий, Бухарин, Ларин, Преображенский, Серебряков, Сокольников, Яковлева заявляли прямую, вытекающую из модели администрирования управленческую схему: не партия, а приближенные к производству профсоюзы должны руководить хозяйством; огосударственным профсоюзам следует передать всю полноту распоряжения производительной деятельностью.

Группа десяти Ленина (Сталин, Зиновьев, Каменев, Томский и др.) настаивала на партийном руководстве хозяйством. Толкуя профсоюзы как "привод" партии к массам.

Рабочая оппозиция Шляпникова (Коллонтай, Медведев, Лутовинов и др.) выступала против подмены партией деятельности Советских и социальных организаций, за ликвидацию порочной практики директивного назначенчества.

Существо интриги партийной дискуссии о профсоюзах — тактика оседлания массы.

Затевая дискуссию, неуступчивый, по натуре авторитарный Троцкий рассчитывал на извлечение должностных выгод; незаведомым образом же он способствовал критике идейно близкой ему центрально-административной системы (ЦАС).

Бухарин с группой, поддержав, в общем, логичную при команд-' ном управлении линию Троцкого на огосударствление профсоюзов, анонсировал идею выдвижения руководителей не только из номенклатуры, но и из профсоюзной среды. Рабочая оппозиция, отмечая отрыв партийных органов РКП (б) от масс, аппарата от пролетариата, потребовала передать управление народным хозяйством от партии к особому органу, избираемому "всероссийским съездом производителей", предлагала уполномочить профсоюзы назначать администрацию.

Дальше — больше. Децисты (Сапронов, Осинский, Богуславский) высказались за свободу фракций, подвергли критике безраздельное руководство Советами партийными комитетами. Все это квалифицировалось Лениным как синдикализм, анархо-синдикализм, отрицание руководящей роли партии, подрыв ее единства. В отчаянной борьбе за единство коммунистических рядов (т.е. за победу своей точки зрения) Ленин провел нужную модель партийного подхода к массе. Оперативное управление всем и вся — за РКП (б); профсоюзы — общественная самостоятельная организация, занятая комвоспитанием (в духе директив ЦК РКП (б)) трудящихся. Получается, по признанию Ленина, лишь "формально не коммунистический, гибкий и сравнительно широкий... пролетарский аппарат, посредством которого партия связана... с классом и с массой и посредством которого, при руководстве партии, осуществляется диктатура класса"⁹⁷. Доминируя над аппаратом, партия функционирует как единственная правящая партия.

Система ВК — вариант мобилизационной политики в военное время — складывалась, упрочилась как модель огосударствления хозяйства по "плановым", "пропорциональным" рецептам руководителей партийной номенклатуры. Она зиждилась на непомерной бюрократизации управления (в двух столицах 40% работоспособного населения сосредоточено в госконторах); ликвидации корректирующей и стимулирующей роли рынка; укоренении режима некомпетентной партийной мелочной опеки (в феврале 1921 г. учрежден всеведущий Госплан); тотальном ущемлении интереса производителей и потребителей. Объективно ВК — отправная точка насажденной большевиками в России центрально-директивной, кабально-общинной, партийно-номенклатурной советской

⁹⁷ Ленин В И Т 41 С 31

социалистической организации.

Новая экономическая политика (НЭП). Магистраль собственной власти большевики связывали с победой мировой революции. Когда последней не произошло (невзирая на мощные революционные выступления в ряде стран мира), но по окончании гражданской войны большевики власть сохранили, один на один они оказались перед колоссальной задачей налаживания хозяйственного обустройства. Как отмечалось, первоначально предполагалось опереться на социально-экономический рычаг ВК: напирая на огосударствление, создавать товарные терминалы с последующим прямым продуктообменом между городом и деревней. Необходимых фондов, запасов ввиду разрухи большевики, однако, создать не смогли. К началу 1921 г. выявились сильнейшие изъяны, дисбалансы партийно-государственной коммунистической диктатуры — непроизводительная уравнительность, мародерство продрозверсток, репрессивная партийная монополия на редистрибуцию. (К слову сказать, под занавес лихолетья гражданской войны, когда в стране свирепствовал голод, "большевистские чиновники из центральных органов получали в месяц 12 кг мяса, 1,2 — сливочного масла, 1,2 — сахара, 4,3 — риса. На их санаторное обслуживание было ассигновано 360 млрд. рублей. Кроме этого представлялся отпуск с выездом за границу вместе с лечащим врачом, для чего выдавалось 100 рублей золотом "на устройство и мелкие расходы" и затем 100 рублей золотом на конец последнего месяца года. Ответственные партийные работники, имевшие семью из трех человек, получали зарплату, увеличенную на 50% и еще 50% выплачивалось за работу в неслужебное время"⁹⁸. В 1922 г. на XII партконференции принята резолюция "О материальном положении активных парторботников" — числом 15 325 человек, входящих в номенклатуру ЦК.

Многотысячные крестьянские бунты, кронштадтское выступление под набирающим популярность девизом "Власть Советам, а не партиям" поставили под сомнение судьбу большевистской власти. Изгнанный в дверь крестьянский народ в крестьянской стране возвращался в окно. Как его ни карали, ни мучили, ни гнули через колено, он заявлял свое. Ленин вынужденно признавал: мелких производителей "нельзя прогнать, их нельзя подавить, с ними надо ужиться"⁹⁹. В марте 1921 г. схему "уживания" с мелким производителем конституировал X съезд РКП (б), постановивший заменить продовольственную и сырьевую разверстку хлебным (натуральным) налогом. В ряду нэповских мероприятий, заставлявших считаться с фактами, а не символами веры, и, как минимум, ослаблявших дремучую уравнительную практику хозяйствования (всех делать бедняками), — значит сильное снижение (примерно в два раза сопоставительно с разверсткой) размера натурального налога, активизация торговли, введение денежного обмена, денационализация мелких предприятий, разрешение аренды госпредприятий кооперативными организациями, физическими лицами, развитие концессий, перевод части промышленных учреждений на хозрасчет.

Означал ли НЭП радикальный отход от большевистской схематики жизни? Никоим образом. Суть НЭПа — не в "перемене всей точки зрения нашей (большевистской. — Авт.) на социализм"¹⁰⁰, а в экономической легализации многоукладности с одновременным преобразованием ее в социализм через паллиативное послабление крестьянству. НЭП — система полумер, нацеленная на хозяйственное признание частника, который политически зачастую поражен в гражданских правах, а производительно зарегламентирован. Введение социализма декретивно как прямого продуктообмена города с селом на базе милитаризации труда (мечта Троцкого) провалилось. Иной способ достижения цели — хозяйственная перестройка, но не по западному образцу (посредством рынка, парламентаризма и т.д.), а по почвенным началам

⁹⁸ Семенникова Л.И. Цит. Соч. С 445

⁹⁹ Ленин В И Т 31 С 27

¹⁰⁰ Там же Т 45 С 376

коллективизма, авторитаризма, этатизма (огосударствления). Большевизм как социальная стратегия по сути венчает открытую и скрытую войну с западничеством, которую как государственную политику заявил Петр I. В соответствии с программой, утвержденной в 1919 г. VIII съездом РКП (б), в России сознательно, последовательно, планомерно создавался бесклассовый коммунизм. Пока через уступку товарно-денежным отношениям, многоукладности, мелкобуржуазности. Разумеется, это раздражало. "Вырывается машина из рук, — сокрушался Ленин, — как будто бы сидит человек, который ею правит, а машина едет не туда, куда ее направляют, а туда, куда направляет кто-то, не то нелегальное, не то незаконное, не то бог знает откуда взятое, не то спекулянты, не то частнохозяйственные капиталисты, или те и другие, — но машина едет не совсем так, а очень часто совсем не так, как воображает тот, кто сидит у руля этой машины"¹⁰¹. Намечалась дисфункция: дифференциация экономических и политических интересов, вызванная легализацией многоукладности, подрывала диктатуру компартии. Для упрочения последней большевики выбрали испытанные средства — террор и групповщину.

В 1922 г. Ленин направлял: "...Ошибка думать, что НЭП положил конец террору. Мы еще вернемся к террору и к террору экономическому"¹⁰². Экономическое проявление террора — та же торговля; торговать можно не тем, чем желаешь, а чем разрешено. Из оборота, к примеру, выпадала несанкционированная ЦК РКП (б) литература. Закручивание гаек проявилось в оголтелой кампании по борьбе с реальными и потенциальными, действительными и мнимыми политическими противниками. XII Всероссийская конференция РКП (б) приняла резолюцию "Об антисоветских партиях и течениях", поставила все общественно-политические объединения за исключением РКП (б) вне закона. Ленин рекомендовал Курскому рассмотреть применение расстрела (с заменой высылкой за границу) ко всем видам деятельности меньшевиков, эсеров и т.п. Весной 1922 г. по идейным основаниям начался фронтальный погром меньшевиков; летом того же года — эсеров. На призывы лидеров II и III/2 Интернационалов освободить арестованных бывших соратников большевиков Ленин ответил запиской в Политбюро. Там значилось: "Репрессии против меньшевиков усилить и поручить нашим судам усилить их"¹⁰³. Вошли в моду кадровые перетряски и перетасовки.

После неприятной для многих большевиков дискуссии о профсоюзах в начале 1922 г. ЦК РКП (б) создал специальную комиссию по инспекции профсоюзных кадров. Комиссия установила: из 39 секретарей и председателей ЦК производственных Союзов 18 человек были из меньшевиков и эсеров. Началась кампания "укрепления" руководящего профсоюзного актива. XI съезд РКП (б) дал ответь Рязанову и его линии относительно независимости профсоюзов от партии. Созванный параллельно с IV Всероссийским съездом профессиональных союзов майский Пленум ЦК РКП (б) лишил Рязанова права (!) работать в профсоюзах¹⁰⁴. XI съезд осудил и Преображенского, предлагавшего ограничить функции Политбюро политическими. Съезд высказался однозначно: любой вопрос жизни — политический. С этого момента партия окончательно подменила собой и государство, и общество. «Когда нас упрекают в диктатуре одной партии, — срывал все и всяческие покровы Ленин, — мы говорим: "Да, диктатура одной партии! Мы на ней стоим и с этой почвы сойти не можем"»¹⁰⁵.

Де-юре диктатура партии никогда не оформлялась, де-факто она проводилась политикой кадров. Организационные кунштюки — не изобретения Сталина. Проведение всякой акции как организационно-партийной операции — новация Ленина. Расставить

¹⁰¹ Там же Т 45 С 86

¹⁰² Там же Т 44 С 428

¹⁰³ Там же Т 54 С 148

¹⁰⁴ См Известия ЦК РКП (б) 1921 №32 С

¹⁰⁵ Ленин В И Т 39 С 134

правильно своих людей вначале в партии, затем в выборных органах и через них проводить нужную линию — такова тактика.

Съезды Советов штамповали решения ЦК, СНК или даже лично Ленина. ВЦИК функционировал как карманное образование, отображая случившееся прорастание партийного аппарата в государственный. Уже Брестский мир как неоднозначное решение принимался сперва ЦК, после съездом партии и лишь под занавес Чрезвычайным съездом Советов.

Чисто хозяйственная сторона НЭП — замена разверстки налогом — нетривиальный экономический шаг, который мог бы серьезно осложнить перспективы нового строя. И это скорее всего произошло, если бы не оперативное развертывание организационной кампании. Скажем: ВЦИК и СНК 10 апреля 1922 г. принимают декрет "О государственных промышленных предприятиях, действующих на началах коммерческого расчета (трестах)", существенно расширяющий самостоятельность управления предприятиями, предоставляющий им некоторую свободу деятельности на рынке. Но те же органы тут же создают комиссию под водительством Куйбышева, наделенную полномочиями "укреплять" руководство трестами коммунистами. За усиление партийной прослойки в хозорганах высказался XII съезд РКП (б), придавший новый импульс слиянию партийных и хозяйственных структур.

Главный итог перехода к НЭПу — прекращение падения производства, финансовая стабилизация, введение золотого червонца, наполнение рынка. Оздоровляющая экономическая либерализация, как ни парадоксально, сопровождается прямо противоположными процессами — усилением ЦАС, огосударствлением, установлением партийно-номенклатурной монополии и диктатуры. Такая амбивалентность позволяет расценивать НЭП не как линию коренной перемены всех взглядов на социализм, а как тактическую паллиативную меру. Мы знаем, когда начался НЭП, но не знаем, когда он закончился. Официальная версия — 1936 год, когда вновь принятая Конституция СССР прокламировала завершение переходного периода с решением вопроса "кто кого" в пользу социализма, — не устраивает. Иная дата 1928—1929 гг., когда на фоне срыва хлебозаготовок Сталин дает указание проводить принудительную коллективизацию, искоряющую единоличника на селе, — близка к истине. Но есть не менее верная более ранняя веха — 1922 год, XI съезд РКП (б), предписывающий остановить отступление. Как бы там ни было, суть в том, что за любое отводимое НЭПу время свободы хозяйствования в России производитель так и не получил. Во-первых, он не имел правовой базы действий. Директивные разрешения исполнительных властей в любой момент могли быть ими же самими дезавуированы. Во-вторых, до 35% крестьян, измотанных войной, разверстками, реквизициями продотрядов, комбедов, способность к производительному труду утратили. Они впали в патриархальщину, уравнительную архаику — громили цензовый, просто крепкий сельскохозяйственный элемент, не платили налогов, требовали госдотирования, хлебопомощи. Свыкшись с режимом социальных податей, своим образом жизни они уже никогда не могли вырваться из теснин общинности. Рассчитанный на инициативу персонально дифференцированный ритм жизни был им запрещен. Они оказались массовой опорой антинэповской коллективизации. В-третьих, частный капитал в основном концентрировался в розничной торговле, где его доля доходила до 57,7%; в промышленности, банковском деле преобладало государство; частник на селе перманентно репрессировался. В-четвертых, усиливалась диктатура партийно-большевистской (не советской) антисобственнической власти. За некоторым исключением (инспирация продотрядов, комбедов) большевики не придумали уравнилительный террор, они лишь использовали домостроевские настроения сельских патриархов. Кредо Ленина: "Диктатура пролетариата... не есть только насилие над эксплуататорами и даже не главным образом насилие. Экономической основой... насилия, залогом его жизненности и успеха является то, что пролетариат представляет и

осуществляет более высокий тип общественной организации труда по сравнению с капитализмом"¹⁰⁶, — воплощено не было. Более высокий тип общественной организации пролетариатом (РКП (б)) создан не был. А вот более высокий тип частной организации завистливые экстремистские тенденции порождал и плодил. Диктатура пролетариата (большевиков) в хозяйстве свелась к сугубому, неправовому, жесткому, дикому, нелепому, гнусному насилию. Не экономическое соревнование, а репрессии от экспроприации до массовых расстрелов, от революционных погромов до депортации решали вопрос "кто кого". В-пятых, процветал безоглядный волюнтаризм. Октябрьский 1922 г. Пленум ЦК РКП (б) по настоянию Сокольникова, Бухарина, Каменева, Пятакова выступает за ослабление режима государственной монополии внешней торговли. Вмешался Ленин. Декабрьский того же 1922 г. Пленум ЦК РКП (б) высказывается уже за укрепление государственной монополии на внешнеторговую деятельность. Государственные вопросы решала кучка (на XI съезде избран ЦК в количестве 27 членов, 19 кандидатов, ЦКК — 5 членов, 2 кандидата) малокомпетентных членов ЦК, на протяжении каких-нибудь двух месяцев менявшая взгляды на диаметрально противоположные. Кроме того, развернута беспрецедентная по разнузданности кампания борьбы с "антипролетарской наукой" Базарова, Громана, Кондратьева, которые толковали рынок как регулятор хозяйствования, требовали ограничить, а то и отменить директивное планирование.

Подытоживая, можно смело сказать: возлагаемых на него задач (ввиду половинчатости, свернутости) НЭП не решил. В полной мере не ликвидированы ценовые диспропорции (цены на хлеб низкие, на промышленные товары высокие), отраслевые дисбалансы, не ликвидировано отставание роста производительности труда от роста заработной платы, не создан национальный рынок, не оформлена конкурентоспособная негосударственная собственность. Следует подчеркнуть и то, что, усилив социальную дифференциацию, НЭП обострил недовольство столь традиционного революционного элемента, как люмпен, — тех избыточных сельских масс, вытесненных в город, которые и там, не найдя себя, не могли смириться со своим положением маргиналов (для них, сделавших революцию, вдруг пошатнулось заветное: "кто был ничем, тот станет всем") и которые всячески торпедировали нововведения.

НЭП не был и а priori не мог быть радикально-фронтальной реформацией. В России тогда всерьез и надолго большевики занялись постройкой "пролетарского социалистического государства"¹⁰⁷. В политике ликвидировалась многопартийность. В экономике упразднялась многоукладность. По всем азимутам насаждался принцип работающей корпорации, совмещающей в одном лице законодательное и исполнительное. Входил в силу демократический централизм — единомыслие и единодействие в пределах партийного командно-центрального администрирования. В деревне столыпинская ветвь — цензовый элемент — вытравливалась, крестьяне, желавшие жить по общине, в НЭП не шли. В городе набирала темп национализация промышленности, в трестах насаждались коммунисты, концессионная форма не прививалась, ничтожные числом кустари-ремесленники ощущали, что сидят на бочке с порохом.

Из исторического и политического опыта известно, что в страновой модернизации нельзя апеллировать к плебсу. Но раз поставившие на париев большевики, ни в ком другом уже не в состоянии искать и находить поддержки. Никаких правильных соотношений с мелким производителем, в первую очередь крестьянством, установиться не могло. Все это предрешало провал НЭПа. Коренной поворот от заигрывания с капитализмом к обузданию антикапиталистической волны в ситуации докапиталистического развития осуществил Сталин. Его открыто тоталитарный проект

¹⁰⁶ Ленин В.И Т 39 С 13

¹⁰⁷ Там же. Т 35. С. 3.

означал приведение масс в состояние автотеррора. Не эффективная гетерогенная либеральная экономика, а эффективная гомогенная политическая репрессия стала рычагом поддержания целостности общества.

Россия социалистическая. На основе введенной Конституцией РСФСР 1918 г. огосударственной собственности в стране развернулось форсированное социалистическое строительство. В эпицентре его — решение тройной задачи — индустриализация, коллективизация, культурная революция.

Отправное звено индустриализации — план ГОЭЛРО. По тем временам замысел грандиозный. Дело не столько в количественной (за 10—15 лет планировалось построить 30 районных электростанций, включая Днепрогэс), сколько в качественной стороне. Большевики сделали верную ставку на авангардную технологию, дающую максимальный долгосрочный эффект (подобным же образом в социальной модернизации, как мы помним, поступал Петр I, а позже — Сталин, ориентировавшийся на интенсивное развитие военной, автомобильной, авиационной промышленности). Рассчитывая на последний, большевики намеревались извлечь политические дивиденды. Внутренние и внешние. Электрификация — орудие приближения нового строя, ибо "не потребуется переходных ступеней, посредствующих звеньев от патриархальщины к социализму"¹⁰⁸. Электрификация — средство инициации мировой революции: "главное свое воздействие на международную революцию мы оказываем своей хозяйственной политикой... на это поприще борьба перенесена во всемирном масштабе"¹⁰⁹.

Независимо от сказанного, однако, самоцелью электрификация не являлась. Она была рычагом. Конечным пунктом был более высокий сравнительно с капитализмом тип общественной организации труда и существования, к чему вела комплексная реконструкция разваленного гражданской войной и интервенцией народного хозяйства и его последующая индустриализация. Страна лежала в разрухе. В настоящем ее виде Красная Армия была небоеспособной, — к такому заключению пришла в январе 1924 г. специальная комиссия ЦК в составе Гусева, Андреева, Бубнова, Ворошилова, Орджоникидзе, Уншлихта, Фрунзе, Шверника и др.¹¹⁰. Ухудшалась международная обстановка. Проявляя завидную солидарность с только что побежденной страной, Запад принял план Дауэса послевоенного форсированного восстановления Германии (ср. с планом Маршалла). Конференция в Локарно (1925 г.) и Рейнский пакт зафиксировали стабильность границ в западной, но не центральной и восточной Европе, тем самым подталкивали опустошенную Версалем Германию к реваншистскому походу на Восток. В июне 1927 г. в обращении ЦК ВПК (б) "Ко всем организациям ВКП(б), ко всем рабочим и крестьянам" обоснованно утверждалось: "В результате политики империализма почва для мира становится все более шаткой... Война может быть нам навязана, несмотря на все наши усилия сохранить мир. К этому худшему случаю нужно готовиться всем трудящимся... Не терять времени, подымать хозяйство, крепить транспорт и оборону, еще энергичнее вести работу среди масс, на фабриках, в мастерских, в деревнях..."¹¹¹. Объединенный пленум ЦК и ЦКК ВКП(б) (июль—август 1927 г.) в резолюции подчеркивал: "...Система дипломатических и военных союзов против СССР, идущая по линии так называемого "окружения" СССР... является характернейшим фактом текущего момента"¹¹².

В сложившихся обстоятельствах был принят практически единственно верный план держать курс на индустриализацию страны, развитие производства средств производства, образование резервов для экономического маневрирования, поднятие

¹⁰⁸ Там же. Т. 43. С. 228

¹⁰⁹ там же. С. 341

¹¹⁰ См.: Центральный партийный архив ИМЛ. Ф. 17. Оп. 2. Ед. хр. 116. С. 8.

¹¹¹ Правда 1927 1 июня

¹¹² КПСС в резолюциях Ч 2 С 361—362

технического уровня крупной и местной промышленности, создание собственной сырьевой базы, экономию госсредств, укрепление монополии внешней торговли, обеспечение активного внешнеторгового сальдо. Установка и преимущественное развитие тяжелой индустрии, выдвинутая XIV съездом компартии, а затем усиленная XV конференцией ВКП(б), прокламировавшей начать, а затем превзойти уровень индустриального развития передовых капиталистических стран"¹¹³, нашла воплощение в совершенно конкретных действиях. В 1925 г. принята программа строительства 14 машиностроительных заводов. В 1926 г. разворачивается эпопея ударных народных строек. В 1926—1927 гг. прирост промышленной продукции выразился крайне высокой цифрой — 18%. За 1928—1929 гг. введено в эксплуатацию 91 предприятие.

Со стремительным осоциалистичением промышленности (социалистический сектор к 1928 г. составил здесь 86%) диссонировала ситуация в сельском хозяйстве. В 1927 г. лишь около 15% крестьян имело сносный конный инвентарь, преобладал ручной труд, происходила социальная дифференциация (цензовый элемент — кулаки скупали в 1925—1926 гг. четверть всей поставляемой селу техники). Насаждаемые колхозы и совхозы оказывались нерентабельными. Осенью 1925 г. возникли серьезные трудности в хлебозаготовках: зерна собрано на 200 млн. пудов меньше запланированного. Обнаружился сильнейший дисбаланс между выпуском промтоварной и продтоварной продукции. В отсутствие промтоварных изделий крестьяне прекратили продажу хлеба. Обозначилась дилемма: для активизации товарооборота между городом и деревней диспропорции в темпах роста легкой и тяжелой промышленности преодолеть посредством дополнительных мер по развитию производства товаров бытового и личного потребления либо откорректировать официально неотмененный НЭП, возвратиться к тактике продразверсток. Первую возможность как подрыв линии на индустриализацию отверг собравшийся в 1927 г. XV съезд ВКП(б). Началась фронтальная коллективизационная кампания. Насильственная трансформация земельной собственности, принудительное обобществление, широкомасштабное кредитование колхозов и совхозов, классовый принцип продажи сельхозтехники, увеличение налогов с кулаков (они давали половину деревенских сборов) совершенно подорвали сельскохозяйственное производство. В 1927—1928 гг. план хлебозаготовок был сорван. Сбои в снабжении промышленных центров хлебом угрожали дестабилизацией, голодом.

Бухарин, Рыков, Томский высказывались за развитие цензовика (фермерский путь) — теория вращивания кулака в социализм с параллельным снижением темпов индустриализации и коллективизации. В записках в ЦК Бухарин обвинял руководство страны в "военно-феодальной эксплуатации крестьянства", предлагал "снимать пенки с накоплений кулака и обращать их на дело социалистического строительства", резонно вопрошал: "Если все спасение в колхозах, то откуда деньги на их механизацию?.. Правильно ли... что колхозы... должны расти на нищете и дроблении?" Одновременно практический работник плановых органов экономист Фрумкин в письме к членам ЦК предостерегал, что модель форсированной коллективизации обернется именно неминуемой деградацией сельского хозяйства. Позиция "Бухарин со товарищи" была объявлена правым уклоном. Руководство страны, XV съезд ВКП(б) однозначно поставили на путь массовой коллективизации в комбинации с продовольственными изъятиями. В 1929 г. вопреки всем официальным послаблениям и гарантиям НЭПа у кулаков экспроприировано 3,5 млн. тонн хлеба. С этой последней реквизицией с кулачеством как элементом (столыпинским цензовиком) в России покончено. Вместе с этим рассеялась реальная возможность фермерского пути развития сельского хозяйства.

Так ли уж необходима коллективизация? Ответ на вопрос упирается в тематизацию проблемы, могли ли цензовики накормить страну. Поскольку проверочного эксперимента не поставить, подключим средства концептуального моделирования. Если

¹¹³ Там же С 295

бы не коллективистский, связанный с издержками, форсаж, безмерные кредитные накачки нерентабельных государственных хозяйств, тотальная борьба с кулаком, цензовый элемент прокормить страну скорее всего мог. Однако в силу системных связей политико-экономического обмена деятельностью за легализацией плюрализма собственности, типов хозяйствования, стилей воспроизводства, пришлось бы легализовать и плюрализм политических организаций, скрытых за ними интересов. Поскольку даже в хозяйстве НЭП толковался как паллиатив, вынужденное отступление, отход от генеральной линии, — в политике, как мы видели, никаких послаблений не допускалось, — переход на синтетическую многоукладность жизни исключался. Большевики, Сталин, иницируя коллективизационный форсаж, добивались не эффективизации сельского хозяйства, а социалистической социальной однородности. По этой причине судьба кулака (цензовика) была предпрешенной. С его ликвидацией в России наступала полная и, как казалось, окончательная победа социалистического коллективистски-уравнительного — почвенного — идеала.

Третья составляющая плана построения социализма — культурная революция — предполагала решение двоякой задачи: подъем общеобразовательного уровня масс и привитие им коммунистического мировоззрения. По части первого развернулась ликбезовская работа. К 1925 г. грамотность населения (от 9 лет и выше) определялась 51 %, число посещавших профессионально-технические учебные заведения составило 400 тысяч, средние школы РСФСР посещало 10 млн. человек. Проблемам высшей школы уделил внимание январский (1925 г.) Пленум ЦК, принявший постановление "Об общественном минимуме и пропаганде ленинизма в вузах". С 1925 г. в педагогических и гуманитарных вузах созданы кафедры по истории РКП (б), ленинизму, в иных институтах — кафедры по общественно-политическому минимуму. Руководство ими возлагалось на парткомы. Организованы отраслевые и академические НИИ. Учреждены театры (Революции, Сатиры, Вахтангова), изо- и киностудии. Повышены тиражи периодических изданий. В соответствии с ленинским указанием, что литературное дело есть общепартийное, общегосударственное дело¹¹⁴, 1 июля 1925 г. вышла резолюция ЦК партии "О политике партии в области художественной литературы" (ср. с одиозным постановлением ЦК ВКП(б) о журналах "Звезда" и "Ленинград"), отрицающая политическую нейтральность искусства и провозглашающая безраздельную монополию коммунистической идеологии.

Под этим углом зрения и стоит оценивать стратегию культурного строительства. Сверхзадача принявших за практическое созидание нового общества большевиков — развал опирающихся на политический плюрализм институтов парламентаризма, конституционализма, правового строя, гражданского общества. Центральному декретно-директивному планированию и управлению нужны не критики, а раблепные одномерные исполнители. Их и выковывали большевистские Савонаролы. Любая частная проблема материального или духовного производства расценивалась партией как кадрово-организационная. Принято решение о коллективизации — в борьбу за нее (любой ценой) бездумно включалось 11 тысяч партсов-работников. Санкционирована советизация вузов — из них вышибается "реакционная" профессура, принимаются постановления ЦК "О партийной работе в высших учебных заведениях", "О структуре, взаимоотношениях и задачах студенческих организаций" и т.д. Суть всей работы большевиков, в том числе на фронте (!) культурной революции, — привитие не культуры, а преданности партийному делу коммунизма.

Но для духовной гомогенности общества нужно духовное единство партии. Замысленное со времен X съезда РКП (б) полное одномыслие и ододействие партийной организации достигается в борьбе с фракционностью и оппозиционерством.

Содержание внутрипартийной дискуссии — вопрос об источниках

¹¹⁴ См Ленин В И Т 12 С 100—101

финансирования соцстроительства. Троцкий, Преображенский расценивали крестьянство как "колонию промышленности", предлагали тактику сверхиндустриализации посредством "обложения" деревни. Зиновьев, Каменев, Сокольников, Залуцкий и др. ("новая позиция") выступали за преимущественное развитие сельского хозяйства с последующим использованием внутренних накоплений на финансирование индустриальных проектов (естественный путь прогресса крестьянской страны). Итог деятельности сторонников данных нецековских платформ подвели июльско-августовский и октябрьский 1927 г. объединенные пленумы ЦК и ЦКК, принявшие зубодробительные резолюции о нарушении Зиновьевым и Троцким партийной дисциплины и исключившие их из партии. Точку поставил XV съезд, лишивший партийного членства 75 сторонников троцкистско-зиновьевского блока. 1927 год, следовательно, венчает уничтожение идейного плюрализма в партии и стране. Несогласие становится уделом диссидентов-изгоев.

Невзирая на показные идейные расхождения с Троцким, Сталин реально принимает модель сверхиндустриализации, форсирует превращение СССР из аграрной в индустриальную державу. Осуществляется это командными методами жесткой концентрации власти, централизации управления, за счет свертывания гражданской демократии, инспирации войны с многочисленными саботажниками, дезорганизаторами, контрреволюционерами, перерожденцами, изменниками, диверсантами, вредителями. Строительство социализма идет в масштабной непримиримой борьбе с внутренним классовым врагом. Режим репрессий становится повседневностью, нормой, возведенной в ранг чрезвычайщины жизни.

Довоенные пятилетки. О первых пятилетках написано много, но мало что известно наверное. Поражает размах, масштаб, величие, громаде планов, починов, свершений, вызывающих комбинированное чувство восхищения и отвращения. Восторгаешься целями, намерениями, ужасаешься средствами, ценой содеянного.

"История старой России, — констатировал Сталин, — состояла... в том, что ее непрерывно били за отсталость. Били монгольские ханы. Били турецкие беки. Били шведские феодалы. Били польско-литовские паны. Били англо-французские капиталисты. Били японские бароны. Били все — за отсталость. За отсталость военную, за отсталость культурную, за отсталость государственную, за отсталость промышленную, за отсталость сельскохозяйственную"¹¹⁵. Отсталых поработают. Могучих остерегаются: "Хотите... чтобы наше социалистическое отечество было убито и чтобы оно утеряло свою независимость?... Если этого не хотите... должны в кратчайший срок ликвидировать... отсталость и развить настоящие большевистские темпы в деле строительства... социалистического хозяйства"¹¹⁶. Настоящие большевистские темпы — какие они? Ответ здесь же: "Мы отстали от передовых стран на 50—100 лет. Мы должны пробежать это расстояние в десять лет. Либо мы сделаем это, либо нас сомнут"¹¹⁷.

Перспектива выживания связывается с форсированным развитием. Чем оно обеспечивается? С конца XIX—начала XX столетия индустриальные прорывы России в немалой степени базировались на внешних займах и инвестициях. Иностранные кредиты и поступления составляли: 1893 г. — 35,5%; 1900 — 39; 1908 — 33; 1913 — 35,3% капиталовложений в акции, ценные бумаги. В послереволюционное время приток иностранного капитала в страну прекратился. Вслед за правыми возможно было поставить на НЭП. Однако этот путь противоречил идеологии, стратегии укрепления социализма: "Если мы придерживаемся НЭПа, то потому, что он служит делу социализма. А когда он перестанет служить делу социализма, мы отбросим его к черту"¹¹⁸. НЭП никак

¹¹⁵ Сталин И.В. О задачах хозяйственников. Л., 1933. С. 29—30.

¹¹⁶ Там же. С. 31.

¹¹⁷ Там же. С. 32.

¹¹⁸ Сталин И.В. К вопросам аграрной политики в СССР. Л., 1933. С. 97.

не вписывался в большевистские доктринальные схемы устройства жизни, представлял меру не только временную, но и, как подчеркивалось выше, эфемерную. Декларированной X съездом партии новой экономической политики со всем набором ее хозяйственных рычагов, атрибутов, несоциалистических послаблений в России никогда не было. На рубеже 20-х—30-х г. у политического руководства страны НЭП вызывал неприкрытое раздражение. В политическом отчете ЦК XVI съезду ВКП(б) Сталин прямо указывал: "Правые... утверждают, что НЭП обеспечивает... победу социализма, — следовательно, можно не беспокоиться насчет темпа индустриализации, развития совхозов и колхозов... Это, конечно, неверно и глупо. Говорить так — значит отрицать роль партии в строительстве социализма, отрицать ответственность партии за это строительство. Ленин вовсе не говорил, что НЭП обеспечит нам победу социализма. Ленин говорил лишь о том, что "экономически и политически НЭП вполне обеспечивает нам возможность постройки фундамента социалистической экономики". Но возможность не есть... действительность. Чтобы возможность превратить в действительность, надо прежде всего отбросить теорию самотека, надо перестроить... народное хозяйство и повести решительное наступление на капиталистические элементы города и деревни"¹¹⁹. Таким образом, отпадал и НЭП.

В задачу большевиков входило не изучать экономику, а перестраивать ее. Нет такой крепости, которую большевики не могли бы взять штурмом; "вопрос темпов промышленного роста решается с помощью человеческой воли", — обосновывал пролетарский плановик Струмилин. Умельцы навязывать народу свою волю, большевики проблему источников финансирования сверхбыстрого странового развития решили за счет народа. Они внедрили жесткую социальную технологию, предусматривающую: а) проведение у населения займов; б) введение режима строжайшей экономии; в) использование энтузиазма трудящихся, впервые в цивилизационном одиночестве создающих новый строй; г) сверхэксплуатацию села с перегонкой средств из аграрного сектора в индустриальный; д) репрессии, милитаризацию труда.

Семимильный социальный ход в "светлое будущее" расчленился на рекордно покоряемые высоты: первая пятилетка — 1928—1932 гг.; вторая пятилетка 1934—1937 гг.; третья запланированная пятилетка 1938—1942 гг. Общеполитическими задачами пятилеток явились: первой — превращение СССР из аграрной страны в индустриальную; второй — окончательная ликвидация капиталистических элементов, полная победа социализма; третьей — решение основной экономической задачи социализма — догнать и перегнать экономически наиболее развитые страны Европы.

Официальная, нечистая на руку статистика сообщала.

За первую пятилетку введено в строй 1500 новых промышленных объектов. Объем продукции тяжелой индустрии в 1932 г. в 3 раза превысил уровень 1928 г. Достигнута технико-экономическая независимость СССР. Из страны, ввозящей машины, он превратился в страну, их производящую. Удельный вес промышленной продукции в структуре народного хозяйства составил около 71%. Производство средств производства в валовой промышленной продукции выражалось примерно 53%. К 1932 г. колхозы составляли приблизительно 61% крестьянских хозяйств, производили 76% крестьянских посевов. Если в 1927 г. кулаки засевали 10 млн. га, то в 1932 г. в 10 раз меньше. Создано 2446 МТС, тракторный парк составлял 148 тыс. единиц. Подготовлено 170 тыс. специалистов с высшим образованием и 300 тыс. со средним.

За вторую пятилетку 96% средств производства переведено в социалистический сектор. Россия нэповская (если такая была) стала Россией социалистической (по форме собственности). Введено 4500 новых промышленных предприятий. В 1937 г. промышленность дала продукции в 2 раза больше, чем в 1932 г. Удельный вес продукции

¹¹⁹ Сталин И.В. Политический отчет Центрального комитета XVI съезду ВКП(б). Л., 1933. С. 259—260

промышленности во всей продукции народного хозяйства выражался 77%. На долю тяжелой индустрии приходилось 58%. По объему производимой промышленной продукции СССР вышел на 2-е место после США. В сельском хозяйстве завершена коллективизация. К 1937 г. в колхозах объединено 93% крестьянских хозяйств; ими обслуживается 99% крестьянских посевных площадей. В 1935 г. отменена карточная система на хлеб. В 1933 г. в политотделы МТС направлено 23 тыс. партработников осуществлять политическое влияние на селе, проводить раскулачивание. Перевыполнение плана ГОЭЛРО, достигнутое в 1931 г., требовало наращивания производства энергоносителей, но по добыче угля, нефти, торфа плановые задания оказались невыполненными. Подобное же отличало производство тканей, жилищное строительство.

К достоинству третьего пятилетнего плана правильно отнести дальновидную программу ускоренного развития промышленности и сельского хозяйства в восточных районах, а также упор на подготовку специалистов. Число грамотных (старше 9 лет) в 1939 г. составило 81%, тогда как в 1926 г. лишь 51%.

Восстановительный период в стране завершился в 1925 г. — с этого момента, по официальным данным, в промышленности и сельском хозяйстве достигнут уровень предвоенного 1913 г. Однако собственные мощности последующего развития практически иссякают. Верно, кое-какие резервы остаются, но они минимальны. Увеличение промышленного производства на 17—18% в 1926/27 гг., извещает XV партконференцию Рыков, "возможно только благодаря наличию еще не использованного резерва оборудования на фабриках и заводах". Хозяйственные достижения, следовательно, всецело определены возможностями старого машинного парка. Последнее, во-первых, демонстрировало производительную бесперспективность восстановительного периода, а во-вторых, инициировало перевод страны на принципиально иные реконструктивные пути социально-экономического прогресса. Решению задачи введения страны в реконструктивный период, собственно, и подчинены первые пятилетки.

Из теории известно, что переход к авангардной в технико-технологическом отношении экономике (именно на нее взяло курс сталинское руководство) связан с возрастанием доли накопления, что позволяет авансировать рост основных фондов. Обострялся, следовательно, вопрос рациональных темпов. Здесь на уровне доктринальных обсчетов Сталин столкнулся с троцкистско-правоуклонистской теорией "потухающей кривой". Троцкий заявлял сверхиндустриализм лишь применительно к восстановительной фазе. Для реконструктивного периода он существенно корректировал линию в сторону умеренности. С его точки зрения, в расширение производства правильно вкладывать: 1926/27 г. 1543 млн. р.; 1927/28 г. 1490 млн. р.; 1928/29 г. 1320 млн. р.; 1929/30 г. 1060 млн. р. Соответственно продукция госпромышленности должна вырастать: 1926/27 г. на 31,6%; 1927/28 г. на 22,9%; 1928/29 г. на 15,5%; 1929/30 г. на 15%. По Троцкому выходило, что наивысший предел планирования ускоренного темпа развития в период реконструкции, к которому нужно стремиться, как к идеалу, составляет 18% годового прироста госпромышленной продукции. Такой подход Сталин назвал минимализмом и самым поганеньким капитулянизмом¹²⁰.

Троцкистской модели противопоставлена схема поднимающейся большевистской кривой. Согласно ее требованиям, в промышленность вложено: 1926/27 г. 1065 млн р.; 1927/28 г. 1304 млн р.; 1928/29 г. 1819 млн р.; 1929/30 г. 4775 млн р. (в ценах 1926/27 г.). Соответственно прирост продукции госпромышленности составлял: 1926/27 г. — 19,7%; 1927/28 г. — 26,3%; 1928/29 г. — 24,3%; 1929/30 г. - 32%; 1930/31 г. - 47%.

Сравнение крохоборских троцкистских темпов роста с ускоренными большевистскими влекло квалификацию линии Троцкого как линии неверия в

¹²⁰ Там же С 283

возможности реконструктивного периода, делающую ее тождественной с линией правых уклонистов. Но это идеология. Довольно легко политически, организационно разбить, ликвидировать "реакционную" теорию "потухающей кривой". Как экономически, на деле обеспечить большевистские темпы роста? В качестве рычагов, как отмечалось, избрали:

— внутренние займы: размещение по подписке среди населения облигаций с целью привлечения сбережений граждан на развитие народного хозяйства. В результате продажи ценных бумаг удалось занять у населения за 1925/26 г. — 830 млн. р.; за 1928/29 г. — 2073 млн. р. Ввиду нищеты, слабых кредитных возможностей народа этот источник получения средств оказывался недостаточным;

— режим экономии: жесткое нормирование расходов в качестве оборотной стороны имело усиление централизации, по словам Рыкова, исходящей "из недоверия к каждому нижестоящему звену", равно как и бюрократизации. На XV партийном съезде фиксировалось, что административно-управленческий аппарат составляет 2 млн. человек, на содержание которых тратится 2 млрд. рублей (для сравнения: рабочих крупной промышленности в 1926—1927 гг. насчитывалось 2,3 млн. человек). Рабочие выказывали недовольство уравниловкой, снижением заработка. По сводкам ОГПУ, росла политическая напряженность в массах, выражавшаяся упрочением антипартийных настроений: "Партия 10 лет ведет неизвестно куда, партия нас обманывает. Фордовскую систему придумали коммунисты". Дальнейшая эскалация напряженности подобного рода оказывалась небезопасной; народный энтузиазм: цивилизационное первопроходчество — сильный моральный стимул — подрывалось разбалансированностью внутреннего рынка, нехваткой капитала, товарным голодом, утяжелением экономики, преимущественным развитием индустриального сектора, отставанием темпов роста легкой промышленности. Трудовой порыв гасился отсутствием рациональной организации производственной деятельности, стремительной урбанизацией, вызываемой ею жизненной неустроенностью завозимой в города рабочей силы, карточной системой потребления, бесконечными дефицитами, внеэкономическим принуждением в деревне, раскулачиванием, низким уровнем душевого потребления. Партия оседлала народный подъем, который под ее административно-бюрократическим водительством исподволь, постепенно трансформировался в долг. Это означало конец подъема, — "ничто так быстро не разрушает, как работа, мысль, чувство без внутренней необходимости, без глубокого личного выбора, без удовольствия, как автоматическое исполнение "долга"¹²¹; сверхэксплуатацию села: нереальные планы на основе инспирируемых парткомами встречных инициатив трудовых коллективов, корректируемые в сторону увеличения и оттого становящиеся еще более нереальными, влекли фантазмагорические, ничем не подкрепленные темпы народно-хозяйственного роста. На XVI партсъезде намеревались ежегодно удваивать объем капиталовложений, наращивая производство продукции на 1/3. Разумеется, эти планы никогда и никем не выполнялись. К концу 1930 г. 40% капиталовложений заморожено в незавершенном строительстве. Оказались связанными громадные средства, ресурсы, всплыли колоссальные дефициты сырья, ассигнований. Вместо целесообразного планирования практиковалось администрирование, вводящее отпуск средств в порядке приоритетности. Сугубый волюнтаризм в управлении и анархия в хозяйстве, потворствовавшие распылению, разбазариванию запасов, точно минотавр, требовали новой и новой дани. Внешних займов быть не могло. Внутрипромышленных накоплений не существовало. Мощность внутренних займов являлась недостаточной. В этих условиях требовалось либо снижать темпы роста, либо искать дополнительные источники финансирования индустриальных программ. Первая возможность отбрасывалась по соображениям политическим: стране, в одиночку строящей социализм в ситуации враждебного капиталистического окружения, надлежало форсированно добиваться индустриальной самодостаточности. (При всей справедливости довода тем не

¹²¹ Ницше Ф Антихристианин//Сумерки богов М, 1989. С 26

менее стоит акцентировать наличие кризиса, великой депрессии на Западе в начале 30-х, предоставляющих некий резерв времени для относительно нормального мирного развития.) По методу исключения оставалась вторая возможность, связанная с дополнительными, массированными, оперативными финансовыми накачками индустрии. На роль донора промышленного города было взято крестьянское село.

Небесполезно напомнить основные вехи реформационной эволюции российской деревни, начиная с освобождения крестьян. Итак: половинчатая "безземельная" александровская земельная реформа 1861 г.; незавершенный, прерванный войной столыпинский аграрный проект; пробольшевистская — полуэсеровская аграрная революция 1917—1918 гг.; несостоявшийся призрачный НЭП; фронтальная коллективизация 30-х. За 70 лет пять перемен, пять потрясений с нарастанием вытравливания чувства собственности, деморализация крестьянства, развал устоев производительной деятельности, стимулированного труда. Последней горькой каплей в полной чаше бед многострадальных отечественных селян явился сталинский силовой план сплошной коллективизации, идейный стержень которого составляла отчетливо сформулированная Троцким в тезисах XII съезду РКП (б) идея развития промышленности за счет эксплуатации крестьян (идея диктатуры промышленности) .

Раскрестьянивание шло интенсивно, кроваво, дико. Темпы индустриализации обеспечивались не экономическим развитием села (как задумывали "правые"), а внешнеэкономическим принуждением, реквизицией. С неременной тактикой закручивания гаек. В 1928/29 г. заготовительная кампания проходит на карательных мерах в виде штрафов, угроз тюрьмы за отказ продавать хлеб государству по ценам в три раза ниже рыночных. С начала 1930 г. разработан график коллективизации. Крестьяне могли либо развернуть гражданскую войну против власти, либо с ней смириться. Все решила толща изничтоженного на селе собственника — полубедняка-полулюмпена, не нашедшего себя в НЭПе, падкого на большевистскую редистрибуцию, возвращенного на волне продотрядов, комбедов, батрацко-бедняцких раскулачиваний. Она, эта толща деревенских низов, пошла за властью. Какой бы то ни было фронды на селе не возникло. Противящихся обобществлению кулаков подвергали аресту, с конфискацией имущества выселяли на необработанные земли Сибири и Казахстана. Летом 1930 г. колхозам передано экспроприированного у кулаков имущества на сумму около 400 млн. рублей. В качестве общего числа раскулаченных фигурируют цифры от 1,2 млн. до 5 млн. человек. Массовая коллективизация подорвала производство сельскохозяйственной продукции: крепких хозяев в деревне не осталось, дутые, неспособные эффективно работать колхозы требовали дотаций — им представлялись ссуды, льготы в виде той же отсрочки платежей за сельхозтехнику. Тем самым замедлялись темпы общегосударственного развития. Кроме того, валовый сбор зерна с 1928 по 1932 г. упал с 733 млн. до 699 млн. ц. Урожайность снизилась с 8 до 7 центнеров с га. В 1928/29 г. введена карточная система на хлеб.

В ответ на форсированную коллективизацию кулаки начали массовый убой скота (самораскулачивание). Для спасения стада правительство дало директиву ускорения темпов коллективизации. Началась организация партячеек на селе; туда послано 11 тыс. партсовактивистов. Клубок трудностей нарастал, узел сложностей затягивался. Неумелое хозяйствование, отсутствие базы, мощностей, опыта повлекли усиление падежа скота. За обозначенный период с 1928 по 1932 г. поголовье крупного рогатого скота сократилось с 60 млн. до 33,5 млн. голов, лошадей — с 32 млн. до 17 млн. голов.

После статьи Сталина "Головокружение от успехов" (2 марта 1930 г.), осуждающей допущенные перегибы (обобществление построек, птицы, инвентаря и т.д.), начался массовый выход из колхозов. К лету 1930 г. колхозов стало в 3 раза меньше, чем в марте. Однако на районы, выходившие из-под ига коллективизации, начало оказываться косвенное давление: не поступала техника, промтовары. Колхозы же к своим привилегиям получали вдобавок конфискованные у кулаков земли, пастбища, леса

общего крестьянского пользования. Не мытьем, так катаньем к лету 1931 г. уровень коллективизации 1930 г. в стране восстановлен.

Основное преимущество колхозного строя — допущение администрирования, редистрибуции, государственного центрального командования, позволяющего концентрировать (необходимый для индустриализации) производимый селом продукт (через реквизицию, экспроприацию) в одних руках госвласти. К февралю 1935 г. в социалистическую собственность переведено (огосударствлено — обобществлено) 98% обрабатываемых земель, что в оперативном порядке обусловило беспрепятственное изъятие около 45% совокупной сельхозпродукции (в 3 раза больше, чем в 1928 г.). Такого рода политика, естественно, не могла не иметь издержек. Производство зерна в 1935 г. снизилось на 15%, уровень животноводства составлял 60% от показателей 1928 г. В 1932 г. после изъятия у колхозов до 80% урожая на Украине, Северном Кавказе, Нижней, Средней Волге, Казахстане разразился голод. Погибло от 4 до 5 миллионов человек. Окружавшие деревни войска не давали крестьянам покидать земли (это вызвало бы обезлюдение сел).

С 1932 г. по отношению к отечественной деревне применяется линия все более жесткого администрирования (следствие принятого XVII партконференцией абсолютно нереального плана сельскохозяйственных заданий). В августе принят чрезвычайный закон "о пяти колосках", в качестве меры судебных репрессий за хищение колхозного имущества вводящий "высшую меру социальной защиты — расстрел с конфискацией всего имущества и с заменой при смягчающих обстоятельствах лишением свободы на срок не ниже 10 лет с конфискацией всего имущества". Деревне вменялись поставки натурой — плата за услуги МТС (разновидность оброка в пользу своей! рабоче-крестьянской народной власти). Государство осуществляло контроль за севом (хотя по уставу колхозы являлись кооперативами, управляемыми общим собранием коллектива). В марте 1933 г. выходит кабальное постановление, по которому результаты работы хозяйств увязывались с итогами деятельности районов. Пока район не отчитывался по плану хлебозаготовок, 90% зерна шло государству (общинная круговая порука). Дальнейшее наступление на сельского частника — постановление июльского 1934 г. пленума ЦК, рекомендовавшего обкладывать единоличника высоким денежным сбором безотносительно к его платежеспособности.

Еще одна требующая упоминания веха — Постановление ЦК ВКП(б) и СНК "О мерах охраны общественных земель колхозов от разбазаривания" (май 1939 г.), строго нормирующее приусадебные участки, вводящее обязательный минимум ежегодных трудодней.

В результате всех этих акций, мероприятий крестьянин окончательно переходил на положение неимущего, бесправного, полузакрепощенного смерда.

Сверхэксплуатация села в годы первых пятилеток подготовила ощутимый технический рывок страны: с 1934 по 1939 г. выпуск танков увеличен в 2 раза, бронемашин в 7,5 раз; с 1930 по 1939 г. производство артиллерийских установок возросло в 7 раз. Развернуты программы модернизации надводного и строительства подводного флота. В 1935—1938 гг. проведена структурная реорганизация армии, ее численность увеличена в 2 раза;

— репрессии: большевики смогли взять власть и удержать ее, так как были а) массовой партией; б) всероссийской партией; в) организованной партией; г) вооруженной партией. Свои качества милитаризированной, плотно сбитой организации ("ордена меченосцев") большевики обнаруживали тайно и явно. Тайно — через завуалированное руководство комфракциям всех без исключения государственных, советских, общественных учреждений. Характерный эпизод: "Комитеты помощи голодающим" разгромлены только за то, что созданы по инициативе кадетов, эсеров, меньшевиков. Явно — посредством оперативно проводимых решений, получающих статус законодательных императивов. Достаточно сослаться в этой связи на принятую XII

Всероссийской партконференцией (август 1922 г.) резолюцию "Об антисоветских партиях и течениях", узаконивающую репрессии как метод социотворчества, который диктуется "революционной целесообразностью, когда дело идет о подавлении тех отживающих групп", какие "пытаются захватить старые, отвоеванные у них пролетариатом (ничтожным меньшинством населения! — Авт.) позиции"¹²² к репрессиям прибегал Ленин в борьбе с недавними союзниками (меньшевики, эсеры), гражданами (устройство концлагерей, массовый захват и расстрел невинных заложников), сопартийцами — после XI съезда в ходе чистки из РКП (б) исключено 24% состава. Аналогичную тактику перенял Сталин. После заявления 46 (троцкисты, децисты, рабочие оппозиционеры), требующих демократизировать внутрипартийную обстановку, для упрочения собственных позиций Сталин провел "ленинский призыв" — кампанию массового расширения партии за счет полуграмотного пролетариата (рабочих порой записывали в члены РКП (б) бригадами и цехами). Вопреки уставу, кандидаты в ряды партии допущены к выборам делегатов на XIII съезд РКП (б). Естественно, они сделали от них требуемое: сохранили "хорошую" сторону, устраняя "дурную". За вымогательства, злоупотребления, противоправные действия в отношении крестьянства 19 июля 1934 г. в "Правде" Сталина критиковал Киров. В декабре того же года Кирова не стало. В январе 1929 г. Троцкого — главного политического оппонента Сталина — выслали в Турцию. После XVI партконференции (апрель 1929 г.), разгрома правого уклона в ходе очередной чистки из рядов партии исключено 170 тысяч, причем одна треть с формулировкой "за политическую оппозицию линии партии". Из 1966 делегатов XVII партсъезда при чистке исчезло 1108 человек.

Однако борьба с оппозиционерами, истребление оппонентов, недоброжелателей, потенциальных противников, как ни кощунственно это звучит, — мелочи. Сталин и его приспешники сделали нечто большее — возвели карательные меры в ранг канона жизни, универсальной социальной технологии. Это позволило им реализовать по существу троцкистскую программу казарменного, милитаризованного существования.

Форсированная индустриализация, серьезные просчеты в сельскохозяйственной политике, разбаланс внутреннего рынка, бесконечное отставание в темпах роста группы Б от группы А, товарный голод, дефициты вызывали глубокое недовольство масс. Для канализации, оседлания недовольства политическое руководство страны приняло план полной ликвидации элементов правового государства и гражданского общества. Если нет политических институтов, оправдывающих, обосновывающих, проводящих, муссирующих жизненные проблемы, нет и самих жизненных проблем. Во всяком случае операционально они не проявимы. Данный план, спорадически материализуемый на просторах России — Иван Грозный (разгром новгородской вольницы); Петр I — Александр I — Николай I (политическая десикация боярства, дворянства); Николай II (разгон Государственных дум), — в сталинском исполнении никаких аналогов не имеет. Впервые объектом его приложения стал не город, не социальная группа, не политическая структура, а народ в целом. Тотальность плана, условий его выполнения предполагали опору на масштабные центрально-всеобщие механизмы властного влияния, каковыми оказывались механизмы деспотического государства. Отсюда сталинизм как социальное состояние изначально складывался как машина тоталитарного диктаторского самовластия, генерирующего административно-приказную технологию формационно неподготовленного общественного строительства по большевистским доктринальным схемам с полным пренебрежением интересов, воли, устремлений народа. Несанкционируемые народом социальные инициативы в истории России, конечно, не редкость. Начиная с насильственного крещения Руси и кончая пресловутой чеченской войной, отечественная история — нескончаемая вереница нелегитимных действий, оправдываемых ссылкой на национальные интересы. Здесь же — нечто иное. Во имя

¹²² КПСС в резолюциях. Ч 1. М., 1954. С. 674

утопии ставилась цель смять народ. Нация не принимала большевистского идеала. Но отменяли не идеал, а нацию.

Для дереализации народа, списания просчетов курса на мифы с 1928 г. развернулась кампания буржуазного спецсредства. В ходе чистки госаппарата за 1928—1929 гг. отстранено от должностей 138 тыс. человек, из них 23 тыс. лишены гражданских прав как враги народа.

За 1932—1933 гг. репрессировано около 153 тыс. служащих. Борьба с буржуазными спецами выпускала пар из котла, находила козла отпущения вопиющей бесхозяйственности, непрофессиональности (имело место не вредительство, а форменная производственная безграмотность, проявляющаяся и в наши реформационные дни. Причину несчетных всевозможных аварий, катастроф кое-кто с удовольствием списал бы на происки агентов, врагов. Списал бы — да не то время).

Массовое изъятие из производства высококвалифицированных кадров, наспех скроенная подготовка новой хозяйственной пролетарской элиты, классовое выдвиженчество ставили производство на грань дезорганизации. Летом 1931 г. Сталин был вынужден пойти на попятную — призвать к заботе о спецах старой школы. 40 тыс. новоиспеченных руководителей-пролетариев возвращено на производство. Дети специалистов "буржуазной" подготовки получили право на высшее образование. Это — дозированное послабление, паллиатив, не отменяющий главного. Главное же — разгром российской интеллектуальной элиты, искоренение в обществе субъектов культуры — интеллигенции. В 1930—1931 гг. маховик интеллигентских репрессий набирал силу. Пошли процессы "промышленной партии" (ПП), "трудовой крестьянской партии" (ТКП), "союзного бюро РСДРП". ПП (техническая интеллигенция) якобы вредила на производстве, в угоду капиталистам тормозила развитие советской промышленности. ТКП (остатки эсеров) якобы вредила в сельском хозяйстве, выступала против коллективизации, проводила интересы кулаков. Союзное бюро (осколки меньшевиков) якобы вело подрывную работу в плановых и финансовых органах, ВСНХ, Центросоюзе, Госбанке, Госплане. По линии ПП осудили столь известных ученых, техников, как Рамзин, Ларичев, Ситник и др. В рамках процесса под ТКП разделились с экономистами Кондратьевым, Чаяновым, Юровским и др. В процессе над союзным бюро пострадали плановики, финансисты — Суханов, Громан, Иков и др. По делу "Союза вызволения Украины" — "руководитель" вице-президент Всеукраинской Академии наук С. Ефремов — осудили 40 человек. В репрессиях 1937—1939 гг. пострадало 11 замов наркома обороны, 75 (из 80) членов Высшего военного совета, 8 адмиралов, 2 (из 4) маршала, 14 (из 16) генералов армии, 90% корпусных армейских генералов, 35 тыс. (из 80 тыс.) офицеров, 98 (из 139) членов и кандидатов в члены ЦК ВКП(б) арестованы и почти все расстреляны. Сменены штаты многих наркоматов.

Волна элитных репрессий обслуживала задачу гомогенизации высшего руководства (расстреляны видные деятели советского государства, представители ленинской гвардии, соратники Сталина, в том числе: Блюхер, Бубнов, Егоров, Косиор, Крыленко, Постышев, Рудзутак, Тухачевский, Чубарь, Якир и др.), ликвидации национальной интеллектуальной, культурной элиты, чуткой на правовые, гражданские деформации и их не оправдывающей и не поддерживающей. Другая волна массовых "просто-народных" репрессий решала задачу обретения социалистическим строительством дармовой рабочей (рабской) силы.

Трудовые контингенты в основном складывались из раскулаченных. За 1930—1931 гг. в ходе кампании по раскулачиванию выселена 381 тыс. семей, членов которых не трудоустраивали ни в колхозах, ни в городах. Они использовались в качестве живой рабсилы на стройках пятилетки — Беломорстрое, Ухте, Соловках, Колыме, Караганде и т.д. Применение ручного рабского труда жителей поселков спецпереселенцев давало громадную экономию средств. Так, строительство Беломорско-Балтийского канала обошлось в 4 раза дешевле расчетной стоимости. Наркомюст Крыленко писал: "На

основании резолюции СНК РСФСР 29 мая 1929 г. ... не практикуется лишение свободы на сроки меньше года. Предложено в максимальной степени развить систему принудительных работ"¹²³. К середине 1930 г. насчитывалось 279 исправительно-трудовых учреждений с более 170 тыс. заключенных. В лагерях ОГПУ — 100 тыс. осужденных. В 1931 г. сформировано Главное управление лагерей (ГУЛАГ). К весне 1940 г. ГУЛАГ объединял 53 лагеря, 425 исправительно-трудовых колоний, 50 колоний несовершеннолетних с более 1,6 млн. человек. Учитывая, что с января 1932 г. в спецпоселках проживало 1,4 млн. высланных кулаков, занятых, как правило, на лесоповале, в добывающей промышленности, на стройках, неуставных сельхозартелях (во главе их правлений стояли коменданты), сектор принудительного труда охватывал около 3 миллионов. (Всего в качестве репрессированных в 1934—1939 гг. называются цифры от 180 тысяч до 1, 2 млн. В качестве числа заключенных в тюрьмах и лагерях в 1939—1940 гг. фигурируют данные от 3,5 млн. до 10 млн. человек. Последняя цифра кажется нереальной. Однако точной статистики на сей счет до сих пор нет.)

В годы довоенных пятилеток проступают ритмы: от администрирования — к элементам хозяйственной самостоятельности; от последней — к первому.¹²⁴

1929—1930 гг. — эскалация администрирования, спускание сверху несбыточных планов, учреждение коммун, уравнительности, ставка на насилие, чистка партии. Примечательный документ того времени — протокол комиссии по раскулачиванию, возглавляемой зампредом СНК СССР А.Андреевым: "Слушали: вопрос о дополнительных заявках на спецпереселенцев и распределении их.

Постановили: ...Обязать ВСНХ в 3-дневный срок представить ОГПУ свои окончательные заявки на спецпереселенцев:

— удовлетворить заявку Востокстали на 14 тысяч кулацких семей, обязав в 2-дневный срок заключить с ОГПУ соответствующие договора;

— заявки Цветметзолота — на 4600 кулацких семей и Автостроя ВАТО — на 5 тысяч кулацких семей — удовлетворить;

— по углю удовлетворить заявки на спецпереселенцев: Востокугля — на 7 тысяч кулацких семей, по Кизеловскому и Челябинскому углю — на 2 тысячи кулацких семей, заявку по подмосковному углю на 4500 кулацких семей принять условно; по торфу принять условно заявку на 31 тысячу кулацких семей...

В соответствии с этими заявками предложить ОГПУ произвести необходимое перераспределение по районам и выселение кулаков..."

1931—первая половина 1932 г. — хозрасчетные установки Сталина (речь 23 июня 1931 г. на совещании хозяйственников) на механизацию труда, ликвидацию текучести рабочей силы, уничтожение уравниловки, улучшение бытовых условий трудящихся, упразднение обезлички, поднятие внутрипромышленного накопления.

Середина 1932—1933 гг. — усиление репрессий (результат невозможности выполнить принятые XVII партконференцией химерические планы второй пятилетки), введение уменьшающей текучесть кадров (поток беженцев из районов сплошной коллективизации) прописки, ужесточение трудовой дисциплины (неявка на работу каралась выселением с жилплощади, увольнением, лишением продуктовых карточек), голод, ужесточение расходования фонда зарплаты, создание политотделов МТС, партийная чистка 1933—1934 гг.

1934—1936 гг. — противоборство хозрасчетной и репрессивной линии: коррекция планов второй пятилетки XVII партсъездом, отмена карточек новаторские, рационализаторские движения, базирующиеся на персональной сдельщине, принятие Конституции 1936 г., параллельно с зимой 1934 г. — нарастание репрессий после убийства Кирова.

¹²³ Правда. 1930. 17 янв.

¹²⁴ См.: История отечества: люди, идеи, решения. М., 1991. С. 208.

Конец 1936—1940 гг. — разгул террора, чистка партии 1937—1938 гг., закручивание гаек в промышленности и сельском хозяйстве. Декабрь 1938 г. — Постановление СНК СССР, ЦК ВКП(б) и ВЦСПС "О мероприятиях по упорядочению трудовой дисциплины...", вводящее увольнение за опоздание на 20 минут. Июль 1940 г. — указ о 8-часовом рабочем дне при 7-дневной неделе, запрещался самовольный уход трудящихся в рабочее время, несоблюдение стандартов качества приравнивалось к вредительству. В соответствии с решениями майского (1939 г.) пленума ЦК ВКП(б) проведено изъятие излишков (по нормам Устава сельхозартели — 0,25—0,5 га, по отдельным районам до 1 га) земель в приусадебных хозяйствах, устанавливался минимум трудодней от 60 до 100 в год в зависимости от регионов. Нарушители изгонялись из колхозов. В 1938 г. пресечена попытка нового руководителя Госплана Вознесенского провести реформу планирования (отказ от системы приоритетов, децентрализация политики найма рабсилы, управления предприятиями, предоставление большей независимости учреждениям).

1941 г. — попытка внедрить хозрасчет согласно решениям XVIII партконференции (февраль 1941 г.), сорванная Великой Отечественной войной¹²⁵.

В раскачивании маятника от административного к либерализованному хозяйствованию путем проб и ошибок нащупывается тактика оптимального устройства жизни. Победило администрирование. Потому что не могло не победить. Колея движения была задана начальными условиями — цивилизационным выбором, опирающейся на командный централизм патриархально-почвенной моделью общинности и уравнительности. Советская власть как форма непосредственной народной демократии — утопия. Ни при каких условиях на просторах многонациональной, многоукладной России состояться она не может. Выведенной из органического существования стране для самоподдержания, выживания требовалось унифицирующее начало, задающее жесткие властные вертикали. Взамен выполняющему эту функцию рухнувшей самодержавию (гаранту единой и неделимой) пришла диктатура Ц АС, восстанавливающая надломленные центробежными процессами (этническими, демократическими) связи партийно-большевистским насилием.

Война. Униженная Версальем и восстановленная планом Дауэса для проведения экспансионистской восточной политики, Германия сколотила мощный военно-стратегический блок по геополитической оси Рим—Берлин—Токио, перекрывающей Хартленд (по геополитическим соображениям, к которым примыкают соображения сакральной географии, — кто контролирует Хартленд, контролирует мир). Замысел германского руководства ясен и прост: покончить с внешними и внутренними национальными бедствиями, взять реванш. Круг первых — подорванное единство нации, инспирируемый сепаратизм, деформация государственности — оккупация рейнской зоны, активно проталкиваемый Францией проект вассальной "Рейнской республики" во главе с Хагеном и Аденауэром. Круг вторых — репарации, безработица, разруха, экономический кризис. Упрочение у власти фашистов, следовательно, подготовлено как идеей национального возмездия, борьбой с центробежностью, агрессивными происками геополитических соперников (в первую очередь Англии и Франции), так и этатристской моделью милитаризации экономики, через централизацию, развитие госзаказов под военные мероприятия намечающей антикризисную программу. Синтез этих начал стимулировал беспрецедентную по мощи, широте и исполнению платформу национально-тоталитарного государства. Доктринальный стержень ее образовывали: нордизм, тоталитаризм, шовинизм. Оперативным обслуживанием его (этого идейного комплекса) явились централизм, военно-промышленный монополизм, политический терроризм.

По закону 1933 г. нацистская партия объявлялась "носителем идей немецкой

¹²⁵ См Там же С 208—210

государственности", "неразрывно связанной с государством" (ср. с государствообразующими функциями коммунистической партии в СССР. Социально крайне опасно, когда созидание базиса государственности представляет прерогативу лишь одной партии). По закону 1934 г. "О новом устройстве государства" ликвидируются ландтаги, рейхстаг, достигается неимоверная степень концентрации управления, сосредоточения власти у имперского правительства. Все это позволяет фашистам дать свою версию национальных интересов, от лица немцев принять на себя ответственность за судьбы мира. Последние представляли в свете расового доминирования немцев, достижения ими вселенского господства, порабощения или уничтожения "неарийских" народов. Разумеется, подобная мизантропическая стратегия не могла не навлечь развязывание широкомасштабной войны.

Причинами второй мировой войны явился клубок системно действующих взаимоусиливающих объективных и субъективных факторов:

а) обострение глобальных проблем, вызванных неравномерным развитием человечества, отсутствием механизма эффективной коллективной международной безопасности, способного регулировать социально-политические противоречия, локализовывать конфликты, демпфировать войны;

б) спровоцированный Версалем курс националистического реваншизма;

в) совокупная неадекватность политических деятелей того времени, исповедующих тактику "блестящего устранения" от участия в войне собственных стран, но поощряющих развязывание войны в отношении других стран.

Первый этап войны: сентябрь 1939—22 июня 1941 г. характеризуется напряженной дипломатической, политической, хозяйственной, военной активностью всех потенциальных участников конфликта, включая СССР. Стратегически целью последнего было сорвать оформление антисоветской западной коалиции, планы которой вынашивала Англия. Тактически способом реализации данной цели оказывалась игра на противоречиях в позициях потенциальных партнеров по ней. СССР дрейфовал в коридоре от антигерманского блока с Англией и Францией до прогерманского блока со странами фашистской оси против Англии и Франции. Лакмусом выступила Чехословакия, которой СССР предоставлял всяческую поддержку в случае соответствующего патронажа со стороны Франции. Однако Мюнхенский сговор и последующие двусмысленные малосерьезные акции английского и французского правительств развеяли иллюзии; договориться с ними не удалось. Оставалось идти на контакты с Германией. Подчеркиваем, они были вынужденными для оттягивания момента вовлечения в военное столкновение. Об этом незадолго до подписания советско-германского договора на заседании Политбюро совершенно откровенно говорил Сталин: "В наших интересах, чтобы между рейхом и англо-французским блоком разразилась война. Для нас важно, чтобы война продлилась как можно дольше, чтобы обе группы истощили себя. В этот период мы должны интенсифицировать нашу политическую деятельность в странах — участницах войны, чтобы быть хорошо подготовленными к моменту окончания войны". Расчетам Сталина не суждено было сбыться. Европа не оказала агрессору достойного сопротивления. Как вспоминал впоследствии Ворошилов, "мы... думали, что если Германия нападет на Англию и Францию, то она там завязнет надолго. Поди ж ты знай, что Франция развалится за две недели!". Тем не менее страна получила бесконечно важную для себя двухгодичную мирную передышку, из которой извлекла выгоду.

Военное строительство. 1 сентября 1939 г. принят закон "О всеобщей воинской обязанности", позволивший увеличить численность Красной Армии (КА). Если в 1939 г. в ней служило 1,9 млн., то к лету 1941 г. — 4,9 млн. человек. Проведена необходимая передислокация средств — ассигнования на оборону в 1939 г. составляли 34,5 млрд. рублей, в 1940 г. — 56,9 млрд. рублей. Постановлениями ЦК ВКП(б) 1940 и 1941 гг. развернуто требуемое накопление госсредств и мобилизационных запасов. В феврале 1941 г. XVIII партконференция приняла подчиненный укреплению обороноспособности

страны план народохозяйственной деятельности. Это сыграло свою очевидную положительную роль, не позволив, впрочем, перекрыть просчеты, связанные с промедлением как в реорганизации (она была затянута до лета 1941 г.), так и перевооружении (тактико-технические характеристики вооружений КА по самолетам, стрелковому оружию, системам радиосвязи, тральщикам, противолодочным кораблям уступали германским аналогам; контактных мин на вооружении не было) армии.

Экономика. За начало третьей пятилетки пущено 2900 крупных предприятий. На Востоке созданы гиганты промышленности. В 1940 г. имелось около 237 тыс. колхозов, 4 тыс. совхозов, 7069 МТС. Валовый сбор зерна в 1933—1937 гг. составлял примерно 73 млн т, в 1938—1940 гг. — 78 млн. т (урожайность 1913 г. — 8,2 центнера с га, несмотря на все старания — итог великих беспорядочных насилий села — в 1940 г. достигнута не была — 7,7 центнера с га. поголовье крупного рогатого скота в 1941 г. было меньше, чем в 1916 г.).

Политика. Германо-советский договор о ненападении заметно притупил антисоветскую нацеленность антикоминтерновского пакта. Токио трансформировал военную доктрину, отказавшись от прямого нападения на СССР. Весной 1941 г. Советский Союз и Япония подписали договор о нейтралитете, что по крайней мере дипломатически обеспечивало его восточные рубежи. Смотря трезво на вещи, следует признать: правительственное сотрудничество с Германией было чревато для СССР целым рядом принципиальных издержек:

а) развязывало руки агрессору на западном направлении — в мае 1940 г. на восточной границе оставалось лишь 10 немецких дивизий, тогда как против Англии и Франции задействовано 136¹²⁶;

б) в 1939—1941 гг. территория СССР использовалась для транзита в Германию стратегического сырья из Ирана, Афганистана, стран Дальнего Востока. СССР осуществлял реэкспорт английского цинка, каучука, американского хлопка. Советские военно-морские базы и порты проводили техническое обслуживание немецких кораблей, их команды снабжались предназначенным для северных широт обмундированием (за что Троцкий назвал Сталина "интендантом" Гитлера);

в) утрата независимости Чехословакии, Польши, Бельгии, Голландии, Дании, Норвегии, Греции, Югославии, Франции сопровождалась по инициативе СССР разрывом дипотношений с эмигрантскими правительствами этих стран;

г) демпфируя борьбу с фашизмом компартий европейских стран, Сталин инициировал самороспуск Коминтерна;

д) немецкие и австрийские эмигранты-коммунисты были депортированы из СССР.

Торговля. По оценке немецких историков Ф.Форстмайера и Х.Фолькмана, "в торговых отношениях с Германией Советский Союз показал себя упорным, несговорчивым партнером, который последовательно отстаивал собственные экономические и оборонные интересы. Часто высказываемое мнение о "существенной поддержке" германской военной экономики советскими поставками сырья не учитывает того объема и ассортимента поставок, которые СССР требовал и получал от Германии. Например, в конце 1940 года СССР согласился увеличить поставки зерна в Германию на 10%, но за это Германия должна была увеличить поставки в СССР алюминия и кобальта, которых крайне недоставало ей самой. А в ответ на просьбы Германии о дополнительных поставках сырья СССР выдвигал новые требования о поставках станков и грузовых машин, а также вооружений".

Геополитика. Геополитические действия обслуживали двоякую задачу — обезопасить западные рубежи с параллельным расширением госграницы в максимально приближенных к имперским временам конфигурациях. "Свою задачу как министр иностранных дел, — откровенничал Молотов, — я видел в том, чтобы как можно больше расширить пределы нашего Отечества. И, кажется, мы со Сталиным неплохо справились с

¹²⁶ В этом фрагменте использовались идеи Н Верта, С Маргойта, К Федорова

этой задачей".

Исходя из факта государственного распада Польши, в нарушение советско-польского (1932 г.) договора о ненападении, но в согласии с секретным протоколом советско-германского договора, сталинское правительство приняло решение о введении войск КА на польскую территорию. Предлогом оказалось стремление воссоединить с СССР бывшие российские земли, захваченные белополяками в 1920 г. С формальной точки зрения, это был чисто аннексионистский акт, ибо правовую базу советско-польских отношений составлял Рижский мир (1921 г.) и упомянутый договор 1932 г., продленный в 1938 г. до 1945 г. С содержательной точки зрения, подобному акту находилось-таки некое оправдание. Во-первых, речь шла о российских, некогда насильственно отторгнутых землях. Во-вторых, так как государственность Польши была уничтожена, аннулировался правовой субъект соглашений. В-третьих, геополитически, учитывая убежденность советского руководства в неизбежности военного столкновения с Германией, оказывалось желательным отодвинуть госграницу страны на Запад. В-четвертых, вечером 17 сентября правительство Польши бежало; если бы несколькими часами ранее СССР не ввел туда войска, никаких подлежащих разделу территорий не существовало бы.

Исходя из сказанного, начиная с утра 17 сентября во имя забот о своих меньшинствах в Польше СССР до конца месяца продвинулся на 300 км на Запад, оккупировав площадь около 200 тыс. км² с населением 12 млн. человек.

Следующий решительный шаг — обеспечение северо-западного направления. 29 ноября 1939 г. Молотов сделал официальное заявление, согласно которому "враждебная в отношении нашей страны политика нынешнего правительства Финляндии вынуждает нас принять немедленные меры по обеспечению внешней государственной безопасности". 30 ноября началась советско-финская война, преследующая ликвидацию "линии Маннергейма", отстоящей от Ленинграда на 35 км, отнесение госграницы от северной столицы, демилитаризацию приграничной зоны, упразднение военно-морских баз на Ханко и Аландских островах в обмен на эквивалентные территории на севере. Скоротечный, но кровопролитный конфликт (КА потеряла 50 тыс. убитыми, около 150 тыс. ранеными) завершился 12 марта 1940 г. договором, предоставляющим СССР Карельский перешеек с Выборгом (граница относилась от Ленинграда на 150 км), часть полуостровов Рыбачий и Средний, несколько островов; военно-морская база на Ханко сдавалась на 30 лет в аренду. В качестве негативного результата, кроме потерь в живой силе, являлось обострение отношений с западно-европейскими странами, изоляция в мировом сообществе, исключение СССР из Лиги Наций (14 декабря 1939 г.).

Советско-финская тема не исчерпывает содержания предвоенной прибалтийской политики СССР. Одной из принципиальных задач, решаемых сталинской партийно-государственной верхушкой, являлось трансформировать статус республик Прибалтики, в XVIII столетии включенных в состав России, но в 1920 г. вследствие силового вмешательства Германии от нее отлученных. Осенью 1939 г. со странами Балтии СССР подписал договоры о взаимопомощи, по которым принимались обоюдные обязательства оказания двусторонней помощи при агрессии извне, гарантировался отказ от участия в недружественных по отношению друг к другу договорах, коалициях. Советскому Союзу разрешалось разместить по 25 тыс. военнослужащих в Эстонии, Латвии и 20 тыс. в Литве. (Численность ВС Латвии, Литвы, Эстонии в 1939 г. составляла 25, 24, 16 тыс. соответственно.)

С конца весны 1940 г., реагируя на энергичные действия Германии по наращиванию национального жизненного пространства, Советский Союз форсирует присоединение Прибалтики. 14 и 16 июня 1940 г. Молотов выдвинул ультиматум литовскому, а затем эстонскому и латвийскому правительствам: под предлогом несоблюдения пактов о взаимопомощи потребовал их отставки. Для создания новых правительств в страны Балтии направлены эмиссары: Вышинский в Латвию, Деканозов в Литву, Жданов в Эстонию. 17 июня туда введены войска. 14—15 июля на выборах в

органы власти прошли ставленники Москвы. 21—22 июля они приняли декларации о вхождении в СССР. В августе на сессии Верховного Совета СССР вхождение Латвии, Литвы, Эстонии в Союз конституировано. Негативным ответом Англии и США на подобные действия явилась консервация золотого запаса прибалтийских государств.

По схожему сценарию осуществлено отторжение от Румынии оккупированной ею в 1918 г. Бессарабии и Северной Буковины. "Советские войска вступили в Бессарабию 28 июня, а 2 августа без каких-либо предварительных выборов или референдума Бессарабия, переименованная в Молдавскую ССР, была "возвращена" по решению Верховного Совета в состав страны. В тот же день указом Президиума Верховного Совета СССР в состав Украинской ССР была включена Северная Буковина"¹²⁷.

Геополитически положение СССР упрочилось, население страны за один год возросло на 23 миллиона. Сталин сделал то, что не смогли сделать после революции большевики — воссоздал территориальный контур империи (без Польши и Финляндии) в его изначальном виде.

Стратегическое сотрудничество с Германией сулило новые приобретения и выгоды. 25 ноября 1940 г. немецкий посол в Москве Шуленбург получил меморандум Советского правительства, оговаривавший условия подключения СССР к тройственному союзу: 1) "территории, расположенные южнее Батуми и Баку в направлении к Персидскому заливу, должны рассматриваться как центр притяжения советских интересов; 2) немецкие войска должны быть выведены из Финляндии; 3) Болгария, подписав с СССР договор о взаимопомощи, переходит под его протекторат; 4) на Турецкой территории в зоне проливов размещается советская военная база; 5) Япония отказывается от своих притязаний на остров Сахалин"¹²⁸. Расширения германо-итало-японского блока, однако, не произошло. 18 декабря 1940 г. Гитлер подписал Директиву 21 (план "Барбаросса"), намечавшую нападение на СССР на 15 мая 1941 г. Операция на Балканах отсрочили эту дату до 22 июня.

Второй этап войны: 22 июня 1941 г.—ноябрь 1942 г. Многочисленные предупреждения о готовящемся Германией нападении на СССР Сталин отбрасывал по мотивам идейным. Они не укладывались в его марксистскую догму перманентного обострения межимпериалистических противоречий, венчающихся агрессивными войнами. Тревожную убедительную информацию глава советского государства воспринимал с недоверием, полагая, что главный противник Германии Англия провоцирует немецко-российское противостояние. (Примечательная деталь: Наполеон, считая своим основным врагом Англию, предварительно решает завоевать Россию. Аналогично поступает Гитлер. Непонятный, едва не мистический выбор уготавливает обоим роковую развязку. Для борьбы с Англией не следует поработать Россию.) Идеино-психологическая зашоренность, узколобость, таким образом, не позволили Сталину привести в боевую готовность даже пограничные войска.

Против СССР было выставлено 153 немецкие дивизии (70% национальных ВС) плюс 37 дивизий стран-сателлитов (против союзников СССР воевало 19,5 немецких дивизий, или 6,1% сухопутных сил Германии), 4 тыс. танков, 5 тыс. самолетов, около 47 тыс. орудий и минометов. Боеспособность советских войск была сильно подорвана репрессиями комсостава, недоукомплектованностью соединений вооружениями. КА уступала немецкой армии по живой силе в 1,8 раза, по танкам в 1,5 раза, по артиллерии в 1,3 раза, по самолетам в 3,2 раза. Стержень германской тактики составляла идея блицкрига, по которой разгром противника намечался максимум к зиме 1941 г. Германия не готовила резервы, зимним обмундированием обеспечивалось лишь 20% войск.

Поначалу планы сбывались. В первый день войны уничтожено 1200 самолетов (800 на аэродромах); менее чем за месяц боев немецкая армия захватила Литву, Латвию,

¹²⁷ Маргойт С.А., Федоров К.В. Вторая мировая война. М., 1995. С. 20—21

¹²⁸ . Верт Н. История Советского государства 1900—1991. М., 1992. С. 265

Белоруссию, правобережную Украину, практически всю Молдавию, в сентябре пал Киев, в ноябре оккупирован Донбасс, Крым. В конце ноября началось наступление на Москву. СССР потерял площади, где проживало 40% населения страны, производилось 68% чугуна, 58% стали, 65% угля, 38% зерна.

На занятых территориях претворялся "Генеральный план Ост", предполагавший истребление 30 млн. славян с обращением других в рабство. В замечаниях "Восточного министерства" к плану "Ост" говорится: "Речь идет не только о разгроме государства с центром в Москве. Достижение этой... цели никогда не означало бы полного решения проблемы. Дело заключается скорей всего в том, чтобы разгромить русских как народ, разобщить их". Столь откровенное человеконенавистничество означало для Советского Союза ведение всеобщей оборонительной войны за выживание. Против захватчиков поднялся народ. С народом, как известно, воевать нельзя. Московское наступление немцев захлебнулось. Схема блицкрига оказалась сорванной.

24 июня при СНК создан совет по эвакуации, наладивший вывоз населения, промышленных ресурсов, имущества, культурных ценностей. Переброска производства на восток проходила летом - осенью 1941 и летом—осенью 1942 гг. За первый период вывезено около 10 млн. человек, 1523 промышленных предприятий.

12 июля в Москве подписано советско-английское соглашение о сотрудничестве. Осенью 1941 г. на Московской конференции с участием СССР, Англии и США достигнута договоренность о распределении ресурсов антигитлеровской коалиции. В обмен на наше сырье западные державы обязывались поставлять технику и вооружение. В рамках поставок по ленд-лизу до конца 1941 г. СССР получил помощи на сумму 0,5 млн. долларов. Всего же за годы войны от Англии и США получено имущества на сумму около 10,8 млрд. долларов, что составило 4% военного производства СССР¹²⁹.

Третий этап войны: ноябрь 1942—декабрь 1943 г. олицетворяет коренной перелом в ведении боевых действий. Основные вехи на этом пути — победы КА в Сталинградском и Курском сражениях, наступления на центральном участке фронта.

9 октября ликвидирован институт политкомиссаров (следствие их некомпетентного вмешательства в требующее высокого профессионализма военное дело; весьма преуспел в головотяпстве великий дезорганизатор КА политкомиссар Мехлис, поспособствовавший сдаче в 1942 г. Крыма).

2 февраля окруженная под Сталинградом группировка Паулюса капитулировала. 100 тыс. человек взято в плен, более 200 тыс. уничтожено. Победа в Сталинградской битве дала толчок мощному наступлению на огромном фронте от Ленинграда до Кавказа. Дабы не быть окруженными, немцы предприняли стремительный отход на 600 км к западу от Ростова. Стремясь перехватить оперативную инициативу, германское командование принимает решение уничтожить "Курский выступ" советско-германского фронта. Для этого сконцентрировано 50 дивизий (900 тыс. человек), 2000 танков, 900 самолетов. Им противостояла оборонительная советская громада в составе 1,3 млн. человек, 3600 танков, 2400 самолетов. Наголову разбитая в сражении на Курской дуге, немецкая армия до конца войны уже только отступала.

Ратный успех КА целиком и полностью подготовлен героическими усилиями тыла. К концу 1941 г. уровень промышленного производства составлял лишь половину уровня 1940 г. Однако уже в 1942 г. в результате массовой мобилизации непризывных в армию, обновления и пополнения рабочего класса выпускниками школ, ФЗУ СССР опережал Германию в выпуске самолетов и танков.

Важное событие этого периода — Тегеранская конференция (ноябрь—декабрь 1943 г.) глав государств СССР, США, Англии. Основной вопрос на ней — открытие постоянно обещаемого, но неизменно откладываемого второго европейского фронта. В результате переговоров получены договоренности: 1) открыть второй фронт не позднее

¹²⁹ См Маргоит С.А., Федоров К. В. Цит. Соч. С 27

мая 1944 г.; 2) считать в качестве будущей восточной границы Польши "линию Керзона"; 3) удовлетворить притязания СССР на включение в него Кенигсберга; 4) легитимизировать присоединение к СССР Прибалтийских государств. Это была крупная геополитическая победа. СССР добился индульгенции Запада на свои предвоенные территориальные приобретения. В обмен на столь далеко идущие уступки СССР обязывался вступить в войну с Японией спустя 2—3 месяца по прекращении войны в Европе.

Четвертый этап войны: конец 1943—май 1945 г. Основное содержание периода — прорыв блокады Ленинграда, весеннее наступление на юго-западном фронте, летнее наступление на северном фронте, полное освобождение СССР от немецко-фашистских оккупантов, открытие второго фронта в Европе, рост движения Сопротивления, вывод из войны стран-участниц гитлеровского блока, включение в сферу влияния СССР государств Восточной Европы. Мероприятием колоссальной важности явилась Ялтинская конференция (февраль 1945 г.), выработавшая основы послевоенного мира: 1) утверждена восточная граница Польши по "линии Керзона"; по настоянию Сталина Польше возвращены территории на севере и западе; 2) не поддержан план Рузвельта территориально-государственного расчленения Германии; согласован регламент послевоенной оккупации страны войсками союзников; 3) СССР подтвердил обязательство о вступлении в войну против Японии спустя 2—3 месяца по окончании боевых действий в Европе на условиях: сохранение status quo МНР; возвращение южного Сахалина, прилегающих к нему островов; присоединение Курил; право на аренду Порт-Артура, эксплуатации железных дорог Маньчжурии. Где только можно, в обмен на поставку на фронт живой силы Сталин добивался геополитических выгод.

Пятый этап войны: май—сентябрь 1945 г. 2 мая капитулировал берлинский гарнизон. 9 мая в Берлине Кейтель подписал акт о безоговорочной капитуляции. 17 июля 1945 г. в Потсдаме состоялась конференция трех стран, на которой СССР, Англия, США уточнили принципы (демилитаризация, денацификация, демократизация, декартелизация) в отношении послевоенного устройства Германии, конституировали европейский мировой порядок (передача Кенигсберга СССР, территориальная определенность Польши), отработали механизмы международной безопасности. 16 июля на полигоне Аламогордо в США прошло первое испытание атомной бомбы. Незамедлительно после встречи с Трумэном и Черчиллем Сталин отдал приказ о форсировании создания Советского атомного оружия. Начинается новый — глобальный, ракетно-ядерный — виток противоборства восточного и западного сегментов цивилизации.

8 августа согласно взятым в Тегеране, Ялте, Потсдаме обязательствам СССР вступил в войну с Японией. Непреходящий вклад его в борьбу с японским милитаризмом — уничтожение первоклассной Квантунской армии (потери — 643 тыс. убитыми, ранеными, пленными). 6 и 9 августа на Хиросиму и Нагасаки сброшены американские атомные бомбы. Погибло 100 тыс. человек, 400 тыс. получили ранения. 2 сентября 1945 г. на борту линкора "Миссури" подписан акт о капитуляции Японии.

Советский Союз внес решающий вклад в победу над германским фашизмом и японским милитаризмом. Общие потери страны убитыми, угнанными на принудительные работы, погибшими в концлагерях, ставшими жертвами среди гражданского населения составляют 27 млн. человек. Численность средневропейского государства. 18 млн. получили ранения, увечья. Национальное богатство страны сократилось примерно на 30% (Англии на 0,8, США на 0,4%). Разрушено 1710 городов и поселков, уничтожено 70 тыс. сел и деревень, 32 тыс. промышленных объектов, 65 тыс. километров железных дорог, разграблено 98 тыс. колхозов, 1876 совхозов, 2890 МТС. Общая стоимость ущерба — 485 млрд. долларов.

Закат сталинизма (1945—1953 гг.). Г.Федотов размышлял о свободе в поствоенной России. После выигранных Отечественных войн велик соблазн преобразить житие народа-победителя. Достойными стремлениями обустроить отчизну захвачены

декабристы. Знакомство с Европой открыло глаза цвету нации на беспутство и безрассудство российской жизни, подвело к горестному — отчего покоритель мира страна-богатырь на задворках цивилизации? Как и Александр I, Сталин оказался на распутье: путь реформ или откат к прежним порядкам.

Носителем реформации следом за Отечественной войной 1812 г. было просвещенное дворянство. Его чаяния, не понятые Александром I, разрушил Николай I. Носителем реформации следом за Отечественной войной 1941—1945 гг. были обретшие навыки самостоятельности, инициативы граждански зрелые заинтересованные фронтовики. Их высокий обновленческий порыв, однако, нейтрализовался административно-бюрократической рутинной; многих постигла участь декабристов в репрессиях 1948—1952 гг. Подобно Александру и Николаю, Сталин не решился пойти дорогой реформ. Но в отличие от них не стал дожидаться выступления. Весь послевоенный период вплоть до смерти вождя "всех времен и народов" есть великая всеохватная реакция, подчиненная консервации прошлого, восстановлению довоенной центрально-административной партийно-приказной модели странового развития. В то время, как Европа взяла курс на ускоренную социально-экономическую и политико-хозяйственную модернизацию, СССР (Россия) под влиянием правящей коммунистической касты наращивал темпы стремительного прорыва в прежнее — провала в почвенно-большевистскую архаику.

Подобную линию оправдывал блок причин.

1. Соображения доктринального свойства. Экономист Е.Варга обосновал идею значительного адаптационного потенциала капитализма, что подрывало расчеты обострения внутрикапиталистических противоречий. Последнее подводило высшее руководство к выводу о последовательном усилении конфронтации СССР и его сателлитов с империалистическим миром, решая вопрос о мирном строительстве в стране в пользу ускоренного развития тяжелой индустрии как базы ВПК с замораживанием уровня жизни, ставкой на использование соответствующих экстраординарности центрально-административных рычагов организации социальности.

2. Международная обстановка. По окончании войны в Европе "с целью восстановить эффективную экономику во всем мире так, чтобы возникли политические и социальные условия, при которых могут существовать свободные институты", стал претворяться план Маршалла. По неведомым нам мотивам, он почему-то рассматривался в качестве элемента политики сдерживания. На деле в свою внешнеполитическую линию США вкладывали гораздо более широкий смысл. Идея приоритета Европы для США выражала намерение установить контроль над миром. План Маршалла охватил 16 западноевропейских государств, на развитие которых было выделено 13,3 млрд. долларов. Столь щедрое финансирование поставило Европу в зависимость от США, обеспечило им стратегическое присутствие в Старом Свете. Данный момент — отправная точка консолидации послевоенного Запада против СССР. В 1947 г.

США расторгли советско-американское соглашение 1945 г. о кредитных поставках американских товаров. В 1948 г., ужесточая позицию, США ввели экспортные лицензии, ограничивающие ввоз товаров в СССР; план Маршалла запрещал реэкспорт в СССР стратегической продукции. С конца 1948—начала 1949 г. пошло активное антисоветское блокообразование, требовавшее адекватной реакции.

3. Хозяйственная отсталость. Европейская промышленная и сельскохозяйственная база требовала восстановления, зауральская индустрия ожидала демилитаризации, 25 млн. человек было лишено крова, в 1945 г. зерновых собрано 47,3 млн. т, что в 2 раза ниже уровня 1940 г.

В данных конкретных условиях, как указывалось, Сталин принял решение возродить модель 30-х гг., верно, создававшую напряженность в хозяйстве и обществе, но опиравшуюся на вполне управляемую контингентированную социальность. Ее производительным ядром стали военнопленные; репатрианты — лишь 20% из 2,7 млн.

репатриированных граждански реабилитировано, остальные пополнили число узников ГУЛАГа; ранее осужденные лица — приговоренным в 1937—1938 гг. к 10 годам лагерей без суда добавили новый срок через административное решение. В 1948—1952 гг. количество заключенных достигло максимума.

Стратегия противоборства, блоковой организации мира (СССР по конъюнктурным мотивам отказался от репараций в свою пользу от Болгарии, Венгрии, Румынии, Финляндии; образование двух Германий, Корей, Китая — плод уже глобального противостояния СССР и Запада) стимулировали форсмажорные темпы восстановления в первую очередь индустриальной основы (как обеспечивающей военно-геополитический паритет), группы А в ущерб группе Б, вложениям в человека. Непоправимым итогом такой линии (мобилизация сил на создание эквивалентного ответа ядерному вызову) явилось всеобщее запустение, стремительное хирение села (базы легкой и пищевой промышленности). Можно сказать, что все последующие беды нашей рекреационной сферы закладывались именно в этот момент.

С 1946 г., когда собрали всего 40 млн. т зерна, началось вторичное административное наступление на колхозы. Осенью этого рокового года создана комиссия по делам колхозов. До начала 1947 г. у колхозников изъято 4,7 млн. га "незаконно присвоенных" земель. В промежуток с 1947 по 1949 г. отобрано дополнительно 5,9 млн. га. Командно-бюрократическая атака на село этим не ограничилась. Июньские указы 1947 г. (напоминавшие августовский закон 1932 г. о 5 колосках) усилили ответственность (от 5 до 25 лет) за посягательство на государственную или колхозную собственность. В 1948 г. развернулась кампания полупринудительной продажи государству мелкого скота. Ответ крестьян — тайный забой скотины, сокращение к 1949 г. стада на 2 млн. голов. Мероприятия из этой же оперы закручивания гаек — ограничения на рыночную продажу (повышение налогов, разрешение на вывоз продукции лишь после выполнения колхозом гособязательств — реставрация все той же круговой поруки). Закупочные цены между тем в 1952 г. были ниже уровня 1940 г. Денежная реформа 1947 г. также ударила по крестьянству (накопленные за время войны средства селяне не хранили в сберкассах, где обменный курс был более выгодным).

В 1950-м г. тружеников села было на 8% меньше показателя 1940 г. В результате же административного нажима на село в период 1946—1953 гг. отток жителей деревни в город исчислялся 8 миллионами. Село обезлюдевало. Последнюю точку в этом процессе поставила начавшаяся с весны 1950 г. кампания разукрупнения колхозов. С последующим уменьшением индивидуальных земельных наделов крестьян и сокращением натуральной оплаты колхозников.

К началу 50-х г. в стране достигнут полнейший разбаланс рынка; государственная розничная торговля не удовлетворяла спроса населения на потребительские продукты; рост зарплаты не поспевал за ростом стоимости жизни. "Анализ потребления показывает, — вычисляет Верт, — что в городах уровень жизни 1928 г. (едва приблизившийся к уровню 1913 г.) был достигнут только в 1954 г., а уровень 1940 г. (более низкий, чем в 1928 г.) -- в 1951 г."¹³⁰. Объяснения этому таковы:

а) замедление промышленного роста в 1950—1954 гг. вследствие произвольного (волонтаристского) пересмотра заданий четвертой пятилетки, распыление капиталовложений, рост незавершенного строительства, образование дефицитов;

б) беспросветная убыточность сельскохозяйственного производства — результат его непрерывного насильственного осоциалистичивания за счет огосударствления, ущемления прав собственности колхозников, наступления на частных, выдерживания уровня коллективизации, третирования рыночных механизмов, свертывания товарно-денежных отношений, предпочтения денежным расчетам продуктообмена, снижения розничных и консервации закупочных цен; в) подстегивание темпов роста военной

¹³⁰ Верт Н. Цит. соч. С. 300—301.

промышленности, милитаризация хозяйства, утяжеление экономики.

Политик (правитель) несет на себе родимые пятна человека. Хроникисты, биографисты, психоаналитики, социальные археологи должны еще дать свой ответ на вопрос — какие роковые эпизоды жизни Сталина (персональная серость, малообразованность, тюремное заключение, общение с уголовниками, комплексы неполноценности от вращение в кругу незаурядной большевистской элиты и т.д.) пробудили в нем деспота, деформировали человечность, роковым образом оказавшуюся на социальном курсе. Однако и без этих реконструкций стремление точной квалификации стиля сталинского державного действия подводит к выводу: последовательно и четко Сталин воплощал леворадикальную волюнтаристскую командно-приказную методологию общественной инженерии своего непримиримого антагониста Троцкого. На виду разоблачая троцкизм, Сталин был троцкистом по сути. Излюбленные, испытанные технологии его арсенала — "дела", "чистки", "раскрытия", "разоблачения", "усиления бдительности", "ликвидации", "репрессии", "контингентирования". Каков был запас прочности, инерционный разгон военизированной системы тотального рабства на 1/6 земной суши, сказать сложно. Тем не менее становилось очевидно: к началу 50-х гг., концу жизни Сталина, гигантская российская казарма себя изжила. Начисто лишённые "оригинальности" репрессии 1948—1952 гг., разоблачения 1953 г. (дела "врачей", "молодежных групп", "космополитов") выглядели уже откровенно анахроничными. Брала свою жизнь — требования мотивированного, стимулированного, производительного, гарантированного, никак не рабского существования. Диктатура в стране ко второй половине XX столетия окончательно пришла в упадок.

Хрущевское время (1953—1964 гг.). Сложности обстановки в стране после смерти Сталина обуславливались кризисами власти и хозяйства.

Кризис власти — извечный спутник российской жизни при смене властных элит — происходит из отсутствия легитимного отработанного механизма передачи функций, полномочий, атрибутов власти. Россию трепала уделщина, своеволие (Иван III), нерасчетливость (Петр I), самочинность (цепочка дворцовых переворотов с опорой на гвардию). Павел прервал стезю беспредела, ввел кровное наследование старшего сына. Порядок продержался исторически ничтожный срок — чуть больше столетия. Пришедшие большевики "обогатили" державостроение началом имперсональной классовой приверженности — конкретный (в смысле не личностном, а должностном) продолжатель "дела" не воспитывался. Оттого уход в мир иной первых лиц государства всякий раз чреват у нас смутой.

Кризис хозяйства определялся главным образом безнадежным отставанием сельскохозяйственного производства. Производительность труда (по официальной статистике) с 1940 по 1953 г. в промышленности возросла на 71%, тогда как в сельском хозяйстве лишь на 15%. Консервация сельскохозяйственного производства по цепной реакции влекла застой легкой и пищевой промышленности, вызывала дисфункции восстановительной сферы, подрывала потенции производящего человека. Рост производства не сопровождался ростом жизненного уровня масс. Диспропорции развития группы А и группы Б сковывали дальнейшее совокупное развитие.

6 марта 1953 г. начался дележ власти. Собравшаяся высшая камарилья в который раз в истории России поступила нелегитимно. Избранный XIX съездом Президиум ЦК численностью 25 членов и 11 кандидатов перед решением вопроса о госпреемнике был неправомерно свернут до 10 членов и 4 кандидатов. Круг лиц, допущенных к распределению портфелей, в нарушение норм внутрипартийной демократии еще более сузился. Председателем Совета Министров назначен Маленков, одновременно возглавлявший и секретариат ЦК. Он, правда, делал упор на "коллективном руководстве" (в отсутствие явного лидера после Сталина внедрена эта безликая формула), на июльском (1953 г.) Пленуме ЦК говоря: "Никто один не смеет, не может, не должен и не хочет претендовать на роль преемника. Преемником товарища Сталина является сплоченный,

монолитный коллектив руководителей партии". Сплоченность и монолитность, однако, продержались недолго. Под давлением членов Президиума Маленков оказался перед необходимостью выбрать между партийной и государственной должностью. Маленков выбрал Председателя Совета Министров. (Так как разделения полномочий ЦК и Совмина практически не существовало, последнее слово всегда оставалось за партией. Как назидал Ленин, "политика военного ведомства, как и всех других ведомств и учреждений, ведется на точном основании общих директив, даваемых партией в лице ее Центрального Комитета и под его непосредственным контролем"¹³¹).

В этом существо партийно-бюрократической центрально-административной системы. Неподконтрольная народу партия дает директивы подконтрольным народу госорганам. Недопонимавший этого Маленков совершил роковую ошибку, попросив освободить его от должности секретаря ЦК.) Этим незамедлительно воспользовался Хрущев, с сентября 1953 г. став Первым секретарем ЦК КПСС (вновь введенный пост). Хрущевско-маленковское партийно-государственное двоевластие продержалось недолго. Победило партийное начало. В 1955 г. по срежиссированной отставке Маленков уступает пост ничего не значащему Булганину, которого в 1958 г. вытесняет Хрущев. Он добивается своего — становится-таки главой Совмина, концентрирует в своих руках всю полноту власти. (Источник госсмуты в СССР — негласный "серый кардинал", второе лицо в партии, ведающее кадрами. Недостаток времени, объективная занятость, естественно, не позволили Хрущеву курировать и этот участок. Его монополизировал вскоре Брежнев, выступивший локомотивом очередной внеплановой "смены декораций".)

Параллельно властной эпопее разворачивалась эпопея хозяйственная. В России рост национального дохода шел в основном за счет развития группы А. С 50-х годов впервые наметилась обнадеживающая тенденция в сторону товарно-денежного сбалансирования, гармоничного развития группы Б, строительства, сельскохозяйственного производства. В 1953—1954 гг. Маленков в качестве вынужденной меры взял курс на социальную переориентацию экономики. В августе 1953 г. на сессии ВС СССР принята программа подъема производства предметов народного потребления.

Впитавшие с молоком матери большевистские способы подхода к проблемам коллективные преемники — последователи Сталина вырабатывают меры по выправлению ситуации в сельском хозяйстве. С сентября 1953 г. один за другим в феврале—марте, июле 1954, январе 1955 г. собираются Пленумы ЦК, озабоченные введением в сельскохозяйственное производство принципа материальной заинтересованности. Явной программы выработано не было (задача естественной мотивированности, стимулированности труда в рамках советского производства — из разряда неразрешимых). С одной стороны, решено ослабить давление на колхозников пресса государственного регулирования — снижены сельхозналоги (на 1954 г. — в 2,5 раза), списаны недоимки по прошлым годам (недоимки на 1 января 1954 г. исчислялись 1,5 млрд. пудов зерна — почти годовой план заготовок), увеличены размеры приусадебных хозяйств, повышены закупочные цены на мясо — в 5,5 раза, на молоко и масло — в 2 раза, на зерно — на 50%, расширен колхозный рынок, предусмотрены дотации на выпуск товаров ширпотреба. С другой стороны, в согласии с большевистской тактикой снятия вопросов методом штурма, организационной, кадровой, лобовой атаки принято решение освоить целину Северного Казахстана, Сибири, Алтая, Южного Урала с общим увеличением земельного клина на 30%.

Первая линия открывала перспективу возможной интенсификации производства на базе возрастания (всячески ограничиваемой) материальной заинтересованности в труде. (В начале—середине 50-х в этом отношении добились весомых результатов. Производительность труда в данный период возросла на 62% , фондо-отдача — на 17%,

¹³¹ КПСС в резолюциях. Т 7. С. 296.

материалоемкость снизилась на 5%.) Однако склонное к форсажу успеха руководство страны высказалось в пользу второй линии, не интенсивной разработки освоенных ресурсов с повышением культуры производства, производительной отдачи работников, а экстенсивного освоения новых ресурсов. Последнее с позиций прошлого было ближе, понятней. Если в 1953 г. валовой сбор зерна составлял 82,5 млн. т, то в первом целинном 1956 г. — 125 млн. т. Получение рекордного урожая породило в Хрущеве неверное понятие того, что целина — постоянный источник товарного хлеба. Последующая разработка целинных земель обнажила проблемы хранения, обработки, транспортировки продукции, к чему добавились вопросы эрозии почв, мобилизации рабочей силы, поставки техники, комплектующих, специалистов.

Очередное непреходящее дело, составившее предмет государственных забот Хрущева, — либерализация советского строя, поворот от автократии к демократии. В марте 1953 г. проводится амнистия заключенных, получивших срок до 5 лет за экономические преступления и административные правонарушения. В сентябре того же года ликвидируется Особое Совещание при МВД и иные внесудебные органы (тройки, пятерки). Проходят первые политические реабилитации — освобождаются осужденные по ленинградскому делу, делу врачей и т.д. Уничтожается Берия. В феврале 1956 г. проводится кладущий начало широкой десталинизации XX съезд КПСС. 30 июня выходит разоблачающее постановление ЦК КПСС "О преодолении культа личности и его последствий". В феврале 1957 г. производится реабилитация депортированных в 1944—1945 гг. народностей. Балкарцы, карачаевцы, ингуши, чеченцы, калмыки возвращаются на места прежнего жительства. Хрущев заменяет официальное толкование СССР как государства диктатуры пролетариата толкованием его как общенародного государства.

Отличительные особенности хрущевских реформ:

1) Несистемность. Стратегической модели трансформации общественных отношений не было. Заслуга Хрущева — в критике прошлого. Но критика, во-первых, оказывалась половинчатой: разоблачители культа повинны в нем не менее разоблаченного; во-вторых, на критике далеко не уедешь: критика разрушает, а не строит, вызывая раздражение.

2) Паллиативность. Коренных изменений советской центрально-административной системы даже не планировалось: а) остался прежним способ партийно-приказной разверстки сырья, готовой продукции; б) сохранилась монополия производителей — предложение, как и раньше, определяло спрос; а) напроць отсутствовали экономические товарно-денежные механизмы стимуляции и мотивации производительного труда; труженик не хотел работать, ибо не мог заработать; г) разоблачение культа не повлекло снятия острейшей проблемы социальных гарантий; отношения в связке "народ—власть" остались законсервированными (подразумевая и такие полумеры, как гос. и партминимумы, щадящий режим ротации номенклатуры и т.д.).

В Хрущеве реформатор уживался со своим антиподом. Хрущев

— борется с прошлым, однако применяет методологию прошлого. Всякий насущный вопрос, как требовала партия, воспринимался и решался им как организационный. Отстает уровень производства — значит, нет соответствующих кадров, структур. Проблема снимается не в качестве внутренней, позитивной (через трансформацию производства), а в качестве внешней, бюрократической — образуется Госкомитет Совмина СССР по новой технике (июльский 1955г. Пленум ЦК);

— ратует за коллегиальность (XX съезд КПСС), но с 1958 г. с ней заканчивает (совмещение постов главы партии и правительства) ;

— бичует культ, но с оглядкой: "критикуя неправильные стороны деятельности Сталина, партия боролась и будет бороться со всеми, кто будет клеветать на Сталина"¹³²

¹³² Правда. 1957. 7 нояб.

готовя почву собственному культу;

- развертывает жилищное строительство (за десятилетие 1950—1960 гг. оно увеличилось в городе в 17 раз, на селе в 14 раз. С 1955 по 1964 г. городской жилой фонд увеличился на 80%, хотя это не позволило преодолеть жилищный кризис, вызванный наплывом в города селян в эпоху массовой коллективизации в 30-е годы), потворствует развитию группы Б и — уничтожает Маленкова ярлыком "оппортунист" за смещение приоритетов в росте тяжелой и легкой промышленности (январский 1955 г. Пленум ЦК);

- бьется над решением продовольственной проблемы, но загоняет ее в тупик, ступая на путь экстенсификации;

- послабляет житие сельского люда, но разворачивает с ним борьбу, наступая (в развернутом строительстве коммунизма) на частную собственность, личные подсобные хозяйства;

- тщится снять извечную российскую проблему центра—периферии, но, не жертвуя существом архаичных командно-приказных методов руководства производством, меняет лишь их форму, предпринимая переход от отраслевого к территориальному принципу управления (модель Совнархозов) ;

- ослабляет давление тоталитарного партийно-государственного идеологического пресса, но, спохватившись, как бы оттепель не обернулась паводком, закручивает гайки в наступлении на творческую интеллигенцию (эскапада на выставке абстракционистов 20 декабря 1962 г., выступление 18 марта 1963 г.);

- отменяет закон 1940 г. о прикреплении к предприятиям, но инициирует закон 1960 г. о летунах, препятствующий текучести кадров (следствие массового притока рабочей силы из неустроенного села);

- пытается укрепить колхозы, но подрывает их, проводя кампании 1) 1953—1954 гг. ликвидации МТС с навязыванием колхозникам выкупа техники, что повлекло а) поглощение прибылей хозяйств, образовавшихся в результате повышения закупочных цен на сельхозпродукцию; б) отток из села специалистов-механизаторов, вызвав быстрый износ, деградацию оборудования. В 1958—1961 гг. произошло резкое сокращение парка сельхозмашин, тогда как с конца 20-х годов имело место лишь его поступательное наращивание; 2) 1955—1957—1960 гг. бездумного укрупнения колхозов (модель агрогородов, отвечающая идее ускорения социального обновления села на базе индустриализации сельского хозяйства, сближения деревни с городом), дезорганизовавшего рабочие ритмы сельхозуправления и производства.

Сходно с Александром I Хрущев начал с либерального проекта, а окончил войной с ним. Финальный рубеж хрущевских реформ — 1957—1959 гг., знаменующие реставрацию нажимно-волюнтаристских, командно-приказных методов руководства обществом. Содержательным фоном консервативного антиреформационного отката выступила большевистская схема подмены действительного желаемым с жесткими технологиями социального форсажа — натиска, штурма безотносительно к реальным возможностям народа, страны, человека, общества. Императивом, точно выражающим дух происходящего, оказывалось традиционное "Даешь!", являющееся стандартным способом мобилизации производительных сил внеэкономическим принудительным образом. Раньше "давали" "Магнитку", "Днепрогэс", "Победу" и за ценой не стояли. Теперь, после того, как "дали" "Целину", на волне полнейшей дереализованности в мае 1957 г. на собрании представителей колхозников Хрущев потребовал "дать" "Америку" — догнать и перегнать ее по мясу и молоку. Волюнтаристский, ничем не подготовленный бросок вперед доктринально навевался идеей реального сверхпотребления на пути к потенциальному коммунистическому изобию. Достижение последнего призван приближать и темповый подъем урожайности зерновых. В качестве панацеи была выбрана кукуруза. Хилястический рекордизм в мясной, молочной, кукурузной выработке вот-вот давал ключи от сказочного Эльдорадо, как вдруг в 1959 г. произошла рязанская "мясная катастрофа". В рвении не по разумению в ответ на призыв Хрущева за

3 года утроить производство мяса в области был забит скот с приплодом и молочным стадом, личным скотом колхозников и купленным у соседей. За один год область успешно отчиталась, руководство получило награды. Однако о поголовье скота уменьшилось на 65%, в Рязани начался голод. Аналогичное, происходившее и в других регионах, подвело к тому, что в 1964 г. по стране производство мяса было ниже отметки 1958 г., производство зерна на душу населения оказывалось сопоставимым с уровнем 1913 г.

Рекордизм, революционный надрыв подорвали сырьевую, производительную базу, вызвали кризис, разразившийся к середине 60-х. Уже в 1961 г. для объяснения провала возродили знакомую формулу вредительствующих "спекулянтов", разваливающих социалистическое процветающее хозяйство. За "экономические преступления" стали давать высшую меру, приговоры к которой до 1963 г. суды выносили 160 раз.

Глубина и системность кризиса усугублялись неверным, иллюзорным выводом о полной и окончательной победе социализма СССР и о вступлении страны в период развернутого строительства коммунизма. Утопии из голов прожекторов перекочевали в семилетний план развития народного хозяйства (январь 1959 г. — XXI съезд КПСС), предписывающий к 1965 г. догнать и перегнать США, выйти на первое место в мире по абсолютному объему производства и производства на душу населения. В 1961 г.

XXII съезд, подстегивая ход к зияющим высотам, принял третью мифологическую программу партии с обещанием нынешнему поколению советских людей жить при коммунизме.

Вместо создания материально-технической базы нового строя (по программе КПСС до 1971 г.) в промышленности происходило увеличение капиталовложений, рост несогласованных с бюджетом кредитов, утяжеляющее развитие убыстренное производство средств производства, снижение темпов экономического прогресса, увеличение дефицитов (результат отставания производства средств потребления). Весной 1962 г. предпринято повышение розничных цен на мясо и масло. Многочисленные протесты, волнения пришлось гасить в том числе силой с использованием армии (Новочеркасск). Не будем гадать, сколько мог держаться хрущевский режим на усилении репрессивности. Репрессивность в России власти не помеха. Помеха власти — дворцовая оппозиция, интрига, заговор верхов. Как это нередко бывало в стране, смену олигархии выносила бюрократия. Заслуживающими внимания здесь оказываются четыре обстоятельства.

1. Законом 10 мая 1957 г. Хрущев начал управленческую реформу, предполагающую замену промышленных Министерств Совнархозами с установлением прямых связей между предприятиями. Многоштатная казенная братия лишалась теплых насиженных мест, должна была сниматься из столицы на окраины. Хотя в России, Украине, Казахстане в обход замысленной децентрализации образовали республиканские Совнархозы (дублиеры разогнанных Министерств), интересы должностных лиц были подорваны. Этим актом Хрущев подрубил собственные опоры в среде чиновничества.

2. Июльский (1957 г.) Пленум ЦК рассмотрел вопрос об антипартийной группе Маленкова—Молотова—Кагановича в Президиуме ЦК против XX съезда партии. Группа, якобы вставшая на путь фракционной борьбы в нарушение резолюции X съезда (насколько же косна партийная организация, что допускала безапелляционный отсыл к директивам 35-летней давности) "О единстве партии", была осуждена и раскассирована. Акт решительного устранения с политического поприща партийно-государственных соратников вызвал явное недовольство и скрытую настороженность части высших сановников.

3. Октябрьский (1957 г.) Пленум ЦК сместил со всех постов, отправил в отставку Жукова. Назначенный Министром обороны Малиновский, претворяя хрущевскую модель "всеядерного будущего" в военном строительстве, переусердствовал с сокращением обычных вооружений, к началу 60-х уволил в запас 200 тыс. офицеров. Компенсации в

виде темпового развития ракетных войск оказалось недостаточно. Хрущев настроил против себя значительную часть военной элиты.

4. Последний штрих в движении под гору — ноябрьский (1962 г.) Пленум ЦК, утвердивший отраслевое разделение партии на промышленные и сельскохозяйственные отсеки. Разделение партии с упразднением районных парторганизаций противоречило установкам самой же партии о возрастании роли общественного авангарда, укреплении единства общества, ликвидации различий между городом и деревней. Но главное — инспирировало чехарду в управлении, обуславливая оппозицию партийной элиты, оказавшейся перед угрозой потери своих властных (контролирующих, направляющих) функций.

Хрущев был человеком системы. В политике он умел быть только волюнтаристом — так он был воспитан, натаскан, выпестован своими патронами-благодетелями. Но от волюнтаризма устал и народ (Сталин брал, Хрущев давал — все это были непредсказуемые подачки, потрафления вознесенной в поднебесье недостижимой полусвященной власти. Лицо, народ ничего не решали, ожидая то кнута, то пряника), и бюрократия ("чистки", "дела" Сталина, импульсивные почины Хрущева). На фоне безразлично-равнодушной отстраненности народа против Хрущева выступил аппарат и, используя глухой ропот недовольства анекдотическим антиинтеллектуализмом, самодурством первого лица государства, 14 октября 1964 г. смял его. Через несколько дней суесловный орган власти "Правда" осудила присущие "верному ленинцу" чуждые партии черты, такие, как прожектерство, склонность к скороспелым выводам и поспешным, оторванным от реальностей решениям и действиям, хвастовство и пустозвонство, увлечение администрированием, нежелание считаться с тем, что уже выработали наука и практический опыт.

Застой (1965—1985 гг.). Беспорядочным, импульсивным, непродуманным реформированием Хрущев подготовил политическую реакцию: народ, общество, аппарат устали от нововведений, ломающих здравомысленность тока нормальной жизни. Не во всякой игре тузы выигрывают. Не всякое преобразование желательно. На почве четко проступившего в общественном сознании императива гарантированности, стабильности существования пошла верхушечная контрреформа, связанная с дезавуированием хрущевских перемен. Новый курс, упакованный в нетрадиционную риторику поворота к науке и демократии в партийном социальном водителе, преимущественно сосредоточивался на вопросах политического руководства. Под декором широко пропагандируемого обновления все, непротиворечащее нетоварному административно-бюрократическому социализму, пускалось на самотек. В этом суть застоя: минимум охранительных действий сверху при консервации инициативы снизу.

К власти пришло третье поколение советских партийно-государственных деятелей — выдвиженцев 30-х годов. Сталинские аппаратчики, уцелевшие в бесчисленных чистках, они были подготовлены лишь к исполнительной роли шестерок, проводивших в массы верховную линию. Лишенные объемного видения, они занимались мягким администрированием — бюрократической перестановкой и перетасовкой без затрагивания политической основы строя, трансформации способа хозяйствования. Главное, с чем столкнулась номенклатурная олигархия во главе с политической бездарностью Брежневым, сводится к проблемам внутренней стабильности, поддержания темпов роста, повышения уровня жизни. Новое руководство пыталось решить их сугубо аппаратными методами.

Партийная контрреформа. Ноябрьский (1964 г.) Пленум ЦК восстановил единую парторганизацию с райкома и обкома. XXIII съезд КПСС (1966 г.) откорректировал устав, исключив требования ротации кадров. С XXIV съезда (1971 г.) намечается линия на явную геронтократизацию секретарского корпуса, о чем свидетельствует изменение среднего возраста функционеров с 49 лет (1971 г.) до 59 лет (1980 г.). (Средний возраст членов ЦК в 1980 г. составлял 71 год.) Обновления в кадровой политике сводились либо к

расширению состава парткомов, либо к перемещению лиц с партийной на советскую и хозяйственную работу. В апогей застоя — 70-е судьба партийных функционеров обретает долгожданные черты предсказуемости, прочности. В обмен на преданность, лояльность режиму они получают гарантии личного благополучия. Их перестал мучить сталинский террор, хрущевские импровизаторские встряски. Раз прорвавшись в номенклатуру, возможно оставаться причастным к ней пожизненно. Статус "непотопляемых" элементов-активистов системы напрочь отменял самокритичность, упразднял нужду в механизмах совершенствования деятельности. В пределах компетентной, респектабельной системы не было "некомпетентных нереспектабельных", — потому не востребовалось и рычагов ее улучшения. Преданности делу партии Ленин добивался революционной суггестией, фразеологией, Сталин — репрессиями, Хрущев — уставными средствами, Брежнев — введением номенклатурного стандарта жизни. Недозволенное быку, дозволено Юпитеру — по такому вектору пошло перерождение партии из организации профессиональных революционеров в организацию профессиональных консьюмеров

Управленческая контрреформа. С 1965 г. пошло упразднение совнархозов с усилением административно-бюрократического централизма, восстановлением министерств, образованием дополнительных Госкомитетов (Госснаб, ГКНТ, Госкомцен). С позиций хроно-политики деятельность Хрущева канализируется в этапы: 50-е годы — критическая доминанта — разоблачение культа, интенция на демократизацию; 60-е годы — экономическая доминанта — модернизация управления, интенция на хозяйственную эффективизацию. Незамысловатый проект второго этапа заключался в сломе командно-приказных вертикалей с культивацией горизонтальных прямых связей между промышленными предприятиями. Брежнев уничтожил плоды этого проекта. Система выдвинутого на места управления хозяйственными единицами ликвидирована, ценообразование взято под контроль центра, образована централизованная же распределительно-перераспределительная снабженческая структура. От обеспечиваемых развитостью горизонтального уровня предпосылок производительной активности, инициативности трудовых коллективов не осталось и следа. Все вернулось на круги своя к еще более расширенной, укрупненной, изоцированной центрально-административной организаций производства.

Либерализацию управления Хрущев начал с разделения высших административных должностей. Неподкрепленный законодательно, акт этот был отменен в 1958 г. самим же Хрущевым, когда для укрепления личной власти он объединил посты руководителя партии и правительства. На волне критики политического авантюризма и волюнтаризма, дальнейшей демократизации Брежнев также разделил полномочия в правящей верхушке. Однако в отсутствие юридической обеспеченности терпения хватило на 12 лет. В 1977 г. он совмещает руководство партией и государством. (Забегая вперед, скажем, что точно также, по кальке, поступил и Горбачев, вначале разъединяя, затем соединяя ампула первого лица в партии и государстве. Господство в партии обеспечивало любое управленческое господство. При полном отсутствии строго очерченного правового пространства самоинициации власти.) Производится сие для стабилизации правящей корпорации. За ле-гитимной ширмой уставной деятельности съездов и пленумов ЦК реальная управленческая власть сосредоточивается в отделах ЦК.

ЦК принимает функции представительства бюрократической номенклатуры. Хозяйством, людьми, страной руководит же аппарат — народу неподотчетные и неподконтрольные партчиновники.

Псевдореформа экономики. Сентябрьский (1965 г.) Пленум ЦК принял постановление "Об улучшении управления промышленностью, совершенствовании планирования и усилении экономического стимулирования промышленного производства". При недопущении структурных преобразований, элементов социалистического рынка, самоуправления расширение экономической самостоятельности предприятий свелось к уменьшению плановых показателей. Вместо

многочисленных нормативов вводилось 9 основных по стоимости реализованной продукции, фонду зарплаты, суммам капиталовложений; изменялся порядок формирования поощрительных коллективных фондов. Исходная идея — стимуляция выпуска пользующихся спросом изделий, оплата по труду, неременное расширение мощностей — действительно охватывала наиболее узкие места социализма. Однако основные компоненты хозрасчета — прямые договорные связи между предприятиями, оптовая торговля средствами производства, обретение самостоятельности, сокращение вмешательства директивных органов, — все это повисло в воздухе. ЦАС как была, так и оставалась; внутри нее произошло некое перераспределение функций.

Как и прежде, все было направлено против рынка, материальной заинтересованности (которую, кстати, очень скоро стали развенчивать). Не спасали рычаги стимулирования работы — часть прибылей, остающаяся на месте, шедшая на материальное поощрение, жилищное строительство, самофинансирование (развитие производства), оказывалась недостаточной (премиальный фонд учреждался в размере 3% от заработной платы), необеспечиваемой ресурсами (центрально распределяемыми). Даже в замыслах экономическая реформа страдала а) нецелостностью — не решала проблему горизонтальных связей между предприятиями, не ущемляла прерогативы всемогущей министерско-госнабовской пирамиды; б) половинчатостью — хозяйственно умеренная децентрализация сочеталась со всей неуемляемой атрибутикой ЦАС, исключавшей подлинно хозрасчетные механизмы.

По-крупному экономическая необходимость реформ снялась нахождением источника дополнительной валюты в виде выгодного экспорта энергоносителей. Не было бы (последующего) несчастья, да счастье помогло. Вопросы повышения качества продукции, интенсификации производства решались за счет импорта оборудования. С 1972 по 1976 г. закупка западной техники возросла в 4 раза.

Альтернативой реформы стали импортные накачки. От первичного проекта — борьбы за рентабельность, качество, эффективность, рациональное производство — не осталось и следа. Управление концентрировалось в вертикалях, опека центра усиливалась. В конце 70-х, когда конъюнктура по энергоносителям изменилась, источник шальных нефтедолларов иссяк, страна вновь оказалась перед необходимостью реформ, способные на бумаготворчество ЦК и Совмин буквально продублировали постановление 1965 г., выпустив документ "Об улучшении планирования и усилении воздействия хозрасчетного механизма на повышение эффективности производства и качества работы". Опять-таки дело свелось к спусканию новых нормативов по использованию сырья, оборудования, энергии, рабочей силы, зарплаты на единицу продукции. Усложнилось ценообразование (как при Хрущеве), пробуксовывало управление. Эксперименты с бригадным подрядом торпедировались уравниловкой, невозможностью трудоустроить излишек рабочей силы, глухим сопротивлением директорского корпуса, препятствующим развитию самоуправления. В промышленности пошло падение темпов роста с 8,4% (конец 60-х) до 3,5% (начало 80-х), в сельском хозяйстве соответственно — 4,3% и 1,4%. В 2 раза снизилась производительность труда, объем капиталовложений снизился в 4 раза. С 70-х начался затяжной кризис сельского хозяйства. Дегradировала целина, которая не могла быть постоянным поставщиком зерна.

1969, 1972, 1974, 1975, 1979—1981, 1984 гг. — годы тяжких неурожаев, усугубляемых бесхозяйственностью (потери собранных урожаев от недостатков хранения, переработки, перевозки доходили до 13,5%). Уровень закупочных цен не обеспечивал самофинансирования хозяйств (цены на технику и удобрения перекрывали госсубсидии).

Началась фронтальная стагнация, обостряемая исчерпанием резерва рабочей силы. В социалистическом строительстве, подчиненном императиву "Все во имя человека, все на благо человека", всегда забывали о человеке. Последнее проявилось в 60—80-е гг., когда рождаемость снизилась на 25%, а смертность увеличилась на 15%.

Демографическая картина резко ухудшилась. Возможности экстенсивного пути практически исчерпались.

Обобщенными индикаторами застоя по экономической компоненте выступают:

- ставка на ввоз авангардного оборудования по импорту;
- удаление сырьевой базы на восток (рост себестоимости сырья);
- деградация и консервация основных фондов;
- — сверхмилитаризация хозяйства, изматывающая возможности страны;
- кризис ЦАС, сказывающийся в неэффективной организации труда, управления,

директивном планировании, рапортизме, нерыночности, затратности, монополистичности, немобильности форм собственности, дефицитности внутреннего рынка, нестимулированности труда (показатель отложенного спроса — рост сбережений граждан в сберкассах), внедрении политически престижных, но экономически несостоятельных сверхпрограмм (БАМ).

Политическая контрреформа. С 19ш) г. политический словарь расширился сочетанием "развитой социализм", заменившим скороспелое понятие "развернутого строительства коммунизма". Отказ от форсированного броска в коммунизм, казалось бы, означал торжество трезвости, реализма. Однако ненадолго. Схема относительно продолжительного периода всестороннего развития и совершенствования социалистического общества в 1967 г. была откорректирована официальным выводом, приуроченным, как водилось, к юбилейной дате, о уже свершившемся построении в СССР общества подобного типа. Наличие "развитого социализма" за окном обязывало, главным образом с точки зрения подтягивания реальности под критерии социальной зрелости. Началась полоса политического очковитательства: втискивание жизни и замшелые доктринальные формулы обернулось нарочитой лакировкой действительности. Протори и убытки исчезали, достижения и победы появлялись. Волонтаризм и авантюризм Хрущева подменялись волонтаризмом и авантюризмом (точнее — ввиду скудоумия — пародией на волонтаризм и авантюризм) Брежнева.

Гражданская контрреформа. К 1965 г. дух оттепели развеивается безвозвратно. В усиление сменившей гражданскую либерализацию хрущевской импульсивной репрессивности утверждается режим регламентированной социальной коммуникации, преследующей задачу разрушить очаги самостоятельной неформальной активности индивидов. Развертывается преследование диссидентов, движение которых ширится в связи с августовской (1968 г.) чехословацкой акцией. В атмосфере упрощающегося равнодушия, какой-то безнадежной апатии нашлись люди, выразившие протест по поводу культивируемой верхами зоологической партийности мысли, унифицированной "идеологически выдержанной" реакции на иную политическую эволюцию. После осуждения Синявского, Даниэля (за самочинность — 1966 г.) идут Гинзбург, Галансков, Лашкова, Марченко, Григоренко (за инакомыслие — конец 60-х), далее — Солженицын (1974 г.). Ну, и так далее.

Пренебрежение к человеку отчетливо проявилось в вопросе его прав — прав мыслить, действовать не по указке, а самостоятельно. Вечно подавляемое, третируемое, едва не криминальное в России начало персонального вдруг пробилося наружу. И мы не беремся опровергать, не оно ли выступило контрапунктом грядущего демонтажа расчеловеченной тоталитарной социальности.

Экстенсивность имперской России подпитывалась колонизацией — рост производства фундировался наращиванием территориальных богатств. Экстенсивность послевоенной России также крепилась на колонизации — Хрущев сместил акцент с завоевания на освоение территорий. Брежнев положил начало новому виду экстенсивности — сырьевой экстенсивности, позволяющей поддерживать качество жизни посредством нещадного вызова сырья. Велика Россия, но на этой стезе предел виден. Потенции ресурсозатратного воспроизводства истощились. Магистраль странового благополучия связывается лишь с долгосрочным устойчивым источником прогресса,

какой дается производительной интенсификацией.

Перестройка (1985—1991 гг.). Венчает традиционно российский реформационный ряд "во имя идеи". Ввиду кризиса идеалов социализма и фундированной ими жизни верхи осознали необходимость перемен, они не хотели по-старому. Лишенные же преобразовательного позитива низы не могли по-новому. В силу инверсии социальных возможностей верхов и низов революционной ситуации с ее классической атрибутикой не сложилось. Локомотивом модернизации выступило правительство. Пошла санкционированная реформация сверху. Суть ее, как на уровне феноменологии, так и процесса, — не демонтаж старого (нетоварного, административно-бюрократического социализма), а его улучшение (ср. с фиктивной интенцией "улучшить" вполне дискредитированную монархию последнего русского царя Николая II). Основными реперами модернизационного порыва верхов, в единстве составившими схему реформ, стали стратегические директивы "гласности", "перестройки" и подчиненные им тактические лозунги "ускорения", "нового мышления", "демократизации".

Гласность. Исходно рассматривалась в качестве рычага обновления и подправления государственной партийно-коммунистической идеологии, требующей критики, освобождения от архаичных догматических комплексов. Но правдивый, трезвый, документально выверенный взгляд на вещи, раскрепощение исторической, национальной памяти не может быть дозированным. Замысел зачинщиков перестройки очень скоро вступил в противоречие с его фактической реализацией.

Идеологической диетологии пришел конец. Чертоги ортодоксии рассыпались. Умы захлестнула волна обличения — зычного, раскатистого. Под каток критики попала святая святых — тщательно опекаемая *terra incognita* — социализм с его партийно-коммунистическими ценностями. Охранительное увещевание XIX партконференции (1988 г.) "гласность не должна наносить ущерба интересам государства, общества" само собой развеялось. Гласность, перерастая в свободу слова, обрушилась на корень национальных злоключений — казарменный социализм, центрально-административную систему, их становой хребет — партию. Джин вылетел из бутылки. Неявная предпосылка стала явным предметом разоблачительной деятельности.

Подобный поворот подорвал течение верхушечной трансформации: реформы сверху заблокировались; "верх" по ходу набирающей силу кампании срывания всех и всяческих масок оказался полностью дисквалифицированным (образчик ведущей роли общественного сознания в современном социальном строительстве; косметическая реформа старого при нежелании его демонтажа не может начинаться с преобразования надстроечной базы).

Перестройка. Суть перестройки, как планировали ее лидеры, — произвести не демонтаж строя, а его улучшение посредством перехода к гуманистическому социализму с "человеческим лицом" (влияние еврокоммунизма). Однако в этом, очевидно, заключалось принципиальное *contradictio in adjecto*. Подправление социализма, т.е. наличного тоталитаризма, ЦАС, верховенства КПСС, опиралось на инициативы этих же институтов. Но в опоре на тоталитаризм, ЦАС, партию нельзя с ними бороться. Нельзя обновлять экономику, диверсифицировать собственность и сохранять ЦАС; нельзя проводить демократизацию и сохранять властное доминирование КПСС. Очень скоро поэтому перестройка как социалистический паллиатив, непродуманная игра центра уступила руководство оперативно осознавшему свои интересы последовательному окраинному национализму.

В СССР не имелось предпосылок либеральной санации социализма по вектору культивации рыночности и демократизма. Не имелось в силу однородности отношений собственности и власти. В хозяйстве и управлении безраздельно господствовала огосударствленная социалистическая собственность и партийно-коммунистическая организация. При реальной монополии социализма и большевизма на частичный манер социальность не перестраиваема. В действительности перестройка с демократической

фразеологией, либеральной риторикой требовалась предводительствуемой Горбачевым части иерархов КПСС как рычаг борьбы с оппозицией им внутри высших органов КПСС для укрепления режима собственной власти.

Ускорение. Типично большевистский шапкозакидательский лозунг, используемый и Сталиным, и Хрущевым (подстегивающее "догнать и перегнать"). Однако наращивание темпов экономического развития в кризисном обществе невозможно. Политическая деструкция связала хозяйственное созидание. Во многих точках страны вспыхнули пожары локальных войн. В 1988 г. в СССР импортировано 40, в 1989 г. — 60 млн т зерна (из чего можно заключить, что сельское хозяйство практически агонизировало). За 1991 г. курс рубля упал с 10 до 120 р. за доллар.

Пафос реформы — перевод предприятий на хозрасчет с развалом госмонополии на собственность, внешнюю торговлю, ограничением бюджетных кредитных подпиток, установлением прямых горизонтальных связей, выход на потребителя — номенклатурой был успешно выхолощен. Чиновная братия блокировала инспирирующую экономическую модель фактически 100%-ным госзаказом под централизованные поставки, снабжение со связыванием инициативы мест. Зажим оптовой торговли средствами производства сковал предприятия в выборе поставщиков, воспрепятствовал демонополизации. Рынок пребывал в качестве остаточной и вполне эфемерной среды на задворках госзаказов. Ввиду всеобщих дефицитов, недостатков госснабжения обеспечения сырьем, техникой пошла всеобщая бартеризация, в которой дополнительную выгоду для себя извлекли монополисты.

Борьба за потребителя приняла уродливую (бюрократическую) форму удостоверения качества госприемкой. Расширилась не самостоятельность, а госконтрольность (так всегда в России: намерения благие, итоги адовые), лишавшая рабочих (из-за дефектов качества) дополнительных заработков.

Не решалась и проблема ценообразования. Субсидии, кредиты, централизованные финансовые накачки — слишком лакомый кусок для аппаратчиков и канцеляристов, чтобы им жертвовать. Между тем централизованная безалаберная раздача средств вызывала неприятную необходимость увеличить розничные цены на товары, что грозило незамедлительным социальным взрывом. И без того куцые экономические нововведения во избежание неожиданностей свертывались.

В сущности ничего не дала индульгенция на индивидуальную трудовую деятельность (ИТД). К весне 1991 г. частный (кооперативный) сектор охватывал лишь 5% активного населения. Полноценному функционированию ИТД препятствовала создаваемая вездесущим Госнабом товарно-сырьевая дефицитность. Не укоренялось и фермерство по причине а) отсутствия экономической инфраструктуры; б) миграции наиболее предприимчивых селян в города; в) скудости материально-технической базы.

В условиях дефицитности, затратности, воинственности ведущей арьергардные бои центрально-административной системы наряду с легализацией негосударственных форм собственности, активизацией теневой экономики начал катастрофически падать уровень жизни. Народ роптал, терявшая почву из-под ног соцбюрократия сопротивлялась, реформа буксовала, экономика не то что не ускорялась, а прямо катилась под гору.

Новое мышление. Всякое возрождение начинается с критики. Критике прошлого политического курса обязаны мы появлению перестроечной идиомы "новое мышление". Резко ухудшившееся экономическое положение страны, непосильное, изматывающее бремя гонки вооружений, крах стремления к недостижимому военному паритету со всем североатлантическим блоком в качестве резюмирующей отрезвляющей реакции породили некое подобие здравомысленного реализма, заставили отказаться от бездумной линии балансирования на грани войны, бряцания оружием, материального и морального поддержания революционного экстремизма. В материалах XIX партконференции обнаруживается: "Критический анализ прошлого показал, что и на нашу внешнюю политику наложили отпечаток догматизм, субъективистский подход. Было допущено ее

отставание от фундаментальных изменений в мире, не в полной мере реализовывались новые возможности для снижения напряженности и большего взаимопонимания между народами. Добиваясь военно-стратегического паритета, в прошлом не всегда использовали возможности обеспечить безопасность государства политическими средствами и в результате дали втянуть себя в гонку вооружений, что не могло не сказаться на социально-экономическом развитии страны и на ее международном положении".

Вехами политического обновления на базе неконфронтационного мышления стали: снижение порога противостояния Востока и Запада (переговоры с США о разоружении с подписанием в декабре 1987 г. соглашения об уничтожении ядерных ракет средней и меньшей дальности); вывод войск из Афганистана (с мая 1988 г.); нормализация отношений с Китаем (с мая 1989 г.); строгий нейтралитет в отношении региональных конфликтов (кризисы в Южной Африке, Персидском заливе, Центральной Америке); санкция на воссоединение Германии (июль 1990 г.).

Не входя в геополитическую оценку всех этих предприятий, которая однозначностью не отличается, отметим только, что правительство-банкрот должно было создать для себя некие козыри. Ими оказалась ревизия ортодоксальной марксистско-ленинской доктрины империализма и противостоящего ему мирового революционного процесса. За ширмой риторики мирного сосуществования в условиях целостного взаимозависимого мира государственное руководство страны фактически расписывалось в военной и экономической несостоятельности по поддержанию политического status quo. Самое же печальное заключалось в бездарной и бездумной сдаче геополитических позиций СССР. Порог вооружений надо снижать, переговоры вести, от интервенций отказываться, региональные конфликты решать, межгосударственные связи безотносительно к политической философии расширять. Но никоим образом не жертвовать приобретениями историческими. Подпочва коренных пикировок стран, регионов, наций в крупной игре определяется природой не политической, а геополитической. Политические влияния временны, геополитические — долгосрочны. Всегда можно и нужно уступать в политике, но никогда в геополитике.

Сложившийся баланс сил в Старом Свете — трофей кровавой II мировой, с лихвой оплаченный бесчисленными невосполнимыми жертвами. Бросаться ими, к тому же бесславным образом, — преступление. Геополитические уступки распалют алчущих, что ныне и наблюдается в подрывающем национальные интересы восточном расширении НАТО. Некогда наше стало не только не нашим, но уже прямо враждебным нам.

Демократизация. Движение к демократизации (заметим: не «демократии!») протекало веерообразно — по азимутам: ротация кадров, законотворчество, реформа управленческих институтов. Кадровые деньги решают все. Деньги в виде кредитов для импорта зерна стали геополитические уступки давать Запад. Кадровые начали расставаться по принципу корпоративно-поколенческому. Старая политическая элита активно прессинговалась. ЦК обновился на 85% (более, чем при сталинских чистках конца 30-х), руководство МИДа — почти полностью. В вопросах законотворчества достигнут заметный прогресс. С конца 80-х — начала 90-х законодательным образом создаются основы правового государства, где право обслуживает не элитный истеблишмент, но и общество и личность. Приняты законы: о праве обжалования гражданами административного произвола, о государственной безопасности, о прессе, общественных организациях, въезде и выезде из СССР и др. Реформа власти пошла под флагом укрепления, с одной стороны, единоличной власти Горбачева, с другой стороны — советской власти. Генеральный секретарь стал избираться не Пленумом ЦК, а непосредственно съездом КПСС (суть — достижение независимости от партократии). В 1988 г. вводится двухуровневая представительная система — Съезд народных депутатов и Верховный Совет, избираемый на съезде постоянный орган, работающий на профессиональной основе. В марте 1990 г. учреждается пост Президента СССР,

избираемого Съездом народных депутатов (суть — достижение независимости от партаппарата ЦК и Политбюро), Колоссальным рывком назад стала кампания очередной советизации власти с приданием ей дополнительного авторитета посредством делегирования первых лиц партии (сообразно административному делению) в советские органы. Суть этой затеи — имплантировать реальную, но нелегитимную власть партии в иллюзорные, но легитимные выборные институты, придать неявному явный статус. Однако, как отмечалось выше, советские, т.е. общинно-демократические начала, не жизнеспособны. Общинная демократия, если к ней относиться не как к кабинетной конструкции, реализуема на крайне узком, практически замкнутом социальном плацдарме типа пространства античного полиса, ситуации осажденной крепости типа Парижской Коммуны. Для иных обстоятельств, тем более современных, тем более территориально развернутых, общинно-демократические формы непригодны. Здесь обязательны властные вертикали, обеспечивающие оперативную (демократия и оперативность трудно совместимы)¹³³ управленческую, национальную, коммуникативную консолидацию. Повальная горбачевская советизация представляла не демократизацию, а пародию на нее. Из всех щелей на свет божий вылезали гримасы тоталитаристских устоев в виде анахронических тенденций вроде безусловной квоты для КПСС в руководящих структурах ("золотая сотня" от КПСС).

Несообразия нарастали. Демократическая часть требовала реформ, консервативная часть — реакции. Умеющий лишь балансировать между лагерями, политически дряблый недееспособный Горбачев не смог заявить какой-то ясной державной линии. В духе умственно отсталых, почти хичкоковских импровизаций произошли вильнюсские события (январь 1991 г.), квалифицированные общественным сознанием как "преступление режима, не желающего покидать сцену". Стихийное неприятие опрометчиво действующей без царя в голове власти приняло форму повальной децентрализации. Центр потерял кредит доверия, властные единительные вертикали разрушились. Пошла политическая фрагментация полномочий по республикам.

Перестройка не решила ни одну из заявленных проблем — ни проблему политической демократии, ни проблему рыночной экономики, ни проблему федеративного договора. Распад СССР подготовлен борьбой республиканских окраин с ЦАС, стремлением жизнеутверждаться самостоятельно. Критическая масса провалов и дискредитаций центра увеличивалась:

- политическая плоскость — события в Тбилиси, Баку, Прибалтике;
- экономическая плоскость — неспособность перейти на самофинансирование, хозрасчет по всесоюзному плану Рыжкова и торпедирование республиканских планов рыночной трансформации экономики (программа республиканского хозрасчета, проект "500 дней");
- державная плоскость — центробежные республиканские декларации о суверенитете, не встраивающиеся в Ново-Огаревский процесс;
- гуманитарная плоскость — обострение морально-этических вопросов, связанных с перегибами социалистического созидания в одной отдельно взятой стране (насилие над личностью, слоями, народами).

Перекрытие граничной отметки дало взрыв — взрыв центробежности как отторгающей реакции на историческое бесправие, партийно-классовую тоталитарность, агрессивность. Нельзя наперекор законам, реалиям в стране

- многонациональной — декларировать право народов (этносов) на самоопределение;
- крестьянской (мелкобуржуазной) — вводить нетоварное, материально немотивированное производство, прямой продуктообмен;
- многопартийной (Манифест 17 октября, завоевания февральской революции

¹³³ См.: Философия власти. М., 1993. 164

1917 г.), граждански неоднородной — осуществлять репрессивное, неправоное, большевистски монопольное социалистическое строительство в режиме форсмажорного насилия. Нельзя. Но ведь делалось.

В конце концов, пришел час расплаты. Страна жила как бы отложенным спросом. Приступавший к реформам центр должен был работать на опережение, дабы удовлетворять интересы более мобильных мест, ликвидировать несуразное своей предвосхищающей инициативой.

Державной мудрости на то центру, марионеточному Президенту СССР не хватило. Возникла мгновенная страновая деструкция с переходом государственности в новое фазовое состояние. Состояние республиканского суверенитета и полной национально-государственной автономии.

Декларативные схемы большевиков материализовались. Но это вряд ли кто-либо из зачинателей перестройки полагал, предполагал, приветствовал.

Последнюю точку в данном деле поставила Россия. В ноябре 1990 г. Верховный Совет РСФСР принял закон об экономических основах суверенитета республики, переводящей в российскую собственность сосредоточенные на ее территории природные и производительные богатства. С этого момента существование СССР обесмыслилось экономически (ввиду редистрибутивной асимметрии ценностных потоков из России в республики Союза). Декларация о государственном суверенитете РФ, введение поста президента обессиливали существование СССР и политически. На некоторое время воцарилось двоевластие. Но если в период после февральской революции 1917 г. победили большевики, теперь большевики проиграли. Почему? Все решила игра на существовании демократии. Тогда большевики разыграли карту власти народа. И выиграли. Теперь разыгрывалась антибольшевистская карта независимого народа. Побеждает та сторона, которая при невозможности употребить силу заявляет большую, высшую демократию. А что может быть больше, выше демократии свободного демоса?!

Пикировка президентов Ельцина и Горбачева не представляется фактором *prima*. Она — не из разряда решающих. Происходила борьба не лиц, а систем с низложением центрально-административного командования, консервирующего бесправное, подножное положение республик. Политическая судьба охочего до ходьбы в народ Горбачева коннотирует с судьбой такого же любителя общаться с массами Хрущева. И один, и другой прибегали к критике системы для стабилизации личной власти. И один, и другой тактически добивались этого, но стратегически терпели фиаско. Хрущев смят аппаратом. Горбачев — опирающийся на "демократизированный народ" частью аппаратной элиты. Хрущев провозгласил новый курс (бросок в коммунизм), представляющий (несостоявшуюся) авантюру. Горбачев провозгласил новый курс, представляющий (правда, состоявшуюся) также авантюру. И там, и там — неудавшаяся потуга (с позиций исходного замысла) мобилизационного рывка в опоре на демократизирующую риторику (хрущевская оттепель, горбачевская гласность) и партийно-приказные, центрально-административные рычаги преобразований. И одного, и другого не поддержал ни аппарат (вследствие испуга утратить номенклатурный статус), ни народ (вследствие культивированных либерализацией, впрочем смутных, ожиданий "желанного будущего"). Оба при неодобрении народа разворачивали борьбу с Системой. И оба завершали трагически. Система, перемалывая режим личной, с реформационным зудом власти неизменно выходила победителем. В одном случае утверждалось более консервативное (брежневская стагнация), в другом — более либеральное (ельцинская демократизация) социальное начало. Исход разный, но смысл один: с Системой власти в России, стране политарной, с надеждой на успех бороться паллиативными мерами — не ставя целью низвержение Системы — никак невозможно.

Рынок и демократия. Высказываться о реальностях неотстоявшихся — значит обрекать рассуждения либо на конъюнктурность, либо на неverifiedированность. Мы, в силу природы избранного жанра не имея склонности ни к политическому мониторингу,

ни к социософской спекуляции, сторонимся как апологетики, так и метафизики. Наша роль — изучать наличное вместе с породившей его тенденцией. Прошедшей горнило последних ельцинских рыночно-демократических реформ России пока не установилось. Оттого глубокое (нелегковесное) квалифицирующее суждение о ней преждевременно. Что можно утверждать, не впадая в пустопорожнюю риторику, так это то, что нам досталось тяжелое наследие. Паушальный итог отечественных модернизационных рывков скорее негативен.

Современное российское общество:

— не инновационно — в мире выделяются пулы стран а) производящие на чужих технологиях; б) частично использующие свои технологии; в) генерирующие технологии; г) генерирующие знания, порождающие новые технологии. Россия не имеет четкого местоположения в данном перечне; располагаясь где-то между 2, 3 и 4 позициями, обнаруживает завидную неспособность, поразительную незаинтересованность в органичном обновлении производства, притока инноваций. Производительная и первопроходческая деятельность у нас разобщены, не резонансны;

— ресурсозатратно — следствие, с одной стороны, пространственного громадьа (цена единицы готовой продукции в России дороже соответствующих аналогов в любой другой индустриальной стране по причине одних транспортных издержек), неосвоенности территорий, неразвитости инфраструктуры, а с другой стороны — исторических особенностей развития. Для России борьба за передел мира традиционно означала и означает борьбу за пространства, уголья, запасы, источники сырья. К настоящему моменту ситуация резко изменилась. Борьба за мировое лидерство приняла форму не территориальной, а интеллектуальной монополии. Ныне побеждает монополист не природных ресурсов, а баз данных, квалификации. Россия же по всем этим показателям (количество студентов, финансирование образования, устроенность научной элиты, процент граждан активного возраста с высшим образованием) далеко не в числе передовых;

суперцентрализовано — результат а) хозяйствования в условиях критического земледелия, вызывающего необходимость концентрации и редистрибуции скудного прибавочного продукта; б) специфики экономического прогресса через наращивание геополитического потенциала — колонизация с производительной экстенсификацией как способы страновой адаптации в эпицентре аннексионистских движений Запада (в Россию, через Россию) на Восток, Востока (опять же в Россию и через Россию) на Запад;

экономически не сбалансировано — гиперразвитость группы А относительно группы Б как побочный эффект форсированной модернизации хозяйственной основы вдогонку с целью обеспечить долгосрочные национальные геополитические интересы (догнать, зачастую и перегнать исторических врагов и соперников) с забвением интересов краткосрочных типа забот, притязаний отдельных лиц, "просто-человеков"; милитаризовано — непропорционально значительная роль ВПК в производстве, гипертрофированная роль армии (человека в погонах) в обществе;

не экологично — черта, питаемая а) иллюзией неисчерпаемости отечественных природных богатств; б) историческими особенностями индустриального развития: индустриализация как непременно авральное создание, эвакуация, восстановление промышленности безотносительно к природоохранным мероприятиям.

Наши общественные институты предельно изношены, испорчены перекосами, злоупотреблениями, — они не способны стимулировать поступательное национальное развитие.

Пробить брешь в заскорузлой практике административного управления, государственного планирования, центрально-бюрократического произвола призван рынок. Однако при переходе к нему на рубеже 90-х годов изначально были допущены серьезные ошибки. Основной явилось чрезмерно ретивое (опять обвал!) свертыwanie линии планового регулирования. Сокращение госзаказа, несбалансированное по смежным

производствам, бессистемность во введении рынка породили а) сужение товарно-денежных отношений; б) развитие прямого продуктообмена; в) неконтролируемый рост денежных доходов, концентрацию средств вне бюджета, — что значительно ухудшило положение на потребительском рынке. Усилилась социальная напряженность. К заветной цели — хозяйственной самостоятельности, безлимитности, инновационности — мы не только не приблизились, но, пожалуй, удалились. Если характеризовать итоги принципиальных преобразований российской экономики в перестроечное 10-летие и радикальное ельцинское 3-летие, возможно прийти к следующему:

- порожденная большевиками ЦАС, в принципе, разрушена. Сформирован остов рыночно ориентированной многоукладной экономики, созданы столь важные звенья рыночной инфраструктуры, как банковская (к 1995 г. в стране насчитывалось 2,4 тыс. коммерческих банков с активами до 20% от активов реального сектора¹³⁴) и торговая;

- ликвидирован товарный дефицит, стабилизирован потребительский рынок;

- возникло сильнейшее расслоение населения с а) практическим упразднением среднего класса; б) опасной пауперизацией и маргинализацией граждан;

- не достигнута искомая стабилизация производства (отодвигаемая на конец 90-х): старая промышленность разрушена, новая не создана; потерявшая до 50% объема индустрии страна поддерживается почти исключительно импортом (оплачиваемым непомерно высокой ценой — хищническим разбазариванием недр);

- национальная валюта остается неустойчивой; опасность гиперинфляции миновала, но рост цен не обуздан;

- структурное преобразование производства приняло форму обвала отечественной индустрии (деиндустриализации);

- наметилась опасная зависимость российского хозяйства от импорта продукции и внешних кредитов;

- произошли глубокие институциональные сдвиги: возник развитый частный и смешанный частно-государственный сектор, деятельность предприятий коммерциализировалась (основными индикаторами поведения стали цены, рентабельность, процентные ставки, валютный курс)¹³⁶; номенклатурная приватизация привела не к народно-государственному (всеобщему) капитализму, а к извращенной форме бюрократически-замкнутого анклавного капитализма, усиливающего структурную несопряженность секторов с укорочением, обрывом хозяйственных связей;

- катастрофически недостаточно инвестирование основных фондов; уже сегодня простое воспроизводство технологической базы поставлено под угрозу.

По реалистическим прогнозам экономистов впереди нас ожидает еще более безотрадное будущее. К середине 90-х

1. Искерпался "запас прочности" экономики, за счет которого удавалось четыре года поддерживать функционирование национального хозяйства без необходимых инвестиций, роста безработицы и резкого снижения жизненного уровня населения.

2. В ближайшей перспективе экономическую конъюнктуру будут все больше определять стратегические, долговременные угрозы, которые временно были отодвинуты на второй план проблемами текущей финансовой стабилизации. К ним относятся:

- катастрофическое положение в сельском хозяйстве, подрывающее продовольственное самообеспечение и социальную устойчивость страны;»

- сокращение производственного, научного и кадрового потенциала;

- утрата качественного машиностроения, необходимого для модернизации экономики;

- усиление давления внешней задолженности на внутривхозяиственные процессы.

3. Практически исчерпан компромисс между двумя сформировавшимися укладами

¹³⁴ См.: Экономика России в 1994—1995 годах, анализ и прогноз. М, 1995. С. 5.

экономики "валютным" и внутренне ориентированным. Противоречия между ними (борьба за ресурсы и условия функционирования) вступают в стадию антагонизма".

Решение основной экономической задачи текущего момента — сбалансированный (без потрясений, перетрясок) переход к индустриальному (лучше информационному) обществу, рыночная адаптация производства, повышение уровня жизни народа, укрепление национальной безопасности, экологизация производительной деятельности — упирается в выработку доктринальных основ макроэкономической стабилизации. Наиболее принципиальными оказываются монетаристская и протекционистская платформы.

Какая из них будет внедряться, покажет время. Пока действия правительства сосредоточиваются вокруг одних близлежащих вопросов — таких, как а) подавление инфляции (до 2—3% в месяц); б) открытие экономики (через пресловутое увеличение экспорта сырья и импорта готовой продукции); в) оживление инвестиционной политики (через стимулирование притока иностранного капитала).

Панацея сбалансированного роста, как видно, видится во включении страны в отлаженный мировой рынок на базе капиталоемкого и ресурсоемкого (либерализация внешней торговли). Цель достойная, средства негодные, приличествующие недоразвитым традиционным обществам. Корень проблемы — недостаток капитала, низкий уровень дохода, лимитированность накопления. Выхода из стагнации без дополнительных импульсов нет. Генератором подобных импульсов может быть либо зарубежная помощь (кредиты), либо государство. Верхушка отечественной политической бюрократии ("элита"), похоже, поставила на зависимое развитие (иностранные инвестиции). Этот вариант, однако, ввиду масштабности, застарелости кризиса бесперспективен. Иная возможность — мобилизация государства — специалистами по страновой модернизации применительно к России проблематизируется. Суть в том, что государство как агент модернизации, в развертывании реформ встав на путь полнейшей мобилизации резервов, обретает авторитарно-тоталитарное проявление. Россия же (в отличие, например, от Китая) декларировала демократию (которая как затратное социальное состояние обеспечивается экономической продвинутостью).

Ситуация близка к тупиковой (отказ от демократии исключается) и тем не менее разрешима. Мы сторонники активизации рычагов государства. Оставаясь демократически ориентированной, Россия принимает некую кооперативную модель (базовый консенсус с поглощением корпоративных интересов) с отходом от "византийской" схемы прогресса, стимулирующую опережающее решение относительно:

а) приведения в движение внутренних источников финансирования — налоги с оборота, отчисления от прибылей, займы;

б) перехода на новые технологии: дистанция, отделяющая нас от развитого мира (уровень инфраструктуры, технологии, кадров) одним броском, одномоментно не покрываема. Однако Россия располагает уникальными разработками. Имеются в виду торсионные, плазменные технологии. Не движение "вслед за", а упреждающее "сосредоточение на" способно завязать невиданный доселе инновационный образ жизни.

ЧАСТЬ II AD FUTURUM

Раздел I. Сквозные линии

Печальную черту отечественных реформ столь светлый, глубокий государственный ум, как Сперанский, видел в порывистости, переменчивости, незавершенности, воспалительности инновационных действий, преобразовательных шагов, изменений. "История России со времен Петра Первого, — выделял он, — представляет непрерывное почти колебание правительства от одного плана к другому. Сие непостоянство или, лучше сказать, недостаток твердых начал, был причиною, что доселе образ нашего правления не имеет никакого определенного вида, и многие учреждения, в самих себе превосходные, почти столь же скоро разрушались, как возникали"¹³⁵.

В чем причина инверсионности нововведений? Почему трансформации не кумулятивны? По какой причине почины блокируются, гасятся, отменяются контрпочинами? Ущербны ли начинания сами по себе, как таковые (в смысле противоестественности, несвоевременности), противодействуют ли им какие-то (внутренние или внешние, явные или скрытые) силы, — как-то надо ведь объяснять, откуда-то выводить российскую способность получать *fumus ex fulgore*.

В экспликациях, понятно, недостатка нет. Соловьев называет борьбу родового и государственного начала. Но подобная борьба велась и в Европе, не сдерживая страновой прогресс. Ключевский говорит о колонизации территорий с выходом населения из-под опеки государства. Колонизация, однако, проводилась и в других частях света, вовсе не отменяя последовательных приобретений. Идея мировой закулисы, почему-то покушающейся на Россию, — спекулятивна. Модель политарности, сближающая Россию с восточным социумом, в контексте темы малопонятна. Если принимать регулярность, инвариантность неких базовых воплощений для организации социальности, цивилизационные отличия в дихотомическом ряду Восток — Запад не радикальны.

И все же чем обусловлены маятниковые движения российских реформ — беспорядочные метания от капитализма к социализму и от социализма к капитализму, от удельности к уездности и обратно, от вероисповедности к атеизму и *vice versa*, от товарно-денежного к натуральному и... и прочая, и прочая, и прочая.

Причина сущностной неорганичности национальных реформ, их монструозности, асоциальности, inferнальности в самой природе российской жизни, передаваемой понятием "несимфонийность". Российский социум несимфонией — он конфликтен универсально, безусловно. Везде, всегда. Власть противостоит обществу, государство народу, институты гражданам, система человеку. Россия до мозга костей антагонистична, раскольна. В ней есть полюсы, крайности, противостояния, между которыми нет медиаторов, демпферов, буферов. Россия — человек без кожи — обнажена, чувствительна ко всякому влиянию, отчего страдает. Страдая же, безутешно идет до конца. Опустошая путь свой. Конфликты в России — больше чем конфликты¹³⁶. Борьба идет не на жизнь, а на смерть. Если восстание — то истребление, если террор — то резня, если оппонент — то враг, если несогласие — то кровавое. Не оставлять камня на камне, стирать в порошок — принцип; дезорганизация, деструкция — правило; само- и всеразрушение — стержень. В этом — "наше все". Печально. Безотрадно.

В чем корни отечественного радикализма? Связывать его напрямую с этнокультурными свойствами национального типа — затея сомнительная. Как мы имели

¹³⁵ Сперанский ММ. Проекты и записки. М.; Л., 1961. С. 17

¹³⁶ См.: Ахиезер А.С. Россия — расколотое общество // Рубежи 1995. № 5. С. 74

случай подчеркнуть ранее¹³⁷, российский национально-культурный тип объемов, многопланов, и оттого не линеаризуем. Черты неуемности, озорства, удалства, бунтарства соседствуют и сосуществуют с кротостью, терпимостью, покорностью. Россия плодила атаманов (Болотников, Разин, Пугачев), но и тьму благообразных, благоверных, благонамеренных людей; разбойников (Кудеяр), но и непротивленцев (Каратаев). В идеологии радикализм иницируется относительно тощим пластом адептов анархизма, революционного демократизма, экстремистского народничества, движения левых эсеров, большевизма — "головного футуризма" (Степун). В социальности радикализм ("скрытый большевизм" — Степун) проявляется у заговорщиков-нечаевцев, террористов-бомбометателей, варваров-купцов, отечественных хулиганов, т.е. у сугубо маргинальных слоев — сбивавшихся в стаи бродяг, неприкаянных, босяков, людей перекасти-поле (Челкаш), иницированных студентов, казаков.

Радикалам в идеологии противостояла сугубо умеренная традиция, зовущая Русь не к топору, а к духовному преображению. Соловьев указывал на веру, Достоевский на страдание и смирение, Толстой на нравственное совершенствование. В социальности им (радикалам) противилась толща живущих "малыми", "медленными" трудами патриархальных крестьян и мещан, для которых бунт, протест, неповиновение (если, конечно, не доводить до отчаяния) — за пределами.

Тем не менее радикализм брал верх. Неизменно. Неизбежно. Не по причине имманентности душе русской экстремизма. А как следствие несимфоничности национального склада жизни. Суть не в том, что к нам тянули "дребедень отвлеченно-европейскую" (Достоевский), а в том, что у нас у самих прорва всяческой почвенной дребедени. Какой именно? В плане уточнения ответа на вопрос акцентируем столь порочные особенности отечественной организации, как:

— Сращение власти с собственностью¹³⁸. Власть и собственность функционально разведены в управлении (дивергенцию этих начал конституирует "правило Лэйна"). (Подчеркнем, что речь идет именно о функциональном разведении. На сущностном уровне "власть и собственность могут быть разделены на какое-то время, но разлучить их навсегда никогда не удастся, поскольку, поняв болезненность подобного разделения, собственность сразу же купит власть либо власть захватит собственность"¹³⁹). Как один, так и другой исход прекрасно моделируется на фактуре нашей истории. Достаточно взять смутные времена конца XVI—начала XVII вв. (первый вариант) и конца XIX в. (второй вариант).

Власть и собственность совмещены в докапиталистических архаичных системах: власть как насилие, принуждение, подавление встроена в контекст производственных отношений, проявляется через формы внеэкономической зависимости. Рабовладельцы, феодалы единосушно носители как власти, так и собственности; рабы, смерды как безвластны, так и неимущи. Начиная с капитализма власть и собственность расчлняются. Власть обретает черты института, аккумулирующего неэкономические связи; рынок систематизирует связи собственнические. На Западе человек политический (институционально государственный) возникает одновременно и наряду с человеком экономическим. В России ничего похожего не наблюдается. Политика у нас исторически не оформилась, не закрепились, не выделилась в специализированную отрасль социальной занятости, отсек практически-духовных занятий. Как в архаичном или традиционном обществе к политике у нас причастна каста элитной номенклатуры вначале сословной, наследуемой (государевой, великокняжеской, боярской, дворянской), затем партийно

¹³⁷ См.: *Россия: опыт национально-государственной идеологии*. М., 1994

¹³⁸ В данном фрагменте используются идеи А.Фурсова.

¹³⁹ *Peterson M. Democracy, Liberty and Property // The State Constitutional Conventions of the PIO-s. Indianapolis. 1966. P. 338.*

инициированной.

На фазе архаики при синкретизме собственности и власти кризис собственности (экономика) влек кризис власти — крах государственности, имперскости. Позже со стадии обособления власти («бюрократическое государство — машина побуждения, вынуждения, принуждения») и собственности (регулируемая рынком динамика персонального и социального богатства) в эпоху капитализма экономические кризисы не вызывают кризисов государственных (не равнозначно — "правительственных"). Реалии западной капиталистической социальности от этого застрахованы. Не то в России.

Благотворного функционального двоецентриа власти и собственности у нас не сложилось. С Ивана IV власть стала единодержавной; в борьбе с боярской олигархией опричнина осуществила редистрибуцию богатства с целью концентрации земельной собственности у двора, способствовала трансформации отечественной монархии в имущественную монархию; русский царь отныне — "первый" помещик. С Петра I власть стала имперской, универсальной, не разделяющей первенства ни с каким началом, ни с какой силой; стяжающая монополию духовного водительства церковь превратилась в одну из госконтор — коллегию. С Ленина власть стала всепоглощающей: все относительно, кроме власти — территории, этносы, богатство, благосостояние. Власть преобразовалась в чистую форму, репрезентируемую функциями партии. Со Сталина власть стала тоталитарной — "чистая форма" обрела плоть национальной державности; хлесткий ярлык "враг народа" — ужасное клеймо, агрегирующее признаки государственности, национальности, партийности.

История России — история не разделения, а соединения, сращения власти с собственностью. На дореволюционной стадии персонификатором власти и собственности был монарх, на послереволюционной стадии — государство. Синкретизм двух капитальных начал влек а) консервацию внеэкономического принуждения — от патриархальной общины до социалистического колхоза, вызывая порочный тандем взаимоусиливающих экономических и политических (властно-государственных), политических и экономических потрясений; б) импульсивно-авантюристический, волюнтаристски-импровизационный тип правления, сказывающийся в особенности (исключаемой реальностью Запада) обмена пространства на укрепление власти. Соответствующим (антинациональным) образом действовали: Ленин — развал империи ради начала коммунистического эксперимента; Сталин — отказ от мировой революции, развал Интернационала ради продолжения коммунистического эксперимента в одной отдельно взятой стране; Горбачев — развал Восточного блока (трофея кровавой II мировой) ради совершенствования построенного социализма в одной стране; Ельцин — отказ от коммунистического эксперимента, развал СССР ради узурпации власти в РФ¹⁴⁰; в) возможность конвертации власти на собственность — самодостаточный слой "рыночно-демократических" нуворишей — прямой продукт номенклатурной приватизации некогда общенародных богатств.

— Политохорологическая хаотичность. С позиций современных физических представлений хаос — сущность фундаментальная, проясняющая загадку возникновения реальности "из ничего". Соответствующую идею на этот счет высказал Платон. Его прозрение развил Больцман, выдвинувший гипотезу упорядочения вещества посредством случайных возмущений. Следующий шаг сделал Джинс, связавший больцмановские случайные возмущения с гравитационными силами. На этой концептуальной платформе в дальнейшем расцвела квантовая геометродинамика.

По аналогии с физикой вакуума разворачивается и политологическая теория политического вакуума. Суть ее в моделировании обихожения державной целины через огораживание беспредела с необходимым структурированием среды обитания,

¹⁴⁰ Наблюдение Ю.Пивоварова и А.Фурсова.

увязыванием пространства со временем, геополитики (политохорологических структур) с хронополитикой (цикликой, ритмикой политохорологических структур)¹⁴¹.

С чего начинались империи? С отгораживания от хаоса — с возведения валов, стен, обустройства засечных полос, проведения демаркаций. Последние — рукотворные барьеры, бастионы от варваров — обеспечивали культивацию среды обитания. На островах антиварварства возникала политическая цивилизация. Складывание империй, державостроение, следовательно, в истоках имело очаговый, зонный принцип пространственного обособления, огораживания. Примечательно свидетельство народовольца, а впоследствии монархиста Л.Тихомирова, посетившего Западную Европу: "Перед нами открылось свободное пространство у подножия Салев, и мы узнали, что здесь проходит уже граница Франции. Это огромное количество труда меня поразило. Смотришь деревенские дома. Каменные, многосотлетние. Смотришь поля. Каждый клочок огорожен толстейшей, высокой стеной, склоны гор обделаны террасами, и вся страна разбита на клочки, обгорожена камнем. Я сначала не понимал загадки, которую мне все это ставило, пока, наконец, для меня не стало уясняться, что это собственность, это капитал, миллиарды миллиардов, в сравнении с которыми ничтожество наличный труд поколения. Что такое у нас, в России, прошлый труд? Дичь, гладь, ничего нет, никто не живет в доме деда, потому что он при самом деде два-три раза сгорел. Что осталось от деда? Платье? Корова? Да ведь и платье истрепалось давно, и корова издохла. А здесь это прошлое охватывает всего человека. Куда ни повернись, везде прошлое, наследственное... И невольно назревала мысль: какая же революция сокрушит это каменное прошлое, всюду вросшее, в котором все живут как моллюски в коралловом рифе".

В России поступать подобным образом физически было просто невозможно. Препятствовали базовые хроногеометрические параметры. Напомним, что по развиваемым нами топологическим соображениям политическое пространство векторизовано. Колонизация, индустриальная цивилизация идут с Запада на Восток. Культура, информация идут с Севера на Юг. Варварство, терроризм идут с Востока на Запад, с Юга на Север. Хроногеометрическая особость России в перекрещивании этих потоков. Россия сдерживает колонизационный напор Запада, противодействует движению аборигенов Востока. Испытывает культурно-информационное влияние Севера, в свою очередь выполняет миссию культурно-информационного донора для внутренних колонизируемых окраин.

Огораживание от варваров с их уничтожением, ассимиляцией, изоляцией (резервацией) в России не происходило. Россия экспортировала чиновников на места (аппарат генерал-губернаторств) и импортировала (с Петра I вплоть до наших дней) бюрократию для нужд собственных. Эта управленческая транспортировка, однако, не заменяла собой огораживания. В отсутствие последнего не созидалась собственность, геополитика не трансформировалась в хронополитику. Территории не культивировались. (Едва ли не исключительный эпизод национальной истории, связанный с радикальным огораживанием, — недолговечный период "железного занавеса". СССР отгородился от "враждебного мира", созидал в одиночку новое общество и добился-таки на этом пути разительных результатов, от многих из которых потом отказался.)

Тем не менее жить в мире и быть огороженным от него на продолжительное время невозможно. Мир целостен, взаимосвязан. Огораживание — самый первый, исходный шаг: уйти из мира, дабы через державное отстранение от варваров вернуться в мир, вписаться в цивилизацию (сквозь почву). Этой-то начальной онтогенетической фазы не хватало нашей державности, не ушедшей вполне от варварства (обуза периферии сказывается по сегодня) и оттого не преодолевшей вполне хаотичности.

— Неправовой строй. На Западе государство с периода позднего средневековья —

¹⁴¹ См.: Ильин В.В., Панарин А.С. Философия политики. - М., 1994. Разд. II—IV.

начала Возрождения постепенно складывается как правовое — развивается законодательство, вводятся, кодифицируются формальные принципы регламентирования деятельности, нащупывается механизм разделения властей, отрабатываются процедуры принятия ответственных решений, расчленяются компетенции государства, общества, личности с соответственными функциями, гарантиями, свободами. Никакой схожей правоустановленности в России не оформляется. Этнопсихологически в России укоренялось не право-канон, установленный порядок исполнения, а право-правда — сочетание закона с истиной и справедливостью. Привнесение содержательно, интуитивно толкуемых моментов, очевидно, подрывало процесс юридизации державных, гражданских связей (у нас, к слову сказать, в практике атрофированы такие классические разделы, как частное и публичное право). Русскому, отмечал В. Астафьев, "легче поступиться... юридическим началом, легальностью, чем моральностью". Этим все сказано. Социально-политически формирование правового нигилизма, неправового импульсивно-авантюрного властвования инспирировали два эпизода отечественной истории: а) кризис Киевской Руси, перемещение центра власти в Москву, являвшей в противовес городской киевской тип сельской организации и снабдившей нас свойственным ей "теплым", неформальным характером обмена деятельностью; б) монголо-татарское нашествие, привившее России модель империи. Создатели Московского централизованного царства — "чингисиды" — Иван III, Василий III, Иван IV, с одной стороны, институционализировали идею империи (политическая гегемония Москвы в государстве и мире; Москва — третий Рим), а с другой стороны, уничтожили народную волюницу (разгром Новгорода — последняя веха на пути пресечения вечевого традиция).

Страна в целом, никто в ней в особенности никогда не жили по праву. Манифестом 1762 г. Екатерина II торжественно обещала законы, кладущие учреждениям пределы их компетенции. Обещание осталось невыполненным. Уже в следующем веке подготовкой проекта Основного закона озабочены Сперанский (1809 г.), Новосильцев (1818 г.), Лорис-Меликов (1881 г.). Но "увенчания здания" не происходит. Проект Основного закона Российской империи обнародован лишь в 1905 г. В 1906 г. (!) подданные ошастливлены отредактированным сводом "Основных законов", которые, правда, непрестанно нарушались подготовившей и утвердившей их инстанцией.

У нас укрепилась разрешительная (волюнтаристская), а не регистрационная (формальная) система, обильно питаемая произволом действия облаченных в державную тогу сановников. Не стремясь к систематичности, акцентируем моменты:

а) на монаршей стадии истории непретворенность начала примогенетуры (принцип первородства), подрывавшая неотъединенность социальных отношений от личностных и множащая смуту. Иван III самовластно тасовал претендентов на трон, Петр I не успел оставить завещание, вверг империю в череду ослабивших ее дворцовых переворотов. Казалось бы, Павел установил регламент — издал Акт о престолонаследии, превращавший империю из наследственной монархии по завещанию в наследственную монархию по закону. Документ "вносил в отечественную государственность реальные конституционные начала; он же избавлял страну от потрясений, лихорадивших ее почти весь XVIII в. Павел отменил несчастное и неудачное правило о наследовании престола, введенное его великим прадедом. И одновременно достроил здание примогенетуры, начатое еще Даниловичами в XIV—XV столетиях"¹⁴². Правовой строй российской монархии продержался чуть более века. Сокрушил его не кто иной, как последний император российский Николай II, отрекшийся от престола не только от своего имени, но и от имени сына. Последнее противоправно, как, впрочем, противоправно действие Михаила, отрекшегося от престола в пользу Временного правительства. (Михаил не имел права отречься от престола, так как по статусу не имел права занимать престол);

¹⁴² Пивоваров Ю. "Гений блага" русской политики // Рубежи. 1995. № 6. С. 72.

б) *абсолютность*, несообразованность верховной власти с устоями, традициями, основоположениями. Актами воли Иван III, Василий III привлекали к заседаниям Боярской думы думных дьяков и думных' дворян по основанию личной преданности; Петр I перенес столицу государства; Николай II разгонял конституционные законодательные органы управления; в январе 1918 г. Ленин закрыл Учредительное собрание, за открытие которого ратовал в феврале 1917 г.; Сталин раскрутил маховик репрессий политических соратников, соперников, "случайно" списанных ни в чем не замешанных, неповинных лиц; Хрущев, впад в этнокоммунистическую эйфорию, занялся подношением территорий; Горбачев в разгар приступа "нового мышления" провалил геополитику; за сходное дело в 1991 г. принялся Ельцин, чтобы с 1996 г. с рвением приняться за обратное;

в) *конъюнктурность*: в угоду моменту приносятся в жертву интересы долгосрочные, зависимости порядка дальнего. Демонстративно антинациональное головотяпство с разрушением русских форпостов на Кавказе. Отечественная колонизация сдерживалась естественными (географическими) рубежами. Россия заняла Кубань, остановилась перед Кавказским хребтом. Она не пошла бы дальше в населенные враждебными мусульманскими народами районы, если бы не обращение единоверных и несамодостаточных в страновом отношении Грузии и Армении. Также в Азии — захват территорий подчинен естественной логике: юго-восточные границы беспокоили кочевые киргизы, налетчики ханств Кокандского, Бухарского, Хивинского. Завоевали их, подошли к естественным границам Гинду-Кушу, Тянь-Шаню, остановились. Аналогично на Дальнем Востоке. Достигли Тихоокеанского побережья, обустроились, укрепились. Продвинулись на Аляску, но держать ее не могли (в 1867 г. продали ее и Алеуты Соединенным Штатам за 7,2 млн. долларов).

В 1859 г. русская армия в войне с кавказскими горцами под руководством Шамиля взяла важнейший опорный пункт вооруженной оппозиции на Восточном Кавказе — Ведено. Через каких-нибудь 60 лет большевики начали ликвидировать казачьи округа (рычаги колонизации), депортировать русских, упразднять русские административно-территориальные единицы в национальных районах, поражать русских в правах при формировании выборных местных органов власти. Особенно отличался мастер на все руки Орджоникидзе (большевистский эмиссар на Украине, Кавказе, Закавказье, Председатель ЦКК ВКП(б), нарком РКИ, зампред СНК и СТО СССР, председатель ВСНХ, нарком тяжелой промышленности). В секретном приказе № 1721 по кавказской трудармии он предписывал: "Первое — станицу Калиновскую сжечь; второе — станицы Ермолаевская, Закан-Юрловская, Самашкинская — отдать беднейшему безземельному населению и в первую очередь всегда бывшим преданным советской власти нагорным чеченцам; для чего все мужское население вышеозначенных станиц от 18 до 50 лет погрузить в эшелон и под конвоем отправлять на север... для тяжелых принудительных работ; стариков, женщин и детей выселить из станиц, разрешив им переселиться в хутора и станицы на Север"¹⁴³.

Еще через 70 лет после всех этих "революционно-освободительных" мероприятий в 1995 г. федеральные войска с боем опять штурмуют Ведено, дабы восстановить конституционный (!) порядок;

г) *келейность*. Об упомянутой продаже Аляски знали всего трое — монарх, премьер, минфин. Проект Брестского мира сложился в горячем уме одного человека. Отсутствие гражданского общества, парламентской процедуры легитимации решений, политической плюральности неизбежно подсекало патриотизм, здравомысленность в угоду властному корыстному шкурничеству. Характерный пример. В мае 1923 г. Политбюро ЦК РКП (б) обсуждает вопрос о продаже Сахалина Японии и постановляет: оно "не возражает против дальнейшего ведения переговоров в направлении

¹⁴³ Отечественная история 1992 № 4 С. 37

продажи острова Сахалин, причем сумму в миллиард (долларов. — *Авт.*) считать минимальной". Национальными территориями торгует партия. Даже не партия — горстка ее высших бонз. И торгует далеко не в интересах народа. "Сумма, — уточняет решение, — должна быть внесена или вся или 9/10 ее наличными, причем на эти суммы не могут быть обращены никакие расчеты между Японией и Россией"¹⁴⁴. Иначе говоря, поступления полагали провести по партийной кассе, которой распоряжался лично Ленин, потом Сталин. По чистой случайности сделка не состоялась: для Японии заявленная сумма оказалась чрезмерной. В противном случае территориальный вопрос между нашими странами выглядел бы иначе;

д) *сокрытие законов*. Интересный случай приводит Ключевский. Закон 1827 г. о 4,5 десятинах, внесенный в первое издание Свода законов, вдруг выпал из второго издания этого же Свода. Закон не был отменен, он просто пропал без вести. Точно также поступили с законом 8 октября 1847 г., предоставляющим крестьянам имений, продававшимся с торга, выкупаться с землей. В новом издании Свода законов положения 8 октября нет. "Высшая власть не отменяла закона; бюрократия, устроенная для установления строгого порядка во всем, представляла единственное в мире правительство, которое крадет у народа законы, изданные высшей властью"¹⁴⁵. Сказанное — не раритет николаевской эпохи. По некоторым данным, 70% законоустановлений советского периода засекречено;

е) *кастовость*. Власть эшелонирована, замкнута, неротируема, не подконтрольна, милитаризована. Лишь в XVIII в. освобождено дворянство, в XIX в. — крестьянство. В отсутствие конституционности, парламентаризма, открытости власть монополизирована высшим руководством — промонархическим, пробольшевистским. Властным отечественным элитам атрибутивна жесткая иерархичность, консолидированность. Традиции интегрированности власти развили большевики, придавшие ей квазисловесный — партократический характер. Советская фаза власти — партноменклатурная, воплотившая аутентичную марксову схему народного государства. О последней еще Бакунин сказал, что в сущности она "не предлагает ничего иного, как управление массами сверху вниз, посредством интеллигентного и поэтому самого привилегированного меньшинства, будто бы лучше понимающего настоящие интересы народа, чем сам народ"¹⁴⁶;

ж) *своенравность, взбалмошность, граничащая с самодурством*. Поклонявшийся Фридриху II российский самодержец Петр III жаловался на судьбу (польскому посланнику Ст. Понятовскому): "...Как я несчастен. Я бы поступил на службу прусского короля, служил бы ему со всем моим усердием и, конечно, был бы теперь командиром полка в чине генерал-майора или даже генерал-лейтенанта. А меня, вместо того, привезли в эту проклятую страну и сделали великим князем". Жалобы жалобами, но игравший по достижении совершеннолетия в солдатики полудурок монарх-пьяница по своей прихоти отменил завоевания России в Семилетней войне, вопреки национальным интересам заключил невыгодный мир с Пруссией. Аналогично поступил его сын, обиженный судьбой Павел, ненавидевший мать Екатерину II и своевольно аннулировавший многие ее державные начинания. Павел отменил большой рекрутский набор, указ о перечеке монеты, раздал 300 тыс. госкрестьян частным лицам, запретил губернские дворянские собрания, отменил право избирать дворянских заседателей в губернские и уездные учреждения, возобновил посессионное право (его отменили в 1762 г.), восстановил упраздненную Екатериной коллегию, сломал ее областное деление (его восстанавливали), преследовал европейскую моду (фраки, круглые шляпы, идущие из Франции и якобы навевающие революционность);

з) *репрессивность*. Никто никогда в России в обход права не останавливался

¹⁴⁴ Ключевский В О Соч М, 1989 Т 5 С. 256

¹⁴⁵ Бакунин М. Поли. Собр. Соч. Т. 2 Спб., 1907 С. 27.

¹⁴⁶ Известия ЦК КПСС. 1990. № 4. С. 193.

перед мерами крайними. Борьба с собственным народом в веках, понятно, — варварство. Но как оценивать события исторически близкие? С 1918 по первое полугодие 1919 г. произошло 340 восстаний крестьян, нещадно подавленных. В Перми в 1918 г. казнено 800 рабочих, в Астрахани в марте 1919 г. расстреляны тысячи пролетариев. В августе 1922 г. в секретной инструкции органам Ленин наиздал: "Чем большее число представителей реакционного духовенства и... буржуазии удастся нам... расстрелять, тем лучше"¹⁴⁷. Лучше кому? Вопрос риторический;

и) *преторианство*. В отсутствие силы права заявляется право силы. Непомерно велика в нашей истории политическая роль императорской гвардии, временничества, вершащих перевороты дворцовые. С Елизаветы Петровны, запутавшейся в фаворитах, морганатических связях, убитых Петра III, Павла у нас претворяется истина — выбирающий господина не раб. Противостоять могущественному окружению августейших лиц столь же безрезультатно, как неодушевленной стихии.

— Атрофия гражданского общества. Гражданское общество — множество самостоятельных учреждений граждан по интересам, контролирующих проявления государства и амортизирующих его отношения с личностью. Предпосылками институционализации гражданского общества как противовеса государству являются а) атомизация собственности — укоренение частного владения, пользования, распоряжения богатством, благами; б) фрагментация политической сферы — укоренение легально-легитимных процедур отстаивания частичных интересов; в) гуманитаризация самосознания — укоренение в лице внутреннего свободного качества "субъекта для себя". Все эти условия пребывали в России в притупленном состоянии. В стране существовал дефицит свободы. Герберштейн в "Записках о московских делах" (XVI в.) отмечал: русские находят "больше удовольствия в рабстве, нежели в свободе". (И это при отсутствии в России канонического формационного рабства.) Почему? Вследствие всесилы власти. Трезво, зорко, энергично об этом высказывался Сперанский: "...Вместо всех пышных разделений свободного народа русского на свободнейшие классы дворянства, купечества и проч. я нахожу в России два состояния: рабы государевы и рабы помещичьи. Первые называются свободными только по отношению ко вторым, действительно же свободных людей в России нет, кроме нищих и философов"¹⁴⁸. Искомую перемену незаурядный реформатор государственности видел в преодолении "ощутительного противоречия, какое у нас есть между видимою формой правления и внутреннею, в исполнении на самом деле того, о чем в продолжении целого века государи твердили народу, в утверждении престола не на сне народа и очаровании предрассудков, но на твердых столпах закона и всеобщего порядка"¹⁴⁹.

Итак, рецепт найден — конституционное правовое государство и гражданское свободное общество. Однако рецепт нового бытия Россия не восприняла, во всех политических частях не преобразилась. Причинами того был блок факторов.

1. Противодействие самодержцев. Планы социально-политической реорганизации институтов торпедировались инициаторами. Отслеживая перспективы либеральных преобразований, Александр I недоумевал: "Что же я такое? Нуль. Из этого я вижу, что он (Сперанский. — *Авт.*) подкапывается под самодержавие, которое я обязан вполне передать наследникам своим"¹⁵⁰. Однотипно поступал Николай I, отвергший массу проектов реформ Комитета 6 декабря (о разграничении полномочий Госсовета и Сената, учреждении Совета Министров, перестройке центральных ведомств и местных учреждений, решении крестьянского и сословного вопроса). Реформе Александра II воспрепятствовала бомба Гриневского. Далее проявилось влияние Победоносцева, крайний

¹⁴⁷ Сперанский М.М. Цит. соч. С. 43.

¹⁴⁸ Там же С. 51.

¹⁴⁹ Там же С. 53.

¹⁵⁰ Шильдер Н. К. Император Александр I, его жизнь и царствование Спб, 1905 Т. 4 С. 185

консерватизм Александра III, узколобость Николая II, толковавших гражданские реформы не иначе, как "бессмысленные мечтания".

2. Социальный синкретизм. Учреждения гражданского общества ограждают от произвола властей, сдерживают проявления деспотизма, поставляют гарантии суверенности, самодостаточности лица, обеспечивают законный интерес индивида от посягательств госмашины. Но в отсутствие развитой политической жизни, правопорядка, гражданской элиты, известного класса людей, "особенно предусмотренных к охранению закона" (Сперанский), любое ослабление государственности в России, любой его уход с авансцены жизни означал разгул бесправия, раздолье произвола. Своенравно, безначально наше государство, но оно же — защита от куда большей своенравности, безначальности его подданных. Не надо искать деспотов на стороне. Они — в нас, кто при неорганическом взаимодействии с социумом реализует самость по своей стати.

Россия задавлена самовластием верхов, но в не меньшей степени самовластием низов. Маленький человек — диктатор в своем локале (как у Вяземского: "коллежский регистратор — почтовой станции диктатор"), проявляет безнарядье в пределах собственной компетенции.

Лучший способ преодолеть варваризм беспредела — установить органичность функционирования как общественного целого, так и лица в общественном целом через рычаги права, собственности, гражданской, моральной ответственности. В России (пока!) этот способ не материализовался. Материализовалось иное — крепостнический, репрессивный, террористический механизм проявления как целого, так и лица в целом. Управой на произвол и государства и лица в государстве в рамках разрешительной (не регистрационной) системы обмена деятельностью оказывалась дубина государства. Государство перманентно увечило себя (бесконечные встряски, чистки, перетряхивания), но и народ, подданных.

С усложнением общества усиливается зависимость социума от лица — его квалификации, участия, опыта. Просто самореализации лица — это и прогресс общества: коллективное развитие зависит от индивидуального, представляя тракт движения к высокому, совершенному. Но условия самотворчества личности создает общество. При органическом устройстве оптимальность предпосылок самовозвышения достигается правовой жизнью на микроуровне. (Удел макроуровня — ориентировать правосознание и праводействие на ФСК. Макроуровень, следовательно, задает как бы субстанцию, тогда как микроуровень — функцию правопорядка, законности.) Чему способствует многократное дробление и институционализация интересов, прав, обязанностей, выражений комплексов, сущностно связанных с любым и каждым структурным элементом последовательности государство—общество—личность. В российском же нерасчлененном синкретичном мире, где "общество" было "общиной", "царь" — "батюшкой", "генсек" — "отцом народа", социальное целое, "страна" строилась как "семья". Отпочкование от синкретичного целого ветвей гражданского общества в народном, массовом сознании воспринималось как заговорничество, подпольность. Оттого едва ли не первоначальными носителями духа гражданского общества у нас были раскольники, масоны, т.е. противопоставляющие себя целому слои, если уж не прямые конспираторы, то во всяком случае маргиналы, находящиеся на периферии общественной жизни, обочине национально-культурного существования.

3. Традиционная неготовность граждан согласовывать жизнь с 1-твердыми началами законности, которая требовала бы институционализации. В народе — внизу — при всей забитости, подневольности развит институт свободолюбия, тлеет стихия протеста, принимающая форму вызова — неправовых бунтарских, эскалистских акций. (Илья Муромец обиделся на князя — принялся рушить порядок, государственность.) В элите — вверху — невзирая на права, вольности, преимущества благородства рождения (Грамота Екатерины II 1785 г.), нет тенденции обустривать жизнь законосообразно, относясь к ней как к формально правовому явлению. Начиная с декабристов, оппозиция заявляет интерес

не через институты, а прямую пикировку, противостояние. Отрадное и, пожалуй, единственное исключение — Сперанский, бывший членом суда над декабристами, людьми ему близкими. Участники выступления 14 декабря для него — преступники, восставшие против законной (!) власти, а потому заслуживающие наказания. Единство слова и дела, помысла и поступка в данном случае проявилось в подписании осуждающего приговора: Сперанский пошел до конца, в отличие от, скажем, не решившегося на это Н.Мордвинова.

— Идеократичность. Взоры беспутного сапожника, замечает Фейербах, следят за штопором, а не за шилом, — оттого и происходят мозоли.

В России жизнь ориентирована не на право, а на правду, не на формальные принципы, а на содержательные начала — ценности. Причем если на Западе вопросы ценностей вследствие атомарности сосредоточены в частной сфере, в России вследствие синкретичности — во властно-государственной. Развитие социальности здесь подчинено правилу монополизации властью ценностных аспектов жизни. Апофеозом такой монополизации стал тоталитаризм, всецело определявший углы, градиенты аксиологических дрейфов. На Западе приватизация ценностных отношений влекла, с одной стороны, универсализацию единой и единственной ценности в лице национального интереса, а с другой — стимулировала политико-социальную консенсуальность (ввиду легитимности гражданского плюрализма). В России этакратизация ценностных отношений умножала раскол, усиливала расслоение на адептов и "внутренних врагов", увеличивала напряженность, репрессивность, исключала преемственность.

Новая ценность — новый курс. Не продолжение старого на основе улучшения, а тщание нововведений на базе разрушения. С неременной ликвидацией апологов прошлого.

Владимир дал Руси ценности. Петр начал их изничтоживать. Ударил по церкви (обмирщение, отмена патриаршьяго духоводительства, замена предстоятеля национальной веры светским лицом — оберпрокурором Синода, индульгенция на нарушение тайны исповеди в случае подрыва интересов государства (характерная деталь — на Западе нарушение этого таинства — трагедия для представителя культа (фабула "Овода"), тогда как в России — моральный долг)), старомосковской старине, домостроевской святой Руси (подавление стрелецкого бунта — кульминация и финал борьбы с традицией), принялся за европеизацию, перенес столицу (географический раскол державы). Взяли власть большевики — огнем и мечом стали внедрять антизападничество, что потребовало новой духовной апологии, а значит, интеллигенции. Отечественная интеллигенция в массе была уничтожена (вырезана, выслана). В цивилизационной пустыне развернулось возведение рукотворного памятника новым порядкам.

Столь неорганический стиль реформирования — от идеократичности. Он будет воспроизводиться до тех пор, пока страна, государство, народ пребывают в заложниках у носителей очередных, а то и внеочередных ценностей. Социальные ценности и частная жизнь должны быть правовым способом надежно разведены, разграничены. Тогда Россия приобретет гарантии от коловращения по тлетворному циклу, имеющему фазы: самоневерие—самоиспытание—самоистязание. Мы более не в силах начинать сначала, как Ромул, на пустом месте; оглядываясь назад, понимать, что сделано нечто не то, и посему, точно китайский болванчик, падать в обморок.

— Дистанциональность. Политическая хроногеометрия позволяет различать дистанциональный (А) и институциональный (Б) тип власти. (А) осуществляет контроль пространства, экстенсивен, основан на дальнодействии. (Б) производит контроль времени, интенсивен, основан на близкодействии. (А) реализовался в России, (Б) — на Западе.

Российская дистанциональность от неправового строя социальной коммуникации, которая не крепилась на универсально кодифицированных нормах, регуляциях обмена деятельностью. У нас "обильное законодательство при отсутствии закона" (Ключевский) сплошь да рядом пробуждало то, что (в непадении в словотворчество) заслуживает-таки присвоения особого имени — "державного хроноспазма".

Державный хроноспазм — это провал в архаичную неотрегулированность жизни, безнравье, когда за неимением регламента деятельности и невозможности постоянного вмешательства центральной власти на микроуровне идет тотальная разрушительная работа, впадение в хаос, восторг дезорганизации. Не погружаясь в сюжет, подчеркнем лишь, что институциональная форма в отличие от дистанционной, функционируя как спецификация общего закона на местной конкретике, достигает эффекта самоорганизации локального уровня без всегда затратных возмущающих вмешательств центрально-государственных органов. В России за неимением федерального регламента, расписывающего полномочия центра и окраин, государство замыкало на себя все.

При неразвитости местных, региональных управленческих институций персонификатором госмашины в провинции был наместник. (Российское государство исходно строилось по принципу неокраинного самоуправления, а наместничества.) Наложение центральных экспортируемых на окраины правил, преломляемых и извращаемых (небескорыстным) миропониманием наместников, на аборигенные устои (при атрофии правового поля) склоняло к бесправным, волюнтаристским импровизациям, субъективным аврамам (от какого-нибудь вымышленного Угрюм-Бурчеева до вполне реального застрелившегося в хрущевское время первого секретаря рязанского обкома КПСС Ларионова), плодя дисгармонию.

В пределе дистанционность воспроизводила не цивилизованную борьбу отрегулированных функций (сдержки и противовесы в разделении властей), а дикую войну произвольно толкуемых ценностей. Ценностная война — самая разрушительная, и она — печальный факт России. Эта война велась:

а) на персональном уровне — с "мундирным анархизмом", бытовой конфликтностью (провинившегося сына наказывал не отец, а сельский староста);

б) на социальном уровне — с криминальным безнравственным элементом, для которого произвол—закон, преступление—доблесть, убийство—подвиг;

в) на державном уровне — как с собственным народом, так и с "инородцами". Собственный народ либо восставал, либо "выходил" из существующего порядка, брел розно, бежал из государства (благо было куда, позволяли пространства). "Инородцам" — выходцам с окраинных колонизированных территорий центр выплачивал своеобразную дань в виде поблажек: гражданских (представители национальных районов вплоть до формирования "дикой" дивизии в 1914 г. во избежание подрыва генофонда не призывались в армию; льготы на обучение); политических — представительские квоты, соблюдение автономии интересов (о последнем — убедительно у Столыпина: "В России... сила не может стоять выше права! Но нельзя... допускать, чтобы одно упоминание о правах России считалось в Финляндии оскорблением")¹⁵¹, большевистская тактика инспирации этнических административно-территориальных единиц в соответствии с ленинским императивом "лучше пересолить в сторону уступчивости и мягкости к национальным меньшинствам, чем недосолить"¹⁵². И пересаливали — депортировали этнических русских, казаков (Туркестан, Северный Кавказ), ликвидировали русские поселения в национальных районах, поражали русских в правах при выборах в местные органы власти; экономических — развитие дотационного редистрибутивного хозяйства, превратившегося в подпитку "окраинного варварства"; традиционных — соблюдение колорита этнокультурной микрофлоры (в присоединенных Эстляндии и Лифляндии, где в основном господствовали немецкие и шведские феодалы, сохранены сословное самоуправление, вотчинная полиция).

Отсутствие Федерального регламента державостроительства — печальная и опасная подробность, вызывающая в отечестве характерную для него борьбу не партий (структур гражданского общества), а учреждений, не функциональную

¹⁵¹ Столыпин П.А. Цит. соч. С. 147.

¹⁵² Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 45 С. 360.

дифференциацию властей, а дифференциацию функций власти. На Западе каждой властной функции соответствует полномочный субъект; у нас каждому полномочному субъекту соответственно множество властных функций. Подобное обстояние дел снимает возможность выработки формально-правовых консенсуальных решений. Существо консенсуса — увязывание интересов властных лиц. У нас же не с кем учреждать консенсус. Можно лишь более или менее централизованно отпускать вожжи или натягивать их. На Западе "монополия легальности" (Зиновьев) стягается правом, у нас — партией власти (монархической, коммунистической). На Западе (при правовом взаимодействии, противоборстве политических интересов) проявление центром сверхнормативных прерогатив ненужно, избыточно. В России (в легитимно неочерченном поле политического взаимодействия) роль центра особа: вся и всякая борьба всегда идет в центре и с центром, представляющими его министерствами, ведомствами¹⁵³.

Преодоление типично догосударственного состояния, когда в не-налаженности правового диалога "правительство—общество" из под-спудья влияют произвольные факторы (пускай они будут хоть самыми высокими ценностями типа "земля", "воля", "правда"), видится в направленном дрейфе к институциональности. В противном случае время затеряется на пространстве России. Страна будет ввергнута в Вандею всеобщего восстания провинции против центра.

Тацит, рассуждая о войне хаттов с херусками, высказывал мысль, что ресурсы империи не могут служить варварам. В национальной колонизации сделано много ошибок, но преступно усугублять их сегодня прямой поддержкой воюющих с центром периферий. Их надо втягивать в цивилизационный процесс с применением дифференцированного политического регламента и регионального хозяйственного расчета.

— Мессианиззм. «Все великие и творческие нации в истории, — уточняет С.Булгаков, — имели и имеют свое особое самосознание, в этом выражается их "национализм"»¹⁵⁴. Наш отечественный национализм — безотчетная, вдохновенная вера в "бога", "царя", "героя". Россия — страна упования, которое, подтачиваясь в обстановке "кризиса правды", ввергало народ в смуту. Подоплека всех без исключения российских кризисов — ценностная.

Как отмечалось выше, христианство сыграло незаурядную роль в державной консолидации славян, но дискредитировало предметы их исконной веры. На Западе боролись с христианством, у нас за христианство. Этим все сказано. Первый фронтальный кризис славянской культуры — кризис собственного многобожия. Затем — церковные расколы, петровская секуляризация, большевистская атеизация. В массе народ лишился религиозной веры. Далее — кризис "царства": смутное время. Государство превратилось в антинародную силу. Вера в него подменилась суеверием. Русские, акцентирует С.Соловьев, теряют политическую веру в Москву, верят всем и всему¹⁵⁵. Держава, кажется, гибнет — аннексия, оккупация. И вдруг. Что? Спасают герои: "Начинают пробуждаться силы... национальные, идущие на выручку гибнувшей земле"¹⁵⁶. Окончательный крах "царства" — кровавое воскресенье 9 января 1905 г., после которого дни российской монархии сочтены. Потом — банкротство "героя" в виде затяжного, непременно драматичного разоблачения, развенчания сотворенных кумиров. Кумиров на Руси нет более.

Упомянутые кризисы сильны, остры, глубоки, однако частичны. Это кризисы объектов веры. Но разыгрался в стране трудно переживаемый кризис веры как таковой. Суть его — в духовном провале идеи Москвы как третьего Рима, которая подавалась не вероучительно, а как "проявление царского могущества, мощи государства". Третий Рим

¹⁵³ См.: Пивоваров Ю., Фурсов А. Русская система // Рубежи. 1995. № 5

¹⁵⁴ Булгаков С. Расизм и христианство // Тайна Израиля. Спб., 1993. С. 352.

¹⁵⁵ См.: Соловьев С.М. История России с древнейших времен. Кн. 4. М., 1989. С. 450.

¹⁵⁶ Ключевский В.О. Соч. Т. 3, С. 56.

складывался то как Московское царство, то как империя, наконец как третий Интернационал¹⁵⁷.

Крушение одного, и второго, и третьего лишило народ святынь. Утратив веру божескую, он не обрел веры светской. Для апологов самобытной православно-почвенной идеи России это — катастрофа. Для нас это — конец утопического реализма. Расставаясь с мессианством (внутренним и внешним), пора становиться быть "как все": жить по праву и национальному величию.

— Ретардация. "Европа, — утверждает Белль, — шла и будет идти от ренессанса к ренессансу". В России же — сплошь да рядом замедление и возвращение державного хода. Европейские реформы кумулятивны, отечественные возвратны. Примечательна деталь: многие, казалось бы, решенные навечно в истории проблемы приходится решать вновь. Лишь несколько взятых почти наугад тому подтверждений.

Социальное представительство: пульсация думско-советского принципа. Древний думский статус представительских выборных законосовещательных (Государственная дума) и самоуправленческих (городская дума) учреждений с марта-апреля 1917 г. замещается советским (стихийно возникшие, затем инспирируемые большевиками советы либо вводили своих представителей в думы, либо распускали их). Тот в свою очередь с 1993 г. уступает место думскому (упразднение советской формы с октября 1993 г.).

Державостроение: пульсация уездно-удельного принципа. Отвечающее логике державности уездное начало вводит территориально-губернскую основу внутреннего устройства России. Согласно с конъюнктурной логикой борьбы и условий удельное начало внедряет национально-территориальную архитектуру российского государственного тела. Исстари, всенепременно удельная фаза провоцирует хаос, беспорядок; тогда как уездная фаза — порядок, организацию. Удельный строй утверждается с Всеволода, в противоположность бывшему княжению по роду учредившего вотчинный порядок, децентрализацию. Уездный строй утверждается с Ивана III и Василия III, трудившихся над централизацией. В смутные времена с кризисом государственности преобладала удельность; в имперский момент превалировала уездность. Сугубый импульс подрыву уездности сообщили большевики, принявшие абсолютно порочную установку (ими самими никогда не воплощенную) на национально (этно)-государственное самоопределение. Если в добольшевистские времена активизация удельного начала может быть синхронизирована со 100-летним интервенционистским циклом: 1610 г. — смутное время; 1709 г. — Северная война; 1812 г. — Отечественная война; 1905 г. — русско-японская война (ошибается Ключевский, говоря: "...Война с благополучным исходом укрепляла сложившееся положение, политический порядок, а война с исходом непристойным вызвала общественное недовольство, вынуждавшее у правительства более или менее решительную реформу, которая служила для него своего рода перезаменкой"¹⁵⁸). На фактуре приведенного цикла проступает: война с любым исходом, *volens-nolens* ослаблявшая государственность, подготавливала скачок в удельную фазу), то в постбольшевистскую эпоху впадение в удельность искусственно инициировано вспышками окраинного сепаратизма. Государственно-исторический циклизм — функция не временная, а факторная. Большевики сбили факторный ритм (производный от интервенций с последующим подрывом государственности), поставили реставрацию удельности в зависимость от спонтанных деструктивных выбросов национализма.

Федеральный регламент. Соотношением центрального (федерального) и местного в управлении озабочивался еще проводивший земскую реформу Иван IV. Он сделал ставку на развитие не местного самоуправления, а на централизованные рычаги

¹⁵⁷ См.: Бердяев Н.А. Русская идея // О России и русской философской туре. М., 1990. С. 50.

¹⁵⁸ Ключеский В.О. Соч. Т. 4. С. 190.

руководства, отдаваемые выборным с мест. Петр I и Николай I усиливали этакратизм, укрепляли центральное государево наместничество. Александр II развивал полномочия местных (земских, городских) инстанций, которые были урезаны Александром III... За всю историю мы так и не отработали ни центрального, ни земского механизма. Центрального, потому что местные органы власти зачастую действуют самостоятельно, безотчетно. Местного, т.к. выборные периферийные власти во многом ведут не местные, а общегосударственные дела по указаниям (и без оных) и под надзором (и на свой страх и риск) центрального правительства¹⁵⁹.

Не навели порядок в этом деле и безалаберно властвовавшие большевики, полагавшиеся на инициативу то своих ставленников (эмиссаров, комиссаров, уполномоченных), то классово родственных окраинных элементов (комитеты, советы). Введение государственной ответственности на местный уровень в наши дни осуществляет практика союзных договоров. Однако она безрегламентна. Какой бы то ни было формально-правовой универсальности за ней нет. Как и прежде, за подписями представителей субъектов федерации и центра — фон личности, который трансформируется в зависимости от обстоятельств. Поставим и оставим без ответа только один вопрос: как поведет себя, к примеру, Татарстан, получивший по договору ассоциированное членство в РФ, при смене Шаймиева фигурой вроде г-жи Байрамовой?

Национальный вопрос. Распад империи, суверенизация окраин издавна ведет к всплеску межнациональной розни. После октября 1917 г. декларировало независимость Закавказье. Начались убоицы. Грузии с Осетией, Абхазией, Аджарией, которым отказано в праве на самоопределение; Армении с Грузией из-за территориальных претензий; Армении с Азербайджаном из-за Нагорного Карабаха, Нахичевани. С возвращением в СССР в 1922 г., который в урезанном виде воссоздал Россию, конфликты погашены.

Пикировки националистических и пророссийских группировок в республиках порождали внутренний хаос, прямое квислингианство. На Украине с начала 1919 г. после бегства в Германию гетмана Скоропадского власть взяла Директория во главе с Петлюрой и Винниченко, которая не преминула (нота от 27 февраля 1919 г.) отдать страну под протекторат Франции. В конце 1918 г. в Эстонии и Литве, а в начале 1919 г. в Латвии сформированные советские организации высказались за федеративный союз с РСФСР. Однако параллельные им буржуазные органы обратились к Антанте, Польше, Германии за военной помощью. После оккупации Прибалтики немцами и белополяками с советскими, пророссийскими настроениями покончено.

Есть ценности выше частной деятельности. Ими являются права, статус этнических русских в республиках. Этнические русские — естественные ставленники метрополии, социально-политическим положением которых на окраинах (колонизированных перифериях) жертвовать недопустимо. Тем не менее дискретационная практика такого рода — норма. И финал ее всегда — трагический. Россия (империя) создавала и поддерживала государственность в республиках по космополитическому признаку. Националистический элемент — по этническому. Этнические русские либо выдавливались с национальных территорий, либо погружались в нетерпимую среду бытового шовинизма. Как бы там ни было, колонизация состоятельна, если связана с этнической импортицией из метрополии. Укреплению многонациональной теллуократической метрополии противопоказана инициация госстроительства в национально гомогенных районах. Опыт свидетельствует: империя заходит в тупик, когда не имеет поддержки русских анклавов на местах. Надо всемерно наращивать, укреплять метропольную диаспору. Страновое тело России возникло как результат сухопутной колонизации. Скрепляющий обруч ее — этнические русские. Где они сильны — сильна держава, где слабы — забиваемая чертополохом национализма государственность.

История, увы, наших политиков не учит. По однотипному сценарию шло отпадение

¹⁵⁹ См.: Там же Т. 2 С. 345

от России прибалтийских частей в послереволюционные дни 1917 и 1918 гг. По сходным схемам идет обострение республиканских проблем в монархической, большевистской, либерально-демократической России.

Геополитика. В отличие от политических геополитические компромиссы неоправданны, недопустимы. Ярослав Мудрый, Иван IV, Петр I, Екатерина II, Николай I, Александр II решали проблему обретения великой державой права на акватории: велись северные войны, предпринимались азовские, крымские походы. В настоящий момент страна в ситуации исходной. Потерян Крым, утрачены базы, порты на Балтике. Необходимо строить терминал в Кронштадте, реконструировать Архангельский порт, через Польшу пробивать шоссейный коридор в Калининград.

При культивации СССР всегда забывали: административное внутреннее деление не изоморфно делению государственному. В ходе перекраивания, переподчинения территорий ни у кого не возникало и тени завиральной идеи о превращении Украины, Балтии, Казахстана в лимитрофные зоны. По закону 3 августа 1940 г. о включении Литвы в состав СССР пункт 2 оговаривает передачу ей 6 белорусских районов. Хрущев поднес Украине Крым. Исторически не имевший государственности, никогда не проводивший делимитации Казахстан получил многие российские земли. Тарту (Юрьев) отошел к Эстонии. Как будто не было Ништадтского мира, Потсдама, Хельсинки. С 1991 г. в России вообще утрачена генеральная геополитическая линия.

Обобщение назидательных фактов отечественной истории позволяет вычленить пульсацию политического — геополитического принципа. В политической фазе с кризисом центральной государственности идет сдача пространственных (территории, акватории) богатств. В геополитической фазе предпринимается пространственный реванш — собирание земель вокруг крепнущей центральной государственности.

Хозяйство. Никакая реформа не идет до конца. Начинаясь, останавливается, корректируется, отменяется. Все буксует, через какой-то срок требуя нового исполнения. Так было с освобождением крестьян, аграрной реформой, введением хозрасчета. Так было едва ли не с наиболее удачной нашей реформой — НЭПом. Размышляя над советской реальностью 20-х, пронизательный Устрялов писал: НЭП "имманентно нуждается в углублении, а его теснят и сокрушают... Либо нужно продолжать и, следовательно, расширять его, ставя... на частную заинтересованность и личную предприимчивость в деле воссоздания народного хозяйства, либо приходится понуждать население к новым жертвам, взывать к его революционному долгу, перестраивать всю систему на военно-подобный лад. Иначе говоря, — либо неонэп, либо решительное антибуржуазное наступление"¹⁶⁰. НЭП, как мы помним, был свернут, едва начавшись, что вовсе не отменило необходимости возвращения к нему с огромной темповой потерей в начале 90-х.

Отношение к традиции. Национальные корни, где возможно, обрубаются, преемственность подрывается. Россия — благодатная почва политического, культурного декаданса, авангарда, модерна. На крестьянах держалась Русь — их бесконечно ломали, изводили, разоряли. Вначале крепостничеством, затем политикой неперспективных сел. Выразивших миропонимание, устроение патриархальной толщи страны крестьянских поэтов подвергали остракизму. Ту же поэзию Есенина любимец партии "Бухарчик" трактовал не иначе, как "смесь из "кобелей", "икон", "сисястых баб", "жарких свечей", березок, луны, сук, господа бога, некрофилии, обильных пьяных слез и трагической пьяной икоты". Мейерхольд предлагал вдарить "Октябрем по театру", и пострадал. С места на место переносили столицу из домостроевской Москвы в европейский Санкт-Петербург (1712 г.) и обратно (1918 г.) по решению IV Всероссийского чрезвычайного съезда Советов. Переименовывали города, улицы и... возвращались к исходному.

Причина "ретарде" — не метущаяся страстность национальной природы, а

¹⁶⁰ Устрялов Н. В. На новом этапе Шанхай., 1930. С. 7

неправовой строй, непоследовательность. В результате бесправности не возводятся в норму приобретения, завоеваниям не сообщается закрепленного законом статуса. В результате половинчатости отсутствует окончательная, полноценная воплощенность, завершенность создаваемых форм. Акции буквально дублируют друг друга, вызывая возвратные циклы, пульсации.

В России правит не закон, а воля; личностные усмотрения нарушают заведенный порядок вещей. От всего этого нужны гарантии. В виде законосообразных легитимных форм — правовых, универсальных устоев. Казахстан, Грузия, Армения, Украина бежали от внешних угроз под опеку России. Хорошо. Россия *брала* их под патронаж, несла издержки. Надо придать ситуации законосообразный и необратимый характер. Кто нарушит закон, — преступник. Подсуден, караем. У нас же — не правовая договоренность (отсутствие регистрационной системы сказывается), а добрая воля. Последняя в атрофии рычагов права при подходе к государству как вотчине субъекта власти превращает державу в государство персонификатора власти, а не народа. Оттого в ущерб национальным интересам практикуется одиозная волюнтаристская обратимость.

— Затратность. Реформы и откаты от них не оптимальны, связаны с неоправданными издержками, идут со сверхнапряжением, влекут насилие, перевоспитание народа, культивируют на национальной ниве чужеродные заемные идеалы. В результате петровских реформ Россия возведена в ранг европейских держав, но ценой разорения страны: налоги возросли многократно, потеряно 20% населения. В годы царствования Николая I при радикальном отказе от либеральных александровских начинаний с 1826 по 1850 г. имело место 576 антифеодальных выступлений. Страна требовала преобразований. Первое лицо государства на них не отваживалось. За начало правления Александра II с 1856 по 1860 г. произошло 300 выступлений крестьян. Народ выстрадал реформы, о чем заявлял решимостью действий. Царь-вольнодумец пошел на нововведения, но по вине обстоятельств не воплотил намеченного. Реформа Столыпина встречена в штыки патриархально настроенным крестьянством, противящимся социальной дифференциации, развалу уравнительности. За 1918—первое полугодие 1919 г. отмечено 340 крестьянских восстаний. Цифры, факты впечатляющие.

Наблюдается закономерность: чем более кардинальна революция, чем более бескровна, тем большую последующую угрозу для жизни народа представляет. Петровское обновление России связано с массовой гибелью людей. Но оно растянулось на 35 лет. В октябрьский (1917 г.) переворот убито 6 человек. Затем — гражданская война, в ходе которой (с учетом и потерь от I мировой войны) утрачена примерно 1/4 национального богатства страны (от уровня 1913 г.). В августе 1991 г. по роковому стечению обстоятельств, непреднамеренно погибло 3 человека. После — депопуляция народа как целого.

Мандельштам говорил о Хлебникове: поэт, он не знал что такое современник. Таково суждение литератора о литераторе. Один, живущий вечным, высказывается о другом, к вечности причастном. Однако "вечность" в смысле отрешенность от современности не может быть кредо реформатора. Реформа поглощена жизненным, сиюминутным. По сути своей она рассчитана на современников, живущих настоящим.

Реформам противопоказаны:

а) деструктивность: хочешь обновлять, не разрушай, а обихаживай. Отечественная же реформация идет согласно правилу: хочешь разбогатеть, не прибавляй богатства, а избавляйся от желаний. Финал наших модернизационных починов — безмолвие города, только что занятого неприятелем;

б) революционность: порок революций — прерыв времен, гражданских фаз, поколений. Революция толкует наличный актив гражданственности как грязь и пыль на дороге, бревна и камни под колесами. В результате, перефразируя Герцена, — ситуация Кустода, указующего на пустую стену, разбитое изваяние, выброшенный гроб и повторяющего: "Все это сотворено во имя, на благо народа";

в) непатриотичность: держава — не хворост на костер; реформа — не способ обрывать связи со своим народом. Патриотичность превосходит конъюнктурность, классовость. Наши же "кочевники революции" (Троцкий) — космополиты, лица без национальности, прошлого (красноречива мысль Мехлиса: "Я не еврей, я коммунист") — готовы жертвовать всем и вся во имя "предусмотрительной неизбежности", которая есть истинный источник человеческих бедствий. Как контрастирует с тем же большевистским "превратить войну империалистическую в войну гражданскую" национальное оборончество Генерального совета интернационала, который во время оно предостерег французских рабочих от выступления против собственного правительства. В обращении говорилось: "Всякая попытка ниспровергнуть новое правительство, тогда как неприятель уже почти стучится в ворота Парижа, была бы отчаянным безумием". Прежде интересы страны, затем — все прочее. Раз и навсегда надлежит покончить с иллюзиями и исходить из того общества, которое есть, из того состояния народа, которое реально.

Ограниченность не в том, что утверждается, а в том, что отрицается. Давно пора согласовывать реформационные действия с консенсуальными решениями, а не с понятием неизбежности изменений, якобы вскрываемой "передовой" теорией. Следует озабочиваться ценой достигаемого; реформа отныне не может быть очередной "таблицей умножения трупов".

— Предубежденность народа к реформам¹⁶¹. Синдром подозрительности общества к власти — расхожий признак отечественного сознания. В штыки, неприятием традиционно встречаются правительственные почины. Даже успешные, значительные. О Петре I шла молва в народе, что царя земли русской за границей подменили; страной правит антихрист. Александра II буквально преследовали народовольцы, подстрекаемые сочувственным отношением масс. Столыпина одни (монархисты) считали дьяволом во плоти (следствие восприятия антипатриархальной земельной реформы), иные (от революционных радикалов до умеренных либералов) — царским сатрапом. Абстрактного гуманиста Керенского не выносили на дух и революционеры, и монархисты. Хрущева превратили в недоразумение, ходячий анекдот. Горбачева и демократы, и коммунисты единодушно считают предателем.

И всегда, во всем усматривают корысть, тягу к роскоши, славе, величию, осуждают за потрясения, бедствия.

Причины столь тенденциозных, пристрастных оценок? Они многообразны. Здесь:

а) неоднозначные действия самой власти, не "управляющей державу и не спасающей душу";

б) этнопсихологические особенности населения — коллективистски-конформистского по своей исторической сути. Отечественный индивид не атомарен (в силу атрофии начал собственности и демократии), а общинно-общественно судит, принимает решения не обособленно, а с оглядкой на социальное целое. Он подвержен суггестии, некритичным групповым представлениям, по которым "вдвоем лишь привидение и увидишь". Отсюда в сознании обывателя, всегда ущемленного, недоверчивого, случается все, кроме того, что должно случиться;

в) сакральная (идеократическая) всесильность власти, функционально нерегламентированной. (В демократическом обществе, как известно, организация функций власти составляет компетенцию публичного права. Ввиду атрофии последнего в России организовывалась власть, а не ее функции). Для подобной власти, если шляпа не налезает на голову, значит виновата голова. Иван IV создал почти безумное государство; Петр I преобразовывал его в "регулярное"; Николай I — в "подконтрольное"; Александр II — в "конституционное"; Александр III развеял иллюзии "увенчания здания". Относительно цивилизная политически легальная плюральная жизнь началась с вынужденного Манифеста 17 октября Николая II; была свернута в годы

¹⁶¹ Подр. См. Олещук Ю. Актуальные размышления//Рубежи 1995 №4

послереволюционной реакции, I мировой войны и затем окончательно прервана большевиками в январе и июле 1918 г. Монополия единодержавия государства, следовательно, подрывалась в мизерный (по масштабам истории) период с 1905 (с перерывами) по 1918 г. Далее — убранство политики составляли авторитарные и тоталитарные аксесуары.

Большинство гражданских, политических дверей открывалось у нас не ключами, а лбом — сверхцентрализованная страна жила по верховным указам. Подобная ситуация обнаруживала внутреннюю неорганичность. Как отмечал Столыпин, "государство может, государство обязано, когда оно находится в опасности, принимать самые строгие, самые исключительные законы, чтобы оградить себя от распада... Бывают... роковые моменты в жизни государства, когда государственная необходимость стоит выше права и когда надлежит выбирать между целостностью теорий и целостностью общества... Такого рода временные меры не могут приобретать постоянного характера; когда они становятся длительными, то... теряют свою силу... могут отразиться на самом народе, нравы которого должны воспитываться законом"¹⁶².

Отсутствие закона, беззаконие власти, бесправие граждан подводили к тому, что не только реформа меняла страну, но и страна — реформу. Предубежденность народа к реформам — результат подозрительного отношения народа к власти. Если власть тотальна, всемогуща, безмерна, она ответственна за вес и вся. И конечно, за многие, сугубые народные беды. Неспособность и невозможность простить власти страдания питали (и продолжают питать) желчное отношение населения к правительству.

Итак, возвращаясь к ранее высказанной мысли, акцентируем вновь: российское общество расколото, но причины этого не преформичны. Полагаем, что заблуждался И.Ильин, упоминая в схожем контексте онтогенетическую "славянскую тягу к анархии", "дыхание Азии"¹⁶³. Российский этнокультурный тип многомерен. Был тут Белинский с его неумно-страстным: "Тысячелетнее царство Божие утвердится на земле не сладенькими и восторженными фразами идеальной и прекраснотворной Жиронды, а террористами, обоюдоострым мечом Слова и дела Робеспьеров и Сен-Жюстов". Но был и Хомяков, увещающий: "Русская земля предлагает чадам своим, чтобы пребывать в истине, средство простое и легкое неиспорченному сердцу: полюбить ее, ее прошлую жизнь и ее истинную сущность, не смущаясь и не соблазняясь никакими случайными и внешними наплывами, которых не мог избежать никакой народ новой истории, создавшей неизвестное древности общество народов". Так как превозносить одно в ущерб другому было бы во всех отношениях опрометчиво, причины антиномичности, поляризованности нашей реальности следует видеть в другом. Мы, как утверждалось, видим их в несимфонийности. Российское общество несимфонийно — негармонично, несопряженно, расколото по азимутам:

— *власть—интеллигенция*: поэт в России больше, чем поэт. В июне 1378 г. Киприан направил С.Радонежскому и Ф.Симоновскому критическое послание в адрес власти. Далее — яркие пикировки А.Курбский — И.Грозный, А.Пушкин — Николай I, ученые — сталинская бюрократическая камарилья, творческая интеллигенция — Хрущев, усиливающие оппозицию царь — человек умственного труда и плодящие диссидентов и изгоев.

За время первой, второй и третьей революций Россию покинуло 2 млн интеллектуалов. За годы сталинщины непоправимый ущерб нанесен отечественной науке. Ограничимся перечнем пострадавших выдающихся генетиков: Д.Сабинин доведен до самоубийства, С.Четвериков уволен, С.Ардашников, В.Александров, С.Левит расстреляны, Я.Глембоцкий, Н.Соколов, Б.Сидоров, М.Камшилов, Е. и Б.Васины, Ю.Керкис, Р.Хесин отправлены в провинцию, В.Немчинов снят с поста, А.Жебрак

¹⁶² Столыпин П.А. Цит. соч. С. 74—75

¹⁶³ См.: Ильин И.И. Наши задачи. М., 1992. С. 316.

покаялся, но остался без работы, И.Рапопорт сдал партбилет, подвергся остракизму (его труды жгли в 1948 г.), В.Эфроимсон угнан по этапу:

— *правящая элита—культурная элита*. Честное без приятного — ничто. Глубину этой истины на своем опыте постигали многие и многие деятели культуры, чья жизнь и творчество шли под аккомпанемент жандарма Бенкендорфа и теоретика официальной парадности Уварова, автора "чугунного" цензурного устава Министра просвещения Шишкова и Министра внутренних дел Толстого, о котором Катков говорил: имя Дмитрия Толстого "само по себе уже есть Манифест и программа", безликих "применившихся к подлости" (Салтыков-Щедрин) заштатных сов- и партчиновников от Фурцевой, Демичева до Ермаша и Трапезникова;

— *правительство—народ* (вертикальный разрез): противостояние верхов и низов, выражающееся в специфическом синдроме взаимоотношений на базе взаимонедоверия, взаимоподозрительности относительно способности делать добро, а не делить его. Правительство не щадит народ — о затратности отечественных реформ речь шла выше. Констатируем лишь, что за 1994—1995 гг. текущей реформы в стране погибло 360 тыс. человек — население среднего города. Народ правительству платит той же монетой — симптоматичные для Руси мятежи, бунты, тенденции в обход закона жить незаработанным (чего стоит одна совнелегальность);

— *центр—окраины* (горизонтальный разрез): геополитическая дезинтеграция как следствие усиления центробежных процессов, оживления окраинного национализма и сепаратизма. Обострение этого противоречия совпадает с дискредитацией центра при вхождении в политическую (удельную) фазу странового развития, когда влияние внешних условий порождает характерную процедуру сдачи пространства в обмен на укрепление центральной власти. Принцип А.Невского "власть — любой ценой" — камертон политической практики как коммуниста Ленина, так и демократа Ельцина. Крайности сходятся;

— *цивилизация—почва*: стержневая антиномия отечественной жизни, принимающая многообразные культурно-идеологические формы. Отметим:

а) церковный раскол XVII в. — выступающий за самобытность традиционного религиозного культа Аввакум — сторонник обновления литургии Никон; помимо конфессиональной вражды (старообрядчество — новообрядчество) Никон, выдвинувший лозунг "священство выше царства", спровоцировал разрыв патриаршей и монаршей власти;

б) допетровская — петровская Русь как два смежных периода и два враждебных склада нашей истории¹⁶⁴. Петровская европеизация аналогична владимирской христианизации Руси — и там, и здесь, по выражению Б.Успенского, "насильственное обучение". Однако "драматизм христианизации не идет ни в какое сравнение с драматизмом и даже трагизмом европеизации. Во втором случае общество буквально... , раздвоилось, оказавшись в состоянии войны — отчасти социальной и прежде всего идеологической"¹⁶⁵. Держава после Петра представляла два типа организации. Первый — "многомиллионная, в основном крестьянская, масса, находящаяся в крепостной зависимости или у помещиков, или у государства. Этот "склад" вплоть до конца пореформенного периода хранит в себе "заветы темной старины". Он прочно укоренен в средневековой культуре Руси. Буквально все отличает его от другого главного "склада" русской истории XVIII—XIX вв.: отношение к жизни и смерти, времени и пространству, труду и досугу, любви и семье, власти и собственности, праву и морали. Второй "склад" включал в себя европеизированные верхи России: аристократию, дворянство, чиновничество... и некоторые иные социальные группы. Его отличительные черты — относительная неукорененность в национальных традициях, в значительной мере

¹⁶⁴ См.: Ключевский В.О. Неопубликованные произведения. М., 1983. С. 363.

¹⁶⁵ Ланченко А.М. Эстетические аспекты христианизации Руси // Русская литература. Л., 1988. № 1. С. 50.

искусственный и насильственный характер формирования, ориентация на европейское просвещение и стиль жизни"¹⁶⁶.

в) верующие — атеисты: в зависимости от содержания, интенсивности времени (начиная с XVIII в.) то обостряющееся, то притупляющееся противоборство религиозных и светских ценностей;

г) умеренные-радикалы: внутренне дифференцированная стратегия социального устройства, дробящаяся на оппозиции "консерваторы — либералы", "контрреволюционеры — революционеры", "традиционалисты — новаторы", "коммунисты — беспартийные («враги народа»)", "апологи — диссиденты", "прозелиты — отлученные", "патриоты — космополиты".

Разной степени глубины, охвата, проникания, интенсивности расколы, естественно, содействуют коррозии российского державного тела. Но такова реальность. От нее не уйти. Наследие, традицию можно и нужно критиковать, но от них нельзя отказываться. Ни один человек не волен выкупить свое прошлое. Тем более этого не волен сделать народ. Так как, не выкупая прошлого, строить жизнь дальше? Постановка эквивалентна для нас перспективе созидания нераскольной органической жизни. Приемлемую программу, на наш взгляд, составляет принятие стратегии *omnia sponte fluant, absit violentia rebus*. Наша самобытность очевидна. Ее не надо ни избегать, ни стыдиться, ни деформировать. Надо жить в согласии со своей историей. "Каждый народ творит то, что... может, исходя из того, что ему дано. Но плох тот народ, который не видит того, что дано именно ему, и потому ходит побираться под чужими окнами"¹⁶⁷. Есть предел социальной универсализации, который диктуют императивы почвы.

Здравомысленное соображение необходимости координировать ход устройства со специфичностью российской действительности навевает систему суждений, обозначающих добротные координаты ожидаемого развития.

Российские кризисы всегда ценностные, связаны с утратой цивилизационной идентичности. В науке пока не выработаны четкие критерии "цивилизации". Выделение их во многом носит вкусовой характер. Не претендуя на строгость, скажем, что цивилизация, будучи образованием ландшафтным, представляет социально-культурную общность с принятыми универсальными способами регуляции и воспроизводства субъективности. Задавая ценности развития, цивилизация обеспечивает прогресс форм субъективности в пространстве и времени, имеет историческую, сверхэтническую, надсоциальную значимость.

Универсальность состояний цивилизационных ареалов, сверхобщностей достигается принятием капитальных ценностей. Ставя во главу угла традицию, жизнь по заветам предков, получаем Восток как цивилизационную суперсистему. Востоку свойственны статичность воспроизводственного процесса, растворения личности в целом (семья, община, государство). Центрируя либерально-правовое начало, индивидуально гарантированную интенцию жить лучше, получаем Запад как цивилизационный эквивалент Востока. Западу присущи динамичность воспроизводственного процесса, личностная атомарность (тенденция повышать эффективность всех форм деятельности для полноты самореализации личности в социуме).

В любой стране есть нечто и от Запада, и от Востока, но есть господствующее, что а) интегрирует политохорологические единицы в некий цивилизационный ареал (ценностные универсалии) и б) дифференцирует политохорологические единицы по цивилизационным ареалам (ценностные уникалии — долг, ритуал, вера, благочестие, совершенствование, пути спасения). В трактовке цивилизационного статуса России просматриваются три позиции.

Россия — арена столкновения Западной и Восточной суперцивилизаций, что и

¹⁶⁶ Пивоваров Ю. "Гений блага" русской политики // Рубежи. 1995. № 3 С. 62—63

¹⁶⁷ Ильин И. Цит. соч. С. 327—328.

составляет глубинную основу ее несимфоничности, раскольности. Направление поисков в колее данной линии, действительно, указывает идею державной антиномичности: внедрение западных ценностей идет сугубо нажимными восточными способами. Переход дозволенного (подрыв жизни в привлечении жестких социальных технологий) порождает страновое ретарде, углубляет раскол, борьба с которым ведется интенсификацией репрессий.

Россия — периферия Западной цивилизации. Ее надо вернуть, включить в последнюю, преобразовав собственный историко-культурный код, для чего довести до дна, разрушить — затем, на обломках, бесформенности созидать прозападное.

Россия — специфическая цивилизационная общность, где "специфическое" обусловлено историческими особенностями развития. Существенное в том, что в России а) нет срединной культуры; б) гипертрофированы этатистские механизмы, подменяющие цивилизационные структуры; в) в силу слабости цивилизационных рычагов державной консолидации кризис государства у нас индуцирует кризис цивилизации, влечет онтологическое дробление страны: в наличии не одна Россия, а множество России — киевская, золотоордынская, московская, имперская, большевистская, современная.

Не входя в полемику с адептами первой и второй позиций и последовательно проводя ранее заявленную¹⁶⁸ третью "евразийскую" линию, обсудим, на каких ценностях возрождать Россию.

Православие? Исторически слабо, архаично (нереформированная религия, использующая малопонятный старославянский язык). Ислам? Необщезначим. Конфессиональный фактор отпадает, он лишен в России цивилизационного статуса.

Панславизм? Россия — страна не однородно славянская. Кроме того, славяне в настоящий момент разобщены. Отпадает и этнический фактор: Россия многонациональна.

Что остается? Остается идея добротной достойной самодостаточной жизни на базе обновленной сильной национальной государственности. Идея эта и консолидирующая и мобилизующая.

На основе подчеркивания евразийской сути нашей державной природы следует переварить доктринеров-реформаторов. Россия — не полигон обмирщения заемных схем. Ни марксистский, ни чикагский проекты нам не подходят. Подходит проект ненасильственного саморазвития, стимулируемого животворными эффектами того, что сулит:

Реабилитация жизненного мира. Позитивизм возник как реакция европейской научной интеллигенции на гегельянство и неогегельянство, попытка подвести под утверждения типа "абсолют есть", "абсолют совершенен" верификационистскую платформу. Культуру разделили на три стадии. Приоритет разумности, эффективности, целесообразности отдали последней антиметафизической — научной. Наука — точное, строгое, формально удостоверенное, адекватное знание — казалось панацеей от всех несурзаций концептуального и социального творчества.

На авансцену философской мысли далее выдвинулся Гуссерль, проблематизировавший сциентистские упования: научное знание дереализующе в контексте перипетий жизненного мира. Позитивистским некритическим гиперболизациям науки был положен предел. Наука — обслуживающий, подчиненный инструмент самоценного человеческого существования. Концептуальные штудии, познавательные изыски оправданы лишь с точки зрения первоисточных принципов, абсолютов жизненного мира.

Как указывалось в "Политической антропологии"¹⁶⁹, аналогичную критико-рефлексивную работу надлежит провести в отношении политики. Перед гордым ликом

¹⁶⁸ Россия: опыт национально-государственной идеологии. М., 1994; Философия политики. М., 1994.

¹⁶⁹ См.: Ильин В.В., Панарин А.С., Бадковский Д.В. Политическая антропология. М., 1995.

жизни политика, как и наука, не самодостаточна. Жизнь изначальна, отражения жизни (научные, политические) вторичны. Не жизнь идет в кильватере абстракций, а абстракции в кильватере жизни. Для придания жизненности научно-политическим проектам следует подвести под них фундамент человеколюбия.

Практическую реабилитацию обыденности некогда провел протестантизм, противопоставивший долг родового существа асоциальной монашеской аскезе. У нас подобная реабилитация должна иметь правовую направленность. Суть в легитимизации волеизъявления масс. Дело правительства — дело народа, но не героическое, отрешенное архонтово дело. Не светлое "потом", а зыбкое "теперь" — вождение, объект упований и одновременно воли, действия, модернизационных усилий. Поскольку реформу воплощает народ — лишь он стяжает монополию окончательного вердикта. Жизнь не поту-, а поюсторонний процесс, что, часто неведомо доктрине, но всегда ведомо людям. С ними и требуется согласовывать решения. Мы лишь тогда преодолеем раскол, когда, перестав спасать избранных, дадим гарантии жизни всем живущим, когда самым высоким чином в государстве будет частный человек "по своим надобностям".

Усовершенствование национального плавильного котла. В политике, как и миру, реальны классические треугольные отношения. Вершинами треугольника, выступавшего предметом самого пристального внимания социологов и культурологов, оказывались Запад—Россия—Восток. Нервом темы являлось уточнение цивилизационного статуса России, стиснутой двумя суперцивилизациями, — насколько она автономна, насколько зависима. Иная треугольная конфигурация — цивилизационное деление на первый (северо-атлантический блок), второй (восточный блок) и третий (развивающийся) мир — итог II мировой войны. Развитый (первый и второй) мир фрагментировался на две антагонистических организации, одна из которых (первый мир) импортировала из третьего мира ресурсы, а другая (второй мир) экспортировала в третий мир революцию, сбивая сырьевое донорство первого мира. Нынешняя треугольная фигура представляет отличное цивилизационное объединение. Мир разделен на Север, Юг и Россию. Если первые два треугольных контура устойчивы: все расчленено на сферы влияния, все подконтрольно, то сложившийся по окончании III мировой, холодной войны мир приобрел зонную, мозаичную структуру, перестал быть контролируемым. Север — развитый мир, Юг — отстойник цивилизации, Россия — балансир между ними. Пикантность в том, что существуют очаги Севера на Юге (Тайвань, Гонконг) и очаги Юга на Севере (черное, желтое гетто, концентрация этнических нелегалов в ультраразвитых постиндустриальных технотронных мегаполисах).

В свете сказанного актуализируется анализ динамики таких этносоциальных суперструктур¹⁷⁰, как Китай, США, Россия, — геогектонические процессы в их недрах во многом определяют планетарное будущее (вплоть до точек сосредоточения населения, межрегиональных связей). Плавильный котел в Китае работает по принципу ассимиляции, поглощения этносов. В США плавильный котел скоро даст сбой ввиду неспособности переработать усиливающийся наплыв иммигрантов; возможное падение уровня жизни, свертывание патронажных федеральных программ, несомненно, обострит расовые и социальные проблемы. В России плавильный котел испорчен искусственной инициацией государственности в республиках, волонтаристским дезавуированием итогов исторической колонизации, разгромом славянской диаспоры на местах. Вопрос: как демпфировать центробежность, восстание окраин против центра — имеет простой ответ. Надлежит совместить этническую и державную идентичность на базе нового федерального регламента.

В свое время Боранецкий высказал мысль, что овладение естественными закономерностями природы — дело техники, овладение историческими закономерностями

¹⁷⁰ Подр. см.: Россия: опыт национально-государственной идеологии. М., 1994. С. 103.

— дело политики, овладение духовными закономерностями — дело метаургии¹⁷¹. Овладение историческими закономерностями сейчас не может идти в отрыве от овладения духовными закономерностями. На уровне софийной метаургии ясно, что обострение национального вопроса идет в удельной политической фазе при подрыве державности. Во избежание крайне опасной, затратной, нерациональной этнической формы раскола уместно перевести ток событий в геополитическую фазу. Вандею в России остановит испытанный принцип плавильного котла — имперская тактика вывода в историю окраинных, аборигенных народов с гарантией выживания через цивилизационный патронаж и прекращение искусственной инспирации государственности.

Как показывает опыт, наиболее прочные связи для геополитических объединений не идеологические (кризис советской, югославской государственности), а цивилизационные — историко-культурные. Цивилизационные связи во внутренних аборигенных регионах налаживает Россия в целом. Порок прошлого в том, что упрочению этих связей препятствовали: а) экстенсивность — Россия не успевала обихаживать колонизируемые пространства; б) возведенная в ранг государственного принципа большевистская декларация национально-государственного самоопределения.

В настоящем оправданно отказаться от данного наследия прошлого. Экстенсивность как способ хозяйствования безнадежно себя исчерпала. Окончательно обанкротилась и заведомо порочная большевистская национальная тактика. Совершенствование национального плавильного котла связывается, таким образом, как с экономической интенсификацией окраин (укоренение высоких технологий, специалистов, усиление миграционных потоков), так и с легализацией нового федерального регламента, предоставляющего максимум прав и свобод перифериям, но с прекращением концентрации титульных наций в автономиях с перспективой госсамопределения. Только так — цивилизованно и цивилизационно — Россия пребудет нераскольной — единой и неделимой.

Вторичная экономическая колонизация бывших союзных республик и республиканских автономий. Экономическая задача, стоящая перед нами, вполне конкретна: добиться налаживания собственного цикла воспроизводства; создать стимул инвестирования отечественной промышленности; осуществлять индустриальный рост с опорой на внутренний рынок, расширяющийся за счет увеличения спроса на товары производственного и потребительского назначения. Взятые вместе, это стимулирует переход от достигнутого индустриального уровня к структурно новому этапу. Однако, учитывая наш низкий уровень накопления, все упирается в источник капиталовложений. Какие моменты здесь принимать во внимание?

1. Прорывы на авангардных технологических направлениях. Прежде всего плазменных и торсионных.

2. Традиционно высокую норму эксплуатации и низкий уровень заработной платы трудящихся, свернутость социальных программ, конверсию,

3. Крайне выгодный, но почему-то до сих пор неналаживаемый экспорт капитала в сопредельные технологически сопряженные с нами, обладающие дешевой рабочей силой, полубезработные страны. Возможно опереться в этой связи на опыт Японии, стремительно развивавшей (под видом репараций) экспорт капитала в государства Юго-Восточной Азии, В 1955—1956 гг. Бирме предоставлено 200 млн. дол., Филиппинам — 550 млн., Индонезии — 223 млн., Вьетнаму — 39 млн. По этим кредитам Япония производила поставки товаров, услуг. Некое подобие экономической экспансии следует развернуть в бывшие республики СССР и республиканские автономии РФ, что позволит а) поддержать товаропроизводителей; б) разгрузить страну от обузы принимать поступающую с периферий низкоквалифицированную рабочую силу; в) усилить

¹⁷¹ См.: Боранецкий П. Основные начала. Онтология творческого мирозерцания. Париж. Б/г. С. 220.

присутствие в автономиях, на окраинах, подготавливая державный успех в геополитической фазе.

Перевод политических технологий на правовой мелиоризм. Реформа — не революция. Ей противопоказано подстегивание, импульсивность. Отмена рабства в США растянулась на 100 лет. Столыпин рассчитывал на отдачу от аграрной реформы через 20 лет. Реформа меняет уклад жизни. Нельзя уснуть рабом, а проснуться свободным. Необходимо изменить бытие, изгнать атавизмы. Революционному нетерпению, скоропалительности, скороспелости, углубляющим недоверие, препятствующим модернизационной практике, противопоставляется временная иерархия, выносливое соподчинение ценностей, позволяющих, не разбивая градусник, снижать температуру, не слагать поэм, а переживать их. Природу побеждают, покоряясь ей. Человеческую неустроенность побеждают устройством существования. Последовательными, оперативными мелкими шагами, правовым совершенствованием. "Не уновлениями, но непрерывностью видов, постоянством правил, постепенным исполнением одного и того же плана устроятся государства и совершаются все части управления, — назидал Сперанский... — продолжать начатое, довершать неоконченное, раскрывать преднамеренное, исправлять то, что временем, обстоятельствами, понуждениями исполнителей, или их злоупотреблениями, совратилось со своего пути — в сем состоит все дело, вся мудрость" реформатора¹⁷². Реформа начинается политическими декларациями, а завершается правовыми трансформациями, что и обеспечивает общество от зарождения и усиления раскола на народ и правительство, верх и низ, героев и толпу.

Гражданский мир. Кровь не вода, не сохнет. Шанс избежать крови — уважение к эволюции, к которой все мы причастны. "Любите друг друга, — завещал преемникам князь Ярослав, — если будете жить в любви, то бог будет с вами... если же станете ненавидеть друг друга, ссориться, то и сами погибнете и погубите землю отцов и дедов своих".

¹⁷² Корф М. А. Жизнь графа Сперанского Спб., 1861 Т. 2 С. 333

Раздел II Россия и Запад: вызовы и ответы

Новейший опыт предостерегает не только от попыток механического переноса западных учреждений на российскую почву, но и от попыток механического переноса на нее понятийных моделей, хорошо зарекомендовавших себя применительно к западным политическим реалиям.

Общеметодологической базой современной западной политической науки является теория обмена. В основе ее лежит просвещенческий образ "разумного эгоиста", который преследует индивидуальные интересы, при этом ясно их сознавая. Однако если обратиться к более универсальному определению человека как существа идеологического, можно заметить, что метафора "эгоистического человека" утрачивает эвристичность. В политике вообще, в российской в особенности, люди сталкиваются и по поводу интересов, и по поводу идеалов (ценностей).

Процедура отнесения к интересам, по-видимому, близка к классической процедуре отнесения к причинам, детерминистскому объяснению, господствующему в новоевропейской науке.

Политология же, дабы избежать односторонности, должна овладеть и другой процедурой — отнесением к ценностям, что предполагает развертывание особой формы понимающего знания. Российской политической науке предстоит дать оригинальный синтез объяснения и понимания. В понимании открывается уникальность исследуемого объекта. Тот, кто не видит уникального, неповторимого в истории России (сводит неповторимое к досадным пережиткам, подлежащим элиминации), закрыт для творческого понимания. Он предпочтет пойти по пути механического переноса абстрактной модели на "еще один стандартный объект". Между тем главной теоретической проблемой становится соотнесение общеполитических универсалий с социокультурной, цивилизационной спецификой, последняя оценивается общественной наукой вовсе не в духе просвещенческого униформизма. Стратегия многообразия выступает как общеэволюционный закон: вместе с многообразием повышается жизнестойкость — набор имеющихся в запасе альтернатив. Вместо того, чтобы оставлять "особенности" в стороне как второстепенный, "изживаемый" признак, необходимо поставить их в центр рефлексивного процесса.

На заре XX в. славянские культуры поддались главному соблазну технической эпохи, свои надежды возложив на Машину. Достаточно вспомнить раннего А.Платонова с его апофеозом Машины. Мечты о земном рае, упования на преодоление векового отставания от романс-германского мира славянство возложило на энергетику технического прорыва. В конце XX в. приходится признать, что в этих упованиях славянство обманулось: по критериям технического века оно проиграло соревнование с англо-американским и романо-германским мирами. Двум победившим мирам выгодна философия "конца истории" — закончившего свое становление мира, — эта философия закрепляет их победу в качестве "полной и окончательной".

У народов, оказавшихся неудачниками XX в., если они не окончательно обескуражены и деморализованы (что грозит их превращением в диаспору XX в.), складывается другой тип онтологической интуиции.

Важнейший сдвиг произошел в октябре 1993 г., когда закончился "романтический" период демократической идеологии, связанный с иллюзиями относительно возможностей прямого переноса западных учреждений на российскую почву. Тем самым закончился и первичный период становления российской политологии, который можно назвать периодом западнического эпигонства. Наша политология стоит перед лицом многозначительного в теоретико-методологическом отношении факта: Россия при всех условиях сохраняет цивилизационное отличие от Запада.

Политолог, рассчитывающий на легкий путь автоматического приложения сложившегося на Западе понятийного аппарата, вынужден в корне пересмотреть стратегию в духе традиций сравнительного социокультурного анализа.

Опыт стран АТР убедительно свидетельствует, что творческое прочтение западного опыта, его использование с учетом социокультурной специфики намного продуктивнее пассивного эпитонства. Отсюда важнейшей парадигмой политологической мысли является культурологическая оценка политических перемен эпохи и горизонте социокультурного опыта, свидетельствующего о неискоренимом многообразии человечества.

Чувство национальной традиции представляет незаменимую составную часть творческой интуиции политолога, обязанного уметь адаптировать понятийный аппарат теории. При этом важно не сбиться на противоположные позиции националистического "монизма", отгороженного от соблазнов других культур, все меряющего на свой аршин. Современный политолог, как и современный человек, пребывает в ситуации "на рубеже культур", перманентного социокультурного диалога. Его творческое напряжение связано с напряжением между двумя полюсами: сферой цивилизационных универсалий — единых пространств современного мира — и сферой нередуцируемой социокультурной специфики. Велик соблазн покинуть это поле напряжения, примкнув к одному из полюсов. Но это означает вырождение творчества в научное и в гражданское качество: оно выбывает из пространства диалога культур, превращаясь либо в бесплодное эпитонство, либо в националистический фанатизм, прячущийся от сложности мира.

В политической жизни мы сталкиваемся с двумя видами идей. Один — представительские идеи, отражающие специфические интересы социальных групп. Другой — глобальные идеи, подаваемые на общенациональный конкурс проектов "светлого будущего". Парадокс политики состоит в том, что наибольшие шансы на выигрыш получает та социальная группа, которая, не заикливаясь на узких интересах, концепции "разумного эгоизма", убеждает народ в определенном тождестве своих интересов с общенациональными. На Западе, где разумный эгоизм в значительной мере легитимирован в национальной и цивилизационной традициях, процедура соотнесения частного и не так принудительна. В российской политической культуре, как, впрочем, в большинстве незападных культур, она обретает решающее значение. Группы, не участвующие в общенациональных проектах и ограничивающиеся отставанием своей "экологической ниши", терпят поражение. (Так случилось с мещанством, не подготовленным к участию в "битвах за историю".)

Представительский принцип постоянно уступал глобальному в силе и убедительности. Сегодня, вместе с развитием гражданского общества, нам предстоит развивать искусство политического представительства как в идейном, так и в институциональном аспекте. И все же теперь, как, вероятно, в обозримом будущем, соотношение представительского, обращенного к интересам, принципа и глобального, обращенного к ценностям (идеалам), в России останется существенно иным, чем на Западе. Геополитическое пространство России не только значительно менее дифференцировано, чем в Западной Европе, но и сам принцип дифференциации существенно иной. Очаги политических кризисов возникают не столько в местах столкновения групповых интересов, в пространстве "межклассовых" отношений, сколько совпадают с линиями водоразделов, отделяющими различные этнические и цивилизационные ареалы, более и менее европеизированные регионы. Расколы и противоборства, характерные для российского политического процесса, в значительно большей мере адресуются возможностям "понимания", ориентированного на ценностное измерение общественной жизни. Главной же особенностью политического бытия России является наличие в ней единых сквозных "архетипических" тем, периодически возобновляющихся на протяжении всей истории.

Среди историков и культурологов распространена точка зрения, согласно которой для западной цивилизации характерна победа линейного, поступательного времени над циклическим. В России, согласно пессимистическим оценкам "западников", по-прежнему преобладает цикличное время "вечного возвращения", "проклятых вопросов". Как пишет А.С.Ахиезер, "Россия... выбрала странный колебательный маршрут. Он диктовался древним инверсионным типом принятия решений, и поэтому история представляла собой цепь переходов от одной крайности к другой.

Циклическое развитие, инверсии порождали волны дезорганизации, разрушали большое общество, государство, то переходя через порог, ведущий к катастрофе, то лишь приближаясь к нему"¹⁷³.

Однако нельзя сказать, что циклический характер развития — исключительная особенность российской истории. Артур М.Шлезингер описывает американскую политическую историю как циклическую по существу: определив цикл как "непрерывное перемещение точки приложения усилий нации между целями общества и интересами частных лиц", он подчеркивает, что корни "самодовлеющего циклического развития лежат... в глубине человеческого естества"¹⁷⁴. Человек — существо, которому в принципе не даются окончательные решения основных проблем бытия — в чем и сказывается его творческая природа. Периодическое возвращение к старым проблемам на новом уровне характеризует все ветви человечества, все общества и цивилизации. Вместе с переходом от традиционного общества к современному цикличность не исчезла: изменилось соотношение между линейным и инверсионным временем. Новоевропейская история не преодолела цикл, но включила его внутрь поступательного движения, развернув традиционный круг во все более вытягивающуюся спираль. Несомненно, что Россия также давно разорвала традиционалистский круг, вступив в историческое, спиралевидное время. Инверсии — решения от противного, возникающие как реакции на прежний тип решений, — не являются исключительной особенностью российского политического темперамента. "Реактивный" характер политического процесса, когда избиратели, устав от засилья "правых", голосуют за левых, а затем возвращаются к "правым", наблюдается и в западных странах. Центризм я регионализм, кейнсианство и монетаризм, социал-демократическая волна и неоконсервативная, эмансипаторско-гедонистическая фаза в культуре и неотрадиционалистско-аскетическая — эти и другие дуальные пары в чередовании образуют динамику общественной жизни.

Циклические пары, чередование которых определяет фазы цикла, рассматриваются нами как своего рода генетические программы, тянущиеся от прошлого к будущему и образующие логику национального бытия. Не разгадав ее, мы обречены на роль либо безответственных игроков-импровизаторов, не стесненных исторической традицией, либо пассивных адептов чужих теорий, чужого опыта.

Народ и государственность. Драма истории в том, что народная стихия стремится к самодостаточности, уповает на уклад, традицию и обычай как регуляторы повседневных отношений, но сталкивается с энергиями (внутренними и внешними), которые эти регуляторы не в состоянии обуздать. Тогда следует "призвание варягов". Историю, вероятно, можно описать в рамках христианской парадигмы как нравственную биографию народа, предгосударственное состояние которого напоминает библейский рай, но раем народ не удовлетворен. Для того, чтобы этнос прошел этап первоначальной кристаллизации, начальная среда обитания должна быть щадящей. В ней развиваются народные силы, способности, закладываются первичные "проекты будущего". Завязка исторической драмы происходит в тот момент, когда обнаруживается, что стихийные, внутри скапливающиеся энергии народа грозят превзойти слабые препоны, корнящиеся в патриархальной традиции: нормы общежития попираются,

¹⁷³ Ахиезер А.С. Россия, критика исторического опыта. М., 1991. С. 312, 152

¹⁷⁴ Шлезингер А.М. Циклы американской истории. М., 1992. С. 46—47.

преемственность поколений, связанных нравственной эстафетой, грозит оборваться.

Нередко случается, что моменты внутреннего разброда, дезориентации подстерегает своекорыстный внешний оппонент. Экологическая ниша этноса в принципе не бывает неоспариваемой: она держится на шатком равновесии между внутренним и внешним давлением. Как только первое падает, энергия второго приводит к геополитическому сжатию. В разгар неустроенности, вытекающих из нее угроз народ оказывается перед необходимостью трудного решения: обменять пошатнувшееся благополучие на порядок. В этот момент произносится сакраментальная фраза "Земля наша велики и обильна, а порядка в ней нет: идите княжить, владеть нами"¹⁷⁵. Народу, не справившемуся с соблазнами первичного рая, приходится идти на ужесточение политических условий существования: соглашаться со смиряющими узами государственности. Российская политическая история может быть истолкована в этом ключе. На очередном витке народ начинал тяготиться бременем государственности, вырывался из уз, подстегивал судьбу. Нетерпение это наказывалось: в результате высвобождающихся стихий внутренние, а затем внешние, геополитические, условия существования делались столь критическими, что народу приходилось соглашаться на значительно более жесткую государственность, чем прежде. Таким образом, политическая история может быть понята как подчиняющаяся закону: наступление ввиду малого вызова готовит отступление перед более грозным вызовом. Архетипический образ привередницы ("Сказка о рыбаке и рыбке" и др.) многозначителен, если использовать его для описания народа, теряющего чувство меры и в ответственный момент игры с историей запрашивающего непомерного. В ответ на чрезмерный запрос история отвечает неожиданным ударом судьбы...

Движение в пространстве нравственной драмы выступает и как движение в эмпирическом геополитическом пространстве. Первичный пункт писаной истории России — Киевская Русь. Не случайно в нашей культуре столь устойчив ностальгический образ киевского периода: он воспринимается как многообещающее детство России, дары которого, увы, не удалось сохранить. Собственно, уже здесь, при оценке утрат, имеет место раздвоение национального исторического самосознания. Срыв киевского периода истории, чрезвычайно благоприятного как в отношении природных условий (климата), так и в отношении условий культурных (близость богатейшей византийской традиции), может оцениваться двояко. Он может пробуждать чувство обиды — на степняков, "поганных татар", "азиатчину", словно злой рок преследующую светлоокую деву-Россию. Но он может анализироваться и в более ответственном нравственном дискурсе: как закономерный результат нескончаемых усобиц, дефицита народной солидарности, дисциплины, взаимовыручки. Моисей в течение сорока лет вел грешный народ по пустыне: невыносимый жар ее сжег те шлаки народной психологии, с которыми народ не мог бы выжить, осуществить избранность.

Путь русского народа из первичного благоприятного месторазвития киевской государственности на Север к угро-финским лесам, болотам Суздаля и Москвы — его "пустынная" одиссея, закономерная и многозначительная в отношении нравственно-исторической биографии. Условия государственного строительства на новом месте были несравненно более суровыми, а традиция, на которую опиралась новая московская государственность, куда менее потакающей чаяниям повседневного благополучия. Но эти условия выковали более стойкий народный характер. Костомаров различает две формы русской души: южную, эмоциональную, склонную к уходом в быт и "самостийность", и северную, более суровую и мужественную. "Фантазия, игра сердца и воображения — у южан, практичность, воля и деятельность — у северян"¹⁷⁶.

Приходится заметить, что логика архетипического образа "привередницы" ведет не

¹⁷⁵ Карамзин Н.М. История государства российского. Р/Д., 1989. Г. 1—3. С. 143.

¹⁷⁶ Цит. по. Милуков П.Н. Очерки по истории русской культуры. М., 1993. Т. 1. С. 451.

только к замене щадящих условий повседневного существования значительно более суровыми, аскетическими. При этой замене страдает культура. Так, новая московская государственность несравненно уступала Киевской Руси по ряду духовных критериев. В Москве значительно слабеет память об эллинских первоисточниках — греческом наследии. Светлое аполлоново начало, пробившееся через тысячелетний пласт византийской теократии и геополитические препоны, нашло отзвук в славянской языческой мифологии, а затем в первых литературных памятниках Киевской Руси. В Москве это начало меркнет. Не случайно Бердяев отметил: единственный великий писатель московского периода нашей истории — мятежный Аввакум... Игра "демона" государственности с повседневностью, духовной культурой зачастую выступает как игра с нулевой суммой: государственная мощь растет и за счет народного благосостояния, и за счет ущемления вольнолюбивого духа культуры.

Все это создает предпосылки цикла: в некоторой, заранее непредсказуемой точке Х гордыню государственности подстерегает возмездие культуры и повседневности. Как пишет Г.П.Федотов, "русская государственность могла — следовательно, должна была — погибнуть от просвещения"¹⁷⁷. Логику этого специфического цикла, отражающего трагическую игру между Культурой и Государственностью, мы опишем позже. Здесь же отметим присутствие этой составляющей в реальной истории как самораскрытия мифа о "привереднице". В наиболее трагических формах это самораскрытие состоялось в XX в.

В I мировую народ не выдержал потерь в 900 тыс. человек — началась массовая деморализация армии, повальное стихийное дезертирство. Крестьянам, одетым в солдатские шинели, казалось, что грозный вызов со стороны внешнего Большого мира идет помимо логики их собственной жизни, представляет нечто субъективно-произвольное, вызванное ошибками и преступлениями "верхов". Из мира слабой и порочной государственности они пытались эмигрировать в свой локальный мир, вернуться к земле, домашнему очагу. Народ отказался приносить очередную жертву демону государственности... Старая государственность рухнула: народ праздновал ее крушение в эйфорическом ожидании безгосударственного рая, обещанного коммунистами, — мира без начальства, войн, классового угнетения. Трагический парадокс истории проявился в том, что отодвинутые в сторону, игнорируемые задачи государственности на новом этапе выступили в несравненно более тяжелой форме, а внешние вызовы — в более грозной ипостаси. Отказавшись сотрудничать с обремененной множеством пороков, но в целом щадящей дореволюционной государственностью, поставив на ней крест, как на безнадежной и нереформируемой, население России в лице народа и интеллигенции вскоре получило демона, кровавые аппетиты которого превзошли все, до сих пор виданное в истории. То же касалось и внешнего вызова. Теперь уже (во II войну) не миллион, а 31 миллион пришлось положить, чтобы вырвать победу у прежнего врага. Как многозначительно это буквальное воспроизводство одних и тех же проблем, но в отягощенной форме! К 1917 г. три четверти пахотной земли принадлежало крестьянам. Тем не менее помещичьи прерогативы казались нестерпимой узурпацией; крестьянство откликнулось погромами и захватами имений в ответ на большевистский лозунг "грабь награбленное". Но впереди, в нетерпеливом чаемом будущем ожидала не земля и вольное хозяйство, а неслыханное колхозное крепостничество.

А российская интеллигенция? Она с мстительным наслаждением наблюдала агонию прежней власти, уступки которой в вопросах цензуры и свободы творчества представлялись ей недостаточными, лицемерными, половинчатыми. Воздвигнув одну из величайших вершин мировой культуры в период знаменитого "серебряного века", интеллигенция сетовала на удушающие условия, бесплодие русской жизни, интеллектуальную нищету. Это сварливое отношение к жизни отозвалось бумерангом. Созданный радикалами-утопистами режим, призванный обеспечить скачок "из царства

¹⁷⁷ Федотов Г.П. Судьба и греки России. Спб., 1991. Т. 2. С. 130. 218

необходимости в царство свободы", породил такую систему кастрации творчества и вездесущего полицейского надзора, что прежняя цензура выглядела верхом благодушия.

Горечь запоздалого отрезвления части русской интеллигенции проникновенно выразила А.А.Ахматова:

Думали: нищие мы,
Нету у нас ничего,
А как стали одно за другим терять,
Так что сделался каждый день поминальным днем —
Начали песни слагать
О великой щедрости божьей
Да о нашем бывшем богатстве...

Итак, трагедия российской истории вытекает из того, что народ отказывается от диалога с государством в тот самый момент, когда оно, ослабевшее, трезвеющее от сознания собственных крайностей, тупиков, наконец, оказывается созревшим для диалога. Подмечающий слабость исполина народ превращается в злорадного наблюдателя, а затем активного участника агонии государственности.

История развивается по законам драмы, когда действие одного персонажа вызывает неожиданный ответ другого и тем самым помещает обоих в неординарную ситуацию. А.Тойнби говорит, что развитие цивилизаций совершается в логике вызова и ответа. Особенность нашей истории, касающейся, в частности, взаимоотношений народа и государства, состоит в том, что каждая сторона, получив вызов, нередко предпочитает уходить от ответа, предоставляя риск и тяжесть поступка другой. Российское государство на протяжении истории зачастую вело себя так, будто имело дело не с собственным, а чужим народом — малопонятным и малоценным.

Известный уровень государственной отстраненности от местной народной "почвы" характерен для всякой государственности. Генетически это связано с тем, что в основе большинства типов государственности лежит иноземное завоевание. Норманское завоевание легло в основу британской государственности, галльское — в основу французской, варяжское, а затем монгольское — в основу русской.

Таким образом, процесс государствообразования не является спонтанным продуктом народной жизни, внутренней социальной дифференциации, как это описывала марксистская теория. Образованию государственности сопутствует мощный экзогенный фактор — вмешательство в народную жизнь иноземных сил, как правило, лучше организованных в военно-административном отношении. Это может показаться случайным эмпирическим фактом. Но, взглядевшись в логику развития государственности пристальней, замечаешь, что экзогенное происхождение власти порой выступает как одно из условий необходимой для государственности отстраненности от особенностей и запросов локусов-общин, малой народной традиции. Государственность есть суперэтническое образование, ему противопоказан этноцентризм и вытекающая из него этнографическая впечатлительность, чреватая деформациями местничества. Однако на путях неизбежной отстраненности от стихий народной жизни государство подстерегает другая опасная крайность — комплекс "безбытности", внутреннего колониализма, "расизма". Данный опасный уклон с особой силой проявляется в российской политической истории. Это, в частности, связано с цивилизационными коллизиями России как страны, находящейся на рубеже культур — Востока и Запада. Демон государственности — демон Силы и Власти, — сталкиваясь с вызовами извне, ищет средств совершенствования своей военной машины. Терпя поражение от татар, молодая московская государственность активно заимствовала у них более эффективную военно-административную организацию, стремилась подчинить ее нормам и требованиям народную жизнь. Позже, терпя поражение от Европы, русские государи, в первую очередь Петр I, строили военно-полицейское государство по иноземному

образцу. Со времен Петра, первого русского западника, большинство государственных реформ в России осуществлялось как копирование передовых европейских образцов с одновременным отстранением (а то и прямым подавлением) местных культурных, исторических традиций.

Презумпция недоверия к собственному опыту, в особенности низовому, народному, лежит в основе российских модернизаций, в том числе нынешней. И как всегда в периоды борьбы с народной традицией на авансцену выдвигаются иностранцы, инородцы — те, кому не жаль ломать. Как пишет Г.Флоровский применительно к церковной реформе середины XVII в., "у Никона была почти болезненная склонность все переделывать и переоблачать по-гречески, как у Петра впоследствии страсть всех и все переодевать по-немецки или по-голландски. Их роднит также эта странная легкость разрыва с прошлым, эта неожиданная безытнность, умышленность и надуманность в действии"¹⁷⁸.

Доктринерство, основанное на заимных моделях, и жесткая социальная инженерия — качества российского государственного реформаторства, предопределяющие болезненные конфликты с "почвой". Модернизация как процедура цивилизационного дистанцирования от собственной национальной традиции в пользу западной зачастую питается, на социокультурном и психологическом уровне, не столько чувствами заботы и боли, сколько снобистским третированием, презрением. В этой фазе российского политического цикла расцветает насаждаемый сверху нигилизм в отношении собственной культуры, истории, которые оцениваются как целиком безблагодатные, мешающие росту, процветанию. Здесь заложена опасность противопоставления модернизационной идеи идее патриотической. Когда дело заходит далеко, создается угроза национальной независимости, что глубоко ранит народную совесть, закладывает основу следующей, "реактивной" фазы цикла, связанной с восстановлением поруганных национальных святынь, порушенного суверенитета. Никогда еще со времен смуты начала XVII в. не расходились так далеко, как сегодня, модернизационная и патриотическая идея. Лжедмитрий несомненно обладал кругозором и темпераментом реформатора: его трагедия, как трагедия всего смутного периода, заключалась в роковом несовпадении модернизационной и национальной идеи. Опираясь на иностранный оккупационный корпус и не имея достаточной поддержки в собственной стране, он дал нам ранний пример компрадорского реформаторства, чреватого не возрождением, а разрушением российского государства. О возможности проявления аналогичного феномена в XX в. предупреждал Н.С.Трубецкой в 1925 г.: "Значительная часть русской интеллигенции, превозносящая романо-германцев и смотрящая на свою Родину как на отсталую страну, которой "многому надо поучиться" у Европы, без зазрения совести пойдет на службу к иностранным поработителям и будет не за страх, а за совесть помогать делу порабощения и угнетения России. Прибавим ко всему этому и то, что первое время приход иностранцев будет связан с некоторым улучшением материальных условий существования, далее, что с внешней стороны независимость России будет оставаться как будто нетронутой и, наконец, что фиктивно-самостоятельное, безусловно покорное иностранцам русское правительство в то же время будет несомненно чрезвычайно либеральным и передовым. Все это, до известной степени закрывая суть дела от некоторых частей обывательской массы, будет облегчать самооправдание и сделки с совестью тех русских интеллигентов, которые отдадут себя на служение поработившим Россию иностранцам"¹⁷⁹.

По всей видимости, пророчество Трубецкого сбывается. Это означает, что заканчивается полный цикл российской истории, связанный с логикой взаимодействия

¹⁷⁸ Флоровский Г. Пути русского богословия Вильнюс, 1991 С. 64.

¹⁷⁹ Трубецкой Н.С. Русская проблема // Россия между Европой и Азией. Евразийский соблазн. М., 1993. С. 54.

двух основных персонажей — Народа и Государства применительно к проблеме сохранения и воссоздания национально-государственной целостности России. Первую фазу, прерывно воспроизводящуюся то в более мягких, то в более острых формах, можно обозначить как государственное дезертирство "низов", тяготящихся повинностями служилого государства, геополитические заботы и претензии которого им кажутся чуждыми и надуманными. Вместо того, чтобы вступить в диалог со своим трудным партнером — государством — и принудить его к посильным уступкам и реформированию, они то бегут от повинностей, то разрушают сложившийся социум в неистовствах бунта.

Как пишет Ключевский, "московские люди как будто чувствовали себя пришельцами в своем государстве, случайными, временными обывателями в чужом доме: когда им становилось тяжело, они считали возможным бежать от неудобного домовладельца..."¹⁸⁰. Эти бега от повинностей, как и их "дурная противоположность" — разрушительный бунт, свидетельствовали, что государство, не усыновленное народным духом, воспринимается как внешнее и чуждое. В ответ на эту отчужденность и параллельно с ней государство, с одной стороны, под влиянием чувства страха и одиночества мобилизует службы сыска для обороны от внутренней угрожающей ему опасности, а с другой — доводит до пароксизма идеологию казенного патриотизма, которой все публично присягают с натужностью. Но чем большую изоляцию от собственного народа чувствует государство, чем явственнее перспектива "одиночества" властвующей элиты в собственной стране, тем сильнее соблазн находить опору извне. Казенный государственный патриотизм чреват мгновенным перерастанием в свою противоположность. Те самые службы и стоящие за ними группы властвующей элиты, которые наиболее тесно связаны с эзотерикой надсмотрчества, сыска и цензуры и более других осведомленные (отдающие отчет в одиночестве государства в собственной стране и мире), могут оказаться наиболее склонными к внезапной инверсии — готовности обменять защищаемый ими строй на новые привилегии, гарантии, даваемые извне.

Таким образом, полюс, противоположный низовой безответственности по части общегосударственных дел и тягот, достигнув крайней точки одиночного бдения, лишенного инициативной поддержки снизу, внезапно ударяется в противоположную крайность — "компрадорскую инициативу" разрушителей строя и государства. Именно это произошло в России. Компрадорская инициатива несомненно принадлежит тем самым службам одиночного государственного бдения и монополизированных тайн, которые прежде преследовали малейшую попытку реформаторских инициатив под предлогом охраны государственной безопасности, а теперь, напротив, с невиданной решимостью противопоставляют реформационные задачи национал-патриотическим.

Круг замыкается. Вначале усиливается одиночество казенного патриотизма, противопоставленного спонтанным чаяниям народной жизни. На этом пути постепенно происходит незаметная денационализация государства, утрачивающего связь с почвой. Вторая, инверсионная фаза цикла, завершается с той неожиданной легкостью, с какой сверхбдительность денационализированного государства превращается в противоположность — безответственность по части национальных интересов, прямого их предательства.

Кочевник и Пахарь когда говорят о генезисе западной цивилизации, подчеркивают взаимодействие трех разнообразных начал: греческого Логоса (интеллектуального начала, кристаллизовавшегося в противовес мифологическому), римского права и христианской духовности.¹⁸¹ Вероятно, процесс становления цивилизаций в чем-то подчиняется общеэволюционным законам, в частности благотворность скрещивания разнородных элементов напоминает описываемое биологами явление гетерозиса. Внутреннее разнообразие, связанное с отдаленным скрещиванием, становится залогом повышенной

¹⁸⁰ Ключевский В.О. Соч.: В 9 т. Т. 3. С. 49.

¹⁸¹ См. об этом: Ellule J. Trahison de l'Occident. P., 1976.

жизнестойкости и адаптационности — способности приспосабливаться к изменению среды. Понятно поэтому, сколь плохую услугу культуре и социуму оказывают ревнители "чистоты" — классовой, расовой, этнической, конфессиональной. Фанатики монолитности, однонаправленности не случайно боятся контактов с внешним миром — инстинктивно они не верят в устойчивость воспламеняемых ими "монолитов". В то же время сочетание разнородного, открывая гигантские возможности, несомненно, содержит и опасности. Разнородные цивилизационные начала даже в ходе длительного времени не сливаются в нечто единое, а образуют гибкие сочленения, поддержка которых требует творческих усилий, направленных на обновление прежних способов синтеза. Напряжение, столкновение и новая гармония разнородных начал и являются пружинами драмы, называемой человеческой историей.

Согласно А. Тойнби, парадокс цивилизаций состоит в том, что они характеризуются устойчивым плюрализмом этнокультурных миров, объединяемых каким-то высшим нормативным кодом (одной из мировых религий). Вероятно, Тойнби преувеличивал роль религиозного фактора в процессе формирования цивилизаций. Не меньшую роль здесь играли геополитические факторы, единство природного ареала, способствующего формированию единого хозяйственного уклада и др. Нередко мы сталкиваемся с тенденцией "фундаменталистского прочтения" цивилизационного опыта. С легкой руки С. Хантингтона и его адептов конфессиональный фанатизм и этноцентризм выдается за активизацию цивилизационного сознания. Констатируют смену классовых и идеологических конфликтов национальными и конфессиональными. Будущее мира видится как непримиримое столкновение славянства и мусульманства, мусульманства и европеизма и т.п.

Можно ли эти деструктивные тенденции выдавать за пробуждение цивилизационного начала? Разумеется, нет. Здесь проявляется прямо противоположное: опасное ослабление цивилизационных — межэтнических и межконфессиональных — синтезов. Цивилизационная историческая практика основана на гармонии разнородных этнокультурных начал, а значит, на способности к известному самоотстранению, открытости, диалогу, консенсусу. Гигантские суперэтнические общности удерживает не узколобая догматика: их питает тонкая "цивилизационная ирония" — великодушие и терпимость к "инаковости". Современные цивилизации являются поликонфессиональными: их энергетика питается творческим напряжением между социокультурными полюсами: католическим и протестантским (Запад), буддизмом и конфуцианством (тихоокеанский цивилизационный ареал), православием и мусульманством (Россия).

Цивилизационные синтезы, как все высокосложное, рафинированное, относительно хрупки. С одной стороны, это связано с "моральным старением" этих синтезов, требующих творческого обновления, с другой — с активизацией духовного варварства, слабых умов и характеров, не способных сочетать и примирять разнородные начала и потому тяготеющих к процедурам упрощения и выравнивания. На основе таких процедур и возникают антицивилизационные мифы, подобные фашистскому. Случается, что уставшие от сложности, взыскующие экзотики интеллектуалы торопятся реабилитировать эти мифы, сообщить им недостающую престижность. Это опасное усердие уже подвело европейскую цивилизацию на рубеже 20—30 гг. Сегодня мы сталкиваемся с чем-то аналогичным. Демоны этноцентризма, национализма, фундаментализма вырываются наружу, и не всем достает проницательности, ответственности, чтобы вовремя заклеить их.

На наших глазах рождается новый миф, выдающий себя за новое "цивилизационное прозрение", но по существу являющийся вызовом духу цивилизационного универсализма и терпимости. Почему в некоторых интеллектуальных и политических кругах Запада обнаруживается готовность поддерживать этот миф? Во-первых, это связано с постмодернистскими сдвигами в культуре. Если модернистская

доминанта в европейской культуре, восходящая к эпохе Просвещения, тяготеет к универсалистскому видению, ожиданиям скорого выравнивания мира по западному образцу в качестве "естественного эталона" человечества, то новейшая, постмодернистская, характеризуется отвращением не только к униформизму, но и ко всякой логической упорядоченности. Разнообразие мира воспринимается постмодернистами как подтверждение презумпции алогичности бытия. Они полагают, что человечество не имеет надежных процедур, способных установить различие между Добром и Злом, Красотой и Безобразием, Прогрессом и Регрессом, цивилизацией и варварством. Активизацию этнических и религиозных конфликтов они рассматривают как посрамление просвещенного Логоса, свидетельство реванша "подсознания" над сознанием, брутального над идеальным, иррационального над рациональным.

Во-вторых, в мифе "столкновения цивилизаций" несомненно проявляются геополитические интересы Запада. Подпитывая миф о неизбежном столкновении цивилизаций, в частности христианской и мусульманской, некоторые круги рассчитывают на раскол России по линии соответствующего водораздела ее славянского и тюркского ареалов. Целостность России оспаривается от имени вновь открытой "закономерности" — несовместимости людей, принадлежащих к разным цивилизациям, которые в свою очередь отождествляются с религиями. Хантингтон пишет: "Люди, разделенные идеологией," но объединенные культурой, соединяются — так произошло с двумя Германиями и так начинает происходить с обоими корейскими государствами и несколькими китайскими. Те общества, которые объединялись в силу идеологических или исторических причин, но разделены цивилизационно, либо распадаются, как произошло с Советским Союзом, Югославией, Боснией—Герцеговиной, Эфиопией, либо испытывают огромное напряжение, например на Украине, в Казахстане, Нигерии, Судане, Индии, Шри Ланке и многих других государствах, включая, возможно, и Российскую Федерацию"¹⁸².

В кризисные эпохи развития тех или иных обществ и цивилизаций перед культурой неизменно вставала задача сопротивления мифу, который в качестве упрощающего действительность "тонирующего" текста соблазнял шаткие души. Сегодня перед российской культурой встает трудная задача развенчания мифа о "столкновении цивилизаций". Не преодолев этот миф изнутри силою нового творческого синтеза, нельзя уберечь целостность государства никакими административными, военно-политическими средствами. Способствуя развенчанию этого мифа, мы в России будем Содействовать тем самым и скорейшему преодолению современного геополитического разбалансирования мира, связанного с волной межэтнических и межконфессиональных конфликтов на всех континентах.

Главный цивилизационный и геополитический вопрос, затрагивающий перспективы России, касается того, насколько случайной или неслучайной оказалась встреча славянского и тюркского начал в нашей истории, относится ли славяно-тюркский союз к жизненно важным, неперерешаемым и творческим синтезам нашей культуры или речь идет об искусственной, насильственной конструкции, стесняющей творческие силы народов. "Если, — писал Н.С.Трубецкой, — сопряжение восточного славянства с туранством есть основной факт русской истории, если трудно найти великоросса, в жилах которого так или иначе не текла бы и туранская кровь... то совершенно явно, что для правильного национального самопознания нам, русским, необходимо учитывать наличность в нас туранского элемента, необходимо изучать наших туранских братьев"¹⁸³.

В чем раскрывается продуктивный характер сочетания славянского и тюркского

¹⁸² Хантингтон С. Столкновение цивилизаций и что оно может означать для России // Общественные науки и современность 1995. № 3. С. 134

¹⁸³ Россия между Европой и Азией: Евразийский соблазн. С. 5.

элементов нашей цивилизации?

Для прояснения вопроса вспомним древнюю индоевропейскую традицию, соединяющую фигуры Жреца, Пахаря, Воина¹⁸⁴.

Российская цивилизация основана на симбиозе двух начал: зем-лепашеского и воинского. Каждое представляет специфический тип пространства-времени. Пространство Пахаря — локальное, относительно замкнутое, а время — медленно текущее, не знающее чудодейственных скачков. Напротив, пространство Воина-всадника — огромное, ускользающее от кропотливого хозяйского наблюдения, манящее неясными, но обещающими далями. Время его — прерывное, скачкообразно-аритмичное, сочетающее периоды предельной мобилизованности, напряженности с периодами предельной расслабленности, рассредоточенности... По сравнению с бывалым, склонным к авантюрам Всадником Пахарь воплощает черты, которые в поздних "мещанских" проявлениях послужили поводом для обвинения (со стороны левого и правого радикализма) в "мелочности", "бескрылости", "антигероичности", "реакционности" и т.п. Восходящий к образу индоевропейского "младшего брата" архетип чудодейственного "великого скачка" лег в основу революционных ожиданий нового времени. Все революции осуществлялись поздно пришедшими "младшими братьями" цивилизации: сначала "внутренним" пролетариатом Запада, затем "внешним" пролетариатом третьего мира — продуктом разрушительных модернизаций...

Представляется, что гетерогенная структура, основанная на архетипических образах "старшего" и "младшего" братьев, в известной мере характерна для любой цивилизации. Дж. Нидам¹⁸⁵ связывает колониальную и научно-техническую экспансию западной цивилизации с движением "младших братьев". Система майората — наследования по линии старшего из сыновей оставляла младших неприкаемыми. Они и составили динамичный полумаргинальный элемент, вовлеченный в такие эпопеи, как великие географические открытия, колониальная экспансия, научно-техническое творчество "покорителей природы". Старшие братья, напротив, образовывали оседлую мещанскую культуру со всей ее пуританской сдержанностью, расчетливостью, провинциальным консерватизмом. Рискнем предположить, что катастрофы нашего времени в конечном счете восходят к социокультурной катастрофе, разрушившей исторический консенсус двух культур — мещанской ("старшего брата") и инновационно-авантюрной ("младшего брата"). Доведя их до непримиримого противопоставления, цивилизация оказалась во власти цикла, чередующего революционаристскую фазу государства "младших братьев" с их безоглядным стремлением к заманчивым далям, духом авантюры и риска, с консервативной фазой доминирования "старших братьев", обеспечивающих стабильность ценой обуздания творческого воображения и ограничения "порывов".

Быть может, слабостью российской цивилизации является особая хрупкость консенсуса между двумя этими началами. Становление российской государственности связано с жестким их столкновением. Пахарь зачастую представлял провинциальную культуру, тяготеющую к самоизоляции, замыканию в локусы, недостаточно чуткую в отношении норм, запросов большого мира. Евразийцы 20-х гг. правы, подчеркивая особую роль туранского элемента и "монгольского наследия" в становлении централизованной российской государственности. Кочевнический архетип оказался более приспособленным к освоению и административному "приручению" больших разбегающихся пространств. С тех пор борьба державного начала с провинциальным локализмом, местничеством прошла через российскую историю. "Державники" — от Ивана Калиты до Петра I и большевиков — непрерывно сотрясали общину, безжалостно перетряхивали склонный к самозамыканию мир Пахаря. В этом смысле российская

¹⁸⁴ См.: Дюмевиль Ж. Верховные боги индоевропейцев. М., 1986.

¹⁸⁵ Наука о наук. М., 1966.

державность почти всегда выступала как "революционная". Драматическая цикличность российской истории связана с разорванностью, противостоянием двух начал: продуктивного и административно-военного. Стабильность государства, общества достигалась в те периоды, когда эти начала сближались и достигали согласия. Нестабильность, как правило, связана с их дистанцированием, противостоянием.

Если данные "субкультуры" рассмотреть в геополитическом измерении, то нам разъяснится смысл современной государственной катастрофы. Славянскому элементу, решившему дистанцироваться от туранского, грозит вырождение в духе изолирующихся локусов, безответственных по части общегосударственных интересов и не способных за себя постоять в случае натиска извне. "Туранскому" элементу, в свою очередь, грозит сползание в "субкультуру пособий" — иждивенчество, зависимость от всякого рода "гуманитарной помощи", либо нескончаемые внутренние распри с соседями "лихих всадников", предпочитающих тяготам труда легкость "воинской добычи". Попытка создания государственности, основанной на архетипе "воинского набега", была предпринята в Чечне. Однако этот конкретный пример диссипации сдвоенного цивилизационного ядра — лишь слабое подобие того, что может случиться, если соответствующие процессы охватят все постсоветское пространство.

Представляется, что "миграция" нашего тюркского элемента из североевразийского пространства на юг станет на деле не началом воссоединения мусульманской цивилизации, а началом вселенской катастрофы, связанной с противоборством оседлой и кочевнической культур в масштабах планеты. Заслуга российской цивилизации в том, что ей удалось интегрировать наименее цивилизованно развитую, отличающуюся наибольшей агрессивностью, перераспределительным экспансионизмом часть туранского мира, срастив ее с "культурой Пахаря". Симбиоз дал впечатляющие плоды: на шестой части суши возникло цивилизационно-государственное образование, не знающее внутренних войн и обеспечивающее относительную стабильность, геополитическое равновесие Евразии. Поскольку, согласно геополитической теории, Евразия составляет "хартленд" — центральную часть мира, не стоит безответственно экспериментировать с таинственными силами этого планетного ядра. Лучше положиться на выстраданный опыт наших общих предков, создавших величайшую из земных цивилизаций.

Сотрудничество славянского и туранского начал в российской культуре (ее иногда называют более нейтрально — евразийской), их взаимообогащающая дополнительность давно обратили на себя внимание исследователей. С эпохи Петра I, когда Русь начинает сознательно строиться как многонациональная империя, доминирует идея европейско-просвещенческой миссии русских в Евразии. Колонизация русскими огромных пространств от Волги до Дальнего Востока выступает как европеизация ("вестернизация"). При этом отмечается факт своего рода рассеивания энергии (энтропии) просвещенного Логоса по мере его удаления от западноевропейского эпицентра. П.Н.Милюков в этой связи ссылается на "закон запоздания исторического развития при переходе от запада Европы к ее центру, от центра в европейскую Россию, оттуда в западную Сибирь, резко отделенную от восточной и, наконец, от западной Сибири на дальний восток ее"¹⁸⁶. Это связано с сопротивлением среды, в том числе и природной. Как отмечал П.Милюков, климат в Евразии суровее не в направлении от Юга к Северу, как обычно, а в направлении от Запада к Востоку. И не только понижением среднегодовой температуры отличается этот переход от Запада к Востоку, но и повышением годовых колебаний температуры, — соответствует "постепенному переходу от равномерного морского климата к климату континентальному... Взятые вместе оба рассмотренные признака — годовое колебание температуры и годовое распределение влаги — дают надежную основу для определения климата каждого данного месторазвития... То и другое близко совпадает также... с распределением типов

¹⁸⁶ Милюков П.Н. Очерки по истории русской культуры. М., 1993. Т. 1. С. 318.

культуры"¹⁸⁷. Западник Милюков, убежденный в универсальности кода европейской культуры, пригодного для всего человечества, усматривает в особенностях евразийского пространства не проявление альтернативных вариантов жизнестроения, а всего лишь менее благоприятную среду для распространения универсалий европейского Просвещения. Ясно, что в контексте такого видения доминирует не идея славяно-туранского диалога, а идея русской просвещенческой миссии. Значение этой миссии нельзя ни в коем случае преуменьшать. Тяжкий опыт нынешнего сепаратизма и изоляционизма служит тому подтверждением. Провалы в варварское состояние войны всех против всех, резкое понижение уровня цивилизованности, сопутствующее отрыву или дистанцированию республик бывшего СССР от русского языка и культуры, и как следствие — снижение перспективы прорыва в современное постиндустриальное общество — факт неоспоримый.

В пространстве Евразии русская культура играла роль культуры-донора, питающего энергию новации-модернизации. Но это — одна сторона проблемы евразийского цивилизационного синтеза. Вторая, менее исследованная, касается того, что дал России внутренний Восток, каков его вклад в совместное цивилизационное строительство. В этом контексте весьма многозначительной, продуктивной оказывается та самокритика русской культуры, ознаменованная активным обращением к тюркскому, а также христианскому Востоку, с которой выступили сначала блестящие представители романтизма во главе с Лермонтовым, затем — носители христианско-мистического реформаторства (от Гоголя до Мережковского), русские консерваторы (К.Леонтьев), символисты и, наконец, евразийцы 20-х гг. Что общего в основных этапах и течениях этой самокритики?

Надо сказать, что самокритика культуры за редким исключением (Н.Рерих) всего менее обращается к рафинированной архаике китайской, индийской, ближневосточной и иранской цивилизаций. Особое внутреннее недовольство русского духа связано не с дефицитом рафинированности, не томлением по усложненному ритуалу и яркой декоративности. Глубокая внутренняя ностальгия русской культуры касается таких ценностей, как мужественная простота, твердость, цельность характера, целеустремленность, наличие очерченного, волевого образа. Цельности, простоты, определенности поступка ищет в своих любимых кавказских типах М.Ю.Лермонтов. Твердости религиозного характера ищет мистический Гоголь, зовущий к палестинским истокам. Твердости государственного характера ищет К.Леонтьев, потрясенный неудачами Крымской войны. Этот знаменитый консерватор высказывает свое подозрение в отношении славянского характера: без цементирующего раствора, представленного православием, славянство, в том числе великоросское, склонно к внутреннему рассеянию к капитулянству. Российский патриотизм — патриотизм не земли, полиса, этноса, а патриотизм православия. К.Леонтьев считает, что Россия, идя навстречу Западу, выигрывает в поверхностном просвещении, но теряет в характере, устойчивости внутреннего цивилизационного ядра — залога геополитической выживаемости: "Мы, русские, более всех иных русских подданных — европейцы в худом значении этого слова, то есть медленные разрушители всего исторического и у себя, и у других... С упорными иноверцами окраин Россия, со времен Иоаннов, все росла, все крепла и прославлялась, а с "европейцами" великорусскими она, в каких-нибудь полвека, пришла... К чему она пришла — мы видим теперь!"¹⁸⁸.

Нельзя отказать в проницательности этому критику "вестернизации". Сегодня видно, как рассеивание социокультурного ядра российской цивилизации ведет к вырождению государственной политики, параличу политической воли, необходимой для отстаивания долговременных национальных интересов.

¹⁸⁷ Там же. С. 75, 76.

¹⁸⁸ Леонтьев К. Цветущая сложность. М., 1992. С. 167, 170.

Русский символизм "серебряного века" в определенном смысле тоже можно рассматривать как евразийскую реакцию на социо-культурную рыхлость, цивилизационное беспамятство вестернизированного славянского центра. Прозрения русского символизма сродни леонтьевскому: они касаются внутренней связанности духа европеизации с духом декаданса в России, параличом воли, столь явственно проявившемся и в деятельности прежней политической элиты, не способной по-настоящему ни созидать новое, ни отстаивать старое, и в деятельности элиты культурной, мазохистски муssiрующей мотивы тления, смерти, "ничто" и т.п. Русские символисты и погруженные в декаданс, и бунтующие против него, как и другие самокритики русской культуры, обращаются за противовесом к восточно-скифскому архетипу. Попытка лечения болезни декаданса "скифством" — сдвижением социокультурной оси России к Востоку, подальше от очагов декадентской вестернизации, объединяет плеяду активных деятелей серебряного века — от А.Блока и А.Белого до В.Брюсова и В.Иванова.

Последняя яркая попытка диалога с внутренним Востоком в "поисках утраченного времени" — времени додекадентского грехопадения России — принадлежит евразийцам 20-х гг. П.Савицкий заявляет: "Без "татарщины" не было бы России"¹⁸⁹. Его "государственническому", взыскующему воли и силы сознанию автохтонная история славянства, лишенного тюркской прививки, видится в пессимистическом свете. "Новейшая история отдельных славянских племен построена, как по одному шаблону: некоторый национальный расцвет, а затем, вместо укрепления расцвета, разложение, упадок, "иго"..."¹⁹⁰.

Учитывая антиномичность державно-волевого и интеллектуально-культурного начал вообще, а применительно к татаро-монгольскому завоеванию России в особенности, евразийцы настойчиво подчеркивают культурно-нейтральный характер "ига", которое, разгромив слабую и рыхлую древнерусскую государственность, якобы не затронуло, или по крайней мере, не разрушило христианско-православного ядра культуры. Татары "не замутили чистоты национального творчества, но в качестве создателей государственной, милитарно-организующей силы, они несомненно повлияли на Русь"¹⁹¹. Словом, тюркская прививка оказалась мощным подспорьем геополитического творчества — волевого овладения большим пространством, чего явно недоставало миролюбивому провинциалу Евразии — славянскому Пахарю. "Степное начало, привитое русской стихии как одно из составляющих ее начал, со стороны укрепляется и углубляется в своем значении, становится неотъемлемой ее принадлежностью; а наряду с "народом-земледельцем", "народом-промышленником" сохраняется или создается в пределах русского национального целого "народ-всадник", хотя бы и практикующий трехполье"¹⁹².

Конечно, евразийцы выражают одностороннюю позицию — понятную в свете горьких неудач и поражений России в первые десятилетия XX в., но нуждающуюся в корректировке. Народ-всадник — ипостась, привитая славянскому корню от тюрков, — в самом деле одарен геополитической способностью завоевывать, держать и обуздывать большие пространства в Евразии. Но здесь-то и возникает наша извечная незадача: всадник захватывает больше пространства, чем пахарь успевает возделывать, освоить, окультурить. Извечная русская тоска перед лицом неумных пространств России — это, собственно, проявление чувства вины за их необжитость. Ею (тоской) полна русская литература, ее острее иных прочувствовал, выразил Н.В.Гоголь. "Кому при взгляде на эти пустынные, доселе не заселенные и неприютные пространства не чувствуется тоска, кому в заунывных звуках нашей песни не слышатся болезненные упреки ему самому —

¹⁸⁹ Савицкий П. Степь и оседлость//Евразийский соблазн. М., 1992. С. 126.

¹⁹⁰ Там же. С. 127.

¹⁹¹ Там же. С. 127.

¹⁹² Там же. С. 128.

именно ему самому..." Даже после реформ Петра "остаются так же пустынные, грустные и безлюдны наши пространства, так же бесприютно и неприветливо все вокруг нас, точно как будто бы мы до сих пор еще не у себя дома, не под родной нашей крышей, но где-то остановились бесприютно на проезжей дороге..."¹⁹³.

Мы сталкиваемся с трагической антиномией российского государства: не отдав приоритета "Воину-всаднику", держателю и защитнику Пространства, Россия не смогла бы выжить в предельно жестких геополитических условиях Евразии. Но, уступив этому державному персонажу львиную долю ресурсов, бразды правления, она проигрывает в делах жизнеустройства, качестве существования, цивилизованности. Одним из противоречий, сгубившим бывший СССР, было несоответствие между экономикой "Пахаря" и анти-экономикой военно-промышленного комплекса. На рубеже тысячелетий, когда мир вступил в новую фазу борьбы за пространства, ресурсы, неизбежность зауральских пространств России становится и виной ее перед всем миром и роковой опасностью; геополитическая "природа" не терпит пустоты, пустые пространства манят претендентов. Высшей творческой задачей России является по-новому понятие содружество Пахаря и Воина, разрешение вековой антиномии нашей культуры. Очень возможно, что выход указан самим индоевропейским мифом: воинство располагалось на границах племени, не захватывая внутреннее пространство Пахаря, не деформируя специфической "удалью" его традиционное прилежание. СССР как сверхдержава, созданная адептами мировой революции, формировал военную стратегию, ориентируясь не на геополитические задачи собственного пространства, а на противоборство со всем "капиталистическим миром". Отсюда — ядерная перевооруженность при явной слабости традиционных средств приграничной защиты. Ныне, когда границы стали беспокойными, страна сталкивается с традиционными формами вызова, далекими от прежних понятий тотального ядерного противоборства, эта деформация стала особенно ощутимой.

Риск промежуточности: между Востоком и Западом. Мы, живущие в конце XX в. и обзирающие российскую историю с вершины тысячелетия, вправе сделать вывод об особом, рисковом характере нашего общественного развития. Эта особенность, несомненно, связана с промежуточным цивилизационным статусом России, в ареале которой непосредственно встречаются Восток и Запад. Цивилизационная промежуточность означает "расшатанность" поведенческого стереотипа, что открывает массу творческих возможностей, но одновременно содержит опасности ошибочных решений, срывов, "соблазнов". Выдающиеся представители русской культуры отмечали ее "вселенский" пафос, отзывчивость на инокультурные влияния, способность русского человека жить по меркам любого цивилизационного типа. Такая впечатлительность нередко порождает синдром "блудного сына": неусидчивость, неукорененность, своеобразную ностальгию по чужим культурным образцам, сочетающуюся с преувеличенной отстраненностью от собственной традиции. По этой причине русская культура является самокритичнейшей в мире. Способность к самоотстранению, самокритике, наряду с гибкостью поведенческого кода, создали важную предпосылку российского "имперского" сознания: межэтническую уживчивость и терпимость. Последние являются не только социально-психологическим феноменом, но и социально-культурным, связанным с промежуточным цивилизационным статусом.

Указанные черты в широком социокультурном смысле могут быть отнесены к искусству мимезиса — самообучения через подражание. Что такое российское западничество, если не цивилизаци-онный мимезис? Если отбросить его нигилистические, саморазрушительные крайности, напрашивается его оценка в качестве важного фактора отечественного развития. Уместно отметить методологическую важность учета общего соотношения эндогенных и экзогенных факторов эволюции. Универсализм — концепция единых исторических закономерностей, которым изначально подчинен ход развития

¹⁹³ Гоголь Н.В. Выбранные места из переписки с друзьями. С. 59.

человечества, в своих крайних выражениях связан с иллюзиями европоцентризма. Формационный европоцентризм заставлял своих последователей всюду — от Ближнего Востока до Африки и доколумбовой Америки — искать следы рабовладельческого строя, феодализма, предкапитализма. История выступает как содержащая априорно заданную программу, выполнение которой обязательно для каждого общества, региона. Между тем современная наука убедительно показывает, что обнаруживаемые в истории черты сходства часто объясняются явлениями заимствования, межкультурными влияниями, завоеваниями. Очевидно, общественная эволюция подчиняется законам неравномерности развития и неэквивалентности социокультурного обмена.

Общества, совершившие прорыв и благодаря этому получившие преимущества перед соседями в экономической, военной, административно-управленческой областях, оказываются лидерами. Отнюдь не всегда лидерство реализовалось в мирной форме воодушевляющего примера. Чаще имело место соревнование за выживаемость, вытеснение или завоевание слабых, отставших. Последние либо капитулировали, либо торопились заимствовать эффективные, производственные, социальные, военные технологии для отпора и самоутверждения. В любом случае приходится говорить о неэквивалентном обмене: культурные импульсы (информация), идущие от страны-донора (передовика истории), во много раз превышают по силе воздействия импульсы страны реципиента (восприимчика чужого опыта). На этом основании возникает феномен (до сих пор еще недостаточно осмысленный современной общественной мыслью) гибридных обществ и так называемого "сопряженного"¹⁹⁴ развития. Универсалистские теории, в том числе марксистская, льстят национальному сознанию в одном важном пункте: они внушают, что каждое общество на основе исключительно автохтонных импульсов — имманентным образом — совершает историческое восхождение вплоть до высших исторических ступеней. Этим они в значительной мере дезориентируют сознание народов.

Необычайно важной стороной национальной критической рефлексии является осознание неэквивалентного культурного обмена. Одним из принципиальных неравенств — более важных, чем социальное неравенство в традиционных его формах, — является неравенство перед лицом истории: неравенство ведущих, самостоятельно открывающих новые пути, и ведомых, уделом которых является "заимствованная история". В одном случае история выступает как творчество, в другом — как навязывание и насилие. В первом механизмы новаций и механизмы социальной интеграции не характеризуются роковой рассогласованностью. Во втором — когда новации приходят извне, они порождают внутренний национальный раскол: на консервативных сторонников "почвы" и восторженно-самонадеянных адептов чужого цивилизационного опыта. Противостояние западников и славянофилов относится к этому типу соц-иокультурного размежевания. Каждая "новая встреча" с Западом порождает новую форму раскола в русском обществе. Его разновидностью является деление на "новых русских" и "старых". Раскол является фактором риска, угрожая национальной устойчивости, безопасности, в особенности в периоды усугубляющейся международной нестабильности, геополитических кризисов. Необходимо понять, что межэтнические, межнациональные, межкультурные и конфессиональные трещины общества — это всего лишь превращенные формы раскола исторически гибридных обществ, вынужденных прививать у себя неавтохтонные "передовые образцы". Автохтонное прогрессивное развитие дает внутренне более цельный и устойчивый социально-исторический тип: новые формы являются собственным национальным продуктом и потому лучше вписываются в традицию. Неавтохтонное создает "невротический" социальный тип, то безоглядно рвущий с национальной традицией, то норовящий спрятаться в нее от "сквозняков" эпохи, периодически впадающий в неумеренное самоуничтожение или столь же неумеренное самовозвеличение.

¹⁹⁴ См.: Чешков М. А. Развивающийся мир и посттоталитарная Россия М , 1994

Гибридным обществам не хватает важнейшего стабилизирующего качества: внутренней меры. Поскольку история для них выступает в экзогенном облике заемных "передовых моделей", национальное сознание нередко впадает в грех исторического волонтаризма: ему все представляется равно доступным. Будущее, не выстраданное в собственном историческом опыте, а взятое как бы напрокат, искушает "безграничными возможностями". От этого волонтаризма, связанного с кажущейся легкостью заимствования "передовых достижений", предупреждал Ключевский: "Чтобы знать, какие из них и в какой мере могут быть осуществлены в известном обществе и в известное время, надобно хорошо изучить наличный запас сил и средств, какой накопило себе общество"¹⁹⁵. Перегружая общество заимствованными формами, без меры расшатывая его собственные скрепы и основания, можно вызвать обвальную дестабилизацию.

Другой риск промежуточности связан с цивилизационным одиночеством. Наряду с плюрализмом мировых цивилизаций история отмечена дихотомией Восток — Запад. Несмотря на социокультурное многообразие и Запада, и Востока, народы, живущие в обеих частях мира, пользуются указанной дихотомией как источником идентификации — оппозиции. Внутрицивилизационные различия и на Западе, и на Востоке в известной мере сглаживаются на основе более масштабной общезападной или общевосточной идентичности. Этой дополнительной опоры, связанной с цивилизационным "усыновлением", нет у России: ни Восток, ни Запад по-настоящему не считают ее своей. В периоды миросистемных кризисов, геополитических переделов глобального масштаба Россия оказывается уязвимой. Два старых соперника — Запад и мусульманский мир — нередко пытаются, с взаимной подачи, ослабить остроту своих противоречий за счет России. Многозначительно в этой связи звучит вывод С.Хантингтона: "Куда податься Турции, которая отвергла Мекку и сама отвергнута Брюсселем? Не исключено, что ответ гласит "Ташкент". Крах СССР открывает перед Турцией уникальную возможность стать лидером возрождающейся тюркской цивилизации, охватывающей семь стран на пространстве от берегов Греции до Китая (т.е. по всему периметру юго-западной, южной, восточной и дальневосточной границ России. — *Авт.*). Поощряемая Западом, Турция прилагает все усилия, чтобы выстроить для себя эту новую идентичность"¹⁹⁶. Цивилизационное одиночество России в мире создает особо жесткие геополитические условия, в которых выжить и сохранить себя можно только при очень высокой мобилизации духа, горячей вере и твердой идентичности.

Обратимся к тому механизму "рискового поведения", который порождает специфическую цикличность российской истории: драматическую смену "западнической" и "восточнической" фаз. Почему риск западнических реформ в России выступает как риск кровавой диктатуры, насилия, тоталитаризма? Нашими западниками затушевывается тот разительный факт, что традиционалистская авторитарность, предшествующая западническим "перестройкам", была куда более умеренной по части применения насилия, военно-полицейского и духовно-идеологического, чем сменяющая ее "просвещенная" власть носителей "нового порядка". Собственно, именно здесь коренится различие между авторитаризмом и тоталитаризмом. Режим Алексея Михайловича Московского был традиционалистско-авторитарным. Речь шла об отеческом присмотре за сохранением устоявшегося порядка и наказании его более или менее случайных нарушителей — "гулящих людей". Сменивший его реформаторский режим Петра I характеризуется полным набором тоталитарных признаков.

Во-первых, государственное полицейское насилие из периодического (по соответствующему случаю и поводу) превращается в перманентное. Основатель империи впервые применяет к гражданским лицам военно-уголовные законы и издает 392 указа, ужесточающие наказания.

¹⁹⁵ Ключевский Б.О. Курс русской истории. М., 1987 Т. 1, Ч 1, С. 62.

¹⁹⁶ Полис, 1994. № 1 С. 44.

Во-вторых, происходит прерванное еще в великое осевое время появления новых мировых религий переплетение политической и духовной власти: вместе с упразднением патриаршества Петр I упраздняет относительную автономию церкви, подчиняя ее в качестве "идеологического ведомства" своей диктатуре. Подданные лишились инстанции, выступающей посредником между народом и властью и одновременно способной урезонить власть в случае нарушения ею высших неписаных законов нравственно-религиозного характера.

Наконец, происходит тотальное вмешательство власти во все сферы общественного бытия и даже повседневную жизнь граждан. В этом духе Петр издает 3314 указов, регламентов и уставов. "Подданный обязан не только нести установленную указом службу, но должен жить не иначе, как в жилище, построенном по "указанному" чертежу, носить "указанное" платье и обувь, предаваться "указанным" увеселениям... Преследование национальных форм быта принимало крайние формы издевательства..."¹⁹⁷.

В Петре I воплощены два главных парадокса западнического радикализма: во-первых, западники — глашатаи передовых, просвещенно-демократических идей и учреждений, насаждают не демократию, а тоталитаризм, во-вторых, интеллектуалы, при прежнем режиме осуждающие архаику непредставительских учреждений и необразованность народа, кончают тем, что пуще всего боятся и демократического представительства и настоящего народного просвещения. Правящие западники осуществляют реформы, всецело ориентируясь не на местную культуру и традицию, а на непонятный народу заемный образец. Их политика обретает форму социальной инженерии, связанной с насильственным утверждением умозрительных схем и порядков сверху, авторитарными методами. Чем более удаленными от народного опыта, традиций, норм национальной жизни оказываются реформаторские схемы, тем большего насилия требует их претворение в жизнь. Государство отныне прямо заинтересовано в том, чтобы лишить общество средств самозащиты, самоорганизации; предполагается, что эти средства будут им использованы для сопротивления реформам. В качестве такого средства воспринимается и национальная культура, которая подвергается осмеянию, поруганию, выкорчевыванию. В чем чувствуется отблеск национальной традиции, опора национальному самоуважению, становится мишенью бдительных реформаторов. Вот почему они так часто прибегают к услугам иностранцев, местных изгоев, маргиналов, отщепенцев. Не случайно качество "человеческого фактора" резко понижается в периоды насильственных реформ. До полного "совершенства" технологию внедрения заемного утопического проекта довели большевики. Их "пролетариат" — это не столько угнетенный класс капиталистического общества, сколько "внутренний пролетариат" А. Тойнби, который представляет асоциальные и денационализированные отбросы общества, и в этом качестве удобен для разрушительной работы, направляемой антинациональными силами. Над российским реформатором западнического толка тяготеет тень преступления: и преступления в отношении национальной культуры, и преступления в привычном, буквальном смысле, связанном с пролитием невинной крови, насилиями, "экспроприациями". Тайна тоталитарного насилия кроется в одиночестве реформаторов, оторванных от национальной почвы. Сначала они верят во всемогущую алхимию прогресса: в то, что пропагандируемая ими идеология и связанные с нею инициативы сравнительно легко, безболезненно "вестернизируют" Россию, "отсталый" народ обратят в новый, передовой. Но по мере того, как обнаруживается тщета этих усилий, они все больше уповают на насилие. В крайней точке отрыва от собственного народа перед реформатором возникает жесткая дилемма: либо уходить, признав не только поражение, но и вину за понесенные жертвы, либо превратить революционно-реформаторский авторитаризм в тоталитаризм — прямую диктатуру, "опирающуюся не на закон, а прямо и непосредственно на насилие" (Ленин).

¹⁹⁷ Ахизер А.Ю. У к соч. С. 129.

Вовлечение в "европейскую семью" и преподание народу уроков демократии оборачивается изоляционизмом, эзотерикой тоталитарной политики, делающейся втайне, готовой к применению нелегитимных средств. Чтобы при этом заручиться хоть какой-то народной поддержкой, западнический нигилизм, внутренне пустой, ни во что не верящий, все охотнее прибегает к националистической риторике, тревожит великие тени национального пантеона, в особенности те, авторитет которых можно использовать для оправдания восстанавливаемого режима "твердой руки". В этот момент своей политической биографии правящие западники превращаются в националистов-восточников. На примере истории большевизма это отметили "евразийцы": "В качестве попытки сознательного осуществления коммунизма, этого отпрыска "европейского развития" — русская революция есть вершина, кульминационный пункт описанного "вовлечения" и "преподания". В то же время... построенная в умысле как завершение "европеизации" революция, как осуществление фактическое, означает выпадение России из рамок европейского бытия"¹⁹⁸

Сегодня история повторяется. В настоящее время наблюдается тот роковой момент "диалектического превращения" отрицателей российской государственности в неистовых державников, который в свое время изумил мировую социалистическую диаспору на примере большевизма и завтра наверняка не меньше изумит мировую либеральную диаспору.

Условия игры остаются примерно теми же. Подобно большевистским предшественникам, совершившим неслыханные преступления против собственного народа, России и потому готовым цепляться за власть любой ценой (в противном случае их ожидал бы не статус уважаемой оппозиции, а эшафот), нынешний номенклатурно-мафиозный симбиоз просто не может уйти с властной арены. Его тайны никак не менее "деликатны", чем тайны "великой подпольной партии", — их разглашение смерти подобно.

Необходимо сохранить власть любой ценой. Но сохранить власть на фоне сокрушительных поражений собственного политического курса — значит небывало взвинтить ее, вывести из-под контроля, вооружившись для оправдания этого небывалыми, миропотрясательными аргументами.

Таким образом, парадокс нашей новейшей политической истории состоит в том, что основателям августовского режима для сохранения власти предстоит уже завтра занять позиции, прямо противоположные тем, с которыми они начали реформаторскую деятельность. Неистовые западники станут "восточниками", предающими анафеме "вавилонскую блудницу" — Америку. Либералы, адепты теории "государств-минимум", станут законченными этатистами. Мондиалисты и космополиты станут националистами. Критики империи, сторонники "неограниченных местных суверенитетов", станут воинствующими империалистами и централистами-державниками, наследующими традиции Ивана Кадиты и Ивана Грозного.

Поистине, чудные дела творятся в России. П.А.Столыпин некогда четко определил суть политического противостояния в России, ставки которого намного превышают обычные "классовые" и касаются судеб государственности нашей страны. "Противникам государственности хотелось бы избрать путь радикализма, путь освобождения от исторического прошлого России, освобождения от культурных традиции. Им нужны великие потрясения, нам нужна Великая Россия"¹⁹⁹.

Что же происходит?

Сторонники "великих потрясений", готовые "во имя прогресса" идти до конца, до разрушения политического строя и самой российской государственности, вынуждены, по законам производства власти, осваивать роль воссоздателей Великой России, причем

¹⁹⁸ Россия между Европой и Азией: Евразийский соблазн. С. 83.

¹⁹⁹ Столыпин П. А. Нам нужна Великая Россия М, 1991 С. 96

в наиболее грозной, имперско-авторитарной ипостаси.

Равный ли по качеству результат мы обретаем в двух разных случаях: получив могучую Россию из рук ответственных государственников-реформаторов и получив ее же из рук вчерашних революционеров (радикал-социалистического или радикал-либерального толка)?

Если стоять на позициях прагматического, позитивистского разума, представляется, что субъективность намерений не стоит особого внимания — важен конечный результат. Если же следовать иной, христианской по своим "архетипическим" основаниям традиции, намерения, мотивы имеют значение: они каким-то загадочным образом вплетены в "материальность" результата, влияя на его крепость.

Столыпин созидал Великую Россию, сохраняя величайшее уважение к ее истории и традиции и потому намереваясь избегать крутых ломок, метаморфоз, вроде "нового человека". Он любил "старых русских", верил в их творческий потенциал. Если бы убийство Столыпина, а главное, мировая война, не прервали эволюционный путь России, мы получили бы могучую страну и при этом — европейскую, хотя и стоящую особняком в силу особенностей византийской традиции, своих масштабов.

Ленин хотел в первую очередь "великих потрясений", не останавливался перед тем, чтобы превратить собственную страну в хворост для разжигания пожара мировой революции. Неожиданно Великая Россия восстала из пепла, из потрясений, хаоса, разгрома. Вместо линейного времени реформ она погрузилась в поток катастрофически прерывного, цикличного времени, где последующие этапы представляют не продолжение предыдущих, а нежданную качественную метаморфозу.

Строители большевистской сверхдержавы питались не плавно наращиваемой энергией созидания, а взрывной энергетикой отчаяния, мести, реванша. Великое государство питалось демоническими энергиями, предопределившими конфликт с миром, что и привело к сегодняшнему поражению.

Мы говорили об инверсионных превращениях сознания политической элиты, которая действует согласно логике производства власти — своей власти. А что в это время происходит в народе? Удивительное дело: народная субстанция в России зависит от законов цивилизационной промежуточности и связанного с нею риска. В западнической фазе цикла, когда маятник уходит далеко "влево" (подразумевая не только положение на карте, но и в политическом спектре), эта субстанция опасно разжижается. Народ на глазах превращается в массу: изменчивую в настроениях, манипулируемую, предельно ожесточенную, дергающуюся в конвульсиях то революционаризма, то потребительской зависти, эгоизма... Все происходит так, будто мощное облучение со стороны западной цивилизации уничтожает скрепляющий раствор российского социума.

Прогрессистское сознание, по-видимому, является "компрадорским" в цивилизационном смысле: оно скорее питает особую впечатлительность в отношении воздействий других цивилизаций, чем способствует консолидации собственной. Не случайно пик левой фазы цикла, пришедшийся на рубеж 60—70-х гг. на Западе, озаглавлен "враждебной культурой интеллектуалов" (Д.Белл). Характерны названия книг-предостережений видных неоконсерваторов: "Предательство Запада" (Ж.Эллюль, 1975), "Интеллектуалы против Европы" (А.Резлер, 1976), "Враги общества" (П.Джонсон, 1977) и др. Со времен французской революции (1789) для Запада характерен цикл, фазами которого являются левый прогрессизм, с одной стороны, и консервативная реакция на него — с другой. При этом первое, радикал-прогрессистское течение все же оказывается довлеющим: его фазы являются более длительными по времени и более действенными по влиянию, чем следующие за ними "реактивные".

Около 200 лет назад в Европе возник феномен, который можно назвать производством сознания. В массовом сознании есть несколько слоев: тот, что отражает определенную традицию (сознание-наследие); тот, что является результатом практического опыта данного поколения (сознание—отражение); наконец, тот, что выступает как продукт

определенных социальных технологий — "фабрик мнения" ("произведенное сознание"). Этот новейший слой отражает влияние средств массовой информации, в которых засилье "левых" неоспоримо. Поэтому-то консервативные или неоконсервативные фазы цикла характеризуются, как правило, следующими сдвигами.

Во-первых, происходит перегруппировка в стане интеллектуальной элиты; на авансцену выдвигаются консервативно настроенные ее представители. Они адресуются не к "крикливому меньшинству" массового общества, соревнующемуся в выдвижении все более крайних требований, а к "молчаливому большинству", сохранившему народный здравый смысл, чувство национальной традиции. Соединение правой части интеллектуального спектра с реакцией "молчаливого большинства" на поругание святынь и капитулянтство создало феномен неоконсервативной волны 80-х гг. Можно предположить, что в этой фазе сознание-наследие и сознание-опыт берет реванш над "произведенным сознанием".

Во-вторых, происходит реакция дистанцирования от внешних социокультурных влияний: нации для обретения утраченного равновесия требуется сосредоточенная самоуглубленность, новое обращение к собственному историческому опыту. Словом, с позиций межцивилизационных отношений левые и правые выступают в особом качестве: первые — как активные коммуникаторы, открывающие двери инородным влияниям, вторые — как сторонники самоидентификации. Россия, по-видимому, переживает завершение радикал-либеральной западнической фазы. Попытка новой модернизации по западному образцу провалилась — это можно констатировать. Реакцией на подобный провал станет мощная неоконсервативная волна. Она несомненно будет связана и с топографическими сдвигами. В США неоконсервативная волна совпала с перемещением социокультурного и цивилизационного центров с Атлантического побережья к Тихоокеанскому, Калифорнии, Техасу. Неоконсерваторам удалось использовать героическо-индивидуалистический миф "дикого Запада" в борьбе с атлантическим комплексом леволиберального попустительства и связанными с ним патерналистскими тенденциями "большого государства".

Аналогичные процессы будут иметь место и у нас. Для того, чтобы наш новый консерватизм не деградировал в изоляционизм, провинциальное "самобытничество", ему должно сопутствовать новое наведение мостов — уже не с Атлантикой, а со странами Тихоокеанского бассейна.

В глубинном социокультурном смысле (именно социокультурное измерение является сегодня глубинным) вопрос состоит в том, уцелели ли у нас, в частности к Востоку от Урала, духовные основы здравого консерватизма? Можно ли утверждать, например, что сибирское и дальневосточное население России еще сохранило признаки немотствующего народа, связанные в том числе с наследием старообрядчества: традиционное трудолюбие, аскезу, мораль, патриархальные предпосылки дисциплины, законопослушания, жажду духовной веры? Этими признаками современная тихоокеанская цивилизация отличается от атлантической, в значительно и мере уже промотавшей протестантское наследие. Если эти признаки у нашего сибирского населения еще сохранились, если "сибирский миф" еще жив в нашей культуре (в суровую осень 1941 г. он сыграл свою роль), цивилизационный маневр, связанный с некоторым смещением центра тяжести с Запада на Восток нашей страны, сегодня возможен. Тем самым возможно и творческое перерешение узловых проблем нашей реформы в духе сближения с тихоокеанской цивилизацией и ее моделью модернизации.

Здесь важен правильный диагноз состояния нынешнего молодого поколения. Его деморализация и дезориентация очевидны. Но свидетельствуют ли они о временной деформации, естественной для переходного периода глобальных ломок и перестроек, или о необратимом разрушении российского этоса как такового?

Российский этос основан на парадоксальном сочетании жертвенности и мессианства (западноевропейский просвещенческий мессианизм никогда не был жертвенным — ему сопутствовали колонизаторский эгоизм и высокомерие). Выдержать тяжкий груз большой евразийской государственности способен лишь народ с особой духовной субстанцией, отличной от европейского прагматично-индивидуалистического этоса.

Концентрация "разумных эгоистов" в европейской части бывшего Союза несомненна. Менее ясным остается антропологическое состояние регионов к востоку от Урала — гигантской сибирской провинции. Может быть, духовное притяжение вулканического Тихоокеанского региона ускорит процессы анамнесиса — припоминания собственной традиции великого сибирского первопроех-дчества. Весьма вероятно, что именно таким образом проявляет себя цивилизационный механизм "вызова и ответа". Неоконсервативная волна в Америке вряд ли была бы возможна вне современного диалога цивилизаций, в частности, вне вызова со стороны Азии.

В конечном счёте все упирается в вопрос о том, возможна ли у нас неоконсервативная волна (которую ни в коем случае нельзя путать с правым радикализмом — революционаризмом)? Кокетничанье наших правящих "демократов" с западной неоконсервативной идеей заканчивается плачевно. Глубинная суть такой идеи не была разгадана. Экономический либерализм как составная часть этой идеи в своем социокультурном и нравственном измерении является не либеральным, эмансипаторско-гедонистическим феноменом, а консервативно-охранительным, связанным с наследием протестантской этики, защитой базовых принципов западной цивилизации (принципов гражданской самодеятельности и неподопечности) от всяких попыток их леволиберальной ревизии.

Экономическая неподопечность граждан связана с их высокой самодисциплиной, упорством и трудолюбием — с качествами, источники которых таятся в старой религиозной морали. У нас же принцип экономической неподопечности был прочтен в совершенно ином, либерально-попустительском, деидеологизированном контексте, в духе гедонистического индивидуализма. Номенклатурно-мафиозный симбиоз нашей "приватизации" воскрешает в новом виде паразитарно-перераспределительную психологию, ничего общего не имеющую с продуктивным индивидуализмом западного типа. Связанные с этой психологией разрушительно-нигилистические импульсы, чреватые катастрофой для общества и государства, зашли столь далеко, что острая консервативная реакция на них практически неизбежна.

Эта реакция имеет множество измерений: политическое, социокультурное, цивилизационное. В последнем качестве она допускает сдвиг на Восток и переориентацию нашего общества с атлантической модели на тихоокеанскую, на активный диалог с дальневосточными соседями, что предполагает соответствующие преобразования нашей международной политики, изменение системы приоритетов, новую концепцию федерализации. Нынешняя проатлантическая ориентация — политика наименьшего сопротивления. Она не требует особой мобилизации общества ни в политическом, ни в духовном отношении. Между тем ситуация глобального вызова, в которой оказалась страна, требует предельной мобилизации. Вестернизированная политическая элита к этому не способна. В ближайшее время следует ожидать решительной ротации элит, выдвижения на авансцену пока еще таинственного "второго эшелона", который нация уполномочит осуществить свое спасение.

Некоторые признаки общего социокультурного сдвига от леволиберального к неоконсервативному комплексу налицо. Это, в частности, проявляется в напряженных духовно-религиозных поисках, в возрождении "правого" гуманизма, пробуждении провинций. Не хватает мощной мобилизующей надэтнической идеи, в которой нашла бы разрешение проблема евразийской идентичности — творческого прочтения нашей цивилизационной специфики. Но напряженная атмосфера ожидания такой идеи сама по себе многозначительна: общество уже готовится к таинственному рывку.

Земля и небо народности (субстанция и идея). Сегодня, может, впервые за русскую историю, под сомнение поставлено само понятие народа. Оно и прежде ставилось под подозрение по причине неувязки с марксистской классовой схемой. Интеграция его в официальную шкалу ценностей произошла в ходе Великой Отечественной войны, когда патриотизм обнаружил себя не в качестве классовой добродетели, а как общенациональный

порыв. Сегодня- у официального либерализма никак не меньше идеологических оснований отрицать понятие "народ". С одной стороны, в качестве нерасчлененной субстанции народ представляется чем-то архаичным, восходящим к эпохе традиционного синкретизма, с другой — он вызывает опасные ассоциации с темной низовой стихией, вечно недовольной верхами и непредсказуемой. Куда лучше выглядит понятие "единого среднего класса" — обозначающее и мягкость социальных перегородок, и открытость для вертикальной мобильности, и чувство благоразумной "золотой середины"...

Наряду с этим идеологическим неприятием понятия народа со стороны официальной "демократии" ощущается нешуточное сомнение в его оправданности и со стороны тех, кто не разделяет западнические восторги. У этой части населения соответствующие сомнения окрашены в пессимистические тона. Вопрос ставится так: сохранился ли еще русский народ как устойчивая историческая субстанция — особый субъект планетарного творчества, обладающий не только собственной неповторимой традицией, но и своей волей, ценностями, призванием, видением будущего. Не захлестнула ли его космополитичная волна "массового общества", живущего не под знаком "быть", а под знаком "иметь"? Судя по опыту декадентских эпох, от античности до нашего времени, массовое общество — феномен не только социологический, но и социокультурный, нравственный, идейный. Массовое общество на известной фазе развития порождает деморализацию, паралич воли, ответственности, дефицит духовной сосредоточенности, особое, "экстравертное" сознание, которое, в испуге от собственной пустоты, обращается исключительно к внешнему миру, меряет себя заемными мерками.

Когда оцениваешь состояние нашего массового сознания, трудно избежать опасения относительно того, сохранили ли мы как народ способность квалифицировать собственную среду и внешний мир внутренними мерками, отличать родственное от чужого, сопоставлять сущее с должным. Необыкновенная потребительская впечатлительность, обнаруживаемая во всех слоях общества, создает крайне неразборчивую среду, поощряющую успех любой ценой и особо нетерпимую к нравственным увещаниям, "архаике" чести, долга. Если добавить к этому усердие средств массовой информации, с садистско-мазохистским наслаждением выискивающих в отечественном прошлом все новые свидетельства национальной неполноценности (даже народный подвиг в Отечественной войне усиленно дискредитируется), картина выглядит безотрадно.

Перед несогласными открываются две стратегии. Одну можно обозначить как поиск субстанции, другую — как поиск идеи. По первому пути осознанно пошли создатели так называемой "деревенской прозы". Травмированные опытами тоталитаризма, и его распада ("застой"), они искали среду, в социокультурном отношении удаленную от центров, генерирующих энергетику то революционного насилия, то нигилистического отчаяния, деморализации. Этой средой для них была русская деревня. Они исходили из того, что в свое время тоталитаризм в России шел из города в деревню, от более образованных (или полубразованных) к менее образованным слоям. Последнее подкрепляло их гипотезу о западническом происхождении коммунистического тоталитаризма".

Кстати, спор о корнях, источниках тоталитаризма имеет прямое отношение к нынешнему драматическому противопоставлению национал-патриотической и демократической идей. Те круги западнического лагеря, которые связывают тоталитаризм исключительно с наследием "азиатчины", ведут непрерывную прямую линию от царизма к тоталитаризму, закономерно становятся на путь безжалостного выкорчевывания национального наследия, давшего ядовитые побеги. Борьба с тоталитаризмом инициирует борьбу с национальным наследием. Патриотизм и демократия делаются несовместимыми. Напротив, те, кто склоняется к версии западнической, заемного происхождения тоталитарной модели (прообразом ее может служить, в частности, якобинский террор во Франции), полагают, что противоядие надо искать не на Западе, а в собственной традиции, здоровой части национального наследия. (Мы здесь не говорим о сторонниках коммунистической реставрации, которые, как Бурбоны, "ничего не забыли и ничему не

научились"). Они ссылаются на то, что российская деревня, в низовой толще своей, в сущности оказалась чуждой большевистским беснованиям — от культа Ленина до культа Сталина. Деревня была нещадно эксплуатируемым изгоем "новой социалистической цивилизации" и именно поэтому менее склонной разделять господствующие иллюзии и утопии. Исходя из этого, направление, связанное с деревенской прозой (но не ограничивающееся только ею), обратилось к поискам тех пластов народной жизни, которые еще уцелели от разрушительного воздействия системы тоталитарной пропаганды. На собственно интеллектуальные источники классической русской традиции оно уповало значительно меньше, во-первых, потому, что эта традиция была почти уничтожена в процессе большевистского погрома культуры, и, во-вторых, потому, что она частично оказалась на подозрении, ибо в каких-то своих ответвлениях способствовала тоталитарному соблазну.

Этимися обстоятельствами и диктовалось направление поиска. Требовалось найти пласт, который не был разрушен катком репрессий и одновременно являлся свободным от подозрений в тоталитарном соблазне. Оказалось, что "не до конца разрушенная" Россия открывается не столько в интеллектуальном, сколько в нравственном измерении. Нравственное начало всегда было более развитой и устойчивой составляющей русской духовности, чем интеллектуальной. К этому примешивается, что хранители последней — лучшая часть российской интеллигенции — оказались уничтоженными большевиками, тогда как хранитель первой — народ, хотя и подлежал перековке в "нового человека", в чем-то существенном сохранился, выстоял. Этому, как ни парадоксально, способствовала война, которая по многим критериям оказалась альтернативой большевистскому "тотальному отказу" от наследия. Социалистический авангард, вооруженный идеологией пролетарского интернационализма, другими мифологическими доспехами, в считанные недели немецкого наступления потерял едва ли не всю армию и треть территории. Тогда-то и пришлось "бесстрашным революционерам" искать в народном сознании не до конца ими разрушенные пласты, обращаться к нетленным национальным ценностям, святыням.

Народная нравственность, связанная с заветами отцов, традиционной этикой, оказалась необходимым подспорьем как в ратном, так и в трудовом подвиге восстановления разрушенной страны. Вот эту "невидимую общину" единоверцев народной нравственности искали наши деревенщики в отдаленных уголках провинции — на Севере (Ф.Абрамов, В.Белов, Н.Рубцов), в Сибири (В.Распутин, В.Астафьев), на старинных "проселках" русской жизни (В.Солоухин). Соглашаясь с тем, что русская община как социально-экономический феномен едва ли не целиком принадлежит прошлому, они воодушевлялись верой в ее призвание в качестве нравственной народной субстанции, ответственной за стойкость нацио-нальндо духа.

Деревенщики создали превосходные образцы художественной прозы; в области же идеологии, политики их достижения куда менее бесспорны. Причины? В общеметодологическом плане мы подходим к сложному вопросу взаимоотношений народного сознания с системой всеобщего духовного производства, включающего и "великую письменную традицию" (мировые религии), и такие отрасли, как наука, искусство, образование. Задача, которую решали мировые религии, — объединение многообразных соседствующих этносов в единое духовное пространство общеобязательных, вдохновительных норм, ценностей, идеалов, запретов. Трагический опыт истории свидетельствует, что стихия народного сознания универсалий человеческого общежития не содержит, легко впадает в соблазн этноцен-тризма, вражды к соседям. Это открывает сомнительную перспективу "войны всех против всех". Малая народная традиция склонна интерпретировать известные десять заповедей как применительные исключительно к "своим", единоплеменникам; в отношении "чужих" она соответствующих гарантий не дает. Таким образом, парадокс малой народной традиции (стихийно складывающихся почвеннических ноом) состоит в том, что она не справляется с демонами вражды, насилия, грабежа, вероломства как таковыми, ограничивается запретами на проявление

соответствующей "темной" энергетики среди "своих". Не случайно этнографическое любование малой народной традицией, как и другие проявления интеллигентского "народофильства", сменяется раскаянием, даже отчаянием в крутые эпохи социальных и духовных катаклизмов, когда на фоне крушения прежних великих универсалий, синтезов внезапно поднимает голову агрессивный этноцентризм, безответственное по части дел "большого мира" почвенничество. Под угрозой оказывается национальное единство, подтачиваемое региональным, этническим эгоизмом.

Напрашивается вывод: выход из духовного кризиса невозможен в рамках "языческой парадигмы" — на путях возвращения к безыскусности традиционных этнографических укладов, к "почве". Этот вывод справедлив в отношении современного положения русского народа. Во-первых, потому, что, пожалуй, нет другого такого народа, традиция которого на протяжении едва ли не целого века подверглась бы столь тотальному, целенаправленному разрушению. Во-вторых, потому, что правящий ныне в стране западнический радикализм хотя и уступает большевистским разрушителям в собственно политической области, в сфере культуры и традиции готов идти также далеко, вплоть до выкорчевывания национального наследия. Периодическое заигрывание то с церковью, то с патриотической идеей не должно нас обманывать. Ибо одно дело — ценности, выступающие как таковые, другое — вовлеченные в сферу вездесущей, беззастенчивой утилитарности, пробующей любые идеи в качестве подручных средств.

В свое время, в ходе холодной войны, на Западе была создана мощная военно-политическая и идеологическая инфраструктура, направленная против "тоталитарного монстра". Когда война окончилась, Россия, готовясь к вхождению в "европейский дом", осуществила едва ли не тотальную демобилизацию; наши партнеры не спешат с ответной инициативой. Они взвешивают, что опаснее: дестабилизированная Россия или Россия, сохраняющая способность к возрождению своего статуса "сверхдержавы". По всей видимости, второй вариант пугает больше, чем первый. Однако отмеченная выше уникальность положения России не создает принципиально новой ситуации в обычном соотношении малой народной и великой письменной (цивилизационной) традиции. И в прошлом "народная правда" отступала перед неумолимыми вызовами духа времени, воплощаемого очередной великой письменной традицией. Старообрядчество, в сущности национализирующее православие в качестве "чисто русской" веры, явило миру замечательно яркие характеры, неколебимую нравственность, но не избежало отступления в своего рода "гетто".

С начала великого осевого времени зарождения мировых религий этнографические субстанции не выдерживают натиска великих мировых идей. В этой связи понятие "народ" должно быть заново переосмыслено в рамках особого пространственно-временного континуума. Пространственного — ибо речь идет о суперэтническом синтезе соседствующих этнографических общностей, объединенных единым нормативным текстом — консенсусом по поводу базовых ценностей. Местное, национальное ставится под знак общего — духовных универсалий соответствующей цивилизации. Временного — потому что в рамках этого синтеза сиюминутные, относящиеся к "злобе дня" интересы подчиняются трансцендентно толкуемой перспективе — нетленным, не подверженным "моральному старению" ценностям. Вот почему одним из принципов, отстаиваемых великими мировыми религиями, является принцип независимости духовной власти (церкви) от политической, с ее конъюнктурой. Чем интенсивнее этот мотив неслужения суетливой конъюнктуре, выше независимость творческого духа, тем сильнее его власть над умами и сердца, тем шире, прочнее соответствующее духовное влияние. Когда узы той или иной великой письменной традиции, стягивающие этносы в рамках определенного пространственно-временного континуума, слабеют, берут реванш языческие боги, представляющие почву, племя. Цивилизация и нация распадаются на отдельные локусы, стремящиеся жить каждый по своим законам, замкнутые в изоляционизме, эгоизме.

В эти периоды даже великие письменные традиции (и их религиозные первообразы — христианство, магометанство, буддизм) нередко интерпретируются в духе монополии соответствующего этноса на единственно верное прочтение, толкование. Именно с этим связан феномен религиозного фундаментализма. Однако народ, желающий сохраниться, достойно ответить на вызов времени, не может пойти по пути изоляционизма, музейно-заповедного сбережения этнического багажа. Здесь действует евангельский парадокс: "Кто станет сберегать душу свою, тот погубит ее, а кто погубит ее, тот оживит ее".

В эпоху поздней, разлагающейся античности — греческого, а затем римского декаданса — среди идеологов полиса находилось немало ярких сторонников чисто консервативного решения: отступить в традицию, воскресить великие героические тени. Даже знаменитая утопия Платона — это не что иное, как рецепт далеко идущего историко-культурного отступления — от разлагающегося полиса в древнюю героическую и целомудренную эпоху, где главенствовали Жрецы и Воины. Стратегия консервативного отступления в глубь народной традиции, как правило, базируется на презумпции, что где-то в народной жизни сохраняется нетронутым субстанциональное ядро, не подвластное искусам декадентской эпохи. Соответственно, ставится задача отбросить "шелуху времени", извлечь искомое "ядро", сделать его основой "правильной жизни".

Представляется, что этот методологический "натурализм", с его верой в естественные здоровые основы народного бытия, со времен "осевого времени" оказывается несостоятельным. Осевое время ознаменовалось великим открытием свободы, которая не знает естественных пределов, преград, признавая лишь те ограничения, которые сама себе положила в ходе осознанного выбора. Потому преобразование духа на началах твердой нравственности, о чем мечтают консервативные сторонники стратегии в духе "ретро", возможно не на пути назад — там после эпохи духовных катаклизмов оказывается выжженная земля, — а на пути нового духовного производства — творческих космогоний, в духе которых открываются новые ценности.

Осевое время зарождения и победоносного шествия мировых религий высветило глубинную истину о человеке: он — существо, для которого "естественных" границ, твердынь, канонов не существует. Эпохи великого духовного преобразования действуют по тому же закону, что и эпохи декаданса: по закону духовного производства, пронизывающего ткань социального бытия, не оставляющего в ней нетронутых пластов, потаенных прибежищ. В этом смысле гипотеза нетронутых субстанций народной жизни представляется неоправданной. Цивилизация Греции и Рима разложилась, достигнув стадии массового общества с его импульсами безграничного скепсиса, эгоистической вседозволенности. Реставрационных попыток, предпринимаемых в духе стратегии консервативного отступления вглубь, было немало. В некотором смысле эпоха тиранов в Греции и императоров в Риме может быть понята как ответ на вызов республиканско-демократического декаданса, подточившего твердыни. Но реставрация не есть творчество: она, в сущности, есть не менее искусственный, зымученный продукт нигилистической эпохи, чем тот, против которого она направлена. На этом пути переход от анонимной, безответственной массы к народу не может состояться.

Нигилизм античного декаданса преодолен вместе с появлением христианства. Но христианство осознанно следовало законам духовного производства, в котором выбор совести довлел над зовом крови, почвы, этнических традиций, завещанных норм. В горниле очищающего огня перегорели языческие "натуральные" стихии, пали твердыни, кроме тех новых, что явились результатом личных духовных решений. Народное единство в эпоху после возникновения христианства (и других мировых религий) — единство не крови и почвы, а коллективного духовного прозрения, открывающего новые смыслы человеческого бытия.

Это целиком применимо к отечественной истории. Кристаллизация русского

народа как новой исторической общности произошла не в результате естественной работы межплеменного этнического котла, а в результате нахождения новой, более высокой формы идентичности: в качестве "истинно православного" народа — хранителя великой религиозной традиции. Вплоть до 1917 г. русская идентичность определялась не по крови, а по вере, отражаясь в соответствующей графе паспорта (вероисповедание: православный). Российское самосознание в качестве особого определилось в глобальную кризисную эпоху, когда, после освобождения от татаро-монгольского ига по-новому вставал и решался извечный вопрос об отношениях Востока и Запада и когда восточное христианство (православие) утратило прежнюю опору в лице Византии и требовало новой. Русский народ появился на карте всемирной истории как особый исторический субъект, призванный решить те глобальные задачи, которые в соответствующей части ойкумены решать было некому. Если бы население нашей части Евразии уклонилось от этих задач или вовремя не осознало их, оно не образовало бы особого народа, рассеялось как очередная диаспора — маргиналы пограничного междоцивилизационного пространства.

Необычайный религиозно-эсхатологический темперамент основателей российской государственности, проявившейся, в частности, в теории "третьего Рима", свидетельствует, что в ее основе лежало духовное решение — прозрение.

Нынешний кризис, политический и духовный, протекает в ситуации, поразительно напоминающей время формирования большой русской государственности — Московского царства, или "третьего Рима". Надо отметить два многозначительных парадокса российской государственности. Первый связан с тем, что ее возвышение никогда не было чистым самоутверждением могущества — языческим упоением силой, мощью. Энергетика возвышения больше напоминала христианскую духовную энергетику, была связана с великой тревогой за православие в условиях падения Византии, нового вызова Востока в лице Османской империи. Эта тревога усугублялась отмеченным одиночеством России: с Запада шло давление "латинства", с Востока — мусульманства. В этих условиях на одну силу в ее материальных, эмпирических проявлениях рассчитывать было нельзя. Преимуществам силы требовалось противопоставить духовное преимущество Правды. Идентификация с Правдой, которая в большинстве случаев унижена, но в какой-то особенной, духовно-трансцендентной перспективе неодолима, укреплялся дух российской государственности. Вот почему ссылки на экономические, технологические, образовательные преимущества противника не служили поводом для уныния, не вызывали деморализации. Второй парадокс, также соответствующий христианской "парадигме", касается контраста между слабостью народа и величием задачи, выпадающей на его долю.

Как в библейском ветхозаветном варианте, особую миссию несет не наилучший в обычном смысле народ — нравственный, сплоченный, талантливый, а, напротив, слабый, подверженный искушениям, мятущийся, в себе сомневающийся. Его главная проблема в том, чтобы "себя преодолеть", победить свои слабости. Его высокая жертвенность, духовные подвиги идут от ужасания самим собой, коренятся в энергетике раскаяния, искупления и просветления.

Эти парадоксы тщательно изучены и описаны в великой религиозной традиции. От этой традиции они унаследованы культурой. И здесь и там дискурс о возможностях человеческого духа развивается не в опоре на натуральные показатели, преимущества нации, расы, климата, географии. Праведниками, как известно, не рождаются — ими становятся в подвиге очищения и раскаяния. Но этим же парадоксом отмечена и культура.

Не случаен факт, что счастливые в материальном, эмпирическом смысле эпохи редко оказываются плодоносными в культурном отношении. Чаще всего бывает, что светлое искусство рождается на дне отчаяния — как вызов окружающей тьме;

высочайшая аскеза, самодисциплина — как ответ на распущенность, падение нравов и т.п. Высоким предчувствием, предвосхищением этих парадоксов отмечена греческая трагедия. Завистливый рок подстерегает на самой вершине могущества, процветания, успеха. Иными словами, основные события в культуре развиваются не в линейной перспективе — в виде непрерывного восходящего (или нисходящего) ряда, — а в совсем иной — парадоксально-инверсионной.

Современная политическая история в каких-то своих измерениях следует этому парадоксу. В послевоенную эпоху неожиданным образом возвысились, опережая остальных, те страны, которые были разгромлены, унижены в результате военного поражения: Япония и Германия. Разумеется, речь не идет о том, что поражение и унижение мистическим образом гарантируют грядущий успех. Дело в том, что факторы "земного падения" должны быть сублимированы духом народа, мобилизующего силы для духовного преображения, подъема со дна отчаяния. Тогда получается: в то время, как самодовольные победители почивают на лаврах, побежденные ведут работу, их руками роет крот Истории. Представляется, что нынешняя деморализация "побежденной России" связана с наследием большевистского "исторического материализма", не знающего великих христианских парадоксов Культуры — Истории. Кто спешит вынести "окончательный приговор" России, ссылаясь либо на ее сегодняшнее беспримерное поражение, либо на изъяды, корнящиеся в ее прошлом, рассуждает в языческой линейной перспективе, в которой последние никогда не становятся первыми, нищие духом не достигают блаженства.

От сознания победителей в III мировой (холодной) войне основные тревоги времени ускользают — кто поглощен суетой победных празднеств, не тревожится. Но у России есть дар особой впечатлительности: тревоги мира, отдаленных частей ойкумены, становились ее собственными. Некогда великая социальная тревога мира — за униженных и угнетенных — всколыхнула Россию. Этим воспользовались большевики, разбередившие совесть страны, согласной отказаться от земных благ, если они остаются недоступными для обездоленных.

Сегодня у России есть особый повод тревожиться за будущее. Но поскольку мы говорим о стране, в традиции которой укоренены мессианские предчувствия, важно не упустить вопрос: насколько совпадают тревоги русской совести с главными тревогами времени. Одиночество России в мире носило мистический оттенок: оно сродни одиночеству пророка, первым заметившего зияющую впереди бездну. Этот дар эсхатологического предчувствия породил и духовное величие России и ее великое одиночество. Эсхатологическая тема становится значимой. Тревога нашего времени — в первую очередь экологическая тревога. В современной культуре впервые таинственным образом соединяются мистика эсхатологического откровения с калькулирующей рассудочностью науки, с цифрами в руках доказывающей близость глобальной экологической катастрофы. Первыми забили тревогу наиболее чуткие представители западной общественности в лице "Римского клуба". Казенный коммунистический оптимизм долгое время игнорировал проблему, демагогически адресуя её одному только "капиталистическому лагерю".

Но и экологическая тревога Запада носила ограниченный характер. В рамках науки речь шла о весьма узком круге интеллектуалов, не ангажированных практически, не принимающих участия в процессах принятия решений. Если же взять вненаучную сферу общественного сознания, соответствующие импульсы исходили от "контркультуры": хиппи, зеленых, дзен-буддистов и т.п. Эти движения не столько продолжали западную культурную традицию, сколько противопоставляли ей восточную. Они проповедовали аскезу — неучастие в погоне за успехом, отрешение от его атрибутов, — ничего общего не имеющую с классической протестантской аскезой. Последняя вполне вписывалась в европейскую прометееву традицию покорения мира, отношения к природе как средству. Протестантская самодисциплина — не отказ от

морали успеха, а наиболее верный путь к нему. Концепция "отложенного счастья" — не преодоление западного потребительского гедонизма как такового, а способ мобилизации соответствующей энергии, предохранения ее от рассеивания ради сиюминутных соблазнов.

Можно сказать, что в собственной культурной и цивилизационной традиции Запада для экологической аскезы — отказа от безудержного потребительского гедонизма ради сохранения среды — нет настоящих опор. Их приходится заимствовать у восточной мудрости. Не случайно "протестантский ренессанс", связанный с неконсервативной волной, знаменовался идейным наступлением против "контркультуры", в частности, диссидентствующего экологизма. Неоконсерваторы, защищая цивилизационную идентичность Запада перед лицом восточных вызовов, попыталась "маргинализировать" культуру "зеленых", загнав ее в политическое и интеллектуальное гетто.

Не менее многозначительна и тенденция, возникшая сейчас, после крушения СССР и краха возглавляемого им "второго мира". Ослабление России, некогда выступавшей оплотом, надеждой колониального "третьего мира", создает предпосылки для реколо-низации. Россию хотят загнать в третий мир, превратив ее в источник дешевого сырья, энергоресурсов. Не случайно последовательно осуществляется (под присмотром влиятельных международных организаций, Международного валютного фонда) демонтаж перерабатывающей промышленности на всей территории бывшего СССР. Создается колониальная монокультура, ликвидируются отрасли, препятствующие "основному назначению" — сырьевого придатка Запада. В этих условиях у Запада возникает еще одно основание для борьбы с экологизмом. Появился соблазн продлить существование потребительского общества Запада на несколько десятков лет за счет эксплуатации дешевых ресурсов незащищенной России.

Процветающие общества стоят перед дилеммой: ускорить перестройку экономики, массового сознания в духе назревшей экологической реформации или вытеснить экологический алармизм (который находится на подозрении в качестве чужого в цивилизаци-онном отношении течения) на периферию, в центр поставить силы, расширяющие экологическую империю Запада за счет присоединения новых доноров. Россия, в нынешней своей незащищенности от всемирного хищничества превращаемая в поставщика ресурсов и свалку отходов безответственной "технологической цивилизации", задерживает назревший, жизненно необходимый человечеству процесс тотальной духовной перестройки алчных потребительских обществ.

Уместно подчеркнуть сомнительность теории модернизации. Модернизация задумывалась как процесс имитации или заимствования незападными обществами западной модели высокопродуктивной рыночной экономики. Однако парадокс процесса модернизации состоит в том, что в результате процесса модернизации происходит не столько пересадка продуктивных типов поведения, коренящихся в протестантской аскезе, сколько внедрение в незападные культуры продуктов декаданса: потребительской психологии, не готовой работать как на Западе, но стремящейся по-западному потреблять. И к нам мораль успеха явилась в своей декадентско-нигилистической версии успеха любой ценой, помимо труда, усердия. Возникла формация "новых русских", давших контрпродуктивную интерпретацию рыночной экономики как экономики перепродаж, спекуляций. В рамках такой ориентации хищническая эксплуатация ресурсов собственной страны для поставок за рубеж является наиболее эффективным путем к успеху. Критика энергоемкого, малоэффективного социалистического производства незаметно превратилась в критику производства, как такового, критику труда как бессмысленного занятия в эпоху господства мафиозно-компрадорского перераспределительства. Традиционная трудовая аскеза отвергается вместе с экологической аскезой в пользу раскованного

потребительского гедонизма (какого еще не знал мир). Разумеется, Запад в лице аналитиков, экспертов не может игнорировать масштабы экологического вызова. Если бы средний уровень потребления в мире достиг американского стандарта, планета взорвалась бы от экологической перегрузки. В этих условиях возникла концепция "золотого миллиарда". Человечество делится на постиндустриальное меньшинство ("золотой миллиард"), которое успевает войти в процветающее информационное общество до того, как экологический капкан захлопнется, и доиндустриальное, или преиндустриальное, большинство, для которого перспектива оказывается закрытой. Так на наших глазах происходит крупнейшая социокультурная катастрофа, связанная с утратой единой общечеловеческой перспективы. Новый "постиндустриальный расизм" конвертируется в определенную геополитическую стратегию. По некоторым признакам, Запад усиленно готовится к возможному бунту ревнующей "варварской периферии" мира, которую лишили надежды, связанной с догоняющим развитием. Не случайно военно-политическая инфраструктура, созданная Западом во время холодной войны, не только не демонтируется, но продолжает расширяться. Экологическая статистика опрокинула идеологию прогресса, доказав с цифрами в руках, что догонять нельзя — это ведет не к процветанию, а гибели человечества.

Только теперь мы можем оценить глубину духовного отчаяния нашего времени: сильные и преуспевающие лишили слабых и отстающих последнего утешения нашей секуляризованной культуры — утешения Прогрессом. Угроза вселенской экологической катастрофы не объединяет, а разделяет человечество: одним запрещено то, что разрешено другим, — материальное процветание. В этих условиях разговоры о всемирной цивилизации, возглавляемой и направляемой Западом в обетованное будущее, представляются демагогией.

Пророчества Хантингтона по поводу грядущего столкновения цивилизаций следует прочесть в двояком ключе — экзо- и эзотерическом. Экзотерически речь идет о банальности "вековых истин", к которым якобы возвращается современное человечество, сбросившее дурман политических идеологий: всегда враждовали германство и славянство, христиане и мусульмане. Но эзотерически, для посвященных, текст Хантингтона выглядит иначе: он говорит не о банальном и вечном, а о новом и беспрецедентном: окончательном одиночестве счастливых передовиков прогресса, которым предстоит поедать свои яства под ревнивыми взглядами навсегда отлученных и потому готовых взорваться отчаянием. Речь идет, таким образом, не столько о конфликте цивилизаций, сколько о конфликте "золотого миллиарда" с остальным человечеством. Современное обострение геополитических кризисов в разных регионах планеты несомненно имеет общую составляющую, относящуюся к этому конфликту. Главная проблема человечества сегодня, как и в прошлом, лежит в духовной плоскости и связана с тем, на каком пути возможно восстановление общечеловеческой перспективы — преодоление раскола по линии: приобщенные — отлученные. Без восстановления такой перспективы человечество не выживет. При этом столь же несомненно, что обретение новой вселенской перспективы невозможно на пути модернизации — универсализации ценностей западного потребительского гедонизма. Такой путь уравнивал бы человечество в перспективе экологической гибели.

Требуется ни много ни мало: новая духовно-нравственная реформация, затрагивающая основы жизнестроения. Наука, сближающаяся с традиционной религиозной эсхатологией тем, что не менее усердно пророчесствует о возможной гибели мира, претендует на то, чтобы заменить Реформацию Просвещением. Выступающие от имени науки с экологическими предостережениями интеллектуалы полагают, что чем обильнее цифры и факты, тем легче переубедить человечество, внушить ему недостающую экологическую мудрость и ответственность. Здесь мы сталкиваемся с игнорированием отличий науки от теологии. Наука — есть знание в сфере

средств — конвертируемое в технологии, предназначенные для изменения внешнего мира. В данном же случае речь должна идти об особом виде духовного знания, обращенного внутрь, затрагивающего систему ценностей, мотиваций. Ценностные системы гораздо менее поддаются педагогике Просвещения, тем более на массовом уровне. Такая цель, как нахождение новой экологической аскезы, не достигается просветительскими усилиями — она предполагает глубокое духовное потрясение и соответствующее прозрение, относящееся к смыслу жизни.

Можно возразить, что в современном секуляризованном мире духовные космогонии, порождающие религиозно-нравственные системы, способы самоопределения, давно прекратились, потому науке предстоит взять в свои руки ценностную сферу также. Нам все же представляется, что человек остается "идеальным животным", взыскующим не только земных благ, но и высших смыслов бытия; утолить его духовную жажду научное знание не в состоянии. Более того, быть может, никогда еще потребность в смысле не была так велика, как сейчас.

Говоря о России, подчеркнем, что политологии как разновидности гуманитарного знания, описывающего политические проблемы в духовном измерении, следует именно здесь искать ответы на запросы, чаяния потрясенного национального сознания. Дискурс о России в чем-то существенном совпадает с планетарным дискурсом, касающимся великой тревоги нашего времени. Возрождение России невозможно помимо самоотнесения национальной заботы и стратегии спасения со вселенскими стратегиями выживания. Напрашивается вопрос, сохранило ли наше народное сознание, после идеологических чисток, традиционную чуткость к таинственной, религиозно-эсхатологической мистике Спасения. (Стратегия спасения формируется по модели завистливого потребительского сознания: первыми, в обход прежних "братьев" войти в "европейский дом", первыми получить кредиты, первыми обрести доступ к технологическим новинкам и т.п.). На деле назрела потребность в сознании, не способном удовольствоваться какими бы то ни было сепаратными решениями, не находящем успокоения до тех пор, пока общечеловеческая перспектива спасения не будет вновь обретена. Сознание, торопливо ищущее успокоительных средств, чурающееся общения с обездоленными изгоями мира, заискивающее перед победителями, не адекватно масштабам и содержанию современного планетарного вызова.

Надо сказать, что последний тип сознания представляет ревизию не только христианской, но и русской духовной традиции. Тайна традиционной русской идеи состоит в близости российского государственного сознания с эсхатологическим сознанием. Парадокс российского спасения — в том числе в его политико-государственных проявлениях — состоит в том, что спасение обретается не посредством поспешного удаления от зоны риска, края, за которым разверзается бездна, а, напротив, посредством смелого шага навстречу вызову, стоящему перед человечеством.

Что Россия в эпицентре всемирного кризиса, — по-настоящему обескураживает только носителей декадентского "разумного эгоизма", более всего опасующихся, как бы именно им не досталась самая тяжелая ноша. Сознанию, сохранившему религиозно-эсхатологическую идентичность, нахождение в эпицентре вселенской беды представляется знаком избранничества: любимцев своих избирает Бог для тяжких испытаний. Основатели российской государственности, как и их достойные продолжатели во все времена шли трудным путем, на котором Россия обретала величие. Духовная основа русской государственности сродни религиозно-эсхатологическому канону: поиски легких путей неизменно разрушали нашу государственность, тогда как трудный путь оказывался путем возвышения. Россия, ищущая расположения победителей, господ мира сего, кончала национальным унижением. Россия, объединяющаяся с изгоями, униженными и оскорбленными, слабыми, достигала политического самоутверждения и духовного просветления. Россия, ищущая скорых путей сепаратного вхождения в "европейский дом" — за спиной собратьев, соучастников

великого евразийского строительства, пришла к национальному унижению.

Сила России — в религиозно-эсхатологическом воодушевлении (коммунизм был превращенной формой такого воодушевления — оттого и достиг впечатляющих геополитических успехов). Эсхатологическая ситуация сегодня налицо: перспектива планетной гибели вычисляема, тестируема в повседневном опыте непрерывно ухудшающегося качества среды. Не прятаться от этой перспективы посредством ложно-оптимистических заклинаний то коммунистического, то либерального толка, а прямо обратиться к ее тематизации, превратив в отправную точку дискурса о России. Россию не зачислили в клуб "передовых держав", в золотой миллиард счастливых соискателей, наследников прогресса? Значит, пора понять, что ее место — среди обездоленных изгоев. Но не в том нигилистическо-самоуничижительном, мазохистском смысле, который навязывает злорадствующая западническая диаспора, а в смысле парадокса христианского сознания, знающего, что Правда — беглянка из стана победителей. Сегодня в России идентификации с Западом или с Востоком, с Севером или Югом относятся не столько к цивилизационному водоразделу культур, частей света, сколько к духовному самоопределению: с победителями или побежденными, с господами мира сего или с "нищими духом". И в этом радикальном смысле Россия — с последними. Соблазнам потребительских идеологий — стать во главе соискателей Прогресса (светлого коммунистического или либерального будущего) необходимо противопоставить готовность к духовной реформации — подвигу вселенского покаяния прометея человека, вздумавшего поставить себя на место Бога и возмнившего, что ему все позволено.

Возрожденная великая российская государственность выйдет из опыта новой духовной реформации или не состоится вообще. Настоящая интуиция политического мышления состоит в способности различать, в каких точках государственное строительство совпадает с реформационным духовным движением, а в каких отмечено спецификой, игнорирование которой ведет к теократическим извращениям. Не случайно система обрушившейся на нас западнической пропаганды с поразительной последовательностью работает в одном направлении: на полное искоренение религиозно-эсхатологического архетипа нашей культуры и тем самым — на закрытие перспективы духовной реформации России.

Западная цивилизация в своем влиянии на мир работает как редукционистская система в двояком смысле:

- посредством модернизации-вестернизации снижает социо-культурное разнообразие мира;

- посредством секуляризации, принявшей форму всемирного "потребительского общества", оспаривает духовные, ценностные иерархии, защищаемые великими религиями.

Таким образом, замысел Запада в отношении мира — стабилизация путем сужения альтернативных вариантов развития и уменьшения способности народов творить историю, создавать новые цивилизационные модели. Западники обвиняют "самобытников" в провинциализме. Парадокс в том, что именно западникам не хватает вселенского кругозора: они не знают других цивилизаций, кроме западной, оперируя ложной дилеммой: Запад — варварство. Спор "западников" — "самобытников" о России сводится к главному вопросу: является ли Россия обычной страной, удел которой — пассивное примыкание к западному цивилизационному ареалу, или особой цивилизацией, имеющей собственное историческое призвание.

По Тойнби, цивилизации скрепляются великими мировыми религиями. Напрашивается вывод: процессы секуляризации, прагматического приземления сознания в духе вездесущего утилитаризма, потребительства удаляют Россию от призвания быть особой цивилизацией, обогащающей человечество моделями жизнестроения. Западничество пуще всего опасается самобытного духовного творчества — назревшей

духовной реформации именно потому, что такая реформация ознаменуется новой критикой (и самокритикой) Запада, воодушевит цивилизационное творчество в других регионах планеты. Дилемма "секуляризация — духовная реформация" совпадает, таким образом, с другой дилеммой: тотальная вестернизация мира — утверждение его цивилизационного многообразия. Западничество во что бы то ни стало желает превращения России в "обыкновенную страну", связывая с этим укрощение ее опасных стихий, "банализацию" ее истории. Банальность западничества — банальность потребительской психологии, опасаящейся всего, связанного со сложностью, с риском творчества. Западникам кажется, что они воюют с имперским наследием, опасными миропотрясающими амбициями; на деле они воюют с цивилизационным наследием, лишая Россию такого мощного духовного источника, как православно-византийская традиция.

Логика нашего рассуждения состоит в следующем. Исходный тезис: угроза экологической катастрофы человечества связана с ненасытной алчностью потребительского сознания, требующего от природы все новых жертв. Алчность скрывает пустоту массового секуляризованного сознания, наркотизирующегося новыми потребительскими инъекциями. Трагедия секуляризованного мира в том, что в нем цели и средства поменялись местами: вещи из средств превратились в цели, духовный потенциал — в средство производить вещи (это и называется профессионализацией и инструментализацией культуры). Перед лицом последнего вызова человечеству необходимо осуществить два подвига: вернуться к нормальной иерархии ценностей — адекватному соотношению целей и средств; осуществить новую аскезу — укрощение потребительской алчности. То и другое возможно на пути новой духовной Реформации.

Где следует ожидать возникновения центра реформационного движения? Для предотвращения легких ответов подчеркнем: Реформация не совпадает с Просвещением. Просвещение ориентировано вовне, на более масштабное освоение человеком мира. Реформация есть преобразование внутреннего духовного мира — процесс, связанный с обретением просветления. Особенность Реформации в том, что ее центром, как правило, становится не наиболее развитая, в светско-просвещенческом смысле, не наиболее богатая, благополучная страна, а страна, ставшая центром мирового кризиса, находящаяся на распутье. Не случайно в свое время источником протестантской реформации стала Германия — страна не "совсем западная" по культурной традиции и отставшая от атлантической Европы по критериям Просвещения и экономической развитости. Она чувствовала себя буквально колонизируемой папским духовенством. Цинизм ватиканской церкви, торгующей индульгенциями, заключавшей альянс со всеми, попирающими национальную традицию и моральные нормы, но способными заплатить за "прегрешения", превзошел все пределы. Традиции катакомбной церкви, осеняющей и укрепляющей "нищих духом", казались окончательно вытесненными духом казенного лицемерия, не стесняющимся называть белое черным и наоборот. С католической доктриной в Германии XVI в. произошло примерно то же, что с либеральной доктриной в современной России. От нее ожидали, что она укрепит слабых, обиженных, страдающих от тоталитарных притеснений. Но она фактически заключила союз с сильными против слабых, предоставив первым возможность не стесняться. Коррумпированная католическая церковь заявила, подобно нашим либералам, что у обиженных и нищих нет алиби: они достойны своей участи.

Вероятность того, что новая Реформация начнется в России повышается ввиду того, что здесь переплелись воедино экономический, государственно-политический, экологический и духовный кризисы современности в их предельном выражении.

Экономический кризис выступает как результат помноженного эффекта социалистической антиэкономики с разбоем номенклатурно-мафиозной приватизации и массированным выкачиванием капитала.

Государственно-политический — как результат помноженного эффекта

намеренного разрушения государственного порядка изнутри — силами тех, кому выгоден всеобщий "беспредел", и поражения извне, со стороны Запада.

Экологический — как результат внутреннего колониализма социалистической индустриализации, отдавшей природу страны молоху "тяжелой промышленности", и современного внешнего колониализма, превращающего Россию в резервуар дешевого сырья и мировую свалку отходов.

Духовный кризис — как результат переплетения всеразрушающей коммунистической технологии выращивания "нового человека" — культурно беспамятного манкурта — с новейшим наплывом низкопробнейшей "масскультуры", вытесняющей национальную.

Дискурс о кризисе возможен в контексте двух разных логик. Для просвещенческой детерминистской логики, утверждающей неумолимую предопределенность будущего предшествующими состояниями, всеохватывающий национальный кризис, ухудшающий стартовые условия, фактически закрывает перспективу. Однако великая культурно-религиозная традиция свидетельствует о присутствии в человеческом мире и другой логики: возможности "веселия на дне отчаяния", становящегося поводом для небывалой духовной мобилизации. Это и есть путь духовной Реформации.

Напрашивается вопрос по поводу еще одного, может быть, более обескураживающего обстоятельства, нежели проблема материальных стартовых условий. Имеется в виду качество "человеческого фактора" — состояние народа после десятилетий жесточайших погромов и чисток. Мы сталкиваемся с очередной особенностью российской государственности, которая берет на себя смелость великих задач, осознавая "сирость народа", руками которого они будут осуществляться.

Если иметь в виду, в частности, центральную задачу назревшей духовной реформации вселенского масштаба — подготовку неизбежной экологической аскезы, то "сирость" отечественного экологического сознания особенно бьет в глаза. Коммунистическое ко-чевничество во Времени — марш к светлому будущему, минуя повседневность, — привело к неслыханному запустению Пространства. Западные народы, живущие в континууме "здесь и теперь", обходили свое пространство, так как полагали, что жизнь, которую они ведут сегодня, — и есть настоящая жизнь, а следовательно, достойна пристрастия. "Кочевники коммунизма" никогда не считали эту жизнь настоящей, стоящей повседневных усилий. Они жили для будущего, опустошая настоящее, превращаемое в средство. Применение завещанных веками норм нравственности — вплоть до заповеди "не убий", запрещалось в настоящем, которое тем самым демонизировалось, подменялось ареной истребительной борьбы. Действие моральных, культурных, экологических норм откладывалось на потом, когда завершится процесс греховной предыстории и начнется безгрешная коммунистическая история. Это алиби, выдаваемое от имени будущего всем видам погрома в отношении природы и культуры, не могло не ослабить миротворческую и нормотворческую способность народа, его устойчивость перед соблазнами нигилизма. Положение усугубляется тем, что после краха тоталитарного режима осталось не у дел множество представителей авторитарного типа личности (в свое время описанной Т.Адорно). Они потому меняют коммунизм на национализм, что авторитарный потенциал националистической идеологии, нетерпимой к "национально-чуждым" элементам, в принципе не меньше соответствующего потенциала идеологии, неустанно преследующей "классово чуждых". Легко представить, что авторитарные личности, которым могут показаться тесными национальные рамки, возьмут на вооружение экологическую идею, интерпретируют ее в духе всеобщей государственной экологической цензуры, вездесущего бюрократического "экологического планирования", стеснительства, запретительства. Так мог бы родиться экологический тоталитаризм, прообраз которого — режим Пол Пота в Камбодже. Этот "экофил" вооружился экологической утопией традиционных мягких технологий для оправдания массового геноцида — по возможностям этих технологий Камбоджа оказалась "перенаселенной".

Подстерегающее современного человека тоталитарное искушение заставляет и идею грядущей экологической аскезы подвергнуть тестированию на предмет возможного заражения тоталитарным вирусом. Процедура распознавания опирается на старую дилемму: то, что не подвержено внутренней мере, не очищено в горниле духовного преображения, обуздывается внешними принуждениями, запретами. С этой позиции ясно, что грядущая Реформация — единственная альтернатива экологического тоталитаризма и экологического геноцида. Если человечеству не удастся своевременными духовными усилиями подготовить себя к внутренней аскезе, экологическое воздержание будет навязываться извне — деспотией какого-нибудь "всемирного правительства", у которого многонаселенные, недостаточно развитые страны будут находиться на подозрении... Судя по некоторым признакам, именно этим странам первым предстоит отражать угрозы экологического колониализма (принудительный импорт токсичных технологий, отходов, хищническая эксплуатация месторождений сырья) и экологической мизантропии, чреватой новыми формами геноцида. Хотя свидетельства неэквивалентного экологического обмена неоспоримы (развитые страны давно задохнулись бы, если бы пользовались запасами кислорода, естественно воспроизводимыми на их территории), соответствующие рекомендации по принудительному экологическому воздержанию, включая ограничения численности населения, адресованы только третьему миру и России. Новейший опыт показал, что либеральная идеология чревата не менее жесткими социальными технологиями, другими крайностями "внутреннего колониализма", чем леворадикальная. В свое время на подозрении у коммунистов находилась такая "архаичная" социально-экономическая формация, как крестьянство. Против него был направлен геноцид коллективизации, а затем голода 1933 г. Теперь у наших "либералов" на подозрении население "промышленного гетто" — продукт социалистической индустриализации. Уже этому большинству населения адресовано негодование передовой идеологии...

Необычайно важно предотвратить превращение экологической проблемы в отправной пункт очередной передовой идеологии. Социальная идея, опирающаяся на великую традицию христианской сострадательности, на рубеже XIX—XX вв. была извращена в духе принудительной уравнительности, выбраковки "неравных" — выдающихся. На рубеже XX—XXI вв. мы можем столкнуться с опасностью извращения экологической идеи, опирающейся на великие цивилизационные традиции Востока, в духе экологического надсмотрщества просвещенного мондиализма над темными массами "третьего", "четвертого", а также бывшего "второго" миров. Экологическая аскеза, вытекающая из новой Реформации, должна, во-первых, превратить экологические самоограничения из селективных, адресованных "изгоям прогресса", во всеобщие, общечеловеческие, а во-вторых, из внешне навязанных, полицейских, во внутренне обусловленные чаяния нового образа жизни — в гармонии с Космосом.

Духовной экологической реформации непременно должна сопутствовать соответствующая техно-экономическая реконструкция — в духе мягких технологий и природосберегающих стратегий. Но условием такой реконструкции является именно всеобщий и внутренне обусловленный характер экологической аскезы. В противном случае высокоразвитые страны будут надеяться на ресурсы так или иначе от них зависящих менее развитых стран, последние, в свою очередь, оправдывать свой экологический нигилизм ссылками на необходимость наверстывания промышленно-экономического отставания.

Ужас России связан: а) с ее одиночеством, зажатостью между двумя динамичными цивилизационными центрами — атлантическим и тихоокеанским, грозящими таким сжатием ее геополитического пространства, за которым может последовать удушье; б) с угрозой внутреннего раскола по линии водораздела тюркско-мусульманского и славяно-православного ареалов, что означает трещину, проходящую по самому сердцу страны, по Волге; в) с возможностью окончательной утраты национального духовного наследия, неустанно разрушаемого большевиками, сегодня преследуемого всесокрушающей

индустрией массовой культуры; г) с угрозой превращения национальной территории в мертвую зону — свалку отходов уже не только отечественной индустрии, но и мировой.

Легко любить родную землю, свежую и чистую, как невеста. Именно эта любовь зафиксирована в пасторальных мотивах классического литературного и художественного пейзажа. Патриотизм, питаемый такой любовью, светел, лишен надрыва. Но каково любить поруганную, оскверненную землю, переставшую откликаться на потребности в Добре, Красоте, отдохновении. А ведь другой нет и не будет. Здесь, на грани отчаяния, поиски духа, устремленного в пространственную горизонталь, ищущего заповедные, неоскверненные в экологическом и социокультурном отношении места Отчизны, сменяют вектор и обращаются вверх или вовнутрь (в религиозной логике эти направления тождественны), для обретения духовной Родины. Что такое Россия как духовная Родина, в чем ее удаленность, а в чем — тождественность поруганной земле отцов, истории, традиции?

С самого начала ясно, что геополитическая и цивилизационная идея суперэтнического единства (интеграции) и экологическая идея лишены у нас того привкуса "контркультурной" экзотики, интеллигентского стилизаторства (в духе "ретро"), которым они отдают на Западе. России эти идеи предстоит освоить всерьез — без этого не выжить.

Почему пал Рим? "Если общее свойство старого и нового Рима состоит в том, что оба они пали, то всего важнее знать, отчего они пали и, следовательно, чего должно избегать третьему, новейшему Риму, чтобы не подвергнуться той же участи..."²⁰⁰. Ответ на вопросы В.Соловьев формулирует не в модном тогда духе социально-экономического детерминизма, а в русле христианской парадигмы. В частности, отмечает он, второй Рим, Византия, пал в силу лицемерия духовной (религиозной) власти, предавшей назначение верховного независимого нравственного судьи в угоду амбициям светской власти, своекорыстия верхов. Нам это объяснение представляется отнюдь не менее убедительным, чем доводы эконо-номикоцентризма, ссылающегося на конфликт между производительными силами и производственными отношениями.

Обратимся к нашим дням. Почему народ с мстительным злорадством наблюдал падение КПСС (а вместе с нею — и СССР)? Только ли потребительская неудовлетворенность не давала ему покоя? И накануне падения Византии, и в 1917, и в 1991 г. речь шла об одном и том же: народ потому поверил вольнодумным критикам господствующих идеологий, пошел за ними, что идеологии обанкротились духовно, превратившись из воплощения веры в олицетворение правящего лицемерия. Не дух просвещения подрывает господствующую церковь — расцвет культуры падает на те времена, когда Церковь и Просвещение сотрудничают, — а идущее сверху лицемерие. В политической истории правящих классов наступает момент, когда они начинают тяготиться аскезой идеологии, стремятся адресовать запреты низам, сами практикуя вседозволенность. Если господствующая идеология (церковь) потакает такому "двойному стандарту", заговорщически подмигивая правящим сибаритам, рано или поздно тайна раскрывается, низы отворачиваются от нее.

Дворянство отвернулось от православия, постепенно превращаемого в "веру для туземного населения". Такая вера, фактически отрываема от большой письменной традиции, лишаемая притока свежих идей, незаметно деградирует, оказывается незащищенной перед напором модных просветительских веяний. Когда к этому добавляется подозрение в лицемерии, потакании беспределу власть предержащих, церковь низлагается. Нечто аналогичное произошло с коммунистической "церковью" в бывшем СССР. Правящий слой как более информированный, имеющий возможность сравнивать, постепенно разуверился в коммунистической утопии. Но главное — он стал тяготиться коммунистической "аскезой", мешающей узаконить свой образ жизни, реальные экономические возможности. Низами вначале подвергалась сомнению не коммунистическая

²⁰⁰ Соловьев В.С. Соч.: В 2 т. М., 1989. Т. 2. С. 563. 266

идея как таковая, выступающая для них как превращенная форма христианской сострадательности и социальной справедливости, а лицемерный характер коммунистической церкви. Прежде, чем интеллигенция усомнилась в идеологии по просвещенческим соображениям, народ усомнился в ней по критериям нравственной аутентичности.

Первая причина падения "Римов" — подчинение духовной власти власти предержащим, профанация священного текста в угоду правящему своекорыстию. В результате "текст" утрачивает мобилизующий, интегрирующий характер, единое духовное пространство распадается, вслед за этим начинает распадаться и единое политическое пространство, которое отныне приходится удерживать голой силой.

Вторая причина падения связана с нарушением принципа единой исторической судьбы населяющих "римскую империю" народов. Рим велик до тех пор, пока владеет механизмами натурализации этносов в единое пространство-время. Гражданин Рима обладает двойной идентичностью — этнической и "имперской" (цивилизационной); одна носит приватный характер, относящийся к обиходу, культурному ритуалу, вторая — гражданский, охватывающий общественные роли личности. Этническое измерение относится к архаичным пластам сознания, пребывающим в таинственном резерве. Маргинализация этнической идентичности сохраняется до тех пор, пока действует принцип единой межэтнической судьбы, объединяющей граждан обнадеживающей исторической перспективой. Каждый должен быть убежден, что живет в "лучшей части мира", при этом живет по законам суперэтнической общности, не знающей избранных народов.

Римская идея иссякает, Рим клонится к падению в двух случаях: когда рядом появляется "второй Рим", представляющий более соблазнительный пример, и когда нарушается принцип единой суперэтнической судьбы в пользу того или иного привилегированного этноса. В случае с бывшим СССР эти два фактора сыграли последовательно. Сначала восточная сверхдержава проиграла западной соревнование за будущее — увлекательную историческую перспективу, а затем начались игры сепаратизма (открытые по инициативе самой постлевгустовской России), попытки "эмиграции" этносов из единого евразийского пространства, нарушение принципа единой судьбы. Применительно к СССР можно говорить о нарушении трех типов консенсуса, поддерживающих общественную стабильность.

— Совместное следование духовной аскезе как верхами, так и низами общества. Нравственно-религиозный завет должен отличаться такой силой, чтобы его не могли поколебать ни скепсис Просвещения, ни прельщения других кодексов веры. Нарушение духовного консенсуса верхами означает, что эрудиция Просвещения деградировала в духе утилитаризма и гедонизма. Между истиной и Добром вырывается пропасть, потому что наука становится "веселой наукой", односторонне ориентированной на снятие ограничений ("Если Бога нет, все дозволено"). Когда повзрослевшая "постклассическая наука" снова открывает ограничения, становится поздно: просвещенные гедонисты, успевшие отпраздновать смерть Бога в культуре, не хотят внимать никаким резонам. Массовое потребительское сознание склонно внимать науке с одной разрешительно-попустительской стороны. Здесь наука быстро завоевывает популярность. Как только она переходит к запретам (в частности, экологическим), обнаруживается ее неспособность эффективно влиять на ценности, поворачивать вспять тенденцию (нигилистической вседозволенности). Встает вопрос о новой Реформации.

— Духовные основания служилого государства. Дестабилизирующий характер вестернизации проявляется в том, что она, как правило, носит односторонний характер. Послабляющим, эмансипаторским эффектом она обращена к верхам общества; а ее издержки, зачастую безмерные, несут низы, загоняемые в гетто "азиатчины". Как отметил Д.П.Кончаловский: "Самым важным... является то, что одновременно с европеизацией высших классов, аристократии и дворянства... одновременно с их постепенным раскрепощением от государственного тягла, крестьянство, т.е. основная

масса русского народа, в период от Петра Великого до Екатерины II постепенно все более закабалялась властью помещиков и тем самым решительно отбрасывалась к полюсу жизни, диаметрально противоположному Европе"²⁰¹.

Большевизм, срывший вестернизированный слой в России и по многим показателям отбросивший ее далеко назад, по-своему восстановил консенсус служилого государства. Сталинизм не только вернул крепостничество в деревню — он возвратил систему тотальной государственной рекрутчины, подчинив ей и правящую номенклатуру, над которой повис дамоклов меч деспота-вседержителя. При Брежневе этот консенсус был нарушен: номенклатура начала явочным порядком утверждать "неслужилый" статус, фактически ведя "западный образ жизни". Нынешняя номенклатурная приватизация стала завершением и конституционно-правовым оформлением этого латентного процесса. Чтобы сделать его необратимым, преодолеть небезопасную цикличность российской политической истории, номенклатура решается на крайние шаги: разрушение российской государственности, с одной стороны, основ народной аскетической культуры — с другой. Между тем, долговременный исторический опыт показывает, что наше пространство обладает особой геополитической жесткостью: чтобы выжить в нем, нужна государственность, существенно отличающаяся от того "государства минимума", которое стало эталоном западного либерализма. В нашем пространстве требуется существенно иной баланс общественно необходимого времени: доля ратно-служилого и административно-политического времени здесь всегда будет значительно выше, чем в стабильном западном пространстве, доля производительного (экономического) времени — соответственно ниже. Внимая сарказмам наших западников в адрес "восточной антиэкономики", следует четко различать то, что в самом деле достойно осуждения в качестве отжившей архаики, от того, что принадлежит к неперерешаемым особенностям нашего общественного бытия. Безотносительно к тому, готова ли к этому наша властвующая элита и обслуживающий ее словоохотливый либерализм, консенсус служилого государства предстоит восстанавливать в какой-то новой форме.

Сегодня, когда кризис государства и деформация геополитического пространства достигли своего предела, потребуется, вероятно, новое повышение роли служилого времени в бюджете национального времени и сопутствующая этому рокировка доминирующих общественных типов. В этом, может быть, самый разительный из парадоксов нашей реформационной эпохи. Реформаторы замыслили искоренить героику "антиэкономики", заменив ее позитивным хозяйственным творчеством индивидуалистического типа. Но разрушение государственности объективно требует нового резкого увеличения доли служилой "антиэкономики", без чего нации не удастся восстановить жизненное пространство.

В свете этих задач многие симптомы времени приходится интерпретировать по-новому. Когда смотришь на предельно агрессивный тип самоутверждения "крутых парней" из нового поколения, их милитаристскую психологию, их неожиданную "стайность", может показаться, что мы имеем дело со своего рода антитоталитарным комплексом — реакций на длительную вынужденную приниженность личности, готовящейся теперь к новому, неподопечному существованию в рамках гражданского общества. Многие, однако, заставляют усомниться в том, что мы имеем дело с подготовкой к самостоятельному существованию. Психология "крутых" героев настолько далека от того, что требуется в настоящей продуктивной экономике, настолько близка к архетипам кочевнической "удали" набега и захвата, что трудно представить те меры, посредством которых общество могло бы вернуть их к добродетелям трудового образа жизни. А если исходить из гипотезы, что нашему обществу в ближайшем будущем понадобятся люди служилой аскезы, в том числе и в ее массовых воинских формах, черты нынешнего крутого поколения станут выглядеть в высшей степени

²⁰¹ Кончаловский Д.П. Пути России Париж, 1969

симптоматичными, соответствующими замыслам и хитростям "исторического разума". Рисканное, но в то же время правдоподобное предположение состоит в том, что обычные институты гражданского общества, от семьи до предприятия, вообще не в состоянии по-настоящему социализировать новое поколение, укротить его отпущенные на волю стихии. Это будет под силу государству, которое сумеет сублимировать предельно высокие стихийные энергии, придав им форму напряженнейшего политико-административного и геополитического творчества. Развал евразийского пространства добавил к глобальным проблемам человечества проблему крушения международной политической стабильности. Безотносительно к тому, успело ли человечество (его западная часть) это осознать, ко всеобщим условиям выживаемости добавилось новое: восстановление государства, способного контролировать евразийское пространство, организовать его в форму жизнеспособной структуры. В этом пункте усматривается совпадение национальной задачи, вставшей перед Россией, с современными общечеловеческими задачами.

— Межнациональное согласие, основанное на принципе нераздельной коллективной судьбы, объединяющей большинство народов постсоветского пространства. Этот принцип был нарушен в ходе пресловутого "парада суверенитетов", социально-политическим основанием которого явилось властолюбие местных элит, а социокультурным — западнический гедонистический комплекс, подрывающий нравственно-религиозные основы мироздания. Западнический соблазн выразился в попытках сепаратным образом, в обход других, "эмигрировать" в "европейский дом". Россию прельщали предпочтениями, обещаемыми ей как главному кандидату в "европейский дом", при условии, что она сбросит "гириазиатчины", откажется от обременительного в экономическом, политическом, военном отношении "имперского наследия". В свою очередь другим республикам бывшего СССР давали понять, что они — наиболее предпочтительные кандидаты в "европейский дом", при условии полного разрыва с Россией. Так притяжения и отталкивания современного мира интерпретируются с позиций исторически безответственного и завистливого потребительного сознания, не знающего культурных корней и привязанностей, и преследующего одну сиюминутную выгоду. Бег наперегонки "навстречу Западу", перемигивание с ним за спиной бывших собратьев — политика, подменившая, великий созидательный принцип нераздельной коллективной судьбы народов, живущих в едином цивилизационном, геополитическом ареале.

Парадокс современного российского реформаторства заключен в его приверженности архаичной идее государства-нации. В то время как в Западной Европе либерально-демократическая идея совпадает с идеей цивилизационной интеграции Запада, у нас она оказалась союзницей этноцентризма и сепаратизма. Сегодня, когда народы успели накопить негативный опыт "самостийности", убедиться, что "европейский дом" остается закрытым практически для всех (кроме республик Прибалтики), создаются объективные предпосылки для реинтеграционных процессов. Но чтобы эти процессы не осуществлялись методом проб и ошибок, не тормозились влиянием конъюнктуры, необходимо зрелое цивилизационное сознание. В основе государственной политики должно лежать ясное сознание того, что Советский Союз был не произвольным конгломератом народов, а формирующейся цивилизационной системой. Специфика этой системы — в ее промежуточном, между Западом и Востоком, характере, что периодически ведет к кризисам идентичности, появлению проблемы "маргинальных" пространств, оспариваемых или соблазняемых соседями. Впрочем, особенности нашего цивилизационного пространства не являются уникальными. Любая цивилизация представляет достаточно гибкий организм, включающий относительно устойчивое ядро и мягкую периферию, подверженную вызовам и соблазнам. Именно поэтому необходимо иметь элиту, отличающуюся цивилизационной идентичностью, чувством исторического ареала и решимостью его защищать. На Западе, в рамках ЕС формируется политическая элита, отличающаяся двойной идентичностью, национальной и европейской

(цивилизационной).

Судьбы Западной Европы, в условиях растущего давления со стороны США, а также Юга (мусульманский мир) и Востока (Тихоокеанский регион) в значительной степени зависят от того, успеет ли сформироваться общеевропейская идентичность до того, как давление извне может обрести дестабилизирующий характер. У нас оно уже обрело такой характер. В этих условиях формирование цивилизационной идентичности является важнейшим фактором выживания. Оно будет происходить тем успешнее, чем скорее будет преодолен — и на уровне различного рода элит и на уровне массового сознания — односторонний "экономикоцентризм", создадутся предпосылки культуросцентричного цивилизационного мышления.

Исторический опыт показывает, что в равнинном пространстве Северной Евразии нельзя становиться на путь сепаратных решений, самодовольного изоляционизма. Не только с "внутренним Востоком", но даже с братской Украиной у России невозможны "нейтральные отношения". Это будут либо отношения непримиримой вражды, либо неразлучной дружбы. В Смутное время украинское казачество вместе с поляками брало в полон Москву, города русские. Затем созрело историческое решение о воссоединении Украины с Россией. Вот логика нашего цивилизационного пространства, с его жесткой дилеммой. Таким образом, многонациональный союз народов возник как закономерный цивилизационный ответ на исторический опыт непрерывных усобиц, распрей, смут. Попытка поставить под сомнение это цивилизационное решение возвращает нас в архаику смутного времени "войны всех против всех". Современное сознание цивилизационного единства не имеет ничего общего ни с имперской "волей к власти", ни с ностальгическим эстетством филологов, воскрешающих языки ушедших культур. Это, скорее, сознание инвариантов нашего общественного бытия — неперерешаемых условий совместного существования народов, игнорирование которых грозит гибелью каждому.

Остановимся на геополитических факторах, влияющих на судьбу Рима, рассмотрим их в соответствии с нашей методологией гуманитарного анализа. Рим на то и Рим, что стоит в центре Вселенной (по меньшей мере — в центре своей ойкумены). К нему, олицетворяющему силу, величие, обращены взоры, ожидания, надежды одних, опасения, страх, ненависть, зависть других. Парадокс Рима состоит в сочетании величия и одиночества. "Рим ненавидят потому, что ему завидуют", говорили во времена Марка Аврелия. Но примерно то же говорили американцы о своей стране в послевоенную эпоху. В случае СССР страха было, пожалуй, больше, чем зависти, но тем сильнее ощущался парадокс одиночества силы.

Следовательно, чтобы "держать" Рим, нужна большая воля и большая сила — пассионарность особого рода. В отличие от Л.Н.Гумилева мы не склонны понимать пассионарность натуралистически: как особое состояние этноса, связанное с его физическим возрастом (юностью). Если понимать человека как "животное религиозное" (Л.Фейербах), пассионарность выступает как величина, измеряемая приобщенностью к вере — острому переживанию полноценного смысла жизни. Волю и решимость подрывает не возраст отдельного человека или этноса, а утрата смысла жизни — смысла пребывания в потоке истории. Если, в результате духовных преображений, смысл жизни вновь обретается, возвращается и пассионарность. Подчеркнем одно обстоятельство, связанное с временным измерением пассионарности. Она менее всего проявляется в культурах срединного времени, ориентированных на повседневность. Романтики — эти пассионарии европейской культуры, потому и осуждали буржуазию, мещанскую культуру "рыцарей повседневности", что она, в частности, сопровождается холодной, культурно бесплодной рассудочностью.

Исследования в области экономики как гуманитарной науки показывают, что даже в сфере производства богатства решающую роль играют не материально-технические и профессиональные знания как таковые, а высокий уровень мотивации. Тихоокеанская цивилизация значительно опередила атлантическую в экономической области, хотя до сих

пор уступает ей и в сфере производства патентов, и по квалификационному уровню. Высокообразованный квалифицированный работник Запада теряет пассионарность — ас нею дисциплину, прилежание, способность устоять перед соблазнами девиантного поведения. Когда говорят о Западе как "экономической империи", оперируя понятием "мира-экономики" (Валлерстайн), забывают, что способность той или иной цивилизации "завоевывать мир" измеряется не столько экономикой, сколько волей к жизнетворчеству, самоутверждению, одной из форм проявления которых может выступать экономическая экспансия.

Пассионарность связана с чувством горизонта — преодолением повседневной конъюнктуры с помощью долговременных установок. Долговременность бывает двух видов: устремленная назад, к далекой традиции, священным заветам и устремленная вперед в обетованное будущее. В этом смысле можно различать пассионарность завета — острое переживание причастности к традиции, готовности всеми силами защищать ее и пассионарность обетования или исторического проекта.

Великие цивилизации прошлого — Египет, Ассирия, Индия, Китай отличались пассионарностью завета: они консолидировались посредством анамнесиса (припоминания). Их величественные, в деталях разработанные ритуалы, высокое смирение перед канонами, феноменальная память как средство сохранения культурного прошлого на коллективном и индивидуальном уровне — свидетельствуют о стратегии анамнесиса. Цивилизации ослабевали, рушились тогда, когда возникали сбои в механизме анамнесиса, когда прошлое переставало воодушевлять потомков: культурная память тускнела, нарушение канона не тревожило религиозную совесть. Люди начинали жить конъюнктурно-сиюминутным. Тогда и земля, на которой они жили, не выступала священной землей, воспринималась ценностно нейтрально — как площадь, территория и т.п. В такие периоды снижается готовность защищать свою землю, охранять геополитическое пространство. Пространство, утратившее символическое значение, насыщенность культурными, ценностными смыслами, из безусловной ценности становится условной — по ее поводу можно торговаться...

Однако история цивилизаций знает и другой тип пассионарности, связанный с выходом из повседневности не в священное прошлое, а в обетованное будущее.

Первый, западный Рим, погиб, потому что потерял способность к анамнесису — воодушевлению традицией. Граждане Рима стали конъюнктурно мыслящими — в политике, экономике, культуре. Они разучились процедуре отнесения к ценности, стали безучастными, безответственными фаталистами, то и дело ссылающимися на не зависящие от них обстоятельства и тем оправдывающими бездельность. Варвары во всем уступали им — в образовании, культуре, администрации, военной технике. Но они обладали большей жадой жизни, ибо чувствовали себя исполнителями воли предков, а не рабами случая.

Вышедший из средневековья новый Запад, наследник Римской империи, сфокусировал сознание на решении главной задачи, как избежать участи старого Рима. Посредством соединения античного Логоса с христианским обетованием была обретена пассионарность нового типа — связанная с воодушевлением будущего. Западная цивилизация перешла от пассионарности завета к пассионарности обетования — освоила проективный тип культуры. Поэтому она является едва ли не единственным типом цивилизации, который не разрушается в условиях массового общества. Массовые общества — общества без прошлого, для них наследие — мертвый звук. Чтобы воодушевить массового человека, примирить его с тяготами индустриального труда, остается предложить ему заманчивый проект будущего. Концепция "отложенного счастья" в чем-то заменяет традиционную религиозную аскезу. Особенность проективной пассионарности в том, что она претендует не столько на уникальность (как цивилизации, воодушевляющие себя через анамнесис), сколько на универсальность.

Проективный тип культуры характеризуется соперничеством: конкурсом проектов светлого будущего на глазах у всего мира. Отсюда — идеологическое соперничество сверхдержав — "Римов" — носителей всемирных проектов. Что в этих условиях может

означать тезис С. Хантингтона о замене идеологического противоборства цивилизационным? То, что современные постиндустриальные общества перестали быть массовыми и снова живут памятью, воодушевляются посредством анамнесиса? Или же проективный тип культуры сохраняется в качестве доминирующего?

Вопросы касаются судеб человечества. Ясно, что проективный тип пассионарности выражает энергию прометеева человека — покорителя природы. С этой точки зрения несомненно, что современным обществам, ввиду угрозы глобальной экологической катастрофы, предстоит либо отказаться от проективного типа существования, либо существенно преобразовать проективную культуру, внося в нее дополнительные правила, запреты. Утрата пассионарности, чувствуемая на Западе и особенно в России, несомненно связана с банкротством старых проектов. На Западе специфический темперамент проективного типа (историцизм, прогрессизм) был в значительной мере охлажден ориентацией на срединное время, повседневность. В России стратегия ухода от крайностей традиционализма и проективизма в повседневность удастся хуже. Во-первых, это связано с особенностями нашей культуры, в которой менее развито чувство меры. Социальные типы вместо того, чтобы концентрироваться вокруг "золотой середины", поляризуются по краям. Это касается и временного типа дифференциации (идентификаций с традицией, историческим проектом), и социальной, нравственной, идеологической. Во-вторых, в условиях многонациональности невиданного многообразия этнических традиций, трудно представить себе, при каких условиях процедуры анамнесиса могли бы не разделять, а сплачивать гигантскую суперэтническую общность, какой является Россия. Следовательно, для нее проективный тип пассионарности является единственной альтернативой как деструктивной энергетике фанатичного этноцентризма, так и декадентскому безволию, безразличию, беспринципной конъюнктуре, не способной к перспективным созидательным решениям.

Проективный тип жизнестроения обладает еще одним важным потенциалом — способностью сублимировать народные языческие стихии в созидательное политическое творчество. Народная "смеховая" культура, описанная М.Бахтиным, является важнейшим противовесом и педантичной "серьезности" господствующей идеологии, склонной впадать в схоластику, прожектерство, и бюрократическому педантизму государственной организации, преследующей инициативу в качестве "своеволия". Сила народа определяется не только такими "измеримыми" качествами, какими является профессионализм, дисциплина, усердие, но и специфическим, быющим через край полнокровием низового Эроса, проявляющимся в озорстве фольклора, раскованности танца, приключениям богатыря Васьки Буслаева, удале которого по ту сторону функционального. Характерно, что мудрость православной церкви проявилась в том, что энергетика низового язычества не просто подавлялась, а интегрировалась в христианский канон. Не случайно многие праздники (Ивана Купалы) представляли встречу и примирение двух традиций: малой народной, восходящей к языческой стихийности, и великой письменной, канонической.

К наиболее отвратительным преступлениям большевизма относятся не только изуверства погромного атеизма, разрушение религиозных письменных традиций, но и умерщвление духа народной смеховой культуры (вездесущее запретительство "передовой идеологии"). Стихия народного вольнолюбия была использована большевизмом в качестве тарана, разрушающего прежний порядок. Когда же установился "новый порядок", энергетика низового вольнолюбия стала подавляться с неслыханной жестокостью. С этим связан упадок пассионарности нашей цивилизации. Озорной дух низового язычества — важный резерв народа на трудных, непредсказуемых путях истории. Не случайно он так ценим во Франции — стране, отличающейся драматизмом истории. От Ф.Рабле ("Гаргантюа и Пантагрюэль") до Р.Роллана ("Кола Брюньон") великая литературная традиция поощряла этот дух, заботилась о его реабилитации перед судом официальной серьезности. У нас, к сожалению, ему меньше повезло в этом отношении. Классическая русская литература слишком рано удалась от ренессансной гармонии в крайности идеологии социального служения и справедливости.

Поэтому-то у нас практически не нашлось убежденных защитников народной смеховой культуры. А между тем она — важнейший резерв и источник пассионарности.

Последнее хорошо понимали столь проницательные мыслители, как Д. Андреев, называющий язычество "прароссийским мифом". Итак, еще одно искусство "быть Римом" — умение интегрировать, подключать к цивилизационному творчеству, не подавляя и не атрофируя стихию низового вольнолюбия. Рим не состоится в двух случаях: когда подавляет языческую стихию вездесущим теократическим или бюрократическим запретительством (вместо пассионарности воцаряется всеобщее безынициативное "уныние") и когда стихия вырывается наружу в качестве отрицательной величины — слепой разрушительной силы, мстящей порядку за неумное запретительство и доктринерское упрямство. Предчурствием трагического противостояния высокомерного Порядка и низовой языческой стихии полна русская былинная традиция.

Б.П. Вышеславцев разрабатывает одну из возможных методик "понимающего" обществоведения: проникновение в коллективное подсознательное народа путем обращения к его эпосу. Процедура, напоминающая психоаналитическую процедуру расшифровки комплексов через анализ сновидений: "Чтобы понять душу народа, надо... проникнуть в его сны. Но сны народа — это его эпос, его сказки, его поэзия..."²⁰². В этой связи Вышеславцев указывает на былинку об Илье Муромце и его ссоре с князем Владимиром, обладающую поразительным историческим ясновидением. "Однажды устроил князь Владимир "почестей пир" "на князей, на бояр, на русских богатырей", "а забыл позвать старого казака Илью Муромца". Илья, конечно, страшно обиделся. Натянул он тугой лук, вложил стрелочку каляную и начал стрелять... В кого бы вы думали? "Начал он стрелять по Божьим церквам, да по чудесным крестам, по тым маковкам золоченым".

И вскричал Илья во всю голову зычным голосом: "Ах, вы голь кабацкая (доброхоты царские!), Ступайте пить со мной заодно зелено вино, Обирать-то маковки золоченые!" Тут-то пьяницы, голь кабацкая Бежат, прискакивают! радуются...

Вот вам вся картина русской революции, которую в пророческом сне увидела древняя былина: Илья, этот мужицкий богатырь, олицетворение крестьянской Руси, устроил вместе с самой отвратительной чернью, с пьяницами и бездельниками, настоящий разгром церкви и государства..."²⁰³.

Русская былина, как представляется, меньше упрощает "проблему Рима", нежели традиционная ностальгическая историография. Одно дело, когда Рим разрушается варварством — "внутренним и внешним пролетариатом", маргиналами. Другое дело, когда в его разрушении принимает участие один из центральных элементов социума, еще накануне олицетворявший верноподданническую лояльность. Легче сваливать причины катастрофы старой России на инородцев и компрадоров, труднее понять, почему крестьянство — это воплощение традиционной твердыни — стало крушить то, чему служило, попирает то, что признавало священным. Открывается проблематичность "римского порядка" как такового: он оспаривается не только извне — иноземными маргинальными элементами, но и изнутри, со стороны тех, кто представлял его опору.

Из этой сложности вытекает другая, относящаяся к стратегии выхода из катастрофы. Если разрушителями Рима признать маргинальные, инородческие элементы, для воссоздания его достаточно диктатуры, способной эти элементы сокрушить. Если же понять, что виновными являются центральные элементы социума, захваченные инверсионной лихорадкой (неистово отвергается то, что вчера признавалось священным), стратегия возрождения на порядок осложняется. Одно дело — внешние идеологические, социокультурные, военно-политические вызовы, другое — бунт языческих стихий внутреннего свойства. Их нельзя подавить, уничтожить, их необходимо сублимировать в новых формах социального, государственно-политического творчества.

²⁰² Вышеславцев Б.П. Русский национальный характер // Вопр. философии. 1995. № 6. С. 113.

²⁰³ Там же. С. 116, 278

Когда говорят, что СССР в качестве наследника российской империи — "третьего Рима" подорвали силы западничества, указывают на одну сторону проблемы — элементы, вооруженные альтернативной идеологией (либерализм против коммунизма). Когда же отдают отчет в неслыханном разгуле асоциальных массовых стихий, враждебных любому цивилизационному порядку, к какому бы типу, восточному или западному, он ни принадлежал, вскрывают более глубокий пласт, относящийся к взаимоотношению Хаоса и Космоса в рамках нашей цивилизации. По оценкам экспертов, теневой капитал, имеющий криминальную природу, контролирует более 40% национальной экономики; около половины стартового капитала в частном секторе экономики имеет криминальное происхождение. Стремительно растут масштабы рэкета. Если вчера он довольствовался данью, взимаемой с торговых палаток, сегодня он подмял предпринимательскую деятельность, завтра может захватить государственный сектор в целом²⁰⁴. Массовое экспроприаторство через криминально-мафиозную "приватизацию" и рэкет, наряду с полным обесценением производительного труда, свертыванием его масштабов, создали беспрецедентную в национальной истории ситуацию. Массы населения поставлены в положение, когда следовать цивилизованным нормам и требованиям профессиональной этики объективно невозможно, а субъективно неосмотрительно: сплошь и рядом получается, что социально наказуемым является не девиантное, а законопослушное, этически ориентированное поведение. В сознании молодежи традиционная языческая "удаль" и модернистская декадентская вседозволенность так переплелись, что невозможно отделить эндогенные факторы нравственной дестабилизации, идущие с низового языческого дна (низового не в социальном, классовом смысле, а в смысле коллективно подсознательного), от экзогенных, отражающих мировые выбросы разлагающегося потребительского общества.

Нечто подобное имело место во времена Смуты начала XVII в. Дух безответственной низовой (казачьей) вольницы и дух компрадорского нигилизма, идущий сверху, со стороны боярства, временно сошлись, угрожая вконец разрушить этику служилого государства, олицетворяемую средним по тем меркам сословием — служилым дворянством²⁰⁵. Смута XVII в. кончилась благодаря мобилизации массового патриотического сознания, оскорбляемого интервентами, наличию социально-политического субъекта. — служилого дворянства, оказавшегося способным направить низовой порыв в русло государственного творчества. "Его (дворянства. — Авт.) победа над последней вспышкой политической оппозиции (боярства) и над первым взрывом социального протеста (казачества) — должна была очистить путь к торжеству национальной программы во внутренней политике"²⁰⁶.

Сегодня также стоит проблема связующего "срединного" элемента, который, с одной стороны, в силу близости низовому демократизму, отстаивающему традиционную социальную справедливость против коррумпированного нуворишества, оказался бы способным преодолеть нигилизм языческой вольности, а с другой — в силу определенной культурной искушенности и просвещенности, не дать законному возмущению национального чувства вырождаться в погром, направленный против реформационных начинаний и современных институтов. Версальская Германия потому и оказалась бессильной предотвратить вырождение оскорбленного патриотизма в оголтелый национализм и фашизм, что мобилизованной оказалась энергия обиды, силы, направленная против разрушительного экзогенного фактора (репараций). Энергии Покаяния, связанные с сознанием Вины, мучительной рефлексией по поводу эндогенных разрушительных стихий, не сработали.

Проблема Рима состоит в том, чтобы не только оказаться сильнее своих внешних врагов, но и в том, чтобы на новом уровне восстановить консенсус между низовым сознанием (массовой народной традицией) и государственным порядком — обеспечить усыновление его народом, осознавшим, что его внутренние неукротимые стихии составляют не меньшую

²⁰⁴ См.: Реформирование России: мифы и реальность. М., 1994. С. 325—326.

²⁰⁵ Милюков П.Н. Очерки по истории Т. 3. — М., 1995. С. 78.

²⁰⁶ Там же. С. 79.

проблему для его будущего, чем искушения извне, несправедливости сверху. Важно понять, что феномен "новых русских", со всем их аморализмом — не только западнический, связанный с иноверческими влияниями, импульсами декаданса, но в какой-то степени и "народнический", связанный с бунтом вырвавшихся на волю древних языческих стихий против прежнего порядка, оказавшегося чрезмерно запретительным и неоправданным.

Чтобы "третий Рим" возродился в искомом величии, необходимы не только воля и решимость отразить угрозу извне — нужна еще особая культурная способность сублимировать (не подавив, "не искоренив") энергию вновь проявившихся языческих стихий, обращая ее в энергию творчества, созидания. Проекты оскорбленного национализма, ориентированного на отпор экзогенным вызовам, представляют, на наш взгляд, профанирование ситуации, не столь однозначной, как ему представляется. Для организации сил отпора достаточно традиционной мобилизационной стратегии, связанной с идеологическим воодушевлением, милитаризацией общественной жизни. Но для того, чтобы сублимировать энергии языческого своеволия, мало одной стратегии "укротительства". Секрет в том, чтобы, не подавив энергетики нового поколения, изменить перспективу, а вместе с ней — поле приложения высвободившихся сил. В этом и состоит назначение Рима: предложить перспективу энергичным, деятельным, вывести их из захолустья на мировой простор, дать ощущение причастности большой Истории. Надо только не повторять ошибок старого языческого Рима: не забывать "сырых", "нищих духом". В противном случае, учитывая специфику нашего духовного пространства, против Рима непременно ополчится катакомбная церковь страдающей интеллигенции, которая может превратиться в церковь народную, а значит — неодолимую.

Какое правление ожидает Россию. Гадание о грядущем правлении становится заботой как массового, так и "экспертного" сознания. В странах, где сложились настоящие механизмы национального волеизъявления, "гадают" эксперты (накануне *избирательных* кампаний), нация решает. У нас же электоральное большинство, с одной стороны, чувствует присутствие необузданных, неуправляемых стихий разбуженной истории, а с другой — эзотерику закулисных решений, куда доступ наглухо закрыт. Прогнозирующему политологу в этих условиях больше остается полагаться на исторический опыт, национальный и мировой, чем на процедуры извлечения надежного знания из того "информационного шума", которым его окружает взбаламученная повседневность.

Методологическая преамбула. Наша политология — становящаяся наука. Она переживает ту фазу развития, когда молодое научное сообщество от робости и растерянности внезапно переходит к безграничной самоуверенности, обещающей все объяснить, спрогнозировать. Можно назвать это состояние "лапласовским синдромом"²⁰⁷.

Наряду с ним политическая наука наследует технократический синдром, связанный с поисками "отлаженных" механизмов в управлении обществом — его производственной, экономической, научно-технической сферами и т.п. Технобюрократический разум, активизированный на стадии "программированного общества", более всего страшился непредсказуемости, связанной с вмешательством "человеческой субъективности", мечтал замазать трещины в порядке бытия с помощью "автоматически действующих" механизмов. Стремление заполучить "полную предсказуемость" толкает политическую науку к поискам отлаженного политического механизма, а реформационную практику — к заимствованию тех политических учреждений, которые хорошо зарекомендовали себя в других странах.

Это относится и к институту президентства. Отечественные политологи пытаются перенести на нашу почву американскую модель, полагая, что ее эффективность носит институциональный характер, обеспечивается идеальной взаимной пригнанностью учреждений законодательной, исполнительной и судебной власти. На деле американская политическая система устойчивостью обязана многим внеинституциональным

²⁰⁷ Опыт философии теории вероятностей. М., 1911. С. 24.

предпосылкам, связанным с особенностями истории и культуры США.

Во-первых, молодая американская демократия опиралась на относительно небольшой, однородный в расовом и социальном отношении слой населения — белых владельцев собственности. Основные проблемы этот слой решал помимо политики; требования, к ней предъявляемые, не были чрезмерными, создающими перенапряженность в управлении. Политический консенсус также был легко достигаем — в силу однородности политически активного меньшинства.

Во-вторых, центральное правительство обладало сравнительно узким кругом полномочий: большинство вопросов разрешалось на местах. В классический период становления американской политической системы последняя никогда не сталкивалась с завышенными ожиданиями населения.

Лаплас полагал возможным, на основании основного уравнения механики и знаний о "предыдущих" состояниях Вселенной, объять разумом "в одной формуле движение величайших тел Вселенной наряду с движением мельчайших атомов: не осталось бы ничего, что не было бы для него недостоверным, и будущее, так же как и прошедшее, предстало бы перед его взором..."

Наконец, понятие "отодвигаемого фронта", связанного с обилием свободных земель на Западе США, служило важной отдушиной, питало американскую мечту о возможности каждого гражданина, потерпевшего неудачу в привычной среде, "начать сначала" на новом месте.

Благоприятнейшие стартовые условия позволили американской демократической системе стихийно созреть, отладить режим работы. Вряд ли состоятелен механический перенос этой системы в условия нашего расколотого общества, возлагающего на центр свои надежды (обиды) и по меньшей мере трижды роковым образом обманувшегося в ожиданиях "светлого будущего", даваемых разными идеологиями, разными политическими элитами, режимами. Поэтому в теоретическом анализе, прогнозировании, при выработке экспертных оценок, рекомендаций было бы крайне опрометчивым идти по пути поисков некоего автоматически действующего политического механизма, обладающего заранее заданными свойствами, гарантиями социальной стабилизации. Таких механизмов нет и быть не может; ориентация на них свидетельствует о давлении старой традиции классической науки, не знающей ни принципов неопределенности, стохастичности, ни бифуркационных эффектов. Интересно, что всякая новая наука наследует традиционные ожидания классики, немало способствует насаждению соответствующих иллюзий в обществе. Вероятно, люди нашей эпохи еще не в состоянии окончательно свыкнуться с мыслью, что "гарантированного порядка", "гарантированного будущего" у современного человека быть не может — они ушли вместе с уходом традиционного общества, его механизмами наследования, преемственности. В особенности это характерно для нашего общества, которому большевики в свое время подарили взамен разрушенной традиции "непреложные исторические закономерности" "светлого будущего".

Таким образом, при анализе темы ожидаемого Президентства в России необходимо сочетание институтоцентричного политологического анализа с анализом цивилизационным, культурологическим, геополитическим, с методом сценариев, сопоставляющим альтернативные варианты будущего. Политический процесс представляет собой сочетание различных "логик", одна из которых означает отнесение к интересам, другая — отнесение к ценностям, третья — к причинам (предшествующим состояниям), четвертая — к ожиданиям будущего и т.п.

Российский авторитаризм: давление традиций и обстоятельств или логика производства власти? Наше общество весьма быстро перешло от эйфории демократических ожиданий к тяжелым предчувствиям новой диктатуры. Давление каких факторов обеспечило искривление политического пространства молодой демократии, породило в нем неожиданные изломы, разрывы?

В России общественное восприятие власти почти постоянно сопровождается ощущением чрезвычайщины: чрезвычайных обстоятельств и вызванных ими чрезвычайных полномочий правящего центра. Здесь — главный парадокс нашего общественно-политического бытия: чрезвычайные обстоятельства, по определению, не могут быть перманентными. Над российской историей тяготеет драматическая диллема: власть или анархия (безвластие). В относительно стабильные периоды людей интересует социальное качество власти: насколько она компетентна, доступна влиянию снизу, учитывает интересы различных слоев населения и т.п. В смутные, переходные времена население России сталкивается со столь грозными социальными стихиями, что центральным становится вопрос: как обуздать их, не дать им захлестнуть общество. В эти периоды необычайно возрастает цена, которую готово уплатить измученное население за восстановление порядка. Усиление хаоса, напряженности может стать намеренной стратегией соискателей бесконтрольной власти.

Действие тоталитарного механизма нагляднее всего проявилось в практике большевистской партии, которая сначала поощряла предельную анархию в обществе (развал армии, фронта, государства, рынка и т.п.), а затем изобрела особо жесткую технологию насилия для преодоления анархии. Сегодня, наблюдая всеобщее попустительство властей в отношении всех видов "беспредела" — от развала границ до развала общественного порядка, задаешься вопросом: не включен ли уже пусковой механизм нового тоталитарного "обуздания стихий", не сталкиваемся ли мы снова с реализацией какого-то умысла?

Наряду с этими механизмами политического цикла (традиционный "душный" порядок, разрушение его, идущее до немыслимых крайностей, тоталитарное усмирение крайностей) действует и перманентное давление особых условий российской истории и географии. Как сказал И.Ильин, "первое наше бремя есть бремя земли — необъятного, непокоренного, разбегающегося пространства... Второе наше бремя есть бремя природы. Этот океан суши, оторванный от вольного моря... эти губительные засухи... эти бесконечные болота на севере, эти безлесные степи и сыпучие пески на юге: царства ледящего ветра и палящего зноя... И третье наше бремя есть бремя народности... до ста восьмидесяти различных племен и наречий..."²⁰⁸.

Понятие разбегающегося пространства является, пожалуй, ключевым. Как говорилось, в нашем евразийском пространстве требуется существенно иной баланс общественно необходимого времени: доля ратно-служилого и политико-административного времени здесь значительно выше, чем на Западе, доля производственного (эко-И комического) времени существенно ниже. Это специфическое соотношение является перманентным фактором давления в пользу авторитаризма и централизма, не может не накладывать печать на эволюцию политических институтов в соответствующем духе. Вот почему достаточно последовательные радикал-либералы не останавливаются перед любыми мерами, направленными на превращение России в государство "среднего уровня", отличающегося большей географической и этнической однородностью. Разрушительные последствия этой стратегии мы испытываем на себе: оставленные за бортом части бывшего советского пространства не остаются пассивно-нейтральными: они агрессивно вторгаются в нашу жизнь, создавая новые социальные, геополитические угрозы... Простая геополитическая редукция не является той процедурой, посредством которой мы сможем обрести вожаемую стабильность, облегчить тяжкое бремя российской государственности.

Мы переживаем примерно ту же фазу политико-исторического цикла, которая имела место после Брестского мира — тяжелого государственного унижения России, внутреннего развала, полной неопределенности геополитических перспектив. Большевики разваливали армию, государство в качестве опор прежнего ненавистного порядка, третируют буржуазное "оборонческое сознание", ссылаясь на то, что ожидаемая ими со

²⁰⁸ Ильин И.А. О России. М., 1991. С. 12—13.

дня на день мировая пролетарская революция автоматически снимет проблемы обороны, границ, безопасности и т.п. Когда же обнаружилась утопичность ожиданий мировой пролетарской революции, перед большевиками встала жесткая дилемма: либо признать банкротство своего курса, уйти от власти, либо превратиться в "национал-большевиков", осуществив пррдедuru внутреннего размежевания с утопистами-интернационалистами и обратив против них весь гнев обманутого народа. В настоящее время мы наблюдаем тот роковой момент "диалектического превращения" отрицателей российской государственности в неистовых державников, который в свое время изумил мировую социалистическую диаспору на примере большевизма и завтра наверняка не меньше изумит мировую либеральную диаспору.

Дело в том, что развал военно-промышленного комплекса, армии, геополитического пространства, оберегающих его союзнических договоров наши "либералы" осуществили под влиянием очередной утопии "светлого будущего". На этот раз речь шла о новом мировом порядке, возвращении в "европейский дом". Когда же все оказалось разрушенным, а прием в европейский дом не состоялся, встала не менее жесткая дилемма: уходить от власти с бременем тяжелой государственной ответственности или осуществить внутреннюю инверсию в духе национал-патриотизма, попытаться направить недовольство обманутых соотечественников на срочно сконструированный объект ненависти.

Предпринимаются отчаянные попытки предотвратить эту инверсию (за ней непременно последуют внутренние чистки в рядах правящей элиты) на путях создания американской двухбло-ковой модели (имеется в виду появление "центристской" системы: левоцентристского блока И.Рыбкина и правоцентристского — В. Черномырдина). Но дело в том, что "нормальные" центристские модели работают в нормальных политических ситуациях, в условиях общенационального консенсуса по поводу желаемого будущего, базовых ценностей. В условиях же расколотого общества, потенциальный электорат которого сосредоточен не в центре, а по краям политического спектра (в центре — вакуум), эта модель вряд ли окажется перспективной. Кроме того, что за нею просматривается своекорыстие правящей элиты, стремящейся организовать "выборы без выбора", она к тому же оставляет за бортом две актуальнейшие политические идеи: идею социальной защиты (большинство населения причисляет себя к социально незащищенным и обездоленным) и национально-государственную идею (большинство осознает себя гражданами униженной и "побежденной" страны, само существование которой находится под угрозой). Обе идеи являются оппозиционными по отношению к обоим блокам правящего "центризма". Как можно оценивать перспективы политической модели, оставляющей за бортом главные проблемы национального бытия, продолжающие непрерывно обостряться?

Даже в США, где начал затухать "плавильный котел", а наплыв иммигрантов усиливается, механизм двухпартийной системы может сломаться. При приближении доли "цветных" к 50% населения социальная идея может стать настолько "горячей", что партия демократов, периодически олицетворяющая "социальное государство", не сможет ее удержать. В свою очередь, вместе с возрастанием угрозы утраты англо-саксонской идентичности Америки может стать не менее "горячей" национально-государственная идея — центристского темперамента республиканцев вряд ли достанет для ее "нормализации".

У нас же, при полной разбалансированности социально-государственного порядка и расколотом обществе, соединение двух мощных оппозиционных идей — социальной и национально-государственной — способно опрокинуть режим и создать непредсказуемую ситуацию...

Отношения исполнительной и законодательной власти и будущая модель президентства. Политическая история августовского режима отмечена острейшим противостоянием исполнительной и законодательной власти. Первый этап

противостояния завершился октябрьским (1993) переворотом. Прогрессивный, согласно новодемократической лексике, Президент расстрелял "реакционный" Верховный Совет РФ. На месте "красно-коричневого" Верховного Совета появился демократический парламент — Федеральное Собрание. Однако это не решило проблему: непрерывно обостряется противоречие между Федеральным Собранием (в особенности его нижней палатой) и Президентом. Что здесь принадлежит к общему правилу противостояния властей, а что — к российской специфике?

В США между Конгрессом и Президентом периодически также возникают противоречия, проходящие под знаком столкновения двух критериев: легитимности и эффективности. Отцы-основатели Америки полагали, что легитимность в долговременном плане важнее эффективности, измеряемой оперативностью принимаемых решений по поводу новых проблем. Главные усилия они посвятили вопросам законодательного контроля действий исполнительной власти, заложили основы сильного Конгресса. Президенты, страдающие от чрезмерной опеки Конгресса, вооружились аргументами в пользу более эффективной исполнительной власти. Некоторые из них приобретали идеологический характер. Президент давал понять гражданам, что в отличие от него, представляющего нацию в целом, в Конгрессе преобладают представители регионального лобби — эгоистических местных интересов. Немалое значение имели и ссылки на консерватизм Конгресса в вопросе принятия решений. В качестве законодательного органа, вынужденного подчиняться нормам юридического педантизма, согласовывать позиции различных фракций, Конгресс работает медленно. Инициатива исполнительной власти, не вписывающаяся в сложившуюся нормативную систему, берется на подозрение. Но в жизни нации бывают периоды, когда решения следует принимать быстро. Важнейшим становится нахождение баланса эффективности и легитимности. Какой из этих двух критериев окажется ближе пониманию граждан, во многом зависит от культуры менталитета. Нации, не умеющие ждать, зачастую подвергаются искушению быстрых решений, склонны выдавать карт-бланш исполнительной власти. "Нетерпеливые" народы нередко кончают презрением к закону, законодательному собранию, подменяя законность харизмой "бесстрашного вождя".

С этих позиций напрашиваются малоутешительные выводы. Потенциальному российскому узурпатору есть на что опереться в национальной традиции народа, ставящего благодать выше закона. Соответствующая инфраструктура на уровне Конституции, учрежденческой практики, кажется, уже сформирована. Созданная после октябрьского (1993) переворота Конституция содержит немалые предпосылки для режима бесконтрольной личной власти. В первую очередь это касается ограничений прав парламента в вопросах формирования исполнительной власти и контроля за ее действиями. Если Федеральное Собрание трижды отклоняет кандидатуру главы Правительства, предложенную Президентом, последнему предоставлено право распустить парламент. Не менее многозначительна оставляемая Конституцией неопределенность во взаимоотношениях Президента и Правительства. Эта неопределенность уже истолкована в духе режима личной власти. Указ № 66 (январь 1994) передает в непосредственное ведение Президента все силовые министерства; наблюдается тенденция дублировать и другие важнейшие министерства лично подведомственными Президенту службами. Это не только позволяет вывести соответствующие государственные функции из-под парламентского контроля, но и лишает общество надежды даже на тот ограниченный плюрализм, который связан с нюансами в позициях отдельных групп правящей элиты.

В целом наметились по меньшей мере три линии противоборств между парламентом, которому надлежит опираться на нормально демократическую легитимность (волеизъявление большинства при соблюдении конституционно-правовых правил игры), и Президентом, ищущим иных оснований легитимности:

— Президент может противопоставить парламенту, представленному якобы "местными элитами", идею общенационального интереса: единое национальное пространство и единое время (общенациональную перспективу). В условиях реальной угрозы сепаратизма, местничества это противопоставление может стать достаточно убедительным для того, чтобы оправдать prerogatives исполнительной власти. Сегодня "партии" Президента не хватило изобретательности запастись этим аргументом. Тем не менее показательно, с каким упорством она добивается того, чтобы верхняя палата Федерального Собрания формировалась не на выборных началах, а назначалась Президентом.

— Президент может сослаться на чрезвычайные обстоятельства, требующие быстрых решений, и оправдывать этим бесконтрольность своей власти.

— Президент может противопоставить "обыденному сознанию" электорального большинства высший "исторический разум" — требования прогресса, демократии, цивилизации. В свое время большевики обосновывали узурпацию власти, нарушение воли электората (выраженной на выборах в Учредительное собрание) тем, что они, вооруженные знанием законов истории (Прогресса), лучше знают интересы народа, чем сам народ. Если электоральное большинство третируется как "мелкобуржуазное" или как скопище "красно-коричневых", нарушение его воли превращается в "суровый долг" демократа и прогрессиста.

В сложившихся условиях России велика вероятность наложения и взаимного усиления (резонанса) всех трех линий противоборства Президента с парламентом. В этом контексте, вне зависимости от персонифицированных вариантов, можно ожидать быстрого перерастания института Президентства в подобие самодержавной власти.

Взаимоотношения политической и духовной власти и возможная идеология будущего президентства. Принцип разделения властей реализуется не только в процедурах разграничения законодательной, исполнительной и судебной власти. Важную роль играет разделение власти политической и духовной (идеологической). Современный демократический режим не случайно называют светским: при нем политическая власть не вмешивается в вопросы духовного самоопределения граждан, не навязывает обществу "единственно правильную" идеологию, контролирующую духовную, культурную жизнь. Тоталитарные режимы XX века, напротив, возрождали древнюю теократическую модель, объединяющую Жречество, Царство, Пророчество. Вожди (фюреры) тоталитарных деспотий объединяли в своих руках функции Верховного Правителя (Царя), хранителя Культа и морали (Жреца) и глашатая "светлого будущего" (Пророка — носителя "великого учения"). Чтобы режим мог обрести теократический (идеократи-ческий) характер, необходимо, чтобы духовное пророчество было подчинено государству, а интеллектуалы более или менее искренно отождествляли "служение народу" со служением режиму. В основе тоталитарной модели лежит "двойной" консенсус: между интеллигенцией и народом; между интеллигенцией и властью. Пресловутая массовая "вера" (неумеренное идеологическое воодушевление) тоталитарных режимов основана на этом двойном консенсусе. Особенностью этих режимов является их чрезмерная зависимость от слепой веры (демократические режимы, как правило, без этого обходятся). Нарушение консенсуса между интеллектуалами (носителями духовной власти) и режимом, знаменующееся активизацией всеразъедающей интеллектуальной иронии, ведет, в условиях сохраняющегося консенсуса между интеллигенцией и народом, к подрыву массовой веры — основы основ тоталитарного порядка.

С этих позиций можно выделить следующие этапы новейшей духовно-политической эволюции нашего общества. Первый этап идеологического кризиса тоталитарного режима, начавшийся в 60-х годах, характеризовался сочетанием: интеллигенция начала высмеивать режим, народ все более охотно внимал ее сарказмам. Этот этап завершился массовым демократическим воодушевлением августа 1991 г.

Политическую сцену августа создало соединение либерально-демократической идеи, вынашиваемой интеллектуалами, с народным антитоталитарным движением. Однако за сценой скрывались кулисы, где происходил торг: прежняя властная номенклатура соглашалась "сдать" режим лишь в обмен на статус монополистических буржуа — номенклатурных узурпаторов общенациональной собственности. Этим и объясняется бескровие августовской революции — в противном случае номенклатура сумела бы мобилизовать достаточно сил для сокрушительного отпора. По мере того, как закулисные механизмы обнажались и номенклатурный капитализм выходил на сцену, захватывая позиции, лишая общество реальной экономической самостоятельности, в массах происходит разочарование новым официозом либерально-демократической идеологии; интеллигенция же продолжает ее поддерживать. Народ требовал самостоятельности в сфере материального производства, измерял достижения режима в основных экономических критериях; интеллигенция готова была довольствоваться интеллектуальными свободами — самостоятельностью в сфере духа.

Происходит нарушение консенсуса между народом и интеллигенцией при сохранении ее консенсуса с властью. Мы имеем дело с нештучным событием идейного плана. Со времен возникновения христианства основой консенсуса между носителями духовной власти и народом была морально-религиозная легитимация (презумпция духовного превосходства) "нищих духом" — угнетенных, слабых. Революционно-демократическая интеллигенция наследовала это христианское обетование грядущего блаженства нищих духом, придав ему форму социалистической утопии. Сильные, наглые, преуспевающие будут унижены, обездоленным — воздается. Сегодня можно говорить о настоящей социокультурной катастрофе, связанной с языческим вырождением духа интеллигенции. В условиях номенклатурного капитализма, ревниво оберегающего монополию на хозяйственную власть и собственность, попирающего нормы, правила нормальной экономической соревновательности, интеллектуалы продолжают твердить, что бедность свидетельствует не о честности и святости, а о лени и нерадивости. Таким образом, подготовлен консенсус интеллигенции и власти за счет народа. Интеллигенция готовится выдать алиби возможному "демократическому диктатору", оправдать его узурпацию власти (очередной разгон парламента) посредством ссылки на неразумие народа, его тяжелую историческую наследственность. Это готовит нам новую разновидность идеократии: демократическое "великое учение" ставится выше воли избирателей; власть вместо нормальной демократической легитимности стремится к идеократической легитимности, базой которой является не "обыденное сознание" электорального большинства, а новый "священный текст", не подлежащий эмпирическому тестированию (остающийся "истинным" вопреки свидетельствам массового повседневного опыта).

Теоретически вырисовываются следующие политические модели:

- интеллигенция вместе с народом против власти (революционно-демократическая модель);
- власть вместе с народом против интеллигенции (ретроградно-традиционалистская, фундаменталистская модель);
- интеллигенция вместе с властью против "темного народного большинства" (элитарно-реформаторская, олигархическая "модель, чреватая неоавторитаризмом).

Первая "модель" предполагает существенные сдвиги как в народном, так и интеллигентском сознании. От нашей интеллигенции требуется уже не антиавторитарная и антитрадиционалистская "ирония", роднящая ее с западными интеллектуалами, а возвращение к страдающей катакомбной церкви, воодушевляющей "нищих духом". Предстоит жесткий выбор между совестью и самоутверждением. Совесть требует повернуться лицом к изгоям "приватизации", национальному гетто; потребности преуспеяния, самоутверждения толкают в противоположном направлении: к статусу национально нейтральных "граждан мира", превыше всего ставящих

одобрение "передового общественного мнения". Не приходится сомневаться что последняя ориентация пока что преобладает.

От народа указанная модель требует существенной смены установок. Народ разочаровался в Большой истории, в очередной раз обманувшей его ожидания, предпочитает эмигрировать из нее в малое пространство повседневности. Вместо единой национальной стратегии мы имеем мозаику множества локальных стратегий. Является ли это временным обстоятельством или эпохальным сдвигом в пользу Повседневности — покажет будущее. Сегодня, во всяком случае, первая модель представляется наименее вероятной. Даже те силы, традиция которых как будто бы ориентирует в направлении низового революционно-тираноборческого демократизма (коммунисты), на самом деле вряд ли готовы дразнить этого грозного демона национальной истории.

Обратимся к оценке второго и третьего вариантов. Последний определяет дух господствующей власти как режима, начавшего с очередного насильственного осчастливливания народа посредством заемной доктрины. Альтернатива такой модели, вызревающая в недрах общества по законам инверсии (от противного), вероятна в двух формах: неоконсервативной или ретроградно-фундаменталистской. Наиболее продуктивна неоконсервативная модель. Она предполагает, что наряду с высокомерным демократическим "авангардом", третирующим "темное большинство", формируются интеллектуалы национально-консервативного направления, адресующиеся к "молчаливому большинству" (не путать с низовой стихией маргиналов). Это предполагает эффективную ротацию элит, наличие среди них "второго эшелона", ничем не уступающего первому по профессиональным критериям, но исповедующему национально-патриотическую систему ценностей. Такая модель, поднятая на гребне неоконсервативной волны, позволила Западу преодолеть капитулянтство и попустительство декадентствующей леволиберальной элиты и победить в "холодной войне". Если же современной ротации элит не произойдет или окажется, что указанный "второй эшелон" в нашем обществе отсутствует, повышается вероятность более драматического развития событий, связанная либо со скольжением в тоталитаризм, либо с реваншем ретроградно-фундаменталистского традиционализма (реставрационные элементы власти вместе с народными низами против западнической интеллигенции).

Первый из вариантов апробирован в ранней фазе петербургского периода нашей истории. Его описал Г.П.Федотов: "Соединение мужицкого царя с дворянским государем создавало из петербургской императорской власти абсолютизм, небывалый в истории. Неограниченный государь Западной Европы на самом деле был ограничен личными и корпоративными правами, еще более — правовым чувством аристократии. Московский царь (как все деспоты Востока) был ограничен религиозными верованиями и бытовым укладом народной жизни. Петербургские самодержцы могли, опираясь на народ, подавлять дворянство и, опираясь на дворянство, разрушать быт, оскорблять нравственное чувство народа"²⁰⁹.

Августовский режим напоминает петровский переворот по двум критериям. Во-первых, опирается на западническую денационализированную элиту, готовую беззастенчиво "разрушать быт", оскорблять "нравственное чувство народа". Во-вторых, знаменуется освобождением правящего слоя от ограничивающей цензуры прежних верований, в том числе от официозной "коммунистической аскезы", в свое время подменившей старую религиозную мораль. Все радовались "деидеологизации". Парадокс, однако, в том, что посткоммунистическая деидеологизация, как некогда постфеодальная дехристианизация, не столько окрылила угнетенных, сколько развязала руки сильным, наглым, переставшим стесняться. Меняются в связи с этим и принципы производства власти: власть на основе идеи сменяется властью на основе силы.

²⁰⁹Федотов Г.П. Судьба и грехи России. Спб, 1991. Т. 1. С. 129.

В этих условиях достаточно волевой, амбициозный правитель может осуществлять "расширенное воспроизводство власти" — вплоть до тотатарной диктатуры с помощью высвеченной Г.П.Федотовым стратегии. Опираясь на низовое сознание и эксплуатируя его фобии, он может "нейтрализовать" либерально-демократическую оппозицию; опираясь на альянс номенклатурно-мафиозных дельцов и интеллигентских "попутчиков", готовых прощать и замалчивать их грехи ввиду "красно-коричневой" угрозы, — подавлять народ. Судя по некоторым признакам, эта стратегия взята на вооружение.

Это не означает, что альтернативный вариант, связанный с победой оппозиции в результате выборов или помимо их в ближайшее время исключается. Но он, вероятнее всего, скорее обновит правящую элиту, чем модель власти. Речь может идти о реализации ретроградно-фундаменталистской модели. Из всех оппозиционных вариантов этот наиболее подготовлен в организационно-практическом отношении. Традиционалистско-реставраторские элементы, сохраняющие влияние в силовых структурах, соединяются с народной оппозицией, разочарованной в либерально-демократических ценностях по причине их демагогического присвоения номенклатурно-мафиозным, компрадорским альянсом. Произойдет деинтеллектуализация власти, обретающей волю и решимость за счет рефлексии. Реставрационные силы не преминут воспользоваться разочарованием народа в интеллигенции, предавшей его перед лицом беззастенчивого грабежа номенклатурных "приватизаторов", которых она снабдила "демократическим" алиби. Новый альянс низов и власти за счет интеллигенции означал бы, что наша политическая история по-прежнему развивается не по законам европейского линейного времени, а по законам времени инверсного, все возвращающего на круги своя.

В настоящее время общество подошло к точке бифуркации, когда будущее не предопределяется прошлыми состояниями, а взывает к нам, к нашей творческой способности, выбору, решимости, ответственности. В такие периоды контрпродуктивным является исторический фатализм — как оптимистический, уповающий на "гарантии прогресса", так и пессимистический. Фаталисты обкрадывают историю, уменьшая ее творческий потенциал, сужая круг возможных альтернатив. Политолог, занимающийся прогнозами в периоды разбуженной — максимально открытой и богатой альтернативами истории, видит призвание не в том, чтобы указать соотечественникам единственно правильный путь, а в том, чтобы дать предостерегающее знание, своевременно указующее на подстерегающие опасности и тупики.

Россия в будущем мире. Дискурс о будущем на языке гуманитарной политологии — особый. Во-первых, политология как гуманитарная наука, при выявлении мотивов, причин, подтекстов политического действия, осуществляет процедуру отнесения и к интересам (которые носят относительно краткосрочный характер), и к ценностям, меняющимся значительно медленнее. Во-вторых, политическое пространство и время выступают в этом дискурсе как среда формирования и циркуляции идей. Одни идеи могут сужать пространство (современная либеральная идея России как национального государства), другие — способствовать его расширению (Россия как тип цивилизации); одни делают его открытым, иные, напротив, способствуют тенденциям изоляционизма. То же самое касается и времени: есть идеи, ускоряющие ход времени, интенсифицирующие процесс истории, и есть иные — замедляющие его; одни вводят в логику поступательного линейного времени, другие — в логику прерывно-циклического, инверсионного времени. Словом, традиционным дихотомиям натуралистической геополитики (хартленд-римленд, океанические державы — континентальные и т.п.) противостоит ноосферная политология, исследующая зависимость территориальной динамики от идейной эволюции человечества в различных регионах планеты, мире в целом.

Политология в качестве гуманитарной дисциплины сопоставляет эмпирическое измерение человеческой сущности с духовным. В повседневных эмпирических проявлениях (на них делает акцент господствующая в западной политологии позитивистская традиция) человек — существо локальное, детерминированное импульсами близлежащего окружения. В духовных своих измерениях он — существо вселенское, всемирно-историческое. Тонкие социокультур-ные воздействия преобразуют человеческое сознание с гораздо больших расстояний (невзирая на границы), чем понукание окружающего социума, будь то предприятие или государственная администрация.

Прогнозы, обращенные в завтрашний и послезавтрашний день, гуманитарная политология формирует, исследуя возможности социальных групп, элит вести эффективный диалог на уровне глобальных проектов, затрагивающих струны души современной всемирно-исторической личности. Гуманитарная политология акцентирует внимание на событиях, происходящих в ноосфере, которая по определению является глобальной. Процедура отнесения своекорыстных забот политических акторов к импульсам, идущим со стороны ноосферы, позволяет по-новому осветить их перспективы, преодолеть узкий горизонт инструментальной политологии, подсчитывающей шансы соперников с учетом их наличного, материально измеримого потенциала. Дух способен противостоять любым твердыням, духовное уныние, связанное с потерей веры, перспективы, сводит на нет самые разительные преимущества, взятые в материальном измерении. Пример с падением советской сверхдержавы, утратившей духовные скрепы, — убедительное свидетельство зависимости материальных факторов от духовных, от статуса в особом ноосферном пространстве воодушевляющих идей века. Отметим и еще одно обстоятельство. Техничко-экономическая среда развивается согласно процедурам мимесиса (внешнего заимствования). Связь с прошлым здесь значительно слабее, чем в духовной культуре, поддерживаемой процедурой анамнесиса: прошлое не отступает, не исчезает бесследно, а питает, "аффицирует" настоящее. В культуре действует принцип пантеона — почитания великих достижений прошлого, в технико-экономической сфере — принцип выбраковки устаревших моделей. Потенциал технико-экономического мира предназначен на потребу сегодняшнего дня (зачастую — "беспамятного" потребительского сознания), тогда как богатство мира культуры адресовано другому типу сознания, сохраняющему идентичность, несмотря на перемены среды.

Крушение СССР ознаменовалось активизацией процессов "вестернизации" гигантского евразийского пространства. СССР играл роль "Карфагена" современной эпохи, препятствующего всемирной экспансии западного "Рима". Его падение, вместе с крушением "восточного блока" и подкрепляет ожидания завершающейся "эллинизации" мира — того, что Фукуяма поспешил назвать "концом истории". Наша эпоха созвучна эллинистической, когда античный Запад в лице Греции, а затем Рима, покорил огромное пространство от Дарданелл до Пенджаба, от Средиземного моря до Северного.

Вопросы, стоящие перед исследователем цивилизационных и геополитических перспектив России и мира, могут быть расположены в следующем порядке:

- а) насколько окончательным, необратимым является процесс вестернизации;
- б) какова глубина этого процесса: затрагивает ли он преимущественно внешнюю, "аксессуарную" сторону существования или касается тех глубин культуры, в которых зарождаются ценности, верования, долговременные поведенческие установки;
- в) сохранились ли у современного незападного мира силы для реванша и каковы возможные формы последнего: выступит ли он в материальном (силовом) измерении или измерении ноосферном — в форме неожиданного духовного пленения победителей новыми верованиями, идущими от побежденных.

Для начала определим форму, в которой осуществляется наступление вестернизации на Россию. Долговременный исторический опыт междивилизационных

контактов свидетельствует, что наибольшей способностью проникновения в чужую культуру обладают те элементы проникающей "культуры-донора", которые выглядят ценностно-нейтральными, не оскорбляющими систему верований. Таким, на первый взгляд ценностно нейтральным компонентом западной экспансии, является техника. Заимствование западной техники, понимаемой как простое средство, представляется наиболее легким способом реванша со стороны тех, кто когда-либо терпел поражение от Запада — от российского императора Петра I до правителей Османской империи. Как образно пишет А.Тойнби, "из оптики мы знаем, что некоторые из линий спектра обладают большей проникающей способностью по сравнению с другими, и мы можем наблюдать подобное явление с компонентами расщепленного культурного луча"²¹⁰.

Справедлив ли и сегодня вывод о том, что западные технологии являются тем проникающим лучом, который испытывает наименьшее сопротивление инородной культурной среды и тем самым служит наиболее надежным средством западной инфильтрации? Мы имеем ряд свидетельств противоположного свойства. Уже не техника, касающаяся оружейной сферы (в первую очередь военной, как это было в прошлом), а техника коммуникаций, информации, индустрия пропаганды, развлечений — всего того, что непосредственно влияет на духовную сферу, массовое сознание, — едва ли не опережает по способности проникновения традиционную оружейную технику. Информация, разрушающая местные верования, облучающая ценностные пласты культуры, распространяется быстрее прескриптивной (рецептурной) информации, являющейся основой заимствования готовых технологий. Этим и объясняются масштабы распространения потребительской психологии. Запад в качестве потребительского общества, выступающий как источник соблазна "легкой жизни", достиг гораздо больших успехов в стратегии "информационного империализма", чем Запад, выступающий в качестве собственно индустриального (или постиндустриального) общества.

Применительно к современной России стратегия вестернизации выступает в двух вариантах. На первых порах преобладала доктрина культурно-нейтральной инфильтрации высокопрестижной технико-информационной среды. Эта доктрина была адресована нашей инженерно-технической и научной элите, которая еще в 50-х гг. дала своих западников — прозелитов передовой технической цивилизации.

Вторая волна вестернизации, захватившая поколение шестидесятников и "пражской весны", уже прямо несла политические импульсы. Она адресовалась гуманитарной элите, страдающей от притеснений вездесущей полицейской цензуры, отсутствия свободы творчества.

В обеих формах процесс вестернизации протекал под знаком "деидеологизации". В первом случае отстаивалась автономия науки и стоящего за нею корпуса специалистов от инквизиторской тирании передового учения и прикрывающегося этим учением агрессивного невежества. Во втором речь уже шла о большем — разделении политической и духовной власти автономии интеллигенции как носительницы последней. Если бы на этом этапе — когда процесс вестернизации еще не затронул настоящего массового сознания и не обрел формы морально беззаботного, государственно безответственного "потребительского общества" — руководством бывшего Союза были предприняты попытки серьезных реформ в стране, вероятно, удалось бы создать относительно стабильную форму элитарного парламентаризма (по образцу Индии) или просвещенного партийного абсолютизма, осуществляющего управляемую модернизацию (по китайскому образцу). Сохранялся шанс преобразовать критический пафос интеллигенции в энергетику ответственного реформаторства, превратив интеллектуалов в экспертов, готовящих решения. Этот шанс был упущен: верхушка, не готовая "поступиться принципами" (а на деле, боящаяся, что разрешенная оттепель повлечет за собой бурное и неуправляемое половодье), уклонилась от вызова

²¹⁰ Тойнби А. Цивилизация перед лицом истории. Спб., 1995. С. 182.

истории. В результате активизировались два процесса: внутри страны — противоборство духовной власти, воплощаемой интеллигенцией, с господствующей политической властью, а вовне — борьба национальной демократии с навязываемым "пролетарским интернационализмом" (на деле: "советским империализмом").

Путь своевременного и эффективного реформаторства обещал преобразовательный процесс в масштабах единого пространства — "третьего Рима". Ретроградная политика советского имперского центра раскалывала его, порождая эффекты разных скоростей и противоположных направлений движений. Духовная власть, олицетворяемая интеллигенцией, разорвавшей консенсус с политической властью, теперь видела свою цель в том, чтобы "деидеологизировать" массовое сознание — освободить его от власти доктринерской партийной "церкви". Но оказалось, что вольнодумие, распространяемое в массовом обществе XX в., существенно отличается от того просвещенческого вольнодумия, которое распространяли энциклопедисты XVIII в. во Франции, а затем в Германии. Массовое сознание отличается слабой приверженностью нормам традиции и нормам социума, олицетворяемым силами господствующего порядка. Оно пребывает в возможности срыва в безответственное бунтарство низовых революций, либо в не менее безответственную неангажированность потребителей, переставших вести себя как настоящие граждане.

Одно дело — вольнолюбие людей, готовых творчески обновлять нормы, другое — вольнолюбие как бегство от норм и ответственности. Вопреки видимости, революционаризм и потребительство сродни друг другу: первый разрушает общество деструктивной активностью ниспровергателей, второе — пассивностью и безучастным отношением ко всему, что не касается материальных благ. Носители обоих начал характеризуются крайней неразборчивостью в средствах: одни — ради коллективного "светлого будущего", другие — ради индивидуального благополучия в настоящем. Вестернизация, проникшая с уровня элиты на уровень массового сознания, теряет следы творческого демократического томления. Она представляет коллективное бегство от национальной традиции, ибо традиция обязывает, а массовое потребительское сознание тяготится обязанностями в любых проявлениях. В этой стадии возникает опасность, что вестернизация приобретет характер заимствования преимущественно худших образцов культуры-донора — того, что наиболее доступно неразборчивому восприятию и от чего сама эта культура спешит освободиться.

Трагедия постсоветской вестернизации состоит в том, что она совершилась после того многолетнего искоренения лучших культурных традиций, погрома элит, какие совершил преступный большевистский режим. Вестернизация с самого начала была лишена того благодатного фильтра, с помощью которого страны-импортеры "передового опыта" могут отличать продуктивное и ценное от вульгарного и злокачественного. Постсоветская вестернизация — вестернизация, осуществляемая без творческого соучастия настоящей национальной элиты.

Можно ли было в этих условиях рассчитывать на удачу? Как свидетельствует опыт догоняющего развития так называемых "вторичных модернизаций", удачи являются скорее исключением, нежели правилом. Мифологема модернизации-вестернизации состоит в ожидании того, что продуктом этого процесса, как и "первичных" модернизаций на Западе, является благополучный средний класс — социальная база демократии, правового государства. Как показал А. Тойнби в исследованиях последствий новейшей "эллинизации" мира со стороны Запада, ее прямым результатом является неожиданная, достигающая крайних форм поляризация населения на космополитическое, компрадорское меньшинство привати-заторов, свободных и от давления норм собственной культуры и от морально-правовых норм вообще, и дезориентированное и дезорганизованное большинство, которое увели от национальной традиции, но так никуда и не привели, в смысле действительной

социально-исторической перспективы: "Судьба большинства... не уничтожение, не фоссилизация или ассимиляция, но полное погружение и растворение в том огромном, космополитическом, всеобщем пролетариате, который явился самым значительным побочным продуктом вестернизации мира"²¹¹.

Новейшая волна вестернизации, накрывшая Россию, дала чрезвычайно показательные результаты в качестве всемирно-исторического эксперимента. Оказалось, что даже если она захватывает достаточно развитую в промышленном и образовательно-квалификационном отношении страну (по последнему показателю СССР занимал едва ли не ведущую позицию в мире), результат оказывается тем же самым: всеобщая деморализация, денационализация, предельная социальная поляризация. По меркам великих исторических аналогий, нынешняя вестернизация достигла той же стадии предельного духовного и материального истощения мира, какой ознаменовалась последняя, закатная фаза эллинизации древнего мира. В этой фазе самое время поставить вопрос: чем ответят на этот вызов накрытые волной вестернизации отчаявшиеся цивилизации. Вопрос по-настоящему еще не осмыслен в современной культуре — сказывается инерция прежних завышенных ожиданий в отношении благодетельных возможностей вестернизации. Запад — инициатор всемирно-исторической драмы, пока уклоняется от ответа. Элиты Запада, вместо творческого ответа, предпочли простоту инверсии: экспансионизм Запада как носителя цивилизаторской миссии вестернизации они готовы заменить изоляционизмом в духе традиции "разумного эгоизма". Недавно возникшая концепция "золотого миллиарда" планеты — передового меньшинства, успевающего прорваться в изобильное постиндустриальное общество до того, как капкан глобального экологического кризиса захлопнется, означает не только иссякание энергии творческого дерзания. Она означает, что страх перед чуждым большинством планеты возобладал над универсалистским пафосом эпохи Просвещения. Произошла настоящая социокультурная катастрофа, связанная с закатом общечеловеческой перспективы, неверием ни в успех вселенской миссии Запада, ни в автохтонные механизмы подъема незападных обществ в духе идеологии Прогресса. Концепция С.Хантингтона о грядущем столкновении цивилизаций отражает это мироощущение декадентской, сумеречной эпохи, где фатальной оказывается не только внутренняя социальная поляризация людей, но и поляризация народов перед лицом Истории, одни из которых избраны на роль счастливого меньшинства, другие обречены быть пасынками, изгоями мировой технической цивилизации.

Надо сказать, что такого не случалось с Западом со времен зарождения христианства. Эта цивилизация, основанная на экспансии в пространстве и во времени, может воспроизводить себя, достигать стабилизации только посредством процедур интеграции и ассимиляции внутреннего и внешнего "пролетариата". Вертикальная мобильность — кредо не только внутренней социальной политики стран Запада, обеспечивающей стабилизацию, но и международной экспансии, оправданием которой всегда служило приобщение других народов и континентов к вершинам общечеловеческой цивилизации. Отказ от идеи единой общечеловеческой судьбы является опаснейшей для самого Запада ревизией принципов великого осевого времени²¹², грозящей ему статусом ненавидимого меньшинства планеты. Судьбы Запада сегодня в буквальном смысле зависят от того, сумеет ли он все же подготовить другой ответ, воскрешающий прежнюю массовую веру в единую возвышающую перспективу. Это, в конечном счете, окажется более важным, чем военные приготовления процветающего, но осажденного меньшинства.

Обратимся к проблеме другого ответа — со стороны незадачливых пасынков

²¹¹ Тоинби А. Цит. Соч. С. 123

²¹² Времени зарождения мировых религий, каждая из которых защищала универсалистские принципы в противовес этническому изоляционизму.

прогресса, жертв вестернизации. Незападный мир, рассеченный лучом проникающей вестернизации, дифференцируется в зависимости от типов ответа на вызов Запада. Эта дифференциация имеет прямое отношение к геополитическим и цивилизационным прогнозам относительно состояния человечества (материального и духовного) в начале III тысячелетия.

Примечательно: дихотомия "Запад — не Запад" имеет смысл, несмотря на разнообразие внутри западного мира. Прежде, в рамках идеологии прогресса, дихотомия отделяла ведущих и ведомых, авангард и арьергард. Сегодня, когда понятие прогресса поставлено под сомнение, дихотомия указывает на различие мира, развивающегося имманентным образом (по собственной логике), и мира, получающего направленное воздействие извне. Главное неравноправие народов пролегает здесь: оно касается не столько экономического гнета, политического, силового давления, сколько зависимости исторического развития. Незападный мир пребывает в поле экспансии западного мира, подвергается растущему давлению экзогенных факторов, нарушающих линию внутренней эволюции или внутренней преемственности. Одно дело — иметь свою, "домашнюю историю", другое — сталкиваться с чужеродным "демоном истории", осуществляющим неожиданные, непредсказуемые выпадки.

Прежняя теория формаций не годится по меньшей мере по трем соображениям.

Во-первых, у современного человечества нет гарантий закономерного восходящего развития — опыт заката прежних цивилизаций говорит о возможности срыва, гибели. Вместо гарантированной истории современного человека встретила история, не готовая к покровительству. Возможно, вера в гарантированный прогресс в свое время явилась заменой Бога в обезбоженном мире. По крайней мере некоторые из ролей, прежде осуществлявшихся Богом, прогресс восполнял — он избавлял от чувства брошенности в абсурдную историю, не имеющую обеспеченного светлого финала.

Во-вторых, обнаруживается, что единство мировой истории является проблемой. История государств, в особенности принадлежащих к разным цивилизациям, не имеет единого кода. Понятие прогресса заменяет понятие индивидуальной исторической биографии, судьбы.

В-третьих, единство мира выступает как непредопределенный, заранее непредсказуемый итог столкновения, диалога различных стран, культур, континентов. Единая история, обретаемая в поле взаимодействия, ко многому обязывает. Неверный шаг, пассивность, не вовремя поданная реплика могут резко ухудшить позиции страны в рамках мирового целого.

Словом, мир выступает как драма, не имеющая режиссера и развивающаяся исключительно как непредугаданный итог взаимных реплик участвующих персонажей. Согласимся с М.Чешковым в том, что более адекватен "глобально-исторический" подход, где многообразие культурно-исторических миров не сводится к некоей заданной, едино "конструкции, но осмысливается как взаимодействие, порождающее целостность, в свою очередь не сводимую ни к отдельным "мирам", ни к их взаимосвязям"²¹³. Это не означает, что в мире нет закономерностей, в том числе универсальных. Существуют универсалии современного промышленного развития ("единое индустриальное общество"), демократического развития ("единое демократическое общество"), капиталистического развития ("единое буржуазное общество"). Но они разворачиваются не в пустом, а в *исторически и культурно насыщенном пространстве*. Как пишет Р.Арон, "с одной стороны действует логика прогресса, с другой — обычная драма истории — противоборство империй, армий, героев"²¹⁴.

Наряду с "вызовом пространства", искажающим логику линейных эволюции, действует не менее серьезный вызов времени. Для судеб страны, цивилизации вовсе не

²¹³ Чешков М.А. Развивающийся мир и посттоталитарная Россия. М., 1994. С. 66

²¹⁴ Aron R. Dimension de la conscience historique. P., 1966. P. 317

безразлично, когда она стартовала на дороге прогресса. Дело в том, что "пришедшие позже" застают совсем другие условия соревнования, чем их предшественники. Как в биологическом мире: ранее сложившиеся виды могут тормозить развитие новых. Всемирно-историческое развитие выступает в формах, существенно отличающихся от картины автоматически действующего прогресса, нейтрального в культурно-психологическом смысле и равно открытого (источающего бесконечную благодать) для всех.

Сегодня, как никогда, обнаружилась "скупость Прогресса", расточившего дары и не оставившего пришедшим надежд получить то, на что могли рассчитывать первенцы. Новизна ситуации, в которую попало человечество на рубеже II—III тысячелетий н.э., состоит в том, что при сохранении прежних критериев прогресса, определившихся в Новое время (в посттрадиционную эпоху), он уже не может выступать универсальной категорией, объединяющей человечество. В измерениях, касающихся материального успеха, технико-экономического развития, он уже не объединяет, а разделяет человечество, с каждым новым десятилетием все беспощаднее. "Ножницы" прогресса, разделяющие развитые и развивающиеся страны, не сокращаются, а расходятся в ускоренном темпе. В поле фактических возможностей мир становится все менее единым, все более расходящимся в стороны. В то же время в поле притязаний, в особенности потребительских, он выступает все более единым: народы незападного мира активно заимствуют стандарты потребления развитых обществ Запада. Поляризуются, таким образом, два типа личности: один (западный) живет по собственным меркам, его возможности, притязания оказываются соизмеримыми, другой — по чужим меркам, и потому между притязаниями и реальными возможностями образуется драматический разрыв.

Различие между Западом и не-Западом состоит сегодня в том, что последний насыщен гетерогенными (гибридными) образованиями: заемное и местное, новое и традиционное, относящееся к притязаниям и реальному потенциалу сочетаются в душах людей, испытывая их на разрыв.

Романтическая традиция когда-то противопоставляла замечательную цельность характера, ясность души жителей далеких архипелагов раздвоенности, шаткости психологии европейца. Теперь эти образы приходится переставлять местами. Западный человек выступает как счастливый провинциал, погруженный в собственную традицию. Напротив, быть незападным человеком — значит пребывать в поле невыносимого напряжения, образованного разностью потенциалов современного мира — культурных, экономических, политических. История ныне — не система механизмов внутреннего развития, соответствующая модели кумулятивного линейного процесса. Она выступает как столкновение, противоборство миров, один из которых — наш собственный, другой — чужой, вторгающийся извне. Оценки того и другого могут варьировать. Свой собственный может восприниматься ностальгически как угрожаемая, но незаменимая ценность или, напротив, как косная удушающая среда из которой хочется вырваться. Вторгающийся западный мир тоже удостоивается амбивалентного отношения: то как к агрессору, угрожающему похитить покой, осквернить святыни, то как к союзнику, к которому тянутся через головы "отсталых" соотечественников. Так или иначе, "попасть в историю" сегодня — значит оказаться в поле притяжения этих расходящихся миров, каждый из которых предъявляет свои требования, вызывает к разным поступкам. Как это далеко от прежней картины исторического Прогресса, предъявляющего ко всем одинаковые требования, открывающего единую светлую перспективу!

Кризис современного мира, выражающийся в пугающей непредсказуемости поведения и на уровне целых наций и на уровне индивидуумов, связан, в частности, с тем, что он населен кентаврами — разнородными особями, — включающими плохо сочетаемые элементы Запада и Востока, Севера и Юга.

Западное историческое время характеризуется линейно-поступательной (формационной) доминантой, традиционно восточное — циклической. Время же современной "гибридной" истории в принципе является "неправильным", неканоническим: в нем то и дело возникают неожиданные завихрения и разрывы.

Особенность России состоит в том, что она первая из народов, населяющих планету, столкнулась с этим типом времени. Плоско мыслящие прогрессисты, отмечающие ее отличие от Запада, усматривают корни этого своеобразия в российской традиционности, восточном наследии, "азиатчине". Пора понять, что ее специфика состоит в том, что она представляет гибридное общество, вынужденное справляться с неуправляемым временем, отличным от егг тественноисторических западных и восточных образцов. Называть традиционализмом напряженнейшую драму бытия, связанную с пребыванием на рубеже культур, цивилизаций, на стыке земных полусфер, — значит ничего не понимать в характере России — загадочной, неканонической страны мира. Многозначительно то, что данный тип исторического бытия, впервые настигший Россию, становится всеобщим. Что он захватил незападное большинство человечества, является неоспоримым фактом. Сложнее проблема: будет ли им захвачен и Запад.

Специфическое положение Запада состоит в том, что он до сих пор пользуется возможностями неэквивалентного обмена с Востоком. Сначала неэквивалентность выступала в экономическом измерении — как феномен неокOLONиальной эксплуатации. Затем было обращено внимание на ее новое, информационное измерение: объем информации, идущий от Запада к остальному миру, во много раз превышает встречный информационный поток²¹⁵. Если, в соответствии с данными кибернетики, связывать информацию с управлением, можно сделать вывод, что Запад управляет миром, используя информационное преимущество. Информационное облучение Запада сначала носило выборочный характер, видоизменяя отдельные анклавы и структуры — главным образом институциональные — армию, предприятия. Затем оно приобрело сплошной, глобальный характер, коснулось массовой психологии, вкусов, установок, ценностей, т.е. перешло во внеинституциональное пространство, где его невозможно дозировать, контролировать. Можно говорить о неэквивалентном обмене в терминах теории катастроф: Запад сохраняет, воспроизводит свою внутреннюю стабильность, вынося дестабилизирующие факторы вовне, "экспортируя" катастрофы. Предсказуемость его истории оплачивается ценой растущей непредсказуемости процессов, развертывающихся в окружающем мире (прием "сбрасывания энтропии"). С некоторых пор западная цивилизация, утратившая веру во всеисилие интеграционных, ассимилирующих механизмов, вооружается фильтрами, призванными защитить ее от вторжения инородных элементов — всего того, что способно породить феномен "гибридного общества". В странах Запада резко ужесточается политика в отношении мигрантов, усиливаются протекционистские барьеры. Похоже, что концепция "золотого миллиарда" относится не только к материальному благополучию избранных Прогресса, но и историческому благополучию в собственном смысле — привилегии иметь предсказуемую, линейно развивающуюся историю — без зигзагов и потрясений.

Представляется, что противостояние западников и почвенников, демократов и национал-патриотов должно быть оценено в каком-то новом, глобальном контексте. И контекст этот выявлен. Мы имеем в виду статью Фукуямы "Конец истории". Значимость ее вряд ли стоит переоценивать по критериям научности. Важнее, что устами Фукуямы западная культура проговорила — выдала тайное вождение. Что такое конец истории для нынешних победителей, процветающих господ мира сего? Он обещает закрепление небывало выгодного и благоприятного положения на вечные времена.

В мифе конца истории проявляется не только традиционный европоцентризм — представление о западной цивилизации как о наконец-таки найденном непревзойденном образце для человечества, которому предстоит в обозримом будущем уподобиться Западу и тем самым покончить с опасной и архаичной экзотикой культурно-исторического разнообразия.

В мифе проявилась потребность в цивилизованной стабильности людей, настрадавшихся от неслыханных катастроф XX в. В этом смысле миф конца истории может быть оценен как общецивилизационный миф.

Миф объединяет тех, на Востоке и Западе, кто всерьез опасается пробуждения вулкана

²¹⁵ Эксперты ЮНЕСКО в области организации нового информационного порядка определили, что на долю одних США приходится 65% потока информации, вовлеченной в систему международного обмена (Mattelard A. Multinationales et systemes de communication. P., 1977).

истории — извержения скрытых энергий социума, способных решительно расстроить едва налаживающийся мировой порядок. В мифе ощущается проявление не столько действительно оптимистической веры, сколько нешуточного страха. Страх перед Историей (с большой буквы), который оказывается и страхом перед Россией. По меркам цивилизационной теории, Россия — нездживающее темя планеты — одновременно и точка ее загадочного роста и крайне уязвимое место. Здесь, в промежутке между Востоком и Западом, вулкан истории никак не может потухнуть, грозя сюрпризами всему тому, что обрело четкие контуры и нормы, отлаженность и предсказуемость.

Кажется, нашими западниками, торопящимися с вхождением России в "европейский дом", движет этот страх. Они называют себя "демократами", оставаясь неисправимо авторитарными миссионерами. Социокультурная установка демократа, заставляющая его подчиняться воле избирателя, заключается в доверии, оказываемом обыденному сознанию сограждан. Демократ не может претендовать на то, что он знает "высшие интересы" народа лучше самого народа; те, кто в этом уверены, предпочитают не подвергать себя процедуре выборов. Демократия и рынок отличаются от носителей планового хозяйства в сфере производства, как и в сфере духа, одной принципиальной установкой: "избиратель, как и потребитель, всегда прав". Наши демократы, откровенно опасаящиеся выборов (не случайно столь настойчиво внедряется в общественное сознание мысль об их "несвоевременности"), предпочли бы роль "авангарда", легитимность которого обеспечена не волей избирателей, а знанием "финала истории".

Нежелание подвергать себя риску выборов выдает не только эмпирический страх людей, которым сегодня есть что терять по части имущественных и властных привилегий. Проявляется и особый метафизический страх перед непредсказуемостью российской истории, демонов которой хотелось бы поскорее заклясть, усыпить. Метафизический страх перед Россией как обиталищем опасных стихий истории разделяет с нашими демократами и западная политическая элита — поэтому она столь снисходительна к потенциальным нарушителям конституционного принципа выборности власти.

Решающим, таким образом, оказывается не противостояние тоталитаризма и демократии, а противостояние Истории и Цивилизации. Открытая, длящаяся История угрожает не только сегодняшним победителям в холодной войне, но и всем любителям цивилизованного порядка, стабильности, предсказуемости. Они и образуют единый фронт "западничества" в современной российской и мировой культуре. В глазах представителей этого фронта Россия по-прежнему загадочная страна; чтобы поскорее избавиться от небезопасной загадочности, ее надо решительно присоединить к западному ареалу, окончившему историческое строительство. Западническая вера в конец истории не является экзистенциально подлинной. Авторитарность сознания, готового тащить страну на Запад даже вопреки сопротивлению ее большинства, связана не столько с мессианской самоуверенностью, сколько со страхом.

Современный российский западник — не хладокровно рассуждающий позитивист, больше верующий в экономику и технику, чем в "исторические скачки", а, скорее, декадентствующий историцист, который уже не верит в гарантии истории, но продолжает опасаться ее сюрпризов. Его опасения можно сформулировать так: в век ядерного оружия, обострившихся глобальных проблем раскованное историческое творчество — непозволительная роскошь. Вместо того, чтобы расхищать ставшие сверхдефицитными время и ресурсы на поиски самобытного пути, лучше присоединиться к уже готовой апробированной западной модели. Она не является (совершенной, как и все, создаваемое человеком на Земле. Но, отвергая в целом приемлемое известное ради еще неведомого лучшего, можно потерять все.

Если наши подозрения в отношении наших западников как декадентов историцизма справедливы, можно заключить, что миф конца истории не является подлинным мифом — это скорее наспех созданная инженерная конструкция, предназначенная для того, чтобы создать преграду на пути внешних вод пробудившейся

истории.

Между тем, "конец истории" вряд ли может оцениваться как общепризнанное кредо самой западной культуры. Наряду с линейной перспективой неуклонного движения в одном направлении, открытом на заре Нового времени, ощущается присутствие другой перспективы, связанной с новым мифом постиндустриализма. Чем ознаменуется постиндустриальное общество? Дальнейшим развитием основных тенденций индустриальной эпохи или, напротив, крутым поворотом, качественной прерывностью? Усиливается экологическая, культурологическая самокритика западной цивилизации, как бы предчувствующей скорую истощенность резервов индустриальной экспансии, угрожающей опустошением природной, культурной среды. Поиск альтернатив, обращенность к опыту других цивилизаций, готовность реабилитировать те разновидности культурно-исторического опыта, в которых недавно видели знак отсталости — все это можно оценить и как тонкую стилизацию западной культуры, и как действительную готовность пересмотреть некоторые ключевые принципы жизнестроения, оказавшиеся чреватými катастрофой. Если справедливо последнее, открывается возможность соединения западной идеологии постиндустриализма с изгоями, неудачниками технического века.

Обратимся к стану побежденных. У нас он объединяет обездоленных "приватизацией", ущемленных патриотов, переживающих поражение и унижение России. Готовы ли эти слои к созданию новых видов коллективной веры, новых мобилизационных мифов? Показателями настоящей готовности культуры к пассионарному мифотворчеству являются следующие признаки. Принцип единой коллективной судьбы, враждебной и реформистской "постепеновщине", и индивидуалистическому отступничеству — сепаратным поискам успеха. Сохраняющийся религиозно-морализаторский пафос: события мира воспринимаются не в контексте причинно-следственной связи, а в контексте логики наказания и воздаяния. Живое переживание христианского парадокса: вера в конечное торжество слабых — "нищих духом" над самоуверенными сильными, праведности над мощью.

Присутствие этого мифа живо ощущалось в дни "августовской революции" 1991 г. Москвичи, пошедшие против танков, силовых структур тоталитарного режима, верили в законы инверсии: политические революции осуществляются в религиозно-эсхатологическом контексте воздаяния, конечного торжества Добра над Злом. Наглая партократия будет унижена, всем потерпевшим от тоталитарного режима воздается. Действительность, однако, опрокинула ожидания: "бывшие" не ушли, а сменили имидж, сохранив и даже приумножив свои привилегии. Это стало причиной ранней гибели демократического мифа, резкого сужения социокультурной базы реформаторства. Чтобы не оказаться жертвой нового тираноборческого мифа, на которые так щедра наша народная культура, правящая элита мобилизовала средства разрушения мифотворческой способности.

Против принципа единой коллективной судьбы используется соблазн индивидуального обустройства, которое можно заполучить, идя в обход привычных норм морали и культуры. Нынешний разгул коррупции — не столько стихия, сколько стратегия, призванная подкрепить рефлексy девиантного поведения, уклоняющегося от коллективных норм. Против морально-религиозного пафоса мобилизована технология всеразъедающего скепсиса, воинствующего имморализма.

"Крутые" герои малого и большого экрана призваны разрушить главный архетип, относящийся к иудео-христианскому наследию: принцип торжества Добра над Злом. Добро клеймится знаками отсталости, неэффективности. В среде демократически благонамеренной общественности недавно родился сомнительный экономический парадокс: мафия кормит страну. Приводятся и аргументы: государственная статистика свидетельствует о неуклонном свертывании производства, но мы продолжаем жить — следовательно, место нерасторопного государства заняла расторопная мафия, которой мы

обязаны тем, что держимся на плаву. Речь идет о тотальной релятивизации норм — той недопустимой "гибкости", когда Добро и Зло в любой момент готовы поменяться местами, что должно свидетельствовать о несuverенности нравственного сознания вообще, якобы утратившего роль надежного путеводителя.

Мошная профилактическая работа, призванная кастрировать способность национальной культуры к производству воодушевляющих коллективных мифов, дает плоды. Пассионарность русского человека, пугающая, шокирующая представителей рассудочного Запада, как будто снижается.

И по критериям культуры, и по критериям политики наблюдается рост апатии. Насколько соотносимы апатия и стабильность, какова цена стабильности, обретаемой через апатию?

Бывший американский президент сказал: "Есть вещи поважнее мира". Как негодовали по этому поводу наши официозные пацифисты! Между тем, он поставил перед нацией нешуточную проблему: считает ли она такие ценности, как национальная независимость, достоинство, честь такими, ради которых стоит идти на риск нестабильности, если им брошен вызов. Американская нация ответила, что да, стоит. В этом и состоял феномен неоконсервативной революции на Западе, остановившей наступление леволиберального капитулянтства, попустительства. Интересно, что ответит наш народ, если найдется президент, который поставит перед ним ту же проблему.

Борьба против Истории разворачивается и на Востоке, и на Западе. В незападных обществах, подверженных жесткому радиационному облучению со стороны Запада, чреватому мощным мутагенезом, определились несколько типов реакции на этот вызов. Первый может быть назван *фундаменталистской реакцией*. Речь идет об изоляции от Запада, противопоставлении ему собственной традиции, возводимой в абсолют, в нерушимый и непогрешимый канон, охраняемый религией. Тойнби, изучающий прецеденты вестернизации на примере эпохи эллинизма, называет этот тип реакции "зелотизмом". Такая реакция непродуктивна и опасна одновременно. Ее непродуктивность связана с принципиальной невозможностью закрыться от внешнего мира, ибо его проникновения совершаются не только в прямых институциональных формах, поддающихся контролю, но и косвенных, внеинституциональных, относящихся к тонким провокациям культуры, моды, других "томлений века", неуловимо присутствующих в атмосфере. Опасность же связана с тем, что последовательный изоляционист выступает не в роли защитника статус-кво (которое все равно является нарушенным), а в роли радикала-реставратора, насильно загоняющего общество назад, вступающего в отчаянную борьбу с Историей. Реакция изоляционизма по своим клиническим признакам напоминает антивирусную реакцию больного с очень высокой температурой. Только в раскаленной атмосфере религиозно-идеологической одержимости, ничего общего не имеющей с эпическим спокойствием подлинной традиционности, можно защищать традиционность. Революционаристский неотрадиционализм дестабилизирует общество не меньше, нежели внешние провокации, которых он опасается.

Второй тип реакции Тойнби называет "иродианством": "...иродианин" — это человек, действующий по принципу, что самый эффективный путь уберечься от неизвестного — это овладеть его секретом, и когда "иродианин" попадает в трудное положение, представ перед более опытным и лучше вооруженным противником, он отвечает на вызов тем, что отказывается от своего традиционного военного искусства и учится воевать с врагом его же оружием и овладевает его тактикой. Если "зелотизм" — это форма архаизма, возникающая под внешним давлением, то "иродианство" — это форма космополитизма, вызванная тем же внешним фактором"²¹⁶.

В России "иродианцем" был Петр I. Ему, как, вероятно, всякому "иродианцу" в неприкрытом виде открывается конфликт между эффективностью и Традицией, между

²¹⁶ Тойнби А. Цит. соч. С. 119.

ценностным и практически-утилитарным измерениями. И он, не задумываясь, жертвует старыми ценностями, дабы выиграть в эффективности. Ясно, что такая стратегия приемлема лишь для достаточно беспочвенных людей — тех, у кого связь с национальной традицией уже до того была ослабленной. Фигура Петра амбивалентна: он — самый нерусский из всех государей, если мерить его критериями почвеннической укорененности. Если же с самого начала отдавать отчет в гетерогенности России как страны-кентавра, появившейся на стыке земных полусфер, то он — наиболее русский деятель, острее других чувствующий драму отечественной истории и ее призвание — соединять миры, преодолевая их трагическую несводимость.

Как пишут исследователи "метафизики Петербурга", "если цветом российского самосознания и духовного опыта является интеллигенция, с ее жизнью "в идее", неукорененностью, неоднозначным отношением к народу и власти, подвешенностью между добром и злом, исканиями путей на топкой трясине их диалектики, то в этом плане полное совпадение с Петербургом. Он — город-интеллигент, идейный и беспочвенный интеллигент, воплощение российского духовного опыта и его судьбы"²¹⁷.

В чем опасность иродиянства? Оно готово рисковать собственной страной, во имя Прогресса (успеха). Его эксперимент непредсказуем в двояком смысле. С одной стороны, заранее неясно, устоит ли цитадель прогресса перед стихиями народной жизни, не будет ли она поглощена ими. С другой стороны, неясно, не приведет ли чрезмерное усердие реформаторства к полному обесценению традиции, космополитическому опустошению народной души, обескровливанию страны. Петр I рисковал как тем, так и этим. "Понадобилась вся накопленная русским аскетическим опытом молитвенная практика и эстетика духовного стяжания истины, чтобы удержать национальный рассудок в относительном равновесии перед самым фактом Петербурга: с ним трудно было смириться, как со всякой внебытийной и безблагодатной беззаконностью..."²¹⁸.

Умудренные опытом очередной модернизации, мы подводим итоги деятельности Петра I, будучи еще не в состоянии преодолеть амбивалентности уроков истории. До сих пор нельзя ответить со всей определенностью, удался ли "опыт Петербурга" и петербургского периода нашей истории. Петербург так и не был до конца усыновлен народным сознанием. В этом смысле славянофилы, противопоставляющие его немецкую бездушную "геометричность" национальной Москве, ничего не придумывали. Но в то же время Петербург дал великую русскую литературу, величие и блеск империи — результаты, воодушевляющие не только верхи, но и низы общества.

Каковы источники срыва 1917 г., унесшего государство в бездну? Перед нами — та же двусмысленность исторического опыта. Можно понять этот срыв и как завершение свойственного Петербургу нигилистического отрицания всей истории России и, напротив, как бунт — возмездие России против искусственности европеизированного Петербурга, в котором воплощен не живой полнокровный Запад, а бюрократическая ипостась Запада — бесплодие умышленного конструктивизма. "Образ петербургской мистерии переживает две амбивалентно-единых стадии развития: от Града-Молоха, Города-Вампира, Города-Палача и Города мертвых до Города-Жертвы, Города-Одиночки, Города-тоскующего камня"²¹⁹.

Надо сказать, что способность России переваривать новообразования вестернизации, насыщать жизнью искусственные конструкции со временем падает. Истощение ощущается и вверху, в высокой культуре, и внизу, в народной жизни. Погром культуры, укрощение народного жизнелюбия, осуществляемые коммунистическим режимом на протяжении 70 лет, заметно снизили способность нашего общества национализировать

²¹⁷ Метафизика Петербурга. Петербургские чтения по теории, истории и философии культуры. Спб., 1993. Вып. 1. С. 154

²¹⁸ Там же С. 66.

²¹⁹ Там же С. 68.

инородный опыт. С этой точки зрения Россия ближе к образу развивающейся страны, безоружной перед натиском западной культуры, чем к собственному образу творческого ассимилятора чужих достижений, умеющего подчинить их собственной логике. В этом смысле риск постсоветской вестернизации значительно выше и риска петровской модернизации, и риска реформ Александра II. Вчера еще мы могли читать соответствующие предостережения Тойнби как адресованные не нам, а тем, кто неблагополучнее нас по меркам искусственной, навязанной извне истории. Сегодня соответствующий текст, кажется, обращен прямо к нам: "...Иродианство"... имеет характер нетворческий и подражательный, поэтому, если поставленная цель будет достигнута, результатом будет лишь увеличение количества промышленного продукта копируемого общества, а не высвобождение творческой энергии людей. Второй слабостью является то, что этот не слишком вдохновляющий успех — самое большее, что способно дать "иродианство" — может принести благо лишь очень незначительному меньшинству в любом обществе, выбирающему путь "иродианства". Большинство же не может рассчитывать даже на то, чтобы стать пассивными (хотя бы) членами правящего класса копируемой цивилизации. Их судьба — пополнить ряды ее пролетариата"²²⁰.

Прежде российская цивилизация, встречая неумолимый вызов Запада, могла брать на вооружение две стратегии. Одна воспроизводит греческую модель: Греция, покоренная Римом, сумела взять культурный реванш над победителями, пленив их более высокой культурой. Соответствующее пленение Запада осуществила русская культура первой эмигрантской волны. Русский культурный ренессанс серебряного века как бы перенес свою миссию из собственной страны на Запад, во многом способствуя преодолению "одномерности" массового общества. Сегодня эту стратегию осуществить некому: после погрома, срывшего вершины классической русской культуры, ее уровень оказался недостаточным для того, чтобы противостоять соблазнам "потребительского общества". Большевики превратили Россию в "пролетарское общество", в котором высокая культура не играет прежней роли. Однако это вовсе не значит, что такая культура — единственное прибежище духовности в бездуховном мире. Есть и иные источники духовности, которые не иссякают даже тогда, когда другие, по интеллектуальным меркам более рафинированные, окажутся опустошенными. Мало того: кажется, обнаруживается обратная зависимость: достигший дна отчаяния "пролетариат" (не в марксистском, а в тойнбианском смысле — как маргинальный продукт вестернизации) удостаивается благодати не на путях приобщения к высокой образованности, а на путях религиозного просветления. Вот как описывает этот процесс Тойнби на примере конца античности. "В том всеобщем смещении, которое возникло при вторжении греческой цивилизации в цивилизации Сирии и Ирана, Египта, Вавилона и Индии, общеизвестное бесплодие гибрида обрушилось не только на правящий класс эллинского общества, но и на тех людей Востока, которые до конца прошли противоположные пути "иродианства" и "зелотизма". Единственной сферой, в которой греко-восточное космополитическое общество, несомненно, избежало этой участи, были самые низы восточного пролетариата, типичным символом которых был Назарет; из этих низов в явно неблагоприятных условиях явилось несколько самых мощных творений, когда-либо достигнутых человеческим духом — соцветие высших религий"²²¹.

Люди позитивистской выучки, оценивая потенциал тех или иных наций, даже в собственно человеческом измерении, указывают лишь на уровень образования, квалификации. Им неведомы другие, более скрытые, глубокие формы духовной одаренности, в которых менее всего сказываются преимущества образованных верхов перед низами. Речь идет о нравственно-религиозной сфере, в которой особое значение имеет не объем усвоенной информации, а интенсивность переживания высших тайн

²²⁰ Тойнби А. Цит. Соч. С. 122

²²¹ Там же. С. 124.

бытия, открываемых потрясенной душой.

На рубеже II—III тысячелетий, как и когда-то, на рубеже старой и новой эры, у Востока есть только один шанс достойно ответить на вызов Запада: преобразовать его духовно, преобразуя вместе с ним и самое себя и все человечество. Стратегия успеха — "догона", "перегона", "ускорения" — всего лишь путь эпигонства, малоэффективный с точки зрения собственно прагматических целей и губительный с позиций более высокого порядка. Как пишет Тойнби, "к 3047 году наша Западная цивилизация — как мы знаем из истории последних двенадцати-тринадцати веков, со времен средневековья — может измениться до неузнаваемости за счет контррадиации влияний со стороны тех самых миров, которые мы в наше время пытаемся поглотить, — православного христианства, ислама, индуизма и Дальнего Востока"²²². Тойнби далеко отодвинул сроки новых религиозных реформации, идущих, как и все великие религии, с Востока на Запад. Он писал в эпоху, еще не знающую близости конечного предела, связанного не только с глобальным экологическим кризисом, но и с предельной "порчей" человека, на наших глазах перерождающегося в опаснейшего разрушителя общества и культуры, попирающего нормы, заповеди. Новый нигилист — продукт релятивации норм, вызванной столкновением цивилизаций. Он третирует собственную традицию, ссылаясь на передовой образец Запада, он не готов соблюдать европейские нормы, ссылаясь на то, что "мы все же еще не Запад". Опасный "гибрид" пытается использовать средства той и другой цивилизации, одновременно объявив свободу от норм любой из них.

В свое время универсализм христианства опирался на всемирную цивилизационную инфраструктуру, созданную Римом, единое пространство мировой империи. И тогда и сегодня имеет место парадокс. Империя (тогда — Рим, сегодня — Запад) создает единое мировое пространство в материальном измерении — в экспансионистском порыве, но отрицает его в человеческом измерении, в смысле единства перспективы разных частей ойкумены. Внутренний и внешний пролетариат, загоняемый в гетто обреченных неудачников прогресса, напротив, взыскует единой духовной перспективы. Ему предстоит в духовном смысле осуществить то, что не удалось осуществить мировому пролетариату Маркса в материальном смысле: объединить человечество, восстановив его целостный образ.

Фундаменталисты, выражающие реакцию гнева и отчаяния, вопреки тому, что сами думают, увлекают человечество в сторону от решения, завещанного великими мировыми религиями — на путь раскола и поляризации. Проблема же состоит в том, чтобы не сбиться на этот путь, ответить на "белый" расизм не черным, желтым и др. расизмом, а универсализмом — утверждением собственного достоинства с одновременным признанием равного достоинства всех.

Человечество находится на распутье, predetermined амбивалентной позицией Запада. На Западе сохраняются импульсы, идущие от Просвещения и глубже — от христианства. Его теории единого индустриального, постиндустриального, информационного общества представляют светски превращенную форму христианского универсализма. Но, как отмечалось, эта цивилизация демонстрирует признаки языческого неверия в универсалии человеческой судьбы и истории. В материальном плане это объясняется "разумным эгоизмом" тех, кто перед лицом ресурсных и экологических ограничений замыслил "спасение в одиночку". В духовном плане речь, вероятно, идет об иссякании духовных источников в современной фазе предельной секуляризации Запада.

Что касается России, перспектива ее самоопределения в современном мире также двоятся. Имперская гордыня наследников "третьего Рима" толкает на то, чтобы разделить плоды современных победителей (раз уж нет сил с ними соперничать). Стратегия вхождения в "европейский дом", "большую семерку" и т.п. есть путь языческого самоутверждения — "морали успеха", поднятой на государственный уровень.

²²² Там же. С. 130.

Есть, однако, что-то в высшей мере многозначительное и в том, что так неожиданно и легко рухнула имперская Россия — союзник Запада, и в том, как странно, без военных поражений, обрушился СССР, и в роковой незадачливости сторонников вхождения в клуб "руководителей мира", модернизации, вестернизации и всех прочих разновидностей "морали успеха". Эти неудачи, поражения заставляют отчаиваться, "разочаровываться в России" тех, кто утратил христианскую память о духовных перспективах и жаждет одной только материального. Оценки России в этом измерении дают обескураживающие результаты, рожают мировую диаспору разочарованных эмигрантов, проворных авантюристов, переставших "стесняться". Но можно оценить призвание России с иных позиций. Возможно, ее призвание не в том, чтобы быть еще одним Римом — центром высокомерного могущества. Соискателей на эту роль и без нее достаточно. Рассуждая о перспективах, следует помнить, что в мире был не только Рим, но и Иерусалим, что импульсы объединения человечества исходили не только от рыцарей торговли и войны, создателей империи, но и от создателей катакомбной церкви, обращенной не к победителям, а побежденным, "нищим духом". Дискурс об итогах XX в. для России, как видим, может быть разным. Сторонники сильной, гордой, процветающей России с горечью говорят о поразительных, умопомрачительных срывах ее в самые многообещающие моменты — накануне возможного грандиозного успеха. Сорвался прерванный войной бурный экономический подъем 1909—1913 гг. Сорвался прерванный революцией культурный ренессанс "серебряного века". Сорвался прерванный убийством П.А.Столыпина процесс реформирования деревни, призванный предотвратить самоубийственную пугачевщину... Аналогичные срывы наблюдались в советское время. Сорвалась хрущевская оттепель. А ведь она многое обещала. Если бы в то время, когда сохранялись трудовые традиции, был предложен путь смешанных форм собственности, он не вырожден бы, как сейчас, в волну мафиозно-номенклатурной приватизации и спекуляций землей. Сорвалась "косыгинская реформа". Задавлены побеги "пражской весны", когда можно было, сохранив геополитические приобретения II мировой войны, реформировать пространство "социалистического лагеря" путем управляемых и направляемых из Москвы модернизаций. Все это были пути, сохраняющие перспективы России как великого Рима. Однако Россия неизменно оступалась на каждом из них, загоняя себя в тупик неудач, поражений.

Следует ли исключить гипотезу о Проведении, уберегающем Россию от участи победителя, разделяющего с другими господами мира сего право распоряжаться слабыми?

Если бы Прогресс удался, перспектива единого процветающего постиндустриального общества в самом деле просматривалась в современной истории, можно было бы утверждать, что мораль успеха заменила Евангелие, нормы ее становятся всеобщими, "экуменическими". В этих условиях странности России в качестве страны, то и дело выпадающей из благополучной перспективы, начертанной передовым Западом, были бы необъяснимыми с любых позиций. В мире, интегрированном на пути успеха, может существовать только Рим, — Иерусалим выглядел бы избыточным. Однако мы видим нечто другое. Во-первых, путь вестернизации не столько объединяет, сколько разъединяет, поляризует человечество — |и в границах отдельных стран, и в масштабах планеты в целом. Неудачники вестернизации в западном мире, в том числе в России, образуют большинство, сошедшее с дистанции прогресса. Во-вторых, меньшинство победителей — опять-таки и в границах отдельных стран, и в масштабах ойкумены, подвержено странной 'порче': в духовном, нравственном измерении оно выступает не меньшим маргиналом культуры, цивилизации, чем указанное большинство — в материальном. Внизу вестернизация рождает пролетариев, вверху — нигилистов. Последних становится так много, а их акции на пути соискания успеха так разнузданны, что становится проблематичным, выдержит ли наша ослабевшая планета их сокрушительное давление.

Следовательно, в каком-то таинственном пункте "х" процесс должен, быть остановлен. Поразительный феномен мировой истории: Россия выступала в роли того, кому

надлежит унизить достигшую самоуспоения мировую силу. В политике продолжает действовать христианский парадокс: сильная политика — та, что дает по-настоящему яркие характеры и высокий уровень мотивации — связана с защитой слабых против сильных. Политика, обещающая, кажется, более несомненный успех — союза с сильными против слабых с целью разделить плоды завоеваний — слабая политика, чреватая вырождением ума, воли, нравственности.

Сегодняшняя слабость российской официальной государственной политики, искательной по отношению к сильным (и внутри страны, и за рубежом) и беззащитной в отношении слабых, бросается в глаза. Никогда еще не было столь оглушительных провалов в международной политике России, сколько ныне, когда ее направляют прагматики, готовые добиваться успеха любой ценой, отвергая нравственные нормы, традиционные обязательства.

Очевидно, величие России предстоит снискать на другом пути, указанном Иерусалимом, а не Римом. Великой она становится, защищая слабых против сильных, "нищих духом" — против самоуверенных вершителей судеб мира. На этом пути есть свои искушения: на многие из них указывает опыт СССР, преобразующий энергию революционаризма в топливо своей великодержавной геополитики. Поэтому уместно уточнить линию размежевания будущей политики России с политикой бывшего СССР — оплота всемирного антиимпериалистического фронта. СССР был "анти-Западом", разделяющим Прометеевы амбиции этой цивилизации, но при этом с акцентом не на экономическую, а на военно-политическую экспансию. Он обращался к угнетенным всего мира, беззащитно эксплуатируя их недовольство в своих политических, гегемонистских целях. Метко сказал по этому поводу Ж. Эллюль: "Левые используют бедных точно так же, как капиталисты: они их эксплуатируют"²²³.

Если бы Россия попыталась повторить этот путь — в условиях, куда менее благоприятных, это было бы трагической тавтологией, ведущей в тупик. Перед лицом самонадеянного Запада, отвергшего ее в качестве равноправного партнера, ей предстоит выступить Востоком. Востоком не Ксеркса, но Христа.

²²³ Ellul J Trahison de l'Occident P, 1976 P. 145

ЧАСТЬ III

РЕФОРМА И КУЛЬТУРА

Раздел I. Социокультурный ракурс российских реформ

I

Россия богата попытками реформ. Наука еще ждет своих исследователей всего накопившегося опыта в этой области. Выводы, которые можно назвать предварительными, заключаются в том, что, пока не будут достаточно ясны причины негативных результатов широкомасштабных реформ, получение позитивного результата, заложенного в очередном проекте, является затруднительным, маловероятным. Реформы часто давали результаты, обратные ожидаемым. Казалось бы, это обстоятельство является достаточно важным для реформаторов, оформления проектов реформ, их воплощения. Тем не менее трудно заметить в проектах следы учета опыта предшествующих попыток. Более того. Проекты реформ носят одновариантный характер, обратная связь практически не предусматривается, отсутствуют разработанные варианты тактики и стратегии на случай провала реформ, прогнозы реакции на попытки внедрения разных вариантов реформ, варианты политики на случай массовой пассивности или активизации антиреформаторских, архаичных сил. Само по себе это можно расценивать как весьма любопытный и специфический элемент опыта реформ, свидетельствующий, что реформаторы пытаются не столько опереться на реальность, сколько противостоять ей. Сказанное делает правомерным предположение, что проекты реформ, вероятно, содержат существенные элементы утопий, удельный вес которых в каждом конкретном случае требует особого анализа.

Нельзя не отметить, что в стране не проводились теоретические исследования того, что, собственно, можно рассматривать в качестве реформы, каковы возможности ее реализации силами государственной власти или любыми другими силами, склонными к этой форме деятельности. Никому не придет в голову строить сложное и дорогостоящее техническое устройство без анализа опыта использования аналогичных механизмов. Между тем у нас не вызывают недоумения попытки решать неизмеримо более сложные и ответственные задачи, не отягощая себе сомнениями по поводу позитивных результатов, даже вопреки кричащему историческому опыту. Возможно, проблема заключается в том, что каким-то непостижимым образом мы не задумываемся над собственными потенциями, тем, что мы можем и чего не можем, подсознательно полагая, что мы можем то, что хотим. Возникает вопрос — не является ли содержание того, что мы хотим и что является отправным пунктом реформы, некоторым мифом, исторически складывающейся утопией? Как найти сферу реальности, где возможен реализуемый и одновременно с точки зрения общества эффективный проект реформы? Чтобы приблизиться к ответу, нужно пройти длинный путь исследований.

Объект реформы. Между сложившимися представлениями о том, как устроено общество, навеянными теоретической социологией, общественной наукой, с одной стороны, и интуитивными представлениями о нем, формирующимися под влиянием повседневности, с другой стороны, сложилось глубокое несоответствие. Концепции создают некоторую динамичную или статичную упорядоченную, в идеале непротиворечивую модель общества, тогда как из повседневности вырастает впечатление господства хаоса, дезорганизации, с которой непонятно что делать. Даже марксистско-ленинское манихейское, до предела конфликтное представление об обществе исходит из того, что космический классовый конфликт разрешается качественно новой целостностью.

То, что дезорганизации как одной из обобщающих характеристик общества не уделялось должного внимания, имело свои, прежде всего идеологические причины: стремление к апологетике, иллюзию стабильности общества, попытку уйти от опасного обсуждения проблем нестабильности общества, их причин, факторов. Теперь, однако,

ситуация изменилась на противоположную. Приобретают влияние идеи катастрофизма, имеют место попытки сформировать представления о благотворной роли хаоса. При этом забывают, что в отличие от физики, на которую ссылаются, рассуждая таким образом, подобные идеи в социальной науке означают согласие со смертью общества, гибелью людей; они влекут отказ от борьбы с хаосом в реальной жизни, что можно рассматривать как отказ от нравственности. Такие воззрения не могут быть приняты обществом не только как антигуманистические, но и как абсолютизирующие лишь одну сторону сложного противоречивого процесса динамики общества.

Среди факторов нестабильности важнейшим следует признать высокий уровень внутренней дезорганизации всех сторон жизни нашего общества, опасность ее нарастания, недостаточное развитие механизмов ее устранения. Дезорганизация в обществе, ее возникновение и преодоление, должна рассматриваться как дезорганизация человеческой деятельности, самого человека, механизмов формирования смыслов, решений, их реализации. Социологи говорят, например, об ослаблении управляемости страной, главным признаком которой является "нереализуемость принимаемых решений". Дезорганизация свыше какого-то уровня, дезорганизация общества, окружающей среды является одновременно и симптомом дезорганизации человека, его мысли, культуры, деятельности. М. Булгаков прекрасно знал, что "разруха не в унитазах, а в головах". Скажем, строительство БАМа "на десятки километров окружают "мертвые" зоны, изуродованная тайга... никто даже и не предполагал все эти ужасы и трагедию БАМа"²²⁴. Столь высокая и неожиданная для людей дезорганизация, массовое согласие с ней как фактором естественным, от нас не зависимым свидетельствует о глубоком неблагополучии в обществе.

Дезорганизация должна стать важнейшей категорией общественной науки. Невнимание к ней может быть условно оправдано лишь в относительно благополучных обществах — там, где общий уровень дезорганизации не выходит за рамки допустимого, где люди оказываются способными локализовать очаги повышенной дезорганизации, занимаясь повседневной деятельностью, где борьба с хаосом — естественная повседневная забота.

Смысл "дезорганизации" в том, что через нее общество интерпретируется с точки зрения пронизывающих его энтропийных процессов, постоянно разрушающих его параметры: формы отношений, элементы сложившейся культуры, жизненно важные функции социального организма. Дезорганизация проявляется как нравственная деградация (согласие на деградацию), разрушение личности, форм деятельности, распад целого на части и т.д. Этот процесс носит реальный характер. Одновременно существует и потенциальная опасность усиления дезорганизации, угроза которой никогда не исчезает и которую человек не может позволить себе игнорировать. Дезорганизация несет опасность перехода некоторой границы необратимости, после чего общество, сообщество уже не в силах задержать сползание к распаду, катастрофе. Россия в результате мощной внутренней дезорганизации испытала четыре катастрофы: падение Киевской Руси, Смутное время, падение монархии, крах СССР. Каждая из катастроф связана с разрушением большого общества, столкновением частей распадающегося целого, частей с центром, приводя к массовой гибели значительной части населения.

Осознание дезорганизации как подлежащей разрешению обобщенной проблемы означает, что именно здесь следует искать объект реформаторской деятельности. Опасность необратимой дезорганизации общества требует превращения его в предмет сдерживания, ограничения, снятия, преодоления, в задачу реформирования. Здесь, однако, проблема лишь начинается, она требует конкретизации.

Субъект реформы. Факт существования в обществе энтропии неизбежно

²²⁴ Степанов Ю. Скоростная магистраль через заповедные земли // Российские вести. 1995. 21 окт. С. 13.

выдвигает необходимость теоретического объяснения сохранения общества, существующего вопреки его постоянной дезорганизации. Именно здесь возникает вопрос, поставленный Г.Зиммелем: "Как возможно общество?". Сохранение общества вопреки энтропии объясняется одним — существованием однопорядковой антиэнтропийной силы, которая сдерживает дезорганизацию, повышает уровень организованности, эффективности функционирования. Речь идет о способности общества воспроизводить собственные отношения, культуру, личность, способную воспроизводить себя и свою способность к воспроизводству.

Пара "деструктивный энтропийный процесс — воспроизводственная способность" представляет исходную дуальную оппозицию, необходимую для объяснения сути общества. Спор между этими процессами — и одновременно полюсами логических оппозиций — есть спор о судьбе общества, его жизни и смерти, способности людей, в частности посредством реформ, его сохранять, улучшать.

Существование самовоспроизводственной функции является основанием для рассмотрения общества как субъекта, стратегически и тактически нацеленного на воспроизводство собственной жизни.

Общество-субъект может существовать, лишь организуя деятельность таким образом, чтобы ограничивать рост дезорганизации, в идеале снижать ее. Общество, следовательно, выступает, с одной стороны, как сфера постоянных энтропийных процессов, постоянно находящееся под угрозой разрушения и даже гибели, а с другой — как субъект творчества, способный воспроизводственными возможностями противостоять этому процессу. Субъект — носитель воспроизводственной деятельности осваивает рассмотренную выше дуальную оппозицию, превращает реальное и потенциальное отношение внешних энтропийных процессов во внутреннее содержание сознания, субкультуры, воспроизводственной деятельности. Жизнеутверждающий воспроизводственный процесс характеризуется конструктивной напряженностью, т.е. некоторой наработанной ценностнонасыщенной культурной программой, которая также осваивается соответствующим субъектом. Конструктивная напряженность — элемент воспроизводственного процесса — может рассматриваться как важнейшая категория общественной науки, несущая в себе ценностный вектор воспроизводства. Она фокусирует воспроизводственную энергию человека в определенном направлении — от хаоса к гармоничному обществу. Конструктивная напряженность является важнейшим элементом накопленного культурного богатства субъекта, необходимым элементом его культурной программы.

Человек осваивает ее вместе с культурой, превращает ее во внутреннее содержание сознания и деятельности. Этот процесс приводит к тому, что преодоление дезорганизации свыше определенного для каждой культуры уровня становится внутренней напряженной проблемой, кровным делом, содержанием повседневной жизни. Жизнь пронизана такими процессами, начиная от попыток вынести мусор из комнаты и кончая стремлением реформировать общество, человечество и иногда даже Вселенную. Эта деятельная напряженность включает в себя напряженное самоизменение субъекта, развитие его способностей осмыслить, разрешить проблему.

Смысл реформы заключается в том, чтобы обеспечить действия некоторого общественного субъекта (вопрос — какого), который смог бы реализовать некоторый нужный, полезный качественный сдвиг в соответствующей сфере жизни общества, сдвиг, противостоящий энтропии. Реформа — это масштабный качественный сдвиг в деятельности субъекта, его способности обеспечить своими усилиями поток конструктивных инноваций, их реализацию, воплощение.

Деятельность тех, кто формулирует проект реформ, пытается его реализовать, может рассматриваться как способность разыскать реального субъекта, помочь ему достигнуть определенного уровня самосознания, стимулировать его ресурсами, мобилизовать интеллектуальный потенциал и т.д. Этот тезис может вызвать возражение:

не группа профессионалов, способных сформулировать проект, должна искать субъекта, а наоборот реальный субъект (предприниматели, заинтересованные в развитии рынка), должен искать профессионалов, включать их в свою воспроизводственную, реформационную активность. Против такого подхода в принципе трудно возражать. Но специфика России заключается в том, что в ней потребность в самосознании группы отколота от группы и часто концентрируется (через особую интерпретацию) в группе интеллигентов. Недаром у нас не граждане создают партии, а партии создаются как мелкие группы, которые всякими правдами и неправдами ищут граждан (электорат).

Проблема связана с более общей — сущностью понятия общественного субъекта. Его, как и субъекта реформы, следует искать между полюсами оппозиции "личность — общество". Им может быть ученый или предприниматель, стремящийся к существенным изменениям в хозяйстве, неорганизованные слои, сословия, различные группы и т.д. Реальный субъект всегда носитель стремления, способности взаимопроникновения между этими полюсами, стремления обеспечить некоторую меру между ними. Эта мера может качаться между полюсом авторитаризма и полюсом отказа личности воспроизводить государство.

Сложность понятия субъекта заключается в том, что в странах с сильным влиянием традиционализма, низким уровнем личностного сознания имеет место массовизация и институционализация субъекта, он выступает коллективно, институционально, соборно. Личность в России исторически отождествляла себя с общиной: организационно, функционально, ценностно. Она как субъект хозяйственной жизни выступала в России в массовой форме, объединившись в сообщества. Необходимо взвешивать в каждый момент истории меру исторически изменяющейся способности личности выступать самостоятельно. Эта мера противостоит безличности, массовости и одновременно является ее характеристикой. Чем ниже эта мера, тем выше массовость и тем активнее попытки государства заместить личность в качестве субъекта.

Следовательно, возможно бесконечное разнообразие субъектов хозяйственного развития, занимающих разное место в диапазоне между полюсами господства синкретического, нерасчлененного, соборного субъекта и субъекта-личности. Эти два полюса в значительной степени совпадают с полюсами господства в хозяйстве натуральных отношений и господства рынка.

Опыт мировой истории показывает, что хозяйственное развитие, как и любая форма общественного развития, — результат личной инициативы, массового стремления носителей инициативы повышать эффективность труда, воспроизводства хозяйства, общества в рамках сложившихся форм, способности создавать новые формы отношений, обеспечивая переход от натуральных к товарно-денежным (рыночным) отношениям.

Массовизация личности означает, что можно говорить и о другом субъекте — обществе, организованном в государство, о многообразии субъектов: групп, сообществ-предприятий, семей, клубов и т.д. Их многообразие можно рассматривать как расположенное в логическом пространстве между двумя полюсами общественного субъекта: личностью и обществом.

Государство играло важнейшую роль в традиционном обществе как инструмент принудительной циркуляции ресурсов, фактор организации мощных, требующих гигантских затрат сооружений: военных, хозяйственных, ритуальных. Главная хозяйственная функция государства исторически складывалась как сохранение сложившихся форм хозяйства (что требовало подавления существенных инноваций, включая конструктивные), их приспособления к интересам целого, но в формах, приемлемых для государства.

Воспроизводство и культурная программа. Для того, чтобы понять, как вообще может существовать общество, сообщество, устойчивая связь между людьми, элементами культуры, эти явления должны быть осмыслены через оппозицию "воспроизводственная деятельность — дезорганизация субъекта". Реальная жизнь интересующего нас

общественного явления может быть осмыслена как процесс взаимопроникновения полюсов оппозиции, как реализуемая способность вопреки дезорганизации воспроизводить исторически сложившееся сообщество, сохранять или даже повышать эффективность его воспроизводственных функций. Реальная жизнь сообщества может быть понята как процесс возрастающей дезорганизации, энтропии, возможно переходящей через порог необратимости, ведущей к распаду, катастрофе. Но рост дезорганизации методологически может рассматриваться как результат недостаточной воспроизводственной способности субъекта противостоять разрушительным процессам. Здесь возникает ряд сложных теоретических проблем. Важнейшая из них в том, что этот процесс может иметь место при условии взаимопроникновения смыслов двух полюсов, их постоянного диалога. Только в этом случае воспроизводственная активность субъекта сдерживает рост дезорганизации, обеспечивает повышение эффективности функционирования сообщества. В том случае, если взаимопроникновение разрушается, возникает состояние раскола, что парализует возможности в необходимых масштабах сдерживать рост дезорганизации.

Важнейший элемент воспроизводственной деятельности субъекта — поиск меры между воспроизводственной функцией субъекта, его важнейшими параметрами, с одной стороны, и дезорганизацией — с другой. Постоянный поиск меры в процессе изменения условий, средств и целей делает ее постоянной проблемой. Неспособность достаточно эффективно повседневно и на всех уровнях решать эту задачу повышает вероятность опережающего роста дезорганизации, угрозы катастрофы.

Сложность многообразных проблем требует и соответствующей сложности ответов, что в свою очередь требует адекватной сложности теории. Обращает на себя внимание общий недостаток существующих теорий общества. В них слабо осознается, что поток конструктивных инноваций постоянно порождает несоответствие между культурой и сложившимися отношениями. Существенная инновация всегда нарушает соответствие между ними, что чревато ростом дезорганизации, снижением эффективности человеческой деятельности. Необходимо объяснить, каким образом в этих условиях возможно согласие общества на инновацию, каким образом общество реагирует на разрыв между культурой и сложившимся социальным, государственным порядком. Исключительная важность этой проблемы, видимо, плохо осознается в странах, где общество на основе признания высокой ценности инноваций сумело повседневно преодолевать разрыв между культурой и социальными отношениями, постоянно развивая культуру, приспособлявая к своим ценностям и целям свои отношения, институты, сообщества.

В странах, где выше ценят исторически сложившиеся отношения, чем поток конструктивных инноваций, повышение эффективности, дело обстоит иначе. Возникает сложная социокультурная дезорганизация, связанная с расхождением потребностей в росте ресурсов и недостаточной потребностью в росте способности формировать соответствующие формы воспроизводства, необходимых для этого отношений. Здесь можно видеть внутрикультурный и одновременно социальный конфликт. В России на этой основе развился высокий уровень дезорганизации, угрожающей необратимостью.

Задача решения столь сложных социокультурных проблем заключается прежде всего в том, чтобы сформулировать такую направленность мысли, которая, проходя определенные логические ступени конкретизации, последовательно бы формировала все более содержательное представление о той сфере, где человек может во все более сложных условиях использовать все более сложные средства для решения все более сложных целей, держать уровень дезорганизации в допустимых рамках, повышать свою способность это делать.

Теория, которая могла бы быть теоретическим основанием проекта реформы, требует рассмотрения общества и государства как несущих в себе потенциал дезорганизации. В благополучных по российским масштабам обществах, где это

обстоятельство не вызывает беспокойства, где дезорганизация привычно и повседневно сдерживается обществом в определенных рамках, повышенные очаги дезорганизации блокируются и т.д., правомерен и иной подход к обществу (обращение внимания прежде всего на устойчивые структуры, на сложившиеся формы и функции). В России, особенно после пережитых катастроф XX в., возникает потребность в социологии, которая бы выдвигала вперед проблему преодоления, обращения вспять разрушительных процессов. Следует отметить, что идеология большевизма пыталась воздействовать на общественную науку именно в этом направлении. Однако делалось это в архаичных мифологических формах, где каждый акт дезорганизации рассматривался как результат козней некоторых злых сил, которые нужно подавить силой, — отвечать на дезорганизацию еще более сильной дезорганизацией. Высокий уровень дезорганизации заставляет нас учиться жить, мыслить, работать в высоко дезорганизованном мире.

Исторический опыт России четко предостерегает против того, чтобы видеть решение всех проблем в некоей ограниченной формуле: спасение России — в кукурузе, торфо-перегнойных горшочках, разведении кроликов, избии врагов народа, захвате Константинополя и т.д. Хотя кукуруза, безусловно, полезная вещь, но ее тупое возведение на уровень всеобщего средства свидетельствует, что мы еще не ушли от тотемизма, где тотем, например кролик, змеиная гора и вообще что угодно, рассматривался как тот субъект, который решит за нас наши проблемы. Проблема реформы методологически не может быть редуцирована к проблеме объекта, его элемента. Проблема не в кукурузе или любой другой вещи, а в способности ее разумно использовать, воспроизводить, освоить в своей культуре и т.д.

Решение проблемы реформы следует искать в сфере способности субъекта воспроизводить собственными силами дуальную оппозицию на основе взаимопроникновения ее полюсов. Это означает, что может существовать, т.е. не погибнуть от роста дезорганизации, лишь такой субъект, который обладает способностью проникаться объективными, предметными характеристиками объекта, овладевать его внутренней логикой. Субъект, с должной глубиной и широтой неспособный проникнуться логикой объекта, не может существовать. Но одновременно не погибнуть от дезорганизации может лишь такой субъект, который окажется способным навязать объекту свои ценности, формировать его по своему образу и подобию. Очевидно, что эти две стороны воспроизводства противоречат друг другу, что несет в себе возможность потока разрушительной дезорганизации.

Поэтому реально может существовать, не погибнуть лишь такой субъект, который способен в воспроизводственной деятельности синтезировать эти два процесса (проникание субъекта логикой объекта, проникание объекта ценностями субъекта). Отсюда исключительное значение для поставленной проблемы категории воспроизводства как функции субъекта. Субъект существует до тех пор, пока оказывается способным воспроизводить свою культуру, свои отношения в их динамике.

Воспроизводство — сложнейшая социокультурная категория, категория, являющаяся фокусом, каналом, механизмом взаимопроникновения культуры и человеческих отношений. Важнейшей характеристикой воспроизводства является "эффективность", определяющая меру способности субъекта воспроизводить себя, ограничивая, преодолевая угрожающую дезорганизацию. Эта способность может на разных этапах динамики любого общества повышаться или понижаться. Она может быть достаточной или недостаточной с точки зрения исторически сложившихся потребностей общества, условий, средств и целей жизнеустойчивости.

Экономическая эффективность является ее частным случаем; существует не во всех культурах. Эффективность воспроизводственной деятельности субъекта может быть оценена, взвешена в диапазоне между вектором, нацеленным на сохранение эффективности деятельности на исторически сложившемся уровне, и вектором, нацеленным на ее повышение.

Следовательно, поиск специфики реформ приводит в весьма сложную специфическую сферу реальности — в сферу наличных и потенциальных способностей людей. Углубление в эту сферу позволяет получить ряд любопытных результатов.

Конфликт — предпосылка дезорганизации; условия его блоки-рспапкя. Анализ культурного текста соответствующего субъекта позволяет вскрыть масштабы и силу исторически накопленной конструктивной напряженности, направленной против хаоса, угрожающего поглотить общество, позволяет понять, что в (суб) культуре субъекта существует некоторый приемлемый уровень дезорганизации, подчас вызывающий удивление у другого субъекта. Например, наблюдения над сибирской деревней показывают, что "даже в самой благополучной части самой благополучной деревни есть какой-то элемент беспорядка, развала, неустройства: то выбита доска из забора, то часть его завалилась, то свалка битого кирпича или ржавого железа. Даже начинается деревня со свалки, помойки, кладбища ржавой техники или уж, по крайней мере, с пустыря, убитого строительным мусором... если кто-то чинит или красит забор, тут же находится таинственный кто-то, кто ломает и гадит, — пусть немного, пусть чуть-чуть, но так, чтобы элемент неустроенности, беспорядка, неуютя всегда находился в поле зрения. Деревня явно поддерживается именно в таком состоянии. ...Так же выглядит и изрядный процент сельских жителей. Грязная одежда, оторванные пуговицы, невысморганные носы, небритые физиономии — это норма... То же самое — в организации жизни, даже в организации дела... То же в отношении собственного здоровья, собственной безопасности. Выходить на работу с гриппом, с приступом холецистита, с сердечным приступом, с коликами в печени — обычное и даже вроде бы почтенное дело... Хаос в современной деревне — это не что-то случайно возникшее, легко устранимое, а неотъемлемая часть мироощущения, важный элемент картины мира. Вселенная во всех ее проявлениях и во всех масштабах составляющих ее частей... мыслится, как нечто полуразрушенное, несовершенное, не способное нормально функционировать"²²⁵.

Конструктивная напряженность группы, личностной культуры несет в себе представление о приемлемой для субкультуры этой группы мере хаоса, уровня дезорганизации, о том, что осознание необходимости сдерживать их рост касается лишь уровня, лежащего свыше этой приемлемой меры. Крайне важно, что осознание приемлемости некоторой меры дезорганизации для соответствующего субъекта вовсе не означает, что именно эта мера гарантирует реальное воспроизводство, сохранение субъекта. Приведенный пример — это как раз такой случай. Признанная в этой группе мера дезорганизации ведет ее к деградации, исчезновению, так как мера допустимого в данной культуре уровня деструкции оказывается (опасной, не обеспечивающей стабильности. Более того, этот уровень (дезорганизации защищается, воспроизводится субъектом. Он, видимо, рассматривается как знак бедности, призыв к внешнему миру о помощи, и сам этот призыв расценивается как устойчивая норма собственного образа жизни, воспроизводства.

Этот пример показывает, что не исключена ситуация, когда фиксированные в культуре масштабы хаоса оказываются близкими к критической границе необратимости, важнейшие элементы культуры, программы воспроизводства оказываются недостаточными для обеспечения стабильности общества, конструктивная напряженность не несет достаточные предпосылки для воспроизводства соответствующей группы. В этом случае напряженность нуждается в критике, с целью доведения ее до состояния, способного обеспечить воспроизводство субъекта, предотвратить его гибель. Это значит, что в критике нуждается весь исторический опыт, породивший по сути саморазрушительную культуру. Здесь ключ к пониманию способности субъекта сохранить себя, преодолеть опасную неспособность остановить деструкцию.

Конструктивная напряженность охватывает все формы жизни соответствующего

²²⁵ Буровский А. Короткоживущие // Знание — сила 1994 № 5. С 72—73.

субъекта: быт, материальное производство, организационные формы жизни, этикет и т.д. Необходимость вычитывать в каждой культуре степень и масштабы способности противостоять деструкции требует внимания прежде всего к узловым элементам жизни общества, деструкция которых особенно опасна. Выбор и субординация этих элементов — важнейшей предмет науки об обществе. Например, экономист может считать таким элементом способности противостоять безработице, которые "могут произвести необратимые перемены в сторону общей деградации..."²²⁶.

Возможно, однако, что среди всех форм жизни общества эстетика повседневной жизни как специфическая форма борьбы с дезорганизацией может играть роль сигнала общего состояния конструктивной напряженности, способности субъекта обеспечить стабильность. Красота не может спасти мир, если это изречение понимать буквально, но без повседневной красоты, возможно, исчезает желание его спасать. Анализируя причины успешной модернизации в Японии, Хорос отмечает существование интересной детали, не случайной в глазах русского человека еще полуторавековой давности: "Чистота, порядок, организованность быта — важнейшие показатели культуры общества, его цивилизованности". Это обстоятельство, рассматриваемое как элемент "культурного фактора, — составляет главное отличие, определяющее более успешный исход модернизации в Японии по сравнению с Россией"²²⁷. В связи с этим нельзя не отметить, что возникающие на современном этапе нашего развития частные магазины отличаются более высоким уровнем чистоты, внешними признаками цивилизованности, что создает образцы для торговли, всего общества. Без сомнения, это обстоятельство не является определяющим для оценки происходящих в нашем обществе изменений, но столь же несомненно, что и игнорировать его невозможно.

Дезорганизация, однако, не простая категория. Ее нельзя свести к некоторому воплощению абсолютного зла. Она не только отсутствие порядка, его недостаток, ущербность, разрушение, но и определенная характеристика порядка, особый порядок. Однако это такой порядок, который подает сигналы о своем плохом самочувствии, о возможности дальнейшего ухудшения состояния, вплоть до сползания к катастрофе. Негативная оценка дезорганизованного порядка определяется не случайными вкусовыми предпочтениями, но прежде всего негативным отношением, заложенным в любом человеческом сообществе к собственному разрушению, гибели.

Источники дезорганизации бесконечны. Важнейшие из них — конфликты, угрожающие превратить организованность в дезорганизацию. Люди давно осознали опасность конфликтов для сохранения воспроизводства, самого субъекта. Это стимулирует поиск различных методов нейтрализации конфликтов, в частности их прямого подавления (что само можно рассматривать как иную форму конфликта), например вытеснение внутреннего конфликта вовне. Страх перед внутренним конфликтом был в истории фактически страхом перед дезорганизацией, могущей выйти за приемлемые для общества рамки. Однако люди интуитивно, а сегодня вполне осознанно, приходили к выводу, что существует некоторый необходимый уровень дезорганизации, без которого общество не может существовать. Некоторый уровень дезорганизации — необходимый элемент все той же конструктивной напряженности, условие поддержания некоторого уровня тревожности, настороженности, опасений, страха.

В любой культурной программе содержится некоторый допустимый уровень дезорганизации. Он необходим для того, чтобы человек постоянно, повседневно был готов встречать реальную угрозу, идущую не только от внешнего врага, но и от него самого, его пассивности, равнодушия к жизни. Недаром Штейнер говорил: для того, чтобы быть здоровым, надо быть немножечко больным. Только в этом случае человек чувствует

²²⁶ Львов Д. Пробелы в науке — провалы в экономике // Независимая газета. 1995. 22 марта. С. 3.

²²⁷ Хорос В.Г. Русская история в сравнительном освещении. М., 1994. С. 55, 57.

реальную потребность в здоровье, соответствующих действиях, соответствующей программе воспроизводства. Только в этом случае сохраняется определенная психологическая напряженность, способствующая освоению фиксированной в культуре конкретной формы напряженности. В этой связи интересны формы культивирования определенной дезорганизации в определенных рамках, например ритуальные драки, известные на Руси как побоища между парнями разных деревень, улиц. Функции этих столкновений — поддерживать определенным образом организованный "дух молодечества". Однако не следует забывать, что эти формы дезорганизации могут в определенной ситуации выходить из-под контроля стариков, сообщества в целом и выплескиваться в окружающую среду, создавая мощные очаги разрушения, превращаясь в массовые беспорядки, погромы, бунты, угрожающие обществу, разрушающие государство. Иначе говоря, и это крайне важно, как методы подавления дезорганизации, так и методы поддержания определенного ее ограниченного уровня несут опасность неконтролируемого выхода дезорганизации за некоторые санкционированные соответствующей культурой рамки.

Дезорганизация может проявляться в разных формах. Любую деятельность, обычный труд можно рассматривать как форму дезорганизации, если он приводит к снижению эффективности, не противостоит факторам, приводящим к снижению результативности. Важнейшей формой нарастания дезорганизации, нестабильности является неразрешенный конфликт. Он ограничивает возможность принятия антиэнтропийных решений, повышать организованность сообществ или даже сохранять ее на достигнутом уровне. Эта проблема на материале истории России практически не исследована. Без сомнения, одна из причин игнорирования обществом опасности дезорганизации заключается в том, что не было теории, которая бы анализировала место дезорганизации среди других проблем. Методология социокультурных исследований выдвигает проблему опасности дезорганизации и сохранения и улучшения механизмов ее устранения на первый план. Если быть более точным, эта методология вопреки традиционной социологии, рассматривает дезорганизацию как полюс дуальной оппозиции, которая, разрушая и одновременно стимулируя деятельность, формирует человеческую реальность, но на границе с нечеловеческой, дочеловеческой реальностью, на постоянной границе между жизнью и смертью, между творческим воспроизводством и человеческим бессилием преодолеть мощь дезорганизации условий, средств и целей человеческого существования.

То обстоятельство, что каждая культура требует определенного уровня дезорганизации, не должно скрывать необходимости знания — не представляет ли санкционированный уровень дезорганизации в (суб) культуре опасность для субъекта? Например, личностная субкультура хулигана, наркомана, обжоры и т.д. создает ситуацию повышенной опасности. Возможен и противоположный пример — санкционирование низкого уровня дезорганизации в обществе, где система подавления разрушает жизненно важные потенции общества, опасно для субъекта, всего общества тем, что подавляет очаги творчества.

Раскол. История России дает возможность сделать вывод — конфликты в России достигают громадных масштабов, несут угрозу уничтожения значительной части населения (в истории страны наблюдаются периодические попытки народных восстаний истребить весь правящий слой, ответные попытки массового террора, нацеленного на повсеместное истребление части населения). Однако одновременно массовая дезорганизация заглублена на микроуровень, угрожая мощным всплеском, поглощающим общество. Все это является формой проявления существующего в стране раскола — конфликта особого рода, пронизывающего общество и не имеющего в данный исторический момент адекватного механизма преодоления.

Одна из характеристик раскола заключается в том, что он представляет собой бесконечное многообразие неразрешимых конфликтов, которые могут казаться мало

связанными, но реально определяемыми общим состоянием общества.

Большой интерес представляло бы историческое исследование, тролслеживающее связь конфликтов и масштабов дезорганизации в тролссе усложнения общества. В качестве примера устойчивой дезорганизации можно рассмотреть отношения в деревне Тамэвской губернии до отмены крепостного права. В недавно вышедшем исследовании раскрывается глубокая конфликтность русской крестьянской общины, глубокая дезорганизация патриархальной семьи — этих массовых локальных сообществ: "Повсеместно царил дух несотрудничества, огульное насилие и равнодушие..."; жизнь "изобиловала враждой, насилием, мстью, за-аистью, страхом и руганью. Патриархальный двор скреплял общество, прибегая к наказанию для того, чтобы заставить крепостных подчиниться..."; "Недоверие, подозрительность и социальный конфликт стали основными чертами и разрушительными моментами жизни крепостных, а насилие было обычным средством разрядки накапливавшейся напряженности"²²⁸. Налицо широкое распространение неповиновения, неподчинения власти, пренебрежение к работе, хулиганство. Важный вывод заключался в том, что "поддержание порядка, по сути, расходилось с необходимостью четкого выполнения производственных заданий"²²⁹.

До XIX в. насилие считалось приемлемой формой разрешения деревенских конфликтов во Франции, Германии, Англии. Государственная власть в этих странах мирилась с ними, не считала их существование- опасным для себя, сложившихся порядков, рассматривала их как элемент этих порядков. В России дело обстояло иначе. Власть не мирилась с насилием на локальном уровне, так как оно сказывалось на эффективности хозяйственного порядка, а также несло в себе потенциал массовых социальных беспорядков, опасных для слабого государства. В России власть чувствовала опасность в высоком уровне дезорганизации для стабильности общества, государственности даже на повседневном уровне деревенской жизни. Народная почва постоянно несла угрозу стабильности. Значение этого обстоятельства для судьбы страны, как и его истоки, не привлекали должного внимания исследователей.

Каким образом общество вообще реагирует на повышенную конфликтность, ведущую к опасному уровню дезорганизации? В современных западных странах в качестве одного из таких средств выступает конфликтология, которая нацелена на повышение способности личности разрешать конфликты, превращать потенциал конфликта в фактор, обеспечивающий преодоление конфликта. Однако обращение к конкретным историческим ситуациям помогает понять, что возможны конфликты, угрожающие обществу, которые оно на данном уровне его развития устранить не в состоянии (хочет, но не может, или вообще не представляет гибельность сложившейся глуиокой дезорганизации). В этом случае на первый план выходят другие методы. Одним из них является стремление государства понизить опасный уровень конфликтов, дезорганизации, подавляя их.

Власть в России жила в постоянном страхе перед тем, что конфликты породят море дестабилизации, поглотят страну. Вспомним постоянный страх, который испытывал Иван Грозный. Специфика власти в России заключалась в том, что она пыталась подавлять эту опасность, вторгаясь в конфликты на нижних уровнях.

Жалобы крестьян на помещика, которые долгое время были запрещены, рассматривались как признак волнений. Власть всеми силами пыталась влезать в каждый атом общества, создавая специальные органы контроля, слежки, подавления. Процесс наращивания элементов тоталитаризма можно проследить, начиная от опричнины, тайной канцелярии царя Алексея, прокуратуры XVIII в., первого и третьего отделений канцелярии Николая I и т.д. Этот процесс не имел аналогов в других обществах. Высшей точкой этого процесса был период, когда во времена Сталина за

²²⁸ *Хок Л.С.* Крепостное право и социальный контроль в России. М., 1993. С. 163.

²²⁹ Там же. С. 169.

анекдот давали 10 лет.

Власть делала все возможное, чтобы подавить предпосылки дезорганизации на дальнейших подступах к возникновению оппозиции. Но тем самым она готовила собственный крах — задача была неразрешима. Сдерживать массовую дезорганизацию снизу силами государства можно лишь до тех пор, пока дезорганизация не начинает переходить некоторый уровень. Накопление может носить скрытый характер, иметь разную форму — форму психологического и культурологического отчуждения народа от власти. Анекдот во времена тоталитаризма, производя между людьми некоторую дезорганизацию, сбивая, корректируя в минимальном масштабе официальную программу воспроизводства общества, в конечном итоге порождал (точнее, был авангардом процесса, имеющего бесконечно много форм) море дезорганизации, которая сделала воспроизводство тоталитаризма невозможным. Наступал момент, когда эффект государственного подавления конфликтов, дезорганизации порождал еще большую дезорганизацию.

Существование в стране мощных факторов дестабилизации несло опасность необратимости, возможности гигантских выбросов почвенной архаики, достигающих вершин государственности. Это в конечном итоге приводило к попыткам снять дезорганизацию через распад общества и власти. Иначе говоря, общество-субъект сложилось как недостаточно способное превратить множество конфликтов, дезорганизацию, раскол в стимул развития диалога. Конфликт перешел в России тот рубеж, когда он превратился в раскол, — в некоторую машину, предотвращающую распад ценой массового потока дезорганизации. И, наконец, была сделана утопическая попытка построить упрощенное общество низшего класса. При этом оно пыталось парадоксальным образом опереться на высшую технологию. В оппозиции "дезорганизация — способность субъекта значимо ограничивать дезорганизацию" первый полюс оказался сильнее.

Таким образом, любые попытки сталкиваются не просто с повышенным уровнем дезорганизации, но со сложным устройством общества, где делается попытка превратить дезорганизацию, ее изощренные формы в средство предотвращения еще большей дезорганизации. Однако этот путь приводит в конечном итоге к опасным последствиям, что требует перехода от манипулирования старыми возможностями общества к формированию новых, отвечающих более высокому уровню общества.

Возможности субъекта. Какова бы ни была причина и масштабы социокультурной дезорганизации, есть одна вещь в мире, которая может ей противостоять. Если судьба общества — результат деятельности субъекта, то, следовательно, проблемы реформы, ее эффективности определяются возможностями конкретных субъектов, возможностями углубления, расширения этих возможностей. Субъект выступает прежде всего как субъект возможностей воспроизводства. Эта человеческая возможность — по сути фокусная проблема современного мышления, современной философии. Именно на этой форме человеческой реальности должно быть сфокусировано дальнейшее исследование проблем преодоления дезорганизации и судеб реформ.

Поиск возможностей субъекта как формы реальности требует особой методики. Возмол ность приобретает реальную, познаваемую форму, если она запечатлена в культуре соответствующего субъекта. По сути дела, отсюда разматывается запутанный клубок, ведущий к выявлению возможностей субъекта реализовать те или иные замыслы реформаторов.

Культура, в какой бы форме она ни выражалась, имеет смысл, если является культурой определенного субъекта; субъект несет в себе, постоянно воспроизводит свою (суб) культуру, цели, ценности, представления о возможностях, средствах, условиях жизнедеятельности. Деятельность субъекта, как бы она ни интерпретировалась, должна рассматриваться как культурно-содержательный процесс.

Культура есть постоянно формирующаяся организация исторически приобретаемого опыта субъекта. Сложившаяся культура непрерывно осваивается, превращается во внутреннее содержание сознания и деятельности человека на протяжении его жизни. Множество характеристик деятельности групп, личности фиксированы в культуре, в субкультуре, в личностной культуре. Отсюда возможность изучения деятельности субъекта через его личностную культуру, (суб) культуру. Необходимо выделить значимые параметры, представить их в систематическом виде. Трудность в том, что содержание культуры практически неисчерпаемо для личности. Нужно научиться задавать культуре соответствующие вопросы и искать способы получения ответов.

Поиск путей выделения значимых параметров требует опоры на теорию, которая нашла бы связь между содержанием культуры, культурной программы и действием субъекта. Воспроизводство субъекта далеко от автоматизма, оно зависит от того, с какой полнотой, в каком аспекте накопленная культура стала содержанием личностной культуры, субкультуры соответствующей группы. Здесь путь к потенциально бесконечному разнообразию культурных программ. Сущность субъекта не сводится к способности следовать исторически наработанной программе, но возвышается до способности ее изменять. Эта проблема есть иное выражение способности субъекта идти по пути развития, расширения его собственных возможностей, формировать поток конструктивных инноваций.

Изучение механизмов изменения (суб) культур, их воспроизводственных программ может быть успешным лишь в том случае, если оно опирается на знание первичной клеточки культуры, где имеют место в максимально неосложненном виде инновационные процессы. Культура организована как множество дуальных оппозиций. Последние можно рассматривать как форму организации исторически накопленного опыта, в которой наблюдаются важнейшие специфические для культуры процессы. Личность, осваивая культуру, сталкивается с дуальной оппозицией как максимально простой, легко осваиваемой.

Человек, принимая решение, планируя действие, формируя новый атом смысла, может завершить каждый из этих актов, лишь преодолевая противоположность смыслов двух полюсов, противоположность их ценностных векторов. Без этого культура одновременно ориентирует субъект в противоположных направлениях. Человек не может одновременно в одном и том же смысле оценивать одну и ту же инновацию противоположным образом. Это может дезорганизовать воспроизводство, разрушить субъекта, стимулировать психическое расстройство. Дуальная оппозиция кажется простой, как проста система, состоящая из "да" и "нет", или "нуля" и "единицы". Но из такого рода пар формируются сложнейшие системы. Оппозиции "добро-зло", "верх-низ", "инновация-неизменность" и т.д. постоянно осваиваются человеком. Мир осмысливается через бесконечную систему оппозиций, организующую культуру.

Субъект при формировании смысла, вынесении решения и т.д. должен искать некоторый синтез содержания полюсов, преодолеть оппозицию. Культура организована таким образом, что в ней заложена возможность, которая может быть реализована лишь в процессе эмоционального, интеллектуального, культурного напряжения субъекта. Субъект, осваивая культуру, одновременно осваивает заложенный в ней вектор, который нацеливает на реализацию одних ценностей и отказ от других (на более высокий уровень товарно-денежных отношений и отказ от господства натурального обмена, на добро в противоположность злу, на город в противоположность деревне и так до бесконечности). Освоенный вектор превращается в вектор конструктивной напряженности субъекта, реальное содержание его эмоциональной, интеллектуальной жизни, живое содержание воспроизводства. Здесь исследование подходит к узловым пунктам механизмов функционирования культуры в процессе формирования смыслов, решений, движения мысли.

Формирование смыслов, решений в культуре. Культура устроена так, что делает ее

освоение человеком не механическим считыванием знаков, но напряженным сложным процессом. Фундаментальная особенность этого процесса заключается в том, что осваиваемые элементы культуры всегда абстрактны, они сформировались в прошлом, когда условия, средства, цели были иными. Результат считывания лишь предпосылка необходимого смысла, необходимого решения, которое требует от личности быть субъектом конкретизации ранее сложившихся смыслов. Этот процесс включает превращение подлежащего осмыслению явления, например идентификации точки на горизонте через сконцентрированные в системе оппозиций ранее наработанные смыслы культуры, смыслы, которые предстают перед субъектом как противоположные полюсы оппозиций. Новый смысл, новое решение всегда преодоление этих оппозиций, которое подчиняется логике формирования смыслов, культуры.

Движение мысли в процессе формирования решений, осмысления включает возможность циклов перехода от одного полюса к противоположному и обратно. Это движение амбивалентно, т.е. смыслы, сконцентрированные в каждом из полюсов любой оппозиции, превращаются в новый смысл, новое решение, лишь взаимопроникаясь смыслом противоположного полюса. Взаимопроникновение смыслов противоположных полюсов в точке вновь осмысляемого явления составляет сердцевину логики этого процесса.

Последняя сама поляризуется. На одном полюсе логика инверсии, моментальной смены смысла на противоположный (переход от оценки явления как носителя добра к его интерпретации как носителя зла и обратно). Инверсия способна оперировать лишь ранее накопленными знаниями (она подменяет один ранее сложившийся элемент культуры другим, один полюс оппозиции противоположным).

Акт осмысления получает стимул от сдвига в ситуации, он способен изменить состояние субъекта с комфортного на дискомфортное, т.е. превратить явление, ранее оценивавшееся как безопасное, приятное, домашнее, в воспринимаемое как опасное, отвратительное, лишаящее человека пристанища, безопасности. Это изменение состояния может случиться под влиянием разных причин: политики правительства, введения денежных податей вместо натуральных повинностей, массового страха перед крушением господствующих представлений о справедливости и т.д. Массовый дискомфорт может стимулировать активизацию древних ценностей, массовое насилие, попытки уничтожить мифического "виновника" изменений. В России вопрос "кто виноват?" занимает важнейшее место в культуре.

Инверсия является крайним случаем медиации, фактически отрицающей взаимопроникновение полюсов. Леви-Строс, открывший возможность понимания сути культуры через дуальные оппозиции, рассматривал ее как "нахождение среднего звена (медиации) между этими двумя антагонистическими членами противоположностей"²³⁰.

М.Бахтин считал, что смысл рождается между смыслами, т.е. появление нового смысла, новое решение есть результат движения мысли, диалога между смыслами, сфокусированными в оппозициях. Бахтин помогает понять, что каждая оппозиция существует только для того, чтобы исчезнуть в новом смысле. Вектор в каждой клеточке культуры — свидетельство способности человека преодолевать оппозицию. Через медиацию человек, как бы сканируя между полюсами, формирует новые смыслы, выходя в новое логическое пространство, углубляет содержание старых оппозиций, формирует новые. Тем самым между полюсами оппозиций возможно формирование неопределенно большого количества многообразных решений, смыслов, например в диапазоне между рынком и дорыночным хозяйством.

Анализ клеточки культуры открывает поразительные заложенные в ней логические возможности сохранения сложившихся решений и одновременно формирования новых. Отсюда задача науки — исследование этих возможностей, выявление того, каким

²³⁰ Леви-Строс К. Структурная антропология М., 1983 С. 208

образом реализуются исключаящие друг друга варианты, как в самой культуре, культурных программах, так и в системе общественных отношений.

Возникает вопрос — каким образом одномоментно происходит выбор одной возможности из всех, содержащихся в культуре? Важное обстоятельство облегчает решение этой проблемы. Культура накапливает решения и несет их в себе в обобщенном виде. Надо лишь уметь обнаруживать их и конкретизировать.

Типология нравственных **оснований смыслообразования**. Качественное разнообразие возможных решений, смыслов в рамках дуальной оппозиции говорит о формировании в культурах внутренних глубоких качественно разнообразных форм, специфических пластов, каждый из которых характеризуется типом вектора конструктивной напряженности.

История культуры включает формирование ее специфических пластов, уровней, что должно стать предметом культурологической науки. Возникновение каждого из них является ответом общества на усложнение проблем изменением, ростом способности формировать более сложные смыслы, принимать более сложные решения. Ранее сложившиеся пласты оттесняются на задний план, возможно, в ожидании ситуации, открывающей путь своему победоносному возвращению. Возникает необходимость сравнения этих пластов через обобщающий показатель.

Некоторые исследования пытаются ограничить задачу анализом факторов хозяйственных инноваций, уровнем экономической инициативы. Такой подход при всех его достоинствах игнорирует то, что стимулы хозяйственного развития лежат в сфере ценностей, логики принятия решений, точнее, способности человека ее совершенствовать, повышать эффективность воспроизводства. Она измеряется способностью сдерживать, ослаблять дезорганизацию, решать все более опасные сложные проблемы, отвечать на вызов истории.

Анализ истории России позволяет выделить пласты культуры, существенно отличающиеся векторами конструктивной напряженности, их нацеленностью на разный уровень и характер эффективности. Они характеризуются разным уровнем приверженности к крайним формам инверсии, разным уровнем и формой организации человеческих возможностей. Эти пласты — варианты единой культуры, которые в целом содержат исторически накопленное разнообразие программ воспроизводства. В основе каждого из этих пластов лежит представление об общем характере, форме человеческих отношений, что позволяет говорить об их нравственном содержании. Освоение людьми каждого из них означает превращение его в нравственный идеал, т.е. в подлежащий воспроизводству идеал отношений, комфортных для субъекта.

1. Традиционный пласт, который в России может быть назван вечевым, существовал с доисторических времен. Для него характерен синкретизм, неотличимость деятельности от результата, средств от условий целей, стремление человека раствориться в сложившихся природных и социальных ритмах. В своей основе этот пласт нацелен на сохранение в неизменном состоянии некоторого исторически сложившегося уровня эффективности воспроизводства, т.е. способности сдерживать дезорганизацию на приемлемом для выживаемости общества уровне. Это отношение к эффективности несовместимо со стремлением к развитию рынка. Воспроизводство этого идеала воссоздает систему архаичных догосударственных отношений. Усложнение общества, возникновение государства стимулирует распад веча на соборный и авторитарный.

2. Соборный пласт связан с определенным ограниченным отступлением от синкретизма, что, однако, не исключает его сохранения на уровне ценностей как утраченного идеала, который тем не менее содержит требования вернуться к синкретизму. Это открывает крайне ограниченные возможности роста примитивных форм рынка, *базара*, эффективности. Для этого пласта характерен вектор напряженности в рамках локального сообщества, стремление к автаркии. Исторически этот идеал может использоваться как нравственная основа для формирования определенных ограниченных форм

государственности, основанных на представлениях об отношении братьев между собой.

3. Авторитарный пласт однороден с соборным. Однако здесь вектор напряженности охватывает государство, большое общество (он выходит за рамки групп, где люди знали друг друга в лицо). Их заинтересованность в получении возрастающего дохода требовала повышения эффективности. Это стремление, однако, вступало в противоречие с высокой ценностью в этом идеале "тишины" и "покоя". Он используется как нравственное основание для формирования определенных форм государственности, основанных на представлении об отношении отца со своей семьей, прежде всего сыновьями.

4. Для утилитарного пласта культуры, имеющего в России многовековую историю, характерно ценностное отношение к миру как набору реальных и потенциальных средств. Это должно было обеспечить условия сначала поддержания исторически сложившейся эффективности (умеренный утилитаризм), а затем ее повышения (развитый утилитаризм). Последний может иметь место при неразвитом рынке, нацеливая на обмен дефицитом, коррупцию. Для утилитаризма характерно медленное наращивание потенциала модернизации, что не исключает возможности обратного движения. Утилитаризм не может быть основой государственности, так как не имеет базы сбалансирования частного и общего интереса. Однако он может быть важным элементом этой базы.

5. Либеральный пласт культуры, господствующий в развитых странах Запада, связан с повышением эффективности как высшей ценности. Реализуется в условиях господства рыночных отношений. Именно либерализм открывает скрытую тайну мировой истории — истинным и конечным субъектом истории, хозяйственного развития и всего, что имеет место в обществе, является личная творческая инициатива личности. Субъект, однако, всегда выступал в различных формах организации, соответствовал уровню осознания личностью своего потенциала, уровню способности не превращать потенциал в разрушительную силу против общества, других людей, самого себя. Либеральный нравственный идеал основан на том, что выживаемость общества требует увеличения потока конструктивных инноваций. Это на определенном этапе истории превращает развитие в высшую культурную ценность, что в свою очередь оказывает стимулирующее воздействие на способности человека формировать более совершенные программы воспроизводства. Либеральный нравственный идеал лежит в основе современной государственности.

6. Кроме основных существуют и промежуточные, гибридные пласты, возникающие из-за инстинктивного страха в обществе перед дезорганизацией. Они слеплены из различных, исключаящих друг друга культурных пластов, например соборного и либерального (соборно-либеральный идеал), что создает возможность ограничить опасность роста дезорганизации общества. В России с ее ярко выраженным стремлением завуалировать существование раскола попытка партий, движений сформулировать программу обычно дает эклектический, гибридный результат, несущий дезорганизующий разрушительный раскол. Например, в предвыборных документах Конгресса русских общин (КРО) 1995 года фактически "изложено много программ, и они часто противоречат одна другой... каждый найдет для себя то, что ему нравится". Там предлагается "свободная продажа любых материальных ценностей, включая землю". Но тут же излагается требование "государственного контроля за ценообразованием и регулирования цен, укрепления государственной собственности, ограничения купли-продажи земли, нападки на "раздробление земельной собственности"²³¹. Подобный эклектизм типичен и для других партий.

Существуют разновидности основных пластов, — либерализм распадается на консервативный и радикальный.

Предлагаемая методика может быть применена и к многоуровневому сравнению различных стран. Для упрощения могут быть взяты обобщенные модели трех культур:

²³¹ *Лацис О.* Предвыборные лабиринты КРО // Известия. 1995. 29 нояб, С. 5.

западной, традиционной, российской. Господствующим уровнем западной модели является либеральный, который, однако, постоянно раздваивается, представляет диалог между более либеральным и консервативными полюсами, монетаризмом и кейнсианством, свободным рынком и усилением государственного вмешательства. В этой модели вектор конструктивной напряженности циклически поворачивается, приближаясь то к одному, то к другому полюсу господствующего идеала, не достигая инверсионных крайностей.

Господствующий вектор эффективности традиционного общества в современном мире с либеральным вектором составляет дуальную оппозицию. В ней в реальной истории вектор может медленно поворачиваться от традиционализма к либерализму как результат творческого медиационного поиска. Этот вариант является идеальным бесконфликтным переходом к современному обществу. Тем не менее он не единственный. Возможен инверсионный разрушительный поворот к традиционализму, как это имело место в Иране. Иначе говоря, медленное движение медиации может в какой-то момент спровоцировать инверсионный взрыв.

В России существует эклектичный, глубоко дезорганизованный хозяйственный порядок. Он объясняется тем, что в рассмотренных дуальных оппозициях на протяжении их истории были сильны векторы инверсионного типа. Это в сложном обществе могло приводить к разрушительным последствиям. Между полюсами могло возникать сильное взаимоотталкивание. Результатом этого в России стало формирование не столько рынка, сколько сложной конфликтной системы монополий, каждая из которых ориентирована на дефицитные ресурсы. Этот порядок малоэффективен. Выход из него требует активизации сил, способных идти по пути ослабления инверсионной логики принятия решений.

Сравнительный социокультурный анализ такого рода показывает многообразие возможностей, возникающих в мировом сообществе. В России перед глазами исследователя выступило в каждой клеточке культуры не столько взаимопроникновение, сколько взаимопротивостояние полюсов, раскол. Специфика России в мировом разнообразии заключается в гипертрофированном уровне инверсии.

Дальнейшая конкретизация сопоставлений разных стран требует выделения у них по единой методике специфических пластов культуры, характеризующихся специфическими векторами, специфической формой эффективности. Сравнение стран может доводиться до любой степени конкретности при возможности получить соответствующую информацию.

Параметры воспроизводственных культурных программ. Выделение специфических пластов нравственности у соответствующих групп людей является узловым пунктом социокультурного анализа. В каждом из них необходимо выделить ряд параметров. 1. В каждой из пар нравственных идеалов необходимо выявить преобладающую направленность векторов конструктивной напряженности, например, направленность от господствующего соборного идеала к авторитарному или наоборот. Тем самым выявляется для соответствующего момента времени вероятность, возможность перехода общества от одного господствующего идеала к противоположному. 2. В каждой из пар для каждого момента времени необходимо выявить характер преобладающей логики осмысления, принятия решений, т.е. преобладание логики инверсии или медиации, точнее, некоторой меры отхода от крайних форм инверсии. 3. В каждой паре необходимо выявить общую способность к взаимопроникновению полюсов каждой из оппозиций, что является свидетельством отсутствия или наличия раскола. 4. Важнейшей задачей является анализ соответствующей нравственной пары с точки зрения ее зрелости, реального преодоления синкретизма, осознания ценности выделения каждого идеала в самостоятельный, его самооценности. Обратным показателем этой самооценности является склонность к формированию гибридных идеалов, попыток растворить один идеал в другом, повернуть к синкретизму. 5. Важнейшим предметом исследования является способность каждого из идеалов занять место определяющего, ведущего. Смысл попытки — использовать идеал в качестве культурной основы для интеграции общества.

В настоящей работе невозможен даже ограниченный анализ рассмотрения

проблемы реализации таких возможностей. Тем не менее некоторые соображения высказать необходимо. Важно понять, как субъект переходит от одного из вариантов эффективности к другому, меняя программу воспроизводства. Опыт истории России говорит, что здесь существуют определенные устойчивые отношения. Исключительно важно, что определенные пары пластов культуры выступают друг по отношению к другу как полюсы оппозиции, в которой циркулирует человеческая мысль и действие. На этой основе, например, массовые повороты к древним ценностям в России можно описать как инверсионный переход от господства пласта культуры с более высоким уровнем медиации к более древнему пласту с менее развитой медиацией. Потенциально процесс распада каждого полюса на дуальные оппозиции бесконечен. Движение поэтому пути — необходимое условие осмысления реалий, возможностей общества.

Культура отвечает на дискомфорт внутренней перестройкой. Ее содержание зависит от важной характеристики культуры — шага новизны, — от способности ассимилировать или отторгать новшества определенного масштаба, типа. Если новшества, ведущие к дискомфорту, укладываются характеристиками в специфический для (суб) культуры шаг, субъект может ответить новым потоком новшеств, формированием нового уровня культуры, новой программы, увеличением шага новизны. Если реальный вызов выступает в форме потока новшеств, которые не укладываются в шаг, то это служит стимулом для упрощения, возврата к более простым формам жизни и ценностей. В этом случае возможна деградация, распад, разрушение уже сложившихся программ, возврат к программам, казалось, давно ушедших уровней культуры. Этот поворот может охватить любого субъекта — от отдельной личности до миллионов. История России дает достаточно свидетельств такого рода сокрушительных массовых поворотов.

Методологическая трудность исследования этого механизма, заключается в сложности выявления тех пластов культуры, которые находятся в тени, несущественны в глазах наблюдателя.

Их трудно выявить в обычных социологических обследованиях. Это не позволяет предвидеть ни время наступления, ни характер перестройки культуры, нащупать пороги изменений в ситуации, которые приводят к смене господствующих пластов культуры. Если обнаружен мощный, значимый для массовой деятельности в прошлом, даже отдаленном, пласт культуры, не исключено, что в определенной кризисной ситуации субъект может взять его в качестве основы воспроизводственной деятельности. Новая деятельность может выплеснуться на авансцену повседневности.

Исследования этой проблемы в России дали богатый результат, картину массовых выбросов древних пластов культуры, что оказывало подчас разрушительное влияние на общество, хозяйство. Достаточно вспомнить пугачевское восстание, разрушительное для заводов и городов, направленное на истребление всего слоя, связанного с государством.

От анализа культуры к исследованию общества. Анализ культуры как социокультурной программы сдвигает предмет исследований с собственно культуры к исследованию общества, понимаемого как противоречивое единство культуры и человеческих отношений. Тем самым культурологическое исследование переходит в социокультурное.

Анализ истории России показывает, что организованная совокупность пар пластов культуры позволяет создать целостную картину вариантов способности субъекта культуры, носителей соответствующих пластов культуры, к хозяйственным инновациям, переходов от одного пласта к другому. Анализ этих процессов не может рассматриваться лишь в рамках культуры. Взаимопереходы между пластами культуры в России оказывались социально устойчивыми, что позволяет говорить о существовании вызывающих возрастающий интерес социокультурных циклов российской истории. За каждым пластом культуры стоят конкретные личности, группы, сообщества, массовые процессы. Все переходы между ними — конкретные действия людей. Процессы в культуре могут быть

социально интерпретированы, как и наоборот. Российский этнограф А.Золотарев показал, что структура культуры и общества, включая векторную напряженность, тождественны. Эта идея открыла важные перспективы для общественной науки.

Переходы от одного господствующего идеала к противоположному могут быть описаны через инверсию и медиацию. Эти, казалось бы, имеющие чисто культурное значение логические формы далеко выходят за рамки культурных процессов, превращаются через культурные программы в сложные массовые процессы, оказывающие подчас мощные воздействия на общество. Анализ динамики господствующих нравственных идеалов, их переходов друг в друга позволяет рассмотреть историю страны с точки зрения социокультурных механизмов. В России неоднократно сменяло друг друга господство полюсов нравственных идеалов. Соборный локализм первых месяцев советской власти сменился авторитаризмом и крепостничеством военного коммунизма. Оба эти полюса несут ценности сохранения ранее достигнутой эффективности. Хотя авторитаризм нес определенные крайне ограниченные импульсы, направленные на повышение эффективности.

Умеренный и развитый утилитаризм также переходят друг в друга. Второй значимо нацелен на повышение эффективности, рынок. Между формами утилитаризма возникал антагонизм. Во время гражданской войны в России силы, отстаивающие умеренный и развитый утилитаризм, сражались на разных сторонах. Силы развитого утилитаризма совместно с либерализмом были раздавлены силами традиционализма и умеренного утилитаризма.

Россия, пребывая в промежуточном состоянии между господством традиционной и либеральной культуры, соответствующих программ воспроизводства, дважды пыталась инверсионно перейти к господству либерализма (в марте 1917 и октябре 1991 гг.). Однако силы, стоящие за вечевым и утилитарным пластами, препятствуют этому. Здесь следует искать основное поле столкновений программ реализации рыночной и дорыночной эффективности.

Накопленная методология и методика анализа культуры могут быть использованы для изучения статике и динамики эффективности (включая хозяйственную) соответствующей культурной программы в принципе любого интересующего исследователя момента, отрезка времени прошлого и настоящего субъекта, общества в целом. Для анализа может быть избран этап, характеризующийся попыткой реформ, например, начиная с 1861 до 1914 гг. Тогда попытки некоторого меньшинства усилить в обществе значимость либерального пласта культуры вызвали массовую инверсию — взрывообразное уничтожение либерализма, выход на первый план сильно деформированного утилитаризмом вечевого дорыночного пласта культуры.

Для анализа может быть выбран современный этап, изучение которого служит непосредственной основой для прогнозирования. Современная ситуация в обществе культурологически может быть интерпретирована как узловой пункт движения между господством вечевого и либерального пластов культуры и как движение между соборностью и авторитаризмом. Одновременно имеет место движение между умеренным и развитым утилитаризмом. Тем самым формируется методологическая схема для анализа реальных соц-иокультурных процессов, многоаспектных сдвигов между пластами культуры. Эта картина может быть описана, в частности, в категориях движения между дорыночными и рыночными отношениями.

Социокультурные исследования помогают раскрыть важный аспект хозяйственных отношений. Они еще в древности были подчинены высшей власти. Ремесло в Древней Руси подчинено княжеской власти. На другом полюсе истории, на советском этапе можно видеть полное подчинение хозяйства государству. Эта задача могла решаться в условиях статичного хозяйства, не требующего постоянных качественных сдвигов. Однако государство оказывалось неприспособленным к роли субъекта хозяйственного развития, требующего стимулирования потока инноваций. В России государство в своих

попытках организовать хозяйственный рост в значительных масштабах опиралось на архаичные формы, например на использование крепостных для развития промышленности, принудительную перекачку ресурсов и принудительное планирование, общинные (коллективные) формы труда. Этот порядок не был изобретен в советский период, но был доведен до крайних форм, что привело страну к катастрофе. В мощи архаичных форм можно видеть результат исторической слабости бизнеса, независимой частной инициативы даже во времена максимального развития отечественного капитализма до первой мировой войны. Для России оказывался характерным перекося значимости личной инициативы и государства как субъектов хозяйственного развития по сравнению с западными обществами. Это обстоятельство приобретает дополнительный смысл, в связи с мощным влиянием в России массовых догосударственных ценностей. Неоднократные полные ненависти народные восстания были нацелены не на замену одной конкретной власти на другую, одного типа государства на другой, но на борьбу с государственностью как таковой. Ненависть к нему стимулировалась попытками власти сдвигать образ жизни людей от специфического для господства натуральных отношений к господству образа жизни, характерного при господстве рынка.

Исследование истории и современности России дает основание для вывода об имеющем месте общем ослаблении инверсионных поворотов после краха советской системы. Это расширяет возможности для медиации, отхода векторов от крайних вариантов во всех рассматриваемых парах. Ослабление массовых инверсий носит устойчивый характер, хотя, очевидно, есть граница. Конкретизация картины этого перелома требует оценки социокультурных сил с точки зрения их способности стимулировать значимую инверсию, их возможности медленно наращивать медиационный сдвиг вектора, например к господству идеалов, несущих программы массового достижения более высокой эффективности.

Содержательное социокультурное описание состояния современной России позволяет понять, что господство в стране либеральных ценностей находится в отношении оппозиции с, казалось бы, стигнувшей вечевой культурой. Оттесненный на задний план вечевой идеал, его разновидности открывают возможность либо резкого инверсионного отступления общества от либерализма, либо в результате ослабления инверсионных поворотов длительной неопределенности, длительного накопления социальных сил, несущих либеральные, а также рыночные ценности. Это открывает возможности медленной эволюции векторов в сторону рынка.

В дуальной оппозиции форм утилитаризма можно видеть противоречивые тенденции, связанные с ростом влияния развитого утилитаризма, одновременно с ограниченной базой для его роста. Это можно рассматривать как возможность роста влияния развитого утилитаризма, но в промежутках времени, необходимых для смены поколений. Что же касается возможности альтернативы соборного и авторитарного идеала, то ощущается давление в сторону усиления авторитаризма в стране и в отдельных регионах. Эти процессы неустойчивы, цикличны, что создает высокую степень неопределенности.

В свою очередь это позволяет понять, что всякое заключение о современных процессах должно быть выводом на пересечении по крайней мере двух потоков знаний. Во-первых, сформированных на основе анализа динамики пластов культуры, несущих значимый социокультурный смысл. Во-вторых, на основе результатов эмпирических исследований, анализа прессы, жалоб в государственные органы и т.д. Первый поток может давать представление о направлении важнейших процессов, но тем не менее, как и прогноз погоды, может быть слишком абстрактным для того, чтобы дать точную информацию о состоянии в каждой пространственной и временной точке. Эмпирические исследования могут страдать противоположным — случайностью результатов, значимостью лишь в крайне узкой сфере.

Замедление инверсии дает серьезный шанс для медленного хозяйственного

развития России. Длительность этого процесса — довод в пользу рассмотрения российского общества как переходного в том смысле, что оно сочетает в себе противоречивые взаимоисключающие характеристики — рыночных тенденций и стремлений к монополизму во всех сферах жизни. Нет оснований считать, что общая тенденция нарастания рыночных отношений перестанет носить колебательный характер. Переходы между господствующими пластами культуры никогда в России не происходят плавно. Однако общее ослабление инверсионной жесткости массовых процессов позволяет рассчитывать, что колебания могут временно задержать, ослабить этот процесс, но не повернуть его вспять.

Тем не менее в России долго сохранится опасность сильной дезорганизующей инверсии, срыва нарастания рынка в результате резкого ухудшения ситуации, политических катаклизмов, серьезных потрясений, потери обществом стабильности, в особенности в результате вооруженных столкновений внешнего или внутреннего характера. Предотвращение такого рода угроз является важнейшим условием торможения массовых инверсий, развития рынка.

Микро- и макродезорганизация. Человеческая деятельность выступает как социокультурная сила, противостоящая дезорганизации, расколу, распаду. Человеческие возможности и энтропийные процессы как полюсы дуальной оппозиции амбивалентны. Человеческая деятельность может оказаться недостаточно эффективной, т.е. не обеспечивать минимально необходимый уровень эффективности, может сама стать источником дезорганизации. Она может быть результатом массовых стремлений ответить на рост дезорганизации, приводящим к массовому дискомфортному состоянию, инверсионной сменой на противоположный господствующий нравственный идеал. Периодические инверсии разных масштабов проявлялись в формировании устойчивых циклов в истории страны, в основе которых лежала смена авторитарного идеала на соборный и наоборот. Эти циклы неоднократно описывались. Их устойчивость объясняется тем, что общество стремилось преодолеть раскол, сдерживать дезорганизацию, используя в основном два древних известных способа управления, принятия решений, содержащихся в дуальной оппозиции "соборность — авторитаризм". Каждый из этих полюсов, став господствующим, в конечном итоге в сложных условиях оказывался нефункциональным. В стране не сложилась в необходимых масштабах культура, программы массовой деятельности, массовых ценностей, которые бы соответствовали нарастающей сложности проблем. Причем, чем сложнее общество, тем болезненнее ощущались последствия циклической смены методов.

Распад СССР можно рассматривать как ответ общества на собственную неспособность принимать сложные стабилизирующие решения в масштабе гигантского слабо интегрированного целого, как стихийную попытку общества в кризисной ситуации уменьшить свою сложность, ограничить принятие сложных решений масштабами каждой из бывших республик в отдельности.

Тем не менее, разрыв между сложностью проблем России и реальной способностью ответить на эту сложность адекватными решениями не исчез. Специфика современной ситуации заключается в том, что в результате окончания советского периода наступил новый период истории страны, по ряду параметров начавшийся как полная противоположность прошлому, по крайней мере, на уровне господствующих ценностей. Он начался в условиях господства либерального нравственного идеала, однако, в значительной степени пронизанного архаичными соборными ценностями. Это означает, что фактически в стране господствует гибрид либерального и соборного идеалов, результат стихийной попытки их отождествить, слить в единое нерасчлененное целое.

Опыт России свидетельствует, что гибридные идеалы такого рода несут в себе опасность распада. По сути, попытка соединить трудно соединимое является попыткой общества убедить себя, что глубоко различные идеалы, столкновение которых несет в себе высокий потенциал дезорганизации, в действительности являются тождественными.

Тем самым реально может снизиться потенциал конфликтов, дезорганизации общества. Однако это достигается ценой высокого риска последующего распада идеала, возможного взры-вообразного выхода скрытой дезорганизации. О такой возможности свидетельствует исторический опыт России.

Опасность роста дезорганизации в результате распада гибридного идеала (сегодня это либеральный и использующий язык либерализма соборный) невозможно недооценивать. Общество чувствует скрытую угрозу, что, однако, не означает, что осознается ее суть. Как в древности вызревание стихийных бедствий и их последствия рассматривались как результат козней злых сил, так и сегодня угроза дезорганизации относится на счет злодейства власти, тех или иных этнических групп и вообще кого угодно в зависимости от личных вкусов. Возможность в условиях мощного влияния архаичных представлений бесконечного поиска "истинных виновников" составляет важный элемент политической жизни, открывает большие возможности для демагогии и провокаций, разработки языков обращения к народу. Эти языки нацеливают людей не на поиск решения проблем, а на расширение конфликта, дезорганизации. Это, как полагают демагоги, может создать волну массового гнева, на гребне которого они хотели бы прийти к власти.

Нестабильность на макроуровне, в масштабе всего общества, лишь вершина айсберга, т.е. массовой дезорганизации на микроуровне. В условиях господства либеральных ценностей свобода печати в какой-то степени открывает обществу его собственную массовую дезорганизацию. Она гнездится в каждой клеточке общества, продолжая древние традиции. На улаживание внутриведомственных склок уходит до 90% рабочего времени. Сообщающая об этом статья конкретизирует важные аспекты этой дезорганизации. "Хаотично принятие даже самых "хороших" решений, различное понимание в разных ведомствах государственных интересов, полномочия и ответственность ведомств не разграничены, неправильные решения остаются безнаказанными. Что касается упоминания высокого процента склок, то практически при приеме человека на работу в первую очередь изучается не склочник ли кандидат"²³². Склока превращает сообщества в поле битвы эмоциональных сил, симпатий и антипатий и т.д. Они подогреваются страхом перед нестабильностью сообщества, отсутствием стремления к компромиссу, способности сочетать профессионализм и личный интерес, личный интерес и интерес целого и т.д. Склока по сути есть дезорганизующая активность, движущей силой которой является архаичное эмоциональное стремление личности сохранить стабильность комфортного сообщества в нестабильной ситуации.

Пронизанность жизни страны неразрешаемыми конфликтами — результат парализующего действия раскола, который органически препятствует интеграции инноваций, как культурных, так и организационных. Для современного связанного с локализмом этапа характерно стремление сообщества максимизировать свою независимость от целого. В результате усиливаются конфликты не только между сообществами, сообществами и целым, но и внутри сообществ в результате того, что активизация локализма, внутренняя жизнь вступает в конфликт с большим обществом, его организацией, ценностями.

Хозяйственная жизнь с господством в ней бесчисленных монополий на дефицит дает картину не только столкновений между ними, но и порождающего дезорганизацию несоответствия стремления сохранить господство натуральных отношений и одновременно действовать так, как будто в хозяйстве господствует рынок. Важным источником неразрешаемых конфликтов является раскол между потребностью в росте ресурсов, в потреблении и недостаточной способностью подчинить сложившиеся отношения в обществе, на производстве задаче соответствующего повышения эффективности. Это проявляется, в

²³² Васильчук Е Тень непредсказуемой политики омрачает светлое будущее стабилизации
// Финансовые известия 1995 30 марта С. 1—2

частности, в том, что у нас вопреки замыслам реформаторов занятость "осталась, как и прежде, самоцелью", что "является главным социальным препятствием преобразования неэкономического общества и занятости в экономическое"²³³. Фактически здесь мощный источник конфликтов между архаичным стремлением "сохранить коллектив" и попытками повысить эффективность воспроизводства.

В результате попыток либерализации, ориентации на спонтанный массовый творческий потенциал деструкция приобрела явный характер. В этом можно видеть важный позитивный момент, так как она может открыто изучаться и обсуждаться. Тем не менее, невозможно игнорировать и негативную сторону явления. На место институтов, воплощавших важные аспекты макродезорганизации, хлынули потоки микродезорганизации, несущие в себе архаичный локалистский опыт, далекий от опыта большого общества, государственной жизни. На место авторитарных попыток подавить силой дезорганизацию инверсионным образом реализовалась попытка спрятаться от дезорганизации в локальных замкнутых мирах. Это резко повышает уровень дезорганизации между обособившимися локальными мирами, которые приобретают в значительной степени характер замкнутых монополий. Вряд ли возможно ответить на вопрос — какой из этих вариантов хуже, какой лучше. Патологичен сам по себе круговорот расколотого дезорганизованного общества.

Сложился заколдованный круг: чтобы преодолеть хозяйственную отсталость, требовались активные усилия, но они активизируют силы сопротивления этой активности. Энергетический потенциал реформаторов значительно меньше, чем противоположно направленный ответ. Крестьянская реформа 1861 г. стимулировала мощное возрождение уже, казалось бы, разложившейся территориальной крестьянской общины, ее наиболее архаичных форм. Выход на поверхность древних ценностей привел к возникновению власти советов. Эта была некоторой модификацией архаичной власти территориальной общины. Другой пример всплеска архаики: социологические исследования показали, что рост негативизма по отношению к рыночным реформам наблюдался с весны 1992 года, т.е. именно тогда, когда было создано "правительство реформ".

Высокая дезорганизация хозяйства является традицией России. На переломе между царским и советским периодами она называлась разрухой, ответственность за которую возлагалась одними на буржуазию, другими на большевиков. Тогда, однако, бесчисленное количество локальных натуральных хозяйств позволяло значительной части населения держать оборону от дезорганизации в своих мирах. Сегодня масштабы дезорганизации столь велики, что открывают путь так называемой "криминализации всей жизни общества". Суть этого явления в том, что высокий уровень хаоса не позволяет обществу формировать необходимые функции (правовую защиту бизнеса), которые общество одновременно могло бы интегрировать в легитимный общий порядок. Эти функции берут на себя утилитарные группы, которые выполняют их, не заботясь о том, что они усиливают разрушительную для общества дезорганизацию.

От дезорганизации к реформе. Вывод из социокультурной методологии заключается в том, что такое сложное явление, как реформа в расколотом обществе должна быть осмыслена (во всяком случае методологически) в категориях, которые позволили бы понять ее как проявление глубоких сущностных сил человека. Необходимость такого подхода определяется по крайней мере двумя обстоятельствами. Во-первых, неблагоприятный итог проводившихся в России реформ требует превращения опыта каждой реформы, прошлой и настоящей, в стимул качественного совершенствования самого подхода к реформам. Каждая последующая попытка реформы должна сопровождаться более глубоким теоретическим проникновением в предмет, в условия, средства и цели реформ. Во-вторых, специфика России в том, что мы, решая локальные и

²³³ Федоров Н., Славин-Боровской В. Россия не приемлет открытую безработицу, предпочитая безработицу на рабочем месте // Финансовые известия. 1995. 30 марта. С. 8.

местные проблемы, одновременно решаем глобальные вопросы существования России, всего человечества. Мы постоянно меняем векторы своих решений, постоянно разрушаем, а затем строим новое государство, строим то социализм, то капитализм, пытаемся переделать то человечество, то самих себя. Это свидетельствует не только о существовании специфической ментальности и одновременно о нерешенности в культуре каких-то фундаментальных проблем, но и о том, что тем самым мы вынуждены постоянно, повседневно в скрытой или явной форме обращаться к этим фундаментальным проблемам. Практически это формирует необходимость формулировать проблемы реформы в достаточно общей форме, на языке, способном описывать основополагающие ценности и возможности общества, человечества. В стране, где нет раскола, такая потребность не может быть столь настоятельной.

Потребность формирования проекта реформы в обобщенных формах культуры не снимает, но предполагает необходимость постоянно работать над его конкретизацией, обеспечивать движение мысли от абстрактного к конкретному. Конкретизация есть синтез теоретических обобщений и эмпирической конкретности, их взаимопроникновение.

Окончание советского периода привело к факторам, уменьшающим сложность общества, что в принципе можно рассматривать как благоприятное для снижения дезорганизации. Распад СССР на ряд государств может рассматриваться как упрощение, снижение сложности решений в каждом из вновь образовавшихся государств. Падение авторитарных институтов, претензии власти на вмешательство в хозяйственную жизнь если и не снизило дезорганизацию, то во всяком случае породило надежду то ли на действия спонтанных механизмов самоорганизации, то ли на возможности формирования некоторой эффективной модели управления, преодолевающей хаос. На этой основе возникли идеи возможности и необходимости реформ, проводимых государством.

Тем не менее, прошедшие постсоветские годы не подтвердили, что снижение сложности, если оно действительно имело место, оказалось достаточным для коренного снижения дезорганизации общества, формирования некоторой упорядоченной модели хозяйства, преодоления раскола в его различных формах. Этому может быть дано лишь одно объяснение — дезорганизация гнездится на микроуровне общества и в периоды глубоких потрясений, массовых возбуждений в результате массового роста дискомфортного состояния она охватывает все уровни общества, государства. В этом, кстати, следует искать объяснение тому, что в других странах бывшего социалистического лагеря хозяйственные реформы оказались более успешными — исторически пути дезорганизации других стран были слабее. Впрочем, это лишь гипотеза, требующая трудных сравнительных исследований.

Переход от советского к постсоветскому периоду означает вместе с тем изменение самого характера дезорганизации, точнее, этот поворот является стихийной попыткой общества преодолеть дезорганизацию, что практически в России в конечном итоге приводит к изменению ее формы. Это не абсолютное верчение в круге, но выигрыш времени, который можно было бы использовать для накопления культурного богатства, интеллектуального потенциала, роста критического отношения к циклическим формам и динамике, к инверсии и т.д. Важное значение таких качаний маятника заключается и в том, что ослабление порядка на основе не оправдавшего себя нравственного идеала приводит к некоторому спонтанному выходу на первый план того, что исторически сложилось в обществе, но было скрыто за завесой государства, напластований идеологии, массовых мифов. Это новое может быть ушедшим в тень старым, что соответствовало в России мощи вечного идеала, его разновидностей. Однако не исключено, что возврат к старому включает и элементы, связанные с ростом медиации. Эти обстоятельства с точки зрения реформы должны вызвать самое пристальное внимание.

Основные тенденции могут быть описаны в формах исторически сложившихся нравственных идеалов, попыток выйти за их рамки.

Идеалы и есть та реальность, ее первый непосредственный слой, с которым имеет

дело реформатор, все общество при попытках реализовать реформы. Предвыборная кампания 1995 г. дает богатый набор попыток утвердить господство каждого из идеалов, а также, что особенно важно, попыток преодолеть ограниченность каждого из них.

В самом общем виде можно констатировать существование следующих тенденций.

1. Развал советской государственности был связан с активизацией противоположного авторитаризму соборного идеала, локализма — тенденции к усилению распада высших центров власти, максимальному понижению их уровней, автаркии, натурализации, замыканию интересов в рамках регионов, предприятий, групп. Эта тенденция проявлялась в суверенизации, ослаблении государства, ослаблении внутренних и внешних связей всех сложных социальных образований. Стремление воплотить этот идеал противостоит либерализму, развитию рынка. Активизация соборного идеала, локализма направлена на ослабление большого общества, государства. Задача исследования заключается в том, чтобы выявить ряд параметров этого процесса: нужно определить его в понятиях инверсии и медиации, сфокусировать вектор, формы, нащупать апогей, точку поворота. Анализ показывает, что этот процесс по сравнению с аналогичным, имевшим место в условиях краха царской государственности, носит менее напряженный, в целом более вялый характер. Во всяком случае, можно говорить об ослаблении этого процесса на уровне регионов, предприятий, что позволяет строить гипотезу об определенном насыщении движения к локализму.

Этот идеал исторически оказался фокусом перехода к постсоветской современности, именно фокусом, а не единственной формой. Его претензия стать основой синтеза означает, что все другие идеалы составляли некоторую сложную внутренне расколотую систему, где один из них выдвигается в качестве системообразующего. Важнейшую роль среди других идеалов занял либерализм, давший язык соборному идеалу, способность описывать современное общество, ценность государства. Это дает основание рассматривать господствующий идеал как гибридный, соборно-либеральный.

2. Авторитаризм на современном этапе выступает как потерпевший поражение, нефункциональный идеал, выявивший неспособность создавать основу достаточно эффективных решений, играть роль фокуса, системы исторически сложившихся идеалов. Но одновременно авторитарный идеал может быть теоретически допустимым ответом на реальную или возможную нефункциональность соборного идеала. Сегодня в обществе как на уровне целого, так и регионов можно наблюдать достаточно признаков поворота к авторитаризму. Тем не менее, эти попытки оказываются неспособными преодолеть некоторые формы локализма, массовое несогласие отказаться в пользу первого лица от локальных форм, пусть ограниченных ценностей. На защите этих ограниченных достижений локализма стоят разные, часто мало согласные между собой силы. Здесь прежде всего либеральный идеал, либеральные силы, защищающие основополагающие человеческие свободы, стоящие на пути авторитаризма. Парадокс ситуации заключается в том, что либерализм в этой ситуации вольно или невольно становится защитником архаичного локализма от авторитаризма. Важным фактором ситуации является формирование усложнившихся хозяйственных отношений по авторитарному принципу. В России давно попытки начинать хозяйственное дело требовали покровителя, защитника со стороны помещика, чиновника, власти. Когда-то помещик давал крестьянину "рупь на обзаведение". Сегодня для начала нового дела нужна "крыша" — защита богатого и сильного от враждебной среды. В этих условиях сложилась странная хозяйственная система, которая достигла высшей формы в советский период и которую можно назвать "монополией на дефицит". Хозяйственная жизнь пронизана большими и малыми монополиями, которые, с одной стороны, страдают и гибнут от снижения спроса и чудовищных издержек, но с другой стороны, сливаясь с властью, пытаются утвердиться в хозяйстве и завладеть политической жизнью. Они воплощают авторитарный идеал, который охватывает, пронизывает общество в масштабах реальной власти. В них заложено стремление воплотить власть над обществом, но лишь

в масштабах своего хозяйственного влияния, в той степени, в какой не встречаются экономического, политического, культурного сопротивления иных сил. В рыхлом обществе монополии являются мощным фактором авторитаризма в соответствующих масштабах, по крайней мере, до тех пор, пока не встретят сопротивления. Сегодня эти силы приобретают значительную мощь на уровне регионов, но они усиливают свое влияние и на глобальном уровне.

Здесь заложен мощный фактор роста авторитаризма в регионах и в обществе в целом, превращения его в основу синтеза всех значимых идеалов. Однако нет никакой предопределенности движения в этом направлении. Сила локализма позволяет прогнозировать и вероятность длительной неопределенности, где соборный и авторитарный идеалы в масштабе общества создают ситуацию компромисса, неопределенности, открывающих путь иным возможностям.

3. Важным фактором является умеренный утилитаризм, который воодушевлял буквально всех кандидатов в депутаты с их бесконечными нападениями на власть и столь же бесконечными обещаниями повысить массовое потребление благ, забывая, как это присуще умеренному утилитаризму, об источниках их поступления. Здесь заложена мощная массовая сила, способная сокрушить общество и государство. Этот идеал постоянно пытается утвердиться в качестве фокусного. Однако его утверждение связано с рассмотрением ресурсов, включая государство, в виде орудия потребления и распределения, что является мощным фактором дезорганизации. Этот идеал не может выступать в государстве как фокусный. В нем нет осознания самоценности интеграции общества.

4. Развитый утилитаризм набирает силу, опираясь на представления о связи труда, воспроизводства с его результатами. Его сила в стремлении повышать эффективность. Однако его слабость в собственной культурной ограниченности, что несет серьезную опасность дезорганизации. В.А.Лекторский подметил важный аспект этого идеала: один из крупнейших наших политиков заявил, что все разговоры о социальной справедливости к политике никакого отношения не имеют и интересны только для гуманитариев и разной философствующей публики... один из наших виднейших экономистов провозгласил тезис о том, что морально то, что эффективно... кроме эффективности, оптимальности ничего другого, вроде бы, и нет"²³⁴. Этот нравственный идеал медленно усиливает влияние и является движущей силой рынка. Но одновременно он питает криминальность в стране, превращая в жертву своим ограниченным представлениям об эффективности других людей и чужое имущество.

На пути превращения этого идеала в господствующий, в основе синтеза лежит его неспособность к диалогу с другими идеалами, стремление рассматривать иные ценности как недоразумение, отсталость, средство для воплощения своих представлений об эффективности.

5. Либерализм в отличие от развитого утилитаризма идет от высшей культуры и, следовательно, рассматривает эффективность в высшем смысле слова, эффективность достижения высших ценностей. Либерализм при всем своем разнообразии нацелен на саморазвитие личности, общества, общественного субъекта во всех его формах. Он способен стать господствующим, так как выдвигает на первый план разнообразие, необходимость диалога на единой культурной основе.

Значение либерализма в России заключается в том, что в исторически сложившемся эклектическом хаосе расколотых противостоящих друг другу идеалов он является единственным, который содержит программы (хотя в значительной степени абстрактные, нуждающиеся в конкретизации, проработке на всех уровнях) повышения эффективности, решения все более сложных проблем. Он единственный, способный стать

²³⁴ Лекторский В. А. Философия политики // Россия и мир политические реалии и перспективы Информационно-аналитический сборник 1995 №. 4 С 48—49

основой синтеза, тогда как иные идеалы в процессе усложнения общества к этому становятся все менее способны (за исключением ситуации, когда они являются формой гибридного идеала, включающего либерализм).

Это должно нацелить общество на овладение общим языком, включающим язык права, давая некоторое чувство общности и предлагая определенные перспективы, оправдавшие себя средства, новую систему высших ценностей. Тем не менее его слабая укорененность в почве ограничивает реальную возможность использования либерального языка, его интегративных функций.

Здесь следует искать исходную точку формирования имеющего шансы реализоваться проекта реформ. Задача формирования теории и методологии реформ России переходит в формирование непосредственного замысла конкретной реформы на основе возможностей, которые несет в себе общая нравственная ситуация соответствующего общества в соответствующее время.

Решение на основе либерализма не является простым. Но не следует забывать, что слабость почвенных корней либерализма не помешала ему дважды в моменты величайших кризисов прийти к власти, стать системообразующим фактором организации идеалов в обществе. Судьбы отечественных правительств мало похожи на судьбы либеральных правительств либеральных стран, где конфликты происходят в основном внутри разных вариантов либерализма, внутри либеральной суперцивилизации. Временное правительство 1917 года пришло к власти, провозглашая либеральные ценности. Однако мощное архаичное вечевое давление снизу постепенно сдвигало высшую власть в рамках оппозиции "либеральный — вечевой идеал" ко второму полюсу, что в конечном итоге привело его к замене социалистической советской властью. Сегодня существует аналогичная опасность, хотя давление негативного советского опыта ее сдерживает. Тем не менее, анализ расклада нравственных идеалов, их возможных тенденций позволяет говорить о неоднозначных возможностях дальнейшей динамики.

Опасность сползания либеральной власти к архаике усиливается внутренними конфликтами, конфликтами с соседями, отказом от законности и т.д. Это усиливает опасность возрастания роли инверсии, ослабления медиации, общего усиления архаики.

Раздел II. Российская культура как фактор планетарной реформации

Судя по многим признакам, человечество подошло к необходимости планетарной реформации, затрагивающей основные принципы жизнестроения, ценности, приоритеты, — основания социальных практик, норм массового поведения. Похоже, мы находимся в преддверии нового "осевого времени" (Ясперс), — прежние, столь долго служившие нам ориентиры, ведут в тупик, закрывают горизонты человечества. Современная культура испытывает кризис сразу в трех измерениях.

Во-первых, это касается жизнеориентирующих функций культуры — принципов устроения, связанных с установками "прометеева человека" — покорителя природы и истории, насаждающего инструментальное (технологическое) отношение к миру. Именно такое отношение породило современные глобальные проблемы, дальнейшее обострение которых чревато планетарной катастрофой. Речь идет об угрозе разрушения не только природы, но и ткани человеческих отношений по мере распространения на них утилитарно-прагматического принципа. Человеку, как и природе, угрожает превращение в средство. Безудержная "прометеева воля" в сочетании с моралью успеха ведет к поразительной бесчувственности к правам жизни, неуважению высших тайн человека и космоса.

По всей видимости, человечеству необходим поворот в духе пантеистического постмодерна, предтечей которого можно считать русский космизм. Он близок сформулированной Джеймсом Лавело-ком концепции Геи, согласно которой планета ведет себя как единый одушевленный организм. Точно так же и общество необходимо рассматривать не технократически — как "большую фабрику", а как культурную целостность, в которой утилитарно-функциональные связи носят подчиненный характер.

Во-вторых, кризис захватывает ценностно-мотивационную сторону культуры, что проявляется в снижении общего жизненного тонуса цивилизации, мотивационного уровня, утрате "пассионарности". Вопреки Л.Н.Гумилеву, мы не относим пассионарность человека к природно-детерминированному фактору. Человек в первую очередь духовное существо, получающее энергию от культуры. Если сформированные ею ценности, идеалы перестают убеждать, воодушевлять, стареют морально, ощущается апатия, утрата смысла жизни и инициативы. Дефицит источников человеческой энергии представляет несравненно более серьезную опасность, чем дефицит энергоносителей промышленного назначения. Опыт показывает, что цивилизация не знает автоматически действующих социальных систем и подсистем. Любая из них питается волей, энергией человека, верящего в их незаменимость. Не существует "идеально" отлаженных производственно-технологических систем: они немедленно дают сбой, если персонал утрачивает личную заинтересованность в работе.

Не существует и самовоспроизводящейся демократии: она поддерживается людьми, для которых ее идеалы, принципы сохраняют ^рзненный смысл. И в военных системах самая совершенная техника превращается в хлам, если качество "человеческого фактора" не на высоте.

Сегодня ощущается какая-то "порча человека" — эрозия культурно-нравственного, ценностного каркаса цивилизации. Необходим мощный реформационный сдвиг — обновление жизненных смыслов, ценностей для того, чтобы человек не утратил своего назначения — субъекта социальных процессов, сохраняющего их в границах заданных перспектив, целей.

Если верить Н.Винеру, Истина, Добро, Красота, Порядок, Культура представляют наименее вероятные состояния по сравнению с осаждающим нас хаосом. Но человек приходит в мир затем, чтобы эти наименее вероятные состояния сделать более вероятными — усилить их присутствие в мире. Для этого затрачивается колоссальная воля, энергия, источником которых является вера в высшее призвание, осуществимость идеала. Обновление духовной веры — вторая сторона ожидаемой культурной реформации.

В-третьих, кризис захватил нормативную сферу. Философия постмодернизма утверждает, что современный человек, культура утратили надежные процедуры разграничения порока от добродетели, прекрасного от безобразного, реальности от мифа. Постмодернисты, разумеется, преувеличивают. Но главное не в этом, а в оценке надвигающегося кризиса норм, ценностного релятивизма. Одно дело — видеть здесь проблему культуры, разрешимую в обозримой перспективе, другое — приветствовать наступивший нормативный кризис, усматривая в нем высшую стадию эмансипаторского процесса, инициированного Новым временем. Один из основателей модерна — Ф.Ницше провозгласил смерть Бога в культуре как гарантию высвобождения безудержной "воли к власти".

Современные радикалы постмодерна объявили о смерти Отца в культуре. Они утверждают, что пролетариев Маркса сменили пролетарии Фрейда (точнее, неофрейдизма). Речь идет о тех, кто страдает от "власти отца" в семье и обществе, кто тяготится авторитетом как таковым и пытается ниспровергнуть его любой ценой. Симво-лична в этом плане реабилитация Эдипа. Если Фрейд говорил об "эдиповом комплексе", связанном с чувством вины за убийство отца, то постмодернисты приветствуют "восхитительного юношу Эдипа", устранившего с пути современной молодежи архаичную, ненавистную фигуру — носителя ограничений. "Смерть Отца" означает, что норма как источник ограничений и самоограничений (ин-териоризированных запретов) наконец-таки утратила силу — мы вступаем в эпоху "высшей свободы" — свободы от традиций, в том числе моральных. Из взаимосвязанных сторон культуры — новации и традиции, творчества и преемственности пытаются утвердить одну только первую.

Задумаемся: способны ли выжить культура, цивилизация, человечество в условиях постмодернистской одномерности. Не приведет ли "смерть Отца" в культуре к безудержному нигилизму планетарного масштаба? Перед лицом обострения глобальных проблем, ухудшения моральной статистики у современного человека есть, как кажется, все основания искать новые опоры для нормативных начал, возрождения аскезы в каких-то новых, высших формах. Речь идет и об экологической аскезе — самоограничении appetitов потребительских обществ ввиду угрозы разрушения природы; и о духовной аскезе, ввиду повсеместного "реванша чувственности" над Разумом и Моралью; и об аскезе социальной, ввиду угрозы превращения бывшего "разумного эгоизма", не посягающего на "категорический императив", в неразумный эгоизм всеобщего хищничества, "войны всех против всех".

В эпоху повсеместных эсхатологических предчувствий, перед лицом глобального кризиса человечество заинтересовано в конкурсе мировых альтернативных проектов, обращенных к будущему. Инерция прежних тенденций индустриального развития, в свое время инициированных Западом, равно как и попытки насаждения любого нового одновариантного подхода, грозят человечеству гибелью. Необходим уход от Одномерности, использование того потенциала, который накопили различные мировые культуры и цивилизации в ходе длительного исторического опыта. Западная цивилизация динамична, но сформированные ею принципы жизнестроения не гарантируют выживание в длительной исторической перспективе. Другие цивилизации оказались гораздо менее эффективными по целому ряду критериев, но их способность существовать в масштабах длительного планетарного времени подтверждена историей. Проблема состоит в том, возможно ли — и в какой мере — сочетать инструментальную эффективность Запада с "экзистенциальной" эффективностью других цивилизаций, меньше дающих индивиду по меркам повседневности, но благоприятствующих сохранению вида.

Эту проблему применительно к планетарной роли российской культуры мы и рассмотрим далее.

Российская культура в мировом цивилизационном процессе.

Модный среди обществоведов цивилизационный подход выступает в трех контекстах:

— в контексте традиции, восходящей к немецким романтикам, противопоставлявшим

живую органику культуры, ее пластичность и целостность техно-бюрократическому "затверждению" цивилизации, с ее рационализмом и утилитаризмом;

— в контексте "нового мирового порядка" — перехода от расколотого к взаимосвязанному, взаимозависимому миру, готовому сообща решать общечеловеческие проблемы;

— в контексте "плюрализма цивилизаций" — теории множества миров, отличающихся базовыми ценностями, способами жизнестроения.

Впечатляющая характеристика русской культуры состоит в том, что она позволяет актуализировать эти одинаково важные контексты, сообщая им особый ценностный смысл.

Сегодня, когда наряду с экологической усиливается культурологическая самокритика технической революции, посягающей не только на природу, но и на человеческий дух, старая славянофильская тема о русской культуре как прибежище духовности в бездуховном мире заслуживает нового обсуждения. Речь идет, разумеется, не о некой русской "монополии" на духовность, а об осознании непреходящего значения незападных культур, в том числе русской, в качестве альтернативы технократическому нигилизму.

Поиски нравственных опор и традиции "Русского" максимализма. Взаимоотношение ценностного и инструментального в культуре напоминает игру с нулевой суммой: возрастание технологической самоуверенности сопровождается "духовным обнищанием" — снижением ценностного понуса, упрощением мотиваций. Поэтому когда говорят о гегемонии Запада в современном мире, следует представлять, с каких позиций это утверждается. С позиций экономикоцентричного, потребительско-гедонистического сознания она неоспорима. Но является ли такая позиция перспективной? В истории наблюдается парадокс, когда прорывы в культуре, духовном, нравственном, эстетическом опыте осуществляют не наиболее преуспевшие по меркам материального благополучия и могущества, а, напротив, несущие бремя экономической или военной неудачи. Они развивают мощную компенсаторную активность в сфере духа и, случается, завоевывают завоевателей по меркам духовного производства, критериям стиля, вкуса. Греки в свое время "завоевали" победивших их римлян, став референтной группой поздней античности. Германия начала прошлого века, разгромленная Наполеоном и экономически отставшая от Великобритании, противопоставила униформизму французского Просвещения и английскому эмпиризму "немецкий ренессанс" в культурной сфере. В известной мере аналогичный феномен представлен русским религиозно-философским ренессансом "серебряного века". Способна ли российская культура на повторный прорыв в условиях, когда многие стартовые материальные и духовные условия ухудшились, а критерии отбора ужесточились?

С позиций тех, кто исходит из линейного времени, в котором будущее предопределено прошлым, а возможный успех — наличными стартовыми условиями, напрашивается отрицательный ответ. Однако культура развивается по законам не линейного, а пульсирующего времени. Здесь последующие фазы зачастую выступают не как продолжение, а как реакция — духовная и нравственная — на крайности, изъязны предыдущих фаз. Культура нередко утоляет свою печаль на "дне отчаяния"; "темные эпохи" рождают светлое искусство, окружающая распушенность — прорывы к святости и аскезу покаяния.

В современном мире ощущается острая ностальгия по идеалу, забытым, поруганным ценностям, библейскому "не хлебом единым". На Западе растет понимание того, что современное потребительское общество обязано относительной устойчивостью не себе, а тому, что унаследовано им от традиции и каким-то чудом выжило. Это — наследие и "протестантской этики", препятствующей окончательному вырождению продуктивного индивидуализма в индивидуализм потребительски-гедонистического толка, и патриархальной этики, поддерживающей авторитет и традицию. Неоконсерваторы на Западе поставили целью перейти от перераспределительной "экономики спроса" к продуктивной "экономике предложения". Но для этого пришлось перевернуть систему оценок: реабилитировать консервативную ментальность (морально-психологическое неприятие

крайностей эмансипаторства) и осудить "культурный авангард". Не вступает ли сегодня Россия в новую фазу социокультурного цикла, инверсионную по отношению к крайностям радикал-либерализма и западничества? И каков возможный потенциал этой фазы: хватит ли его на то, чтобы породить "неоромантизм" всемирно-исторического значения — продуктивную альтернативу одномерностям техно- и эконоцентризма, до сих пор господствующим на Западе, или дело ограничится новым изданием "квасного патриотизма", стилизованного почвенничества.

Каков потенциал славянского культурного ареала в формировании альтернативной идеи глобального масштаба? По специфическим "критериям успеха", доминирующим в эпоху индустриального общества, славянство проиграло соревнование с романо-германским миром. Как ни вспомнить прозелитические восторги нашего художественного авангарда перед техникой, апофеоз Машины (вспомним раннего А.Платонова)! Многие, слишком многие ценности были принесены в жертву индустриальному молоху, но, в конечном счете он обманул ожидания. И в этом смысле российский авангард не состоялся. Попытка мерить себя критериями экономического успеха, соревноваться с Западом по его собственным правилам окончилась неудачей. Теперь те, кто разочаровался в возможностях России "догнать и перегнать", приглашают ее в "третий мир". Но третий мир — понятие, в котором опущены культурно-цивилизационные критерии и оставлена лишь шкала, относящаяся к показателям технико-экономического развития. "Третий мир" — убогая метафора технократического мышления, не знающего ни богатства культурного наследия, ни ценности цивилизационного многообразия мира. "Третий мир" — синоним "варварства" по критериям одномерного технико-экономического прогресса. Как быть с рафинированным духовным опытом великих цивилизаций Востока, включаемого в "третий мир"? Каким образом самоопределилась России: настаивать на принадлежности к "первому миру" (вхождение в "европейский дом"); заняться реконструкцией "второго мира" (недавно олицетворяемого "социалистическим лагерем") или признать принадлежность к "третьему миру", сообщив последнему значение великой цивилизационной социокультурной альтернативы?

Альтернатива техноцентричному модернизму может мыслиться по-разному: одномерность технической цивилизации отвергают по-своему художник (романтик), по-своему — моралист (аскет). Немецкий романтизм был попыткой художественной, эстетической критики буржуазного (атлантического) Запада. В этой критике было больше прометеевой гордыни, чем нравственного пафоса, мудрости.

Художник соревновался с людьми дела — Предпринимателем и Организатором, чаще разделяя с ними прометееву самоуверенность, крайности индивидуалистического нигилизма.

Сегодня проблема заключается в том, чтобы смирить эту гордыню, преодолеть нигилизм, предложив человечеству новые критерии "подлинной жизни".

Со времен Ренессанса наука как средство выпытывания тайн природы — добывания истин постепенно эмансипируется от велений Добра — цензуры нравственного запрета, олицетворяемой религиозной верой. Эмансипация науки от религиозной морали ускорила становление особого инструментального разума, которому современная техническая цивилизация обязана своими успехами.

Следующий прорыв в системе современного духовного производства произошел тогда, когда наметилось обособление искусства от морали — возник художественный авангард, третирующий Истину и Добро во имя "безграничной свободы". Два типа авангарда, научный и художественный, открыли несметное количество новых сил, которые консервативный моральный разум наверняка не заметил бы. Проблема, однако, заключается в том, чтобы окультурить эти силы — подчинить их долгосрочным интересам человеческого выживания, связанным с нахождением новой гармонии Человека и Космоса. В этом представители авангарда нам вряд ли помогут. Здесь, скорее, требуется мобилизовать "фундаменталистские" принципы культуры, требующие нового синтеза Истины, Добра и Красоты под эгидой нравственного категорического императива. С этой точки зрения российскую культуру нужно признать "фундаменталистской". Великая русская литература

основана на приоритете Добра — критериев нравственности, справедливости. Ответ России на крайности Запада (и собственного западничества) скорее всего предстанет как вызов нравственного максимализма.

В культуре есть два пласта: интеллектуально-художественный, относящийся к профессиональному духовному производству в собственном смысле слова, и нравственный, обращенный ко всем членам общества.

Нравственное суждение не знает привилегий образованности — его источником является не профессионализм, а особый опыт любви, сострадания.

Иудеи уступали грекам и римлянам в образованности, но имели привилегию страдающего народа, мобилизующего против самонадеянной силы не материально оснащённую силу, а нравственную интуицию относительно неизбежного торжества "нищих духом".

Профессиональный пласт духовной культуры более хрупок — его могут сносить, разрушать катаклизмы истории. По этому критерию перспективы русской культуры выглядят хуже, чем до великих обвалов и чисток XX в. У России меньше шансов стать "вторым" или третьим "Римом" (если под первым Римом подразумевать современный Запад). Однако народ, подвергшийся натиску превосходящих сил и испытавший себя в роли изгоя "процветающего человечества", может идентифицироваться с другой традицией. Риму может противостоять Иерусалим — прибежище духовности, правды. Могут возразить, что Россия имеет едва ли не худшую моральную статистику, в ней правят бал представители мафиозно-номенклатурного альянса, не ведающие нравственно-религиозных резонансов. Однако в этом и состоит часто наблюдаемый в истории парадокс: эпицентры мирового нравственного кризиса становятся местом напряженнейших поисков духовного обновления, просветления.

Можно по-разному оценивать неадаптированность России к современной технической цивилизации. Рассуждая в духе традиционной промышленной социологии, требующей адаптации человека к технике, можно прийти к пессимистическим выводам относительно будущего страны и качестве ее "человеческого материала". Но если перевернуть перспективу и исходить из необходимости адаптации техники к человеку, то "устойчиво неадаптированные" страны и культуры могут предстать как бастионы человечности в бесчеловечном мире. Важно не пасовать перед веком, сохранять веру в гуманистическую альтернативу постиндустриального будущего.

В современном мире ощущается нешуточная угроза ослабления способности нравственного суждения в пользу языческого восторга перед успехом как таковым. Это грозит таким загрязнением соц-иокультурной среды шлаками асоциального поведения, что человечество может задохнуться. Требуется восстановление фильтров, отделяющих нравственно аутентичное поведение от суррогатов. И в этой великой работе по воскрешению идеала, восстановлению суверенитета нравственного сознания традиции русского нравственного максимализма приобретают особое значение.

Русская культура и "новый мировой порядок". Парадокс 90-х гг. состоит в том, что окончание холодной войны ознаменовалось не вождельным "новым мировым порядком", а новым великим беспорядком — геополитическими катаклизмами, угрозами "столкновения цивилизаций" (С.Хантингтон). Российская внешняя политика с конца 80-х гг., в особенности после августа 1991 г., ориентирована на возвращение в "европейский дом". Важно оценить эту ориентацию в контексте российской культурной традиции, вскрыть ее глубинные мотивы. Акцентируем два аспекта: один связан с цивилизационной идентичностью России (признает ли она себя частью Запада или нет), другой — какими она видит духовно-нравственные основания искомого "нового мирового порядка". Когда анализируешь аргументы в пользу возвращения России в "европейский дом", бросается в глаза преобладание наивно-утилитарного пафоса, беззаботного по части культурно-цивилизационных реалий, традиций. Запад опередил нас в технико-экономическом соревновании, победил в "холодной войне", — следовательно, наша традиция плоха, надо скорее от нее избавиться, присоединиться к Западу, дабы разделить его успех.

Идентификация с Западом осуществляется в значительной мере с позиций потребительского волонтаризма: мы хотим "жить как на Западе", оттого намерены стучаться в "европейский дом". Наивная "мораль успеха", готовая произвольно менять идентичность во имя эффективности, оказалась сомнительной — возвращение в "европейский дом" по большому счету не состоялось. Цивилизационная принадлежность страны — не столько вопрос свободного выбора, сколько явление исторической судьбы. Второй момент касается оснований нового мирового порядка, как они видятся правящему западническому крылу. Это видение вряд ли соответствует большой российской традиции. Для правящего западничества войти в европейский дом — значит войти в "клуб избранных" (в большую восьмерку и т.п.), задающих тон в современном мире. Признаться, это плохо соответствует нашей исторической национально-государственной доминанте. Она держалась на совсем иной идее: объединения со слабыми против сильных. Данный принцип определял идеалы и внутренней политики — верховная власть понималась как арбитр, не дающий сильным "забываться" в их отношениях со слабыми, и внешней: Россия как союзник, опора обиженных, угнетенных. Реальная внутренняя и внешняя политика были далеки от этого идеала, но он задавал нравственные ориентиры. Защита слабых питала сильную, харизматическую политическую идею; искательство перед сильными, напротив, вело к вырождению политики, исчезновению в ней крупных личностей, характеров.

Можно ли утверждать, что христианская заповедь солидарности со слабыми в противовес сильным устарела в качестве основы грядущего мирового порядка?

Речь идет не о том, чтобы подстрекать антизападные силы, искать трещин в порядке бытия, поощрять дестабилизирующие элементы, как это делал прежний большевистский режим. Не о том, чтобы политически эксплуатировать слабых для удовлетворения собственных миропотрясательных амбиций. Речь идет об основаниях нового мирового порядка: устарела или нет идея солидарности со слабыми, бедными, угнетенными. Если признать, что у слабых нет алиби, их неудачи — свидетельство собственной бесталанности, нерадивости, то можно ослабить нравственные основания мирового порядка, открыть дорогу политическому неоязычеству — культу силы и могущества. Тенденции гегемонизма тем самым будут неизбежно усилены. Современная теория всеобщей вестернизации уязвима не только с культурологических позиций — как игнорирующая исторически сформировавшийся плюрализм культур, цивилизаций. Она уязвима и с позиций нравственного разума, открывающего в ней готовность оправдать попытки сильных кроить мир по собственным меркам, не считаясь с правом других на сохранение идентичности.

По нашему мнению, есть веские основания полагать, что новому мировому порядку более соответствующим окажется не нынешний культ успеха и нетерпеливое стремление оказаться в лагере победителей, а старые принципы солидарности с "неудачниками" и нравственная легитимация их специфического "изгойского" опыта. Человечество на развилке: грядущий миропорядок может формироваться при монополии развитых стран — тогда в нем возобладают униформистские тенденции вестернизаторского гегемонизма; он может формироваться на основе действительного диалога культур, цивилизаций и вырастающего отсюда свободного конкурса мироустроительных проектов. В последнем случае требуется, чтобы в числе гигантов современного мира отыскался аутсайдер — страна, достаточно мощная по своему потенциалу, амбициям, но в то же время не разделяющая языческие восторги перед материальным могуществом, сохраняющая в своей традиции готовность перечить сильным, защищая слабых. У нас нет сомнения в том, что, если такому аутсайдеру суждено появиться — его появления ждут многочисленные "неудачники" мира сего, — им окажется Россия.

Плюрализм цивилизаций и философская реабилитация категории пространства. Специфическим признаком Запада является то, что он представляет особую цивилизацию времени. Историческое время является ключевой категорией, альтернативной категории пространства. Формационный тип видения рожден на Западе и связан с абсолютизацией времени. Время уничтожает различия культур, народов: человечество приходит к единой

модели общественного устройства. При этом молчаливо подразумевается, что эта модель — западная. Запад создает всемирную историю посредством того, что уподобляет мир самому себе. Отношения Запада к остальному миру описываются как отношения модерна и архаики, подлежащей вытеснению, преодолению. Пространственные различия мировых регионов понимаются как преодолимые во времени: Хронос устраняет различия тем, что пожирает культуры, насаждая формационный универсализм. Но если игра формаций с цивилизациями (с культурно-цивилизационным многообразием мира) выступает как игра с нулевой суммой, не следует ли ожидать бунта культур — цивилизаций — против формационного обезличивающего единства? Кажется, с таким бунтом, как на уровне теории, так и практики, мы сегодня и имеем дело. Если становление единой истории понимать как результат вестернизации и унификации, будет наблюдаться следующая закономерность: чем развитее культурно-цивилизационная традиция того или иного региона, тем сильнее сопротивление его унифицирующей вестернизации. Таков, как видится, механизм реабилитации категории пространства. Способность пространства видоизменять образцы, заимствованные на "передовом Западе", замечена давно. Эта способность западниками оценивается как досадное искажение западной классики, как деформация. Стратегия правящего западничества в России после 1991 г. сводилась к тому, чтобы "обменять" пространство на время — уменьшить размеры государства, отсекая наиболее "косные" части, тем самым усилить его формационный динамизм. В этом секрет той шокирующей геополитической беззаботности, какую проявляет правящий режим, отдавая огромные куски постсоветского пространства в чужие руки.

Российская традиция отличается совсем иным отношением к своему пространству: его огромность воспринималась в положительном, экзистенциальном значении: простор как воля, освобождающая ширь, место инициатив, порывов. Как писал Гоголь: "Что пророчит сей необъятный простор? Здесь ли, в тебе ли, не родиться беспредельной мысли, когда ты сама без конца? Здесь ли не быть богатырю, когда есть место, где развернуться и пройти ему?" Пожалуй, ни в чем так явственно не выразилась вырожденческая суть эпигонствующего западничества, как в боязни российского пространства — огромных энергий, масштабных характеров, им порождаемых.

Реформаторы западнического типа постоянно сетуют на упорное сопротивление местного пространства, препятствующее переносу заимствованных на стороне образцов. Заметив, что чем более культурно насыщенным, специфичным оказывается то или иное местное пространство, тем больше оно сопротивляется механическим переносам и заимствованиям, радикал-реформаторы не останавливаются перед тем, чтобы его опустошить в культурном отношении, борясь с исторической памятью. Так было после 1917 г., аналогичный процесс наблюдается ныне. Однако по мере того, как пробуждается национальное самосознание народов, их чувство достоинства, унификация терпит крах. Намечается переход от всемирной истории гегемонистского типа (связанной с доминированием западной цивилизации) ко всемирной истории диалогового типа, связанной с равноправным сосуществованием, взаимодействием культур.

Что касается современной России, фаза очередной вестернизации, кажется, подходит к концу. Намечается новая фаза "реванша пространства" — актуализации российской культурной специфики как особого цивилизационного региона. Современная российская история вплотную столкнула две парадигмы развития: западную, формационную, унифицирующую и цивилизационную, связанную с сохранением творческого многообразия. Адепты западничества проигрывают, потому что нарушают закон существования культуры — право на разнообразие. Поражение западнического гегемонизма в России приобретает всемирно-историческое значение — после его поражения энергетика вестернизации иссякает.

Правящие российские лидеры являются, пожалуй, последними чистыми западниками. Их уход будет означать окончательное торжество совсем иной

реформационной парадигмы, связанной с признанием творческой силы пространства, реабилитацией культур-но-цивилизационного многообразия мира, многовариантности истории.

Постиндустриальный потенциал Российской культуры. Размышляющий о будущем информационном обществе, характере постиндустриального сдвига невольно погружается в стихию старого конфликта "двух культур" — технической и гуманитарной. Речь идет не только о конфликтах ценностей, но и о столкновении разных историософских интуиции, социокультурных парадигм. Это касается ответов на следующие ключевые вопросы.

1. Явится ли постиндустриальное общество простым углублением, расширением основных тенденций индустриальной эпохи, унаследует ли оно энергетику технико-инструментального взрыва нового времени, отсекающего старую традицию и противопоставившего Запад остальному миру? Или, напротив, оно будет развиваться по закону "отрицания отрицания", ознаменуется парадоксом "возвращения" к некоторым "исконным" принципам человеческого существования?

2. Где лежит механизм постиндустриального сдвига: в сфере технологий или в сфере человеческого духа, в системе ценностей? Научно-техническая революция (в ее новом витке) или духовная реформация станет источником постиндустриального развития?

3. Следует ли при этом ожидать смещения центров мирового развития; сохранят ли ведущие в промышленном отношении державы свою гегемонию или для лидерства в постиндустриальную эру потребуются качества, существенно отличающиеся от тех, что давали преимущество в недавнем прошлом?

На первый из вопросов глобалистика дает, как кажется, недвусмысленный ответ. Сложившиеся тенденции индустриальной цивилизации ведут в тупик экономической, социальной, духовно-нравственной катастрофы. Следовательно, они должны быть в обозримом будущем остановлены, преобразованы. Грядущее общество не сможет оставаться техноцентричным — основанным на экологически беззаботном, индустриально-утилитарном принципе отношений с природой; оно должно стать эксцентричным, ориентированным на гармонию Человека и Космоса. Не менее принудительным оказывается и поворот в духе культуроцентризма: прежние реформационно-модернизационные технологии, игнорирующие культурную традицию и разрушающие духовное наследие, неприемлемы и в связи с пробудившимся самосознанием народов, и потому, что массовым продуктом таких технологий стали маргана-лы, живущие вне норм культуры (и тех, что осуждены как "пережитки", и тех, что провозглашены в качестве "прогрессивного эталона").

В современной культуре сложилось негативное отношение к технологической самоуверенности западного прогрессизма (запоздалые прозелиты не в счет).

Неизбежен поиск спасительных альтернатив, в том числе на пути тщательного изучения опыта незападных культур. Мир пребывает в ожидании новых подходов. Имеем ли мы, представители великой культуры, право отмалчиваться в этих условиях?

Во-первых, необходимо заново проанализировать потенциал православно-византийской традиции, завещанной восточной патристикой. Ключевое для этой традиции понятие синергетичности — согласования, сопряжения разнокачественных начал существенно отличается от западного субъект-объектного принципа, при котором "инобытие" выступает не в самоценном качестве, а как объект приложения покоряюще-преобразующей воли.

Во-вторых, требуется выявление особенностей славянского культурного этоса. Славянский мир достаточно разнороден в политическом, конфессиональном отношении, тем не менее, несомненно наличие общего архетипа славянской культуры. Многие культурологи, философы говорят о женственности славянской души, контрастирующей с волевым началом германского мира. В определенном смысле мировая культура держится

на дуализме мужского и женского начал (Логос и Дао, Янь—Инь и т.п.). В неких фазах мирового культурно-исторического цикла активизируется мужское, преобразующее начало, призвание которого рубить гордые узлы, вместо того, чтобы его развязывать. В неких (инверсионных) фазах наступает пора не разбрасывать, а собирать камни, обуздывать импульсы титанизма, противопоставлять прометеевой воле терпение, мудрость. Техническая цивилизация с ее образом общества как фабрики, культом Машины и Организации несомненно представляет апофеоз мужского начала. Но нарушение баланса между мужским и женским началами грозит нестабильностью в природе, в культуре, и мы вправе ожидать новой реабилитации, активизации женственности в ее разнообразных превращенных формах.

Соответствующая ностальгия ощущается в современной культуре. Славянский тип мышления представляет в определенном смысле промежуточную ступень между восточным Дао и западноевропейским Логосом, между пантеистической чувственностью и картезианским формализмом.

Наука признала, что ее рационализм построен на редукционизме: упрощении синкретичных, высокосложных явлений в экономическом, технологическом, других видах "лапласовского детерминизма".

Сведение сложного к простому не только эпистемологично, оно ведет к заподозриванию в отношении высоких мотивов в культуре. Не случайно протестантский теолог И.Б.Мец осуждает "учителей заподозривания"²³⁵ — Маркса, Ницше, Фрейда, сводящих высокие человеческие мотивы к низким (экономическим, сексуальным, витальным и т.п.). Такие редукционистские процедуры морально небезобидны: высокие мотивы угасают в культуре, систематически не признающей их подлинности.

Таким образом, рационализм, основанный на редукционизме, не только искажает реальный образ мира, но и деформирует нравственное сознание. Готовы ли мы впредь платить столь высокую цену за сохранение рационалистической самоуверенности? Пресловутая "славянская сентиментальность", прежде воспринимаемая как этнопсихологический феномен, может раскрыться в своем глубинно-метафизическом качестве как подспудный пласт культуры, некогда третируемый как архаический, а ныне запрашиваемый всерьез.

В-третьих, необходимо заново оценить и осмыслить основания славяно-тюркского синтеза, образующего ядро нашей многонациональной государственности.

Вероятно, гетерогенные социокультурные типы (сочетающие разнородные культурные начала) будут более адаптированы к требованиям информационного общества, чем этнически цельные. Гетерогенность — залог открытости, повышенной социокультурной восприимчивости. Мы расшифровываем гетерогенность посредством символической пары Пахаря и Всадника (кочевника). Олицетворением первого выступают славянские народы России, второго — тюркские. Номадическое (кочевническое) начало считалось архаическим.

Но сегодня многое архаическое становится затребованным — в этом парадокс эпохи постмодерна. Постиндустриальная цивилизация использует потенциал разных культур, превращая их во взаимодополнительные, взаимодействующие "субкультуры".

В целом ее доминирующим мотивом будет, вероятно, не анализ, а синтез, интеграция разнородного. Способность к синтезу формируется посредством опережающего развития общекультурной информации по сравнению со специализированной отраслевой, общетеоретических и общеметодологических знаний по сравнению с прикладными, гуманитарной подготовки по сравнению с узкотехнической. Чем выше выражены соответствующие неравенства, тем выше эвристическая мобильность культуры, ее способность отвечать на запросы времени.

Интересно, что указанная асимметричность между синтезом и анализом,

²³⁵ Мец И.Б. Будущее христианства // *Вопр. философии*. 1990. № 9.

теоретическим и прикладным уровнями, способностью выдвигать идеи и умением переводить их на язык технологий в высшей степени характерна для российской (евразийской) культуры. Она смело кочует в пространстве общих идей, в ноосфере, но ей труднее дается искусство технологической "оседлости", эмпирической привязки новых принципов к конкретным условиям места и времени.

В "аналитическую" эпоху эта особенность нашей культуры обрекла ее на отставание в ряде практических областей. В "синтетическую" эпоху, в пространстве "разговора" мировых культур, цивилизаций она может обернуться неожиданной эффективностью. Сегодня делается упор не на техническом, а на человеческом факторе цивилизации, гуманитарном капитале.

В период доминирования технической культуры "человеческий капитал" измерялся уровнем специализированных знаний (в первую очередь технических) и профессиональной подготовки. Вскоре такой "технократический" подход к человеку даже в сугубо экономической сфере обнаружил узость. Оказалось, что самая высокая профессиональная подготовка не дает нужных результатов, если не базируется на прочном фундаменте ценностей: высокой профессиональной этике, традициях трудолюбия, ответственности, усердия. Американцы по-прежнему опережают японцев в образовании и квалификации, но успели значительно растерять общий социокультурный фундамент профессиональной этики, связанный с определенной "архаичной" традицией. Японцы лучше сохранили "архаику" конфуцианско-буддистской этики, и это стало их преимуществом. Как видно, вопрос об архаике в постмодернистскую эпоху встает по-новому: проблема не в том, какими методами искоренять архаику, а в том, как избежать ее окончательного искоренения.

Призвание гуманитария — особое культурологическое чутье, специфическое мужество: чутье в отношении продуктивных составляющих коллективной культурной памяти, мужество — в защите их от неумеренного усердия запальчивых модернизаторов.

Драма российской культуры состоит в том, что поредела и ослабла ее гуманитарная элита, подвергшаяся жесточайшим гонениям, чисткам. Статус гуманитария оказался неоправданно заниженным в обществе, моделью которого стало промышленное предприятие.

Коснемся теперь вопроса о соотношении научно-технической революции и духовной реформации. Только одномерное техноцентричное мышление может игнорировать гуманитарную суть постиндустриального сдвига, по сравнению с которым все перевороты в технологиях носят подчиненное значение. Дело не в том, какие новые средства получит прометеев человек — похититель огня, оскорбитель богов. Дело в том, в каком направлении ему самому предстоит измениться, преобразовать систему жизненных установок, ценностей. Пора задуматься о технологиях — не о тех, что меняют предметный мир, внешнюю среду цивилизации, а о тех, что преобразуют внутренний мир, в корне меняют ориентиры. В этом ключе и следует размышлять о качественных сдвигах постиндустриальной эпохи. С этих позиций сокрушения о том, что наша российская культура не является "ортодоксально" западной, выглядят легковесно. Критика технической цивилизации является одновременно критикой (и самокритикой) Запада, эту цивилизацию породившего.

Задача не в том, чтобы уподобиться Западу, а в том, чтобы сохранить — для себя, Запада, всего мира — возможности альтернативного прочтения судьбы, призвания человека в мире, сберечь потенциал иначе возможного. Требуется специфическая гуманитарная аналитика, связанная с выявлением продуктивных альтернатив отечественной культуры. У этой аналитики много трудностей, немало соблазнов, главный из которых состоит в чрезмерной мессианской самоуверенности. Как легко перед лицом западнического нигилизма пойти путем "от противного", возведя в ранг абсолютных достоинств особенности национальной культуры. Необходимо идти другим путем. Активно включаясь в диалог культур, вооружаясь методами сравнительной

культурологии, тщательно анализируя гуманитарное измерение технологических, инфраструктурных преобразований постиндустриальной эпохи. Одни и те же элементы национального наследия и менталитета в разных структурно-технологических, организационно-управленческих контекстах могут выглядеть то как помеха, то как подспорье. Важно при этом руководствоваться новым категорическим императивом: не человек приспосабливается к технической среде, а эта среда приспосабливается к человеку. Нельзя рассчитывать на возможность во всем следовать этому императиву, но не упускать из виду открываемую им перспективу необходимо.

Вопрос о центрах мирового развития имеет множество аспектов. Один касается грядущей демократизации миросистемного процесса: миру как самоорганизующейся системе предстоит стать не моноцентричным или биполярным, а полицентричным. Такой вывод справедлив в ценностном смысле (в смысле долженствования), но вряд ли отвечает реальности: складывающийся полицентризм (США, Западная Европа, Тихоокеанский регион) больше напоминает олигополию, чем действительный полицентризм автономных, свободно соревнующихся регионов. Другой касается механизмов образования мировых центров. Они не укладываются в рамки "эвклидова", линейного мышления. В самом деле, рассуждая рационально, кто вероятнее всего будет задавать тон завтра? Тот, кто имеет наилучшие стартовые условия сегодня? Однако, если бы в истории действовала подобная логика, у нее были бы "вечные любимцы", из века в век все более утверждающиеся в "авангардной" роли. Опыт показывает, что так не бывает. По каким-то таинственным причинам «авангард» подвергается тлетворному духу декаданса, его идеи морально стареют, воля слабеет, самоуверенность сменяется скептическим унынием. Оправданно ли предположение, что этот закон принадлежит прошлому, а современные формы самоутверждения "передовиков истории" — экономическое и научно-техническое творчество — не зависят от уровня собственно духовной мотивации? Полагаем, и сегодня человек сохраняет статус существа, судьба которого определяется не столько силами внешнего порядка, сколько внутренними духовными факторами. Динамика смещения центров мирового развития несомненно состоит в какой-то связи с ноосферной динамикой, со сдвигами в духовном пространстве человечества.

Проясняя вопрос о механизмах и направлениях духовного сдвига, необходимо учесть два обстоятельства. Первое: удовлетворительно ли духовное состояние тех обществ, которые задают тон в современном мире, готов ли мир впредь признавать их духовное водительство? Иными словами: насколько перспективны те идеалы, ценности, которые ныне "гегемоны" предлагают миру?

Второе: если человечеству в самом деле предстоит существенно обновить парадигму развития, кто охотнее, быстрее станет обучаться новой: те, которые утвердились, возвысились вместе с прежней, или те, кто, играя по старым правилам, проиграли?

Творческий парадокс истории состоит в том, что действительно новое в нее чаще привносят не победители, и побежденные, не господа мира сего, а изгои. На языке нравственной метафизики этот парадокс лучше всего описало христианство. Представляется, что действие этого парадокса не ограничивается сферой нравственного опыта.

Применительно к проблемам технической цивилизации, загнавшей человечество в тупик экологической катастрофы, вопрос стоит следующим образом. Если будущее постиндустриальное общество остается техноцентричным, вероятнее всего и мир останется амери-каноцентричным. Если же спасение мира потребует решительного пересмотра техноцентричной модели, духовное, а затем и политическое лидерство вряд ли сохранится за США.

Теоретически грядущую реформуляцию можно представить в двух разных моделях: либо последовательной и творчески-бесстрашной самокритики Запада, готового к ревизии привычных основ жизнестроения, либо решительной критики его со стороны, которая

будет тем радикальнее, чем меньшую готовность к самоанализу обнаружит Запад. Возможность последовательной самокритики у Запада резко уменьшается по причине того, что он чувствует себя победителем в холодной войне. Не случайно на Западе определение эпохи как посттоталитарной (читай: послевоенной) конкурирует с ее определением как постиндустриальной. Постиндустриальное определение внутренне предполагает самокритику Запада, посттоталитарное — напротив, укрепляет его самомнение. Самосознание победителей редко бывает самокритичным. Зачастую оно близко эйфории, чревато самоуверенностью, толкающей на опрометчивые решения. Самосознание Запада как победителя в холодной войне резко замедлило назревшую работу цивилизационной самокритики, переосмысления устаревших подходов к миру. На другом полюсе — побежденные. После распада Советского Союза, единственным ответчиком в судебном процессе над тоталитаризмом по сути выступает Россия. Остальные — и в постсоветском пространстве, и в масштабах "социалистического лагеря" поспешили зачислиться в состав невольных жертв.

Именно в российском сознании совершается процесс, позволяющий осмыслить моменты совпадения критики индустриализма с критикой тоталитаризма, раскрыть прометееву, модернистскую природу самого тоталитаризма. России необходимо решить проблему расставания с тоталитаризмом в таком ключе, в котором индустриальное насилие над природой и политическое насилие над человеком раскрылись бы как две стороны одной медали. Антитоталитарная и антитехнократическая установки углубляют и усиливают друг друга. Совпадение их предопределено технократической доминантой большевизма (общество как единая фабрика, управляемая на началах жесткого единоначалия), его промышленным титанизмом (индустрия как воплощение воли к власти над природой и историей).

Россия оказывается в высшей степени в сложной ситуации. Стране, ухудшающееся геополитическое положение которой все больше напоминает о статусе побежденного, предстоит осмыслить свою стратегию не под знаком обиды и реванша, а, напротив, предложить Западу как победителю перспективы совместного строительства лучшего мира. Психологически такая роль для побежденного труднее, но с позиций исторической и нравственной метафизики следует признать, что опыт поражения благоприятствует просветлению.

Тихоокеанский регион обладает немалым социокультурным потенциалом как предпосылкой глобальной реформации. Но ему мешает то, что в целом он разделяет с Западом лавры победителя, входит в число "сильных мира сего". Феномен преждевременного успеха — успеха по критериям устаревшей технической-цивилизации может стать инерционным фактором, тормозящим реформационный процесс. У России собственно социокультурные, относящиеся к традиции предпосылки решительной реформационной инициативы представлены хуже, ибо традиции разрушены, но предпосылки экзистенциальные, связанные с обновленческим императивом ("так жить нельзя!") выражены несравненно резче.

Особый вопрос — о социальной базе глобального реформационного процесса. Кто те "нищие духом", изгои технической цивилизации, которые не в состоянии играть по ее правилам и ждут новых правил, новых принципов жизнестроения? В ответе на этот вопрос важно не поддаться революционаристским соблазнам, не смешать варварство с изгойством в христианском смысле, не торопиться отождествлять нищету с добродетелью. В противном случае нас ожидает новое издание мирового пролетарского гетто, которому нечего предложить миру, кроме революционного нетерпения и "великих беспорядков". Речь идет, по сути дела, о субъекте постиндустриального реформационного процесса, способного придать неудовлетворенности технической цивилизацией (и своим статусом в ней) характер творческого созидательного проекта, действительно обращенного в общечеловеческое будущее. Реформационный процесс требуемого масштаба не может быть анонимным

— необходимую энергию ему может придать только субъект, одновременно несущий в себе и опыт великих неудач технического века и творческие потенции обновленчества. Поиски такого субъекта идут в мире. Весьма вероятно, что они увенчаются успехом именно здесь, в нашей части огромного евразийского пространства.

Миссия Российской культуры в Евразии. Бросается в глаза тенденция варваризации постсоветского пространства. С одной стороны, одичание повседневности — ухудшение моральной статистики, порча нравов, экономическое, социальное, духовное запустение. С другой — варваризация политики, усиление этноцентричных импульсов, тенденция к трайбалистскому мышлению, племенному сепаратизму, вождизму, отступлению права перед силой.

Закономерность довольно четкая: чем сильнее дистанцированность от России, а внутри — от федерального центра, тем явственнее провал в доиндустриальную, догородскую, додемократическую архаику. В этом — парадокс постсоветского национализма; национализм "окраин" сначала выдавал себя за движение за демократическую автономию, против тоталитарного централизма. Когда же разрыв советского пространства осуществился, раскрылся подвох истории: большинство населяющих страну народов ощутили себя отброшенными далеко назад.

Такова цена постсоветского сепаратизма. Ее уплатил и русский народ: выход России из СССР вместо ожидаемого "возвращения в европейский дом" резко сузил цивилизационную перспективу, исторический кругозор, ознаменовался провинциализацией. Мы видим яркое проявление конфликта между политикой и культурой: в политике возобладала концепция России как обычного национального государства, культура же жила и живет под знаком другой идеи — России как особого типа цивилизации, формирующейся в едином евразийском пространстве. Отлучению от этого пространства сопутствует деградация на всех уровнях — экономическом, научном, образовательном. На этой основе во всех странах СНГ возникла коллизия между национальной интеллигенцией (политически ангажированными гуманитариями, озабоченными возрождением национальных традиций, этнографических стилей) и интеллигенцией цивилизованного типа, готовящей стартовые условия для постиндустриального сдвига в Евразии. Цивилизационная инфраструктура СНГ, несомненно, базируется на "языке межнационального общения", на великой письменной традиции, созданной русской культурой.

Национал-сепаратизм чурается этой традиции, тем самым подменяет великую письменную (цивилизационную) традицию малой, этнической. Этнографические любования хороши тогда, когда сочетаются с готовностью входить в большую историю, с цивилизационной волей. Без этого они обрекают на отсталость, изоляцию. Поэтому реально, в долговременной перспективе, вопрос стоит так: либо воссоздание единого духовного пространства в масштабах СНГ на базе российской культуры как носительницы великой письменной традиции, либо поиски такой традиции на стороне, при этом каждым народом в отдельности; одни попытаются натурализоваться на Западе, другие — на мусульманском Востоке, третьи — в Тихоокеанском регионе. Риск здесь двоякий: во-первых, это чревато потерями времени — длительным пребыванием в пограничном межцивилизационном пространстве со всеми вытекающими отсюда опасностями варваризации, во-вторых, приобщающихся к иным цивилизационным традициям ждет статус маргиналов, "пасынков". Это касается и тех народов, политические вожди которых увлекают в Европу, и тех, чьи лидеры зовут в Азию. Даже Россия ощущает падение своего статуса в мире: как представитель особого цивилизационного пространства она имела несравненно более высокий шанс быть услышанной, чем в качестве кандидата в "европейский дом". Для мирового сообщества в целом это тоже представляет проблему: готово ли оно идти на риск тотальной цивилизационной дестабилизации постсоветского пространства на неопределенное историческое время или предпочтет скорую стабилизацию этого пространства на

исторически сложившейся цивилизационной основе, связанной с российской культурной традицией в широком смысле слова.

Характерно, что в большинстве государств СНГ, как и в национальных автономиях Российской Федерации, ощущается раскол между "молчаливым большинством" населения и крикливым политическим меньшинством. Большинство ратует за восстановление единого цивилизационного пространства, приоритетными считает цивилизационные интересы, связанные с универсалиями прогресса, постиндустриальной перспективой. Ему противостоит активное меньшинство политического класса и националистически ориентированной интеллигенции. Те представляют политический авторитаризм, эти — авторитаризм культурный. Общее у них — тяготение к принципу монополизма, противоположному цивилизованной открытости и терпимости.

Цивилизационное пространство основывается на диалоге, сопряжении множества разных традиций, образующих единый цивилизационный код — универсалии большого пространства. Напротив, этноцентризм самоутверждается посредством монологических установок.

По сути дела, во всем постсоветском пространстве (возможно, в глобальном, общемировом масштабе) сталкиваются два принципа жизнестроения: монологический и диалогический. Новейший миф о грядущем столкновении цивилизаций, по сути, является антицивилизационной идеологией: он призван ослабить волю к суперэтническим синтезам, утвердив фатальный характер новейшего раскола народов по этническим и конфессиональным признакам. Как пишет один из реаниматоров этого мифа С.Хантингтон, "в будущем, когда принадлежность к определенной цивилизации станет основой самоидентификации людей, страны, в населении которых представлено несколько цивилизационных групп, вроде Советского Союза или Югославии, будут обречены на распад"²³⁶. У Хантингтона цивилизационный принцип подменен этноцентричным. Цивилизационные общности основаны на суперэтнических синтезах, вовсе не сводящихся к конфессиональным. Единство цивилизационного пространства, обязывающее этносы к кооперации и интеграции, задается не только единством религиозной веры, но и множеством других факторов.

В посттрадиционных обществах, в которых культура-проект доминирует над культурой-памятью, основой межэтнических синтезов является консенсус по поводу желаемого исторического будущего и консолидация усилий по его обеспечению. Люди различной этнической и конфессиональной принадлежности в США объединены консенсусом по поводу базовых ценностей, вовсе не являющихся религиозными (при том, что население США отличается высокой долей верующих).

Американский жизненный идеал, "американская мечта" — пример конфессионально нейтральных синтезов, относящихся к цивилизационной идентичности.

Разновидностью этого типа синтеза являлись ценности советского образа жизни, "советская мечта". Коммунизм был утопией с точки зрения земной осуществимости идеалов. Но в то же время служил вполне реальной альтернативой этноцентризму, сепаратизму, религиозному фундаментализму. Влечет ли крах коммунистической идеологии в посткоммунистическом пространстве возвращение к этноцентричной архаике, религиозным войнам? Легкость, с которой это допускается некоторыми кругами на Западе, связана в основном с двумя обстоятельствами.

1. На Западе полагают, что там окончательно утвердилась нейтральная в этническом и конфессиональном отношении модель политической нации. Никакие процессы на Востоке, связанные с реанимацией этноконфессионального принципа, якобы не могут ее поколебать. Европоцентристы по-прежнему верят, что процесс межцивилизационных воздействий фактически сводится к вестернизации; обратные импульсы с Востока могут

²³⁶ См.: Хантингтон С. Столкновение цивилизаций? // Полис. 1994. № 1. С. 44.

игнорироваться. Отсюда стратегия двойного стандарта: запрет на этносуверенитеты на Западе при прямом поощрении их на Востоке (главная цель этой стратегии — не допустить возрождения России как сверхдержавы, которое возможно только на основе нового межэтнического, межконфессионального синтеза);

2. Теоретики столкновения цивилизаций исходят из ложной дилеммы: либо плавильный котел американского образца (в котором исчезает этнокультурная память), либо конфессиональные расколы и противостояния. Исторический опыт развития России как многонационального государства свидетельствует о несостоятельности этой дилеммы. Российский цивилизационный синтез — именно синтез, сопряженность этнически разнородных начал. Российская цивилизационная общность основана на диалоговом принципе. Она явила миру чудо сохранения множества этносов, которые не были растворены, вытеснены, подавлены этносом-гегемоном. Диалоговый принцип российской культуры, осмысленный Достоевским и Бахтиным, придавших ему философский статус, — величайшее цивилизационное достояние, которое надлежит сберечь, развить в новых условиях. Запад навязал миру принцип формационного снятия, связанный с постулатом временной иерархии культур: новейшие культурные формы безжалостно вытесняют предыдущие, потроша их содержание. Герменевтика в лице Х.Г.Гадамера выступила как глубокая самокритика западного культурологического монизма, исключающего диалог на равных. Ключевой идеей стала реабилитация другого (представителя другой культуры) как партнера, помогающего избавиться от опасной одномерности собственного мышления, опыта.

Вопреки нетерпению формационно ориентированного мышления поскорее покончить с досадными различиями мира, сопротивлением многолигэй культурной "архаики" единственно правильному передовому образцу, диалоговый принцип связывает надежды с культурным многоголосьем мира, кооперацией разнородных начал. "Только тогда, когда феномен одновременности культур, общения между ними (а не их снятия и взаимоотторжения) стал... важнейшим социальным и личностным определением человеческих отношений... все остальные предпосылки диалогизма могли соединиться, "забродить" и сформировать идею диалога как всеобщую характеристику мышления, как определение разума (с основной установкой не на сознание "объекта", "вещи", но на общение, взаимопонимание)"²³⁷.

Парадокс Запада состоит в том, что сформированный им принцип плюрализма — диалога, консенсуса, терпимости ограничивался внутрицивилизационным пространством партийно-политического плюрализма, практически не распространяясь на отношения с другими культурами, цивилизациями. Проявлением этого парадокса стала концепция вестернизации. Парадокс России прямо противоположный: в ней принцип культурологического плюрализма, внимания, терпимости к инокультурному опыту сочетался с политическим монолизмом власти, не терпящей оппозиции. Сегодня у России нет никаких шансов рассчитывать на плавильный котел — процесс этносуверенизации, при всех его издержках, активизировал национальное самосознание, культурную память народов. Следовательно, неизбежная тенденция к цивилизационной реинтеграции постсоветского пространства будет реализовываться не в унитаристских формах "плавильного котла", а форме диалога культур. И здесь диалоговый "архетип" российской культуры — ее вселенская отзывчивость, презумция ценности другого, способность к кооперации с носителями иных типов опыта приобретает судьбоносное значение. Драматичность настоящего периода в России в том, что политические решения монополизированы властной элитой, вышедшей из "коммунизма" и давно отлученной от традиций русской культурной классики, гуманитарного жизнетворчества, преобразующего культурные ценности в политическую волю. Западническое эпигонство этой элиты и ее недоверие к

²³⁷ Библер В.С. Диалог. Сознание. Культура // Одиссей. 1989. С. 8.

собственной культурной традиции основаны на гуманитарной неграмотности, культурном беспамятстве. Между тем задачи, стоящие перед Россией, ее миссия в Евразии требуют совершенно другого уровня мышления.

Российский цивилизационный синтез качественно отличается от западного тем, что требует не нейтрализации культурно-ценностных измерений, а, напротив, их активизации в каком-то новом ракурсе. Запад решает проблемы цивилизационной стабилизации — согласования разнородных социальных, этнических, конфессиональных элементов путем дистанцирования от ценностно-эмоциональных начал на путях формализации. Формализованная этика Канта — нравственность, свободная от привязанностей и ориентированная на психологически и культурно нейтральный категорический императив.

Теория обмена также утвердила принципы сотрудничества, не имеющего какой-либо ценностной окраски — полезность без сочувствия. В политике, в свою очередь, насаждался особый тип культуры, запрещающий спорить о ценностях: дело ограничивается возможным компромиссом, касающимся интересов.

В профессиональной области "научная организация труда" также имела в виду неангажированных индивидов, умеющих четко разграничивать работу и жизнь, функцию и воодушевление.

Словом, западная цивилизационная стратегия построена на эмоциональном и ценностном "остужении" человека. Специфическая "ирония" этой цивилизации связана с умением освобождать осуществление любой общественной функции от ценностных нагрузок.

Веберовская технобюрократическая рациональность отразила, таким образом, общецивилизационный идеал Запада. Универсалии этой цивилизации, язык ее общения представляют определенный тип редукции — выбраковки всего того, что чревато "излишним воодушевлением". Большинство западных институтов исключает этику воодушевления в пользу этики рационально-функционального соответствия. Однако эти принципы социального автоматизма, "бесчувственной полезности" плохо работают в незападном пространстве, в особенности в России. Дело не в том, что российский цивилизационный тип иррационален; из двух отмеченных М.Вебером типов рациональности он гораздо ближе рациональности по ценности, чем рациональности по цели.

В России личностный вклад в тот или иной вид деятельности бывает либо больше того, что функционально запрограммировано — если личность ценностно ангажирована, либо несравненно меньше требуемого — если она неангажирована. Не работает здесь и теория обмена: люди либо чувствуют себя призванными к "высшему служению" — и тогда они готовы к самоотдаче без расчета на взаимность, либо не чувствуют — и тогда педантизм эквивалентного обмена ни к чему не обязывает. Российский цивилизационный тип является этикоцентричным — не в смысле особого нравственного превосходства над другими, а в смысле неспособности проводить последовательное различие между повседневными рутинными обязанностями и высшим служением. Этот тип мироощущения хорошо выразил С.Франк, разделяющий общую неприязнь к законнической, формализованной, "фарисейской" этике как доминанту русского типа духовности. "Из всех сил, движущих общественной жизнью, наиболее могущественной и, в конечном счете, всегда побеждающей оказывается всегда сила нравственной идеи, поскольку она есть вместе с тем нравственная воля, могучий импульс осуществить то, что воспринимается как правда в общественных отношениях"²³⁸. В последнее время правящим западничеством предпринята вторая после "культурной революции" попытка изменить российский культурный генотип. Осуществлена беспрецедентная по мощи кампания

²³⁸ Франк С.Л. Духовные основы общества. М., 1992. С. 100.

"развенчания ценностей". На высшем уровне — это беспощадные сарказмы интеллектуалов в адрес национальной традиции, национальных героев, на низшем уровне — массированное воздействие порноиндустрии, других сильнодействующих средств, призванных вытравить источники нравственного пафоса.

Цель этой новой либеральной педагогики — максимально "остудить" ценностно ангажированную личность, придать ей эмпирическую ориентацию, соответствующую "законам рынка".

Однако, ослабив "рациональность по ценности" (принимаемую за иррациональность), добились не воцарения целерациональности западного типа, а массового взрыва асоциальных стихий. Теперь возникает жесткая дилемма: либо продолжать дело культурно-ценностного разоружения России, в надежде, что из предельного духовного одичания почему-то родится рациональный тип западного образца, либо срочно остановить развенчание ценностей, мобилизовать ценностный потенциал отечественной культуры. На российской почве духовная анемия, ослабление ценностей — значительно более серьезная опасность, чем избыток воодушевления или склонность к мифотворчеству. Из мифа может родиться дух поэзии и музыки (Ницше), равно как и аскетическая жертвенность, необходимая для восстановления государственности. Из ценностного и культурного вакуума может родиться только вселенский нигилизм — опасность превращения населения России в криминальную диаспору, расползающуюся по всему миру.

Ценностную ангажированность российской культуры отвергают, развенчивают те, кто связывает с ней возрождение духовного величия России, активно его не желая. Но им следует помнить, что хотя Россия как сверхдержава бывает нелегким партнером, отстаивая ценности, отличные от западноевропейских, она при этом остается носителем цивилизационных начал управляемого и предсказуемого мира. Проблема не в том, чтобы добиться унификации ценностей посредством западной гегемонии — эта задача неосуществима в принципе. Нет дилеммы: вестернизация — варварство. Вестернизация, сопровождающаяся ломкой норм, развенчанием ценностей, может прямо вести к варварству. Проблема в том, чтобы наладить сотрудничество цивилизаций в их совместном противостоянии варварству как общей опасности современного человечества.

Каждая цивилизация выработала свою стратегию преодоления варварства, формы проявления которого разнятся. Важно не ослабить цивилизационный потенциал человечества на путях насильственной вестернизации, а, напротив, усилить его в ходе взаимообогащающегося диалога мировых культур.

Российский постмодернизм в формировании новой научной картины мира. Претензии российской культуры на активное участие в преобразовании научной картины мира могут отвергаться под предлогом ее архаичности. Одномерное позитивное сознание меряет культуру внешними ей утилитарно-потребительскими мерками (чего стоит культура, которая не обеспечила технологический рывок и современный уровень жизни). Экономисты, политологи, правоведы муссируют тему архаичности российской культуры, якобы конфликтующей с такими ценностями, как экономическая рациональность, политическая терпимость, правовая легитимность.

Однако культура, достойная этого названия, не может быть служанкой ни одного типа сознания, ни одного поколения. Ее ландшафт многомерен, разнообразен, вмещает разные типы жизнестроения, конкурирующие стратегии. Культуру нельзя сводить к морали успеха: в ней находит нишу и стоическая мораль неуспеха, и христианская мораль "блаженства нищих духом". Чтобы культура обеспечивала долгосрочную стратегию выживания, она должна включать множество альтернативных кодов, языков, практик. Торопливая функциональность, обязывающая культуру служить "передовикам прогресса", насаждать "эффективную" модель поведения, забывает, что прогресс со временем меняет свои предпосылки и критерии и, следовательно, не может

требовать от культуры "полной капитуляции" перед вызовом одномерно понятой этики, коммунистической, либеральной, еще какой-либо. Благоговение перед культурой то же самое, что благоговение перед жизнью: оно связано с признанием ее самоценности. Сегодня оказались странно перевернутыми приоритеты: многие поспешно признали правоту потребительского сознания, третирующего национальную культурную традицию за то, что она не насытила материально — не породила эффективной экономики, высоких технологий. Однако те, кто предчувствуют зарождение другой эпохи, других критериев подлинного бытия, должны взять на себя риск отстаивать непопулярные ценности.

В первую очередь следует признать первичность культуры по отношению к науке: перевороты в последней готовятся сдвигами в системе ценностей. Культура — "подсознание" науки, давление которого ведет к преобразованию исследовательских парадигм. Ввиду этого должно вычленив в культуре две системы принципов, одна из которых стала источником классической (западной) науки, а вторая — становится фактором постклассического поворота.

Западная цивилизация по-настоящему продемонстрировала миру свою специфичность только с эпохи Ренессанса. В этот период складываются следующие общекультурные идеи, ставшие базовыми для классической науки. Во-первых, — социоцентризм. Начиная с зарождения буржуазного способа производства общество утверждает независимость от природы, осознает себя самодетерминированной системой. Происходит разрыв социума с Космосом, который одновременно умерщвляется, теряя прежние пантеистические свойства, обязывающие человека к сопереживанию, пиетету. Отныне космос — мертвая материя, человека ни к чему не обязывающая — источник ресурсов, место свалки. Самооправданием социоцентризма является принижение, омертвление природы, превращаемой в косность.

Во-вторых, — механический редукционизм. В науке утверждается дихотомия живой — неживой природы, при этом последняя выступает универсальной моделью познания. Живое в природе со всеми его "неправильностями" рассматривается как источник искажения геометрической строгости искомого научного порядка, списывается со счета как исчезающе малая величина в системе мертвого космоса.

В-третьих, — конгломеративность. Неживая косная материя потому, в частности, становится эталонным пространством науки, что выступает как конгломерат, не препятствующий технологическому произволу. Лишнее, нефункциональное — "бесполезное" для человека можно решительно устранять, полезное — изымать. Ученый нового времени поступает с природой примерно так же, как современный радикальный реформатор с культурой: отсекает то, что ему кажется "ненужным".

Наиболее решительный, рефлексивный бунт против механического рассудка "прометеевой науки" готовила русская культура серебряного века. Русский духовный ренессанс подготовил альтернативную установку и для собственно научного мышления. Как писал А.Ф.Лосев, "русская самобытная философия представляет собой непрекращающуюся борьбу между западноевропейским абстрактным *ratio* и восточно-христианским, конкретным, богочеловеческим Логосом и является беспрестанным, постоянно поднимающимся на новую ступень постижением... глубин космоса конкретным и живым разумом"²³⁹.

В русской культуре XIX—XX вв. складываются три мощных течения, бросающих вызов основным установкам западноевропейской научной классики и, как оказалось, весьма перспективных ввиду обострения глобальных проблем.

Первое — русский космизм. Он альтернативен, социоцентризму, отрывающему человека от природы и проповедующему независимость социума от космоса. Впервые после злосчастного метафизического разрыва нового времени предпринимается попытка вернуть человека природе, а природу — человеку.

²³⁹ Лосев А. Ф. Философия Мифология Культура М, 1991 С. 217

Как писал В.И.Вернадский, "на основании всего эмпирического понимания природы необходимо допустить, что связь космического и земного всегда обоюдная и что необходимость космических сил для проявления земной жизни связана с ее тесной связью с космическими явлениями, с ее космичностью"²⁴⁰. Произвол воинствующего прогрессизма по-разному выглядит в разных системах отсчета: в социоцентричной, где человек выступает как высшее и при этом автономное звено эволюции, почему-то подчиненное лишь социальным закономерностям, и в космо-центричной, где он сталкивается с обязывающим его Великим Порядком.

При этом русский космизм отличается от восточных мировоззренческих постулатов, отводящих человеку роль песчинки мироздания и обрекающих его на пассивность.

Русский космизм предвосхищает современную коэволюцион-ную парадигму науки — идею соразвития мира природы и мира цивилизации. Философски это обосновал Соловьев, выделивший три типа отношения человека к природе: традиционный восточный — "страдательное подчинение ей", классический западный — отрицательно-деятельное отношение, выраженное в активной борьбе с ней, в ее покорении, в пользовании ею как безразличным орудием и, наконец, положительно-деятельное отношение, для которого характерно утверждение ее идеального состояния — того, чем она должна стать через человека²⁴¹. В последнем, "неклассическом" или "посттехнологическом" типе отношений наука подчиняется ценностному императиву: иницилируемые ею практики должны быть соразмерными, сопричастными природе как целостности, сберегаемой человеком.

Второе течение в русской культуре представлено философией всеединства. Центральная идея этого течения альтернативна представлениям о конгломеративности, мозаичности окружающего мира, попустительствующим экологическому нигилизму технической цивилизации.

Философия всеединства возвращает нас от образа природы как мастерской к образу природы как храма, пространство которого будит в нас мотивации высшего порядка, несовместимые с безответственным потребительским эгоизмом. Предмет истинного знания — науки, возобновившей союз с ценностными сферами культуры, — не вещь, отдельно взятая, а "общая природа всех вещей". Принцип всеединства явился общеметодологической предпосылкой современных понятий биоценоза, геобиоценоза, приобретающих значения не только ориентиров научного знания, но и нормативных принципов, обязывающих уважать хрупкую целостность Космоса. Так наметился переход от эмансипированной науки, подстрекающей технологические авантюры "прометеева разума", к науке, соединяющей теоретический и практический (моральный) разум. Соответствующие предчувствия выражают корифеи современного естествознания. "Мы считаем, что находимся на пути к новому синтезу, новой концепции природы. Возможно, когда-нибудь нам удастся слить воедино западную традицию, придающую первостепенное значение экспериментированию и количественным формулировкам, и такую традицию, как китайская: с ее представлением о спонтанно изменяющемся самоорганизующемся мире"²⁴².

Третьим течением-установкой русской культуры эпохи религиозно-философского ренессанса является своеобразный натурфилософский органицизм. Если для классической западной науки универсальной моделью мира, источником исследовательских установок является неживая природа, то в русской культуре доминирующим оказывается теургический образ живой матери-земли и живого Космоса. Западный технологический активизм реабилитирует свои установки посредством образа косной материи, которая не имеет внутреннего «лада», ни к чему человека не обязывает. К тому же, как отмечалось выше, ее относительная простота воодушевляет рационалистическое самомнение науки,

²⁴⁰ Вернадский В.И. Живое вещество. М., 1980. С. 311.

²⁴¹ Соловьев В.С. Собр. Соч. Т. 1. М., 1988. С. 427.

²⁴² Прихожн И., Стенгерс И. Порядок из хаоса. М, 1986. С. 65.

основанное на редуccionистских процедурах. Для русской культуры, напротив, характерно восприятие неживых элементов природы в контексте натурфилософии глобального органицизма. Биоморфная модель в познании со времен коперникова переворота считалась архаичной. Русская натурфилософская школа в лице В.В.Докучаева, Л.Л.Чижевского, В.Н.Сукачева, а также исследователей, примыкавших к евразийству (завершая Л.Н.Гумилевым) имеет смелость перевернуть перспективу, отстаивая доминанту живого в космосе и сам образ космоса как органической целостности, "живого огня". Как показал новейший опыт, эта смелость была оправданной, современная наука все больше склоняется к версии самоорганизующегося Космоса, ведущего себя не как мертвый механизм, а как живой организм. Реванш "романтической" натурфилософии над классическим механицизмом в значительной мере подготовлен усилиями русских деятелей серебряного века, что представляет их немалую заслугу перед человечеством.

В постреволюционные эпохи, как правило, торжествует романтическая метафора живого организма, связанная с осуждением волюнтаристско-преобразовательных амбиций технологического или политического радикализма. Так было в эпоху реставрации во Франции. Современную эпоху можно считать "реставрационной" в двояком смысле: а) она является постиндустриальной, характеризующейся экологическими прозрениями, запретами на безудержный технологический активизм; б) она же является посттоталитарной, связанной с культурологическими прозрениями, культурологическими запретами на революционаристские эксперименты с обществом.

Раньше всех соответствующие предостережения сформулировала, причем на достаточно рафинированном научном языке, русская культура серебряного века. По сути она предприняла попытку российской цивилизационной альтернативы западным принципам жизнестроения, породившим жесткие промышленные и политические технологии и потому ставшим опасными для человечества.

Приходится признать — ее предостережениям не вняли. В лице марксизма, завоевавшего монополию в результате большевистского переворота, в России была установлена жесточайшая цензура на любые попытки возрождения цивилизационной альтернативы западному технологическому активизму. Большевизм продлил жизнь западного неукротимого Прометея, одновременно сняв с него последние ограничения культурного и нравственного характера и тем самым крайне огрубив и обесчеловечив его. Чем ознаменуется, в конечном счете, новый натиск Запада на Россию? Россия мощная, умеющая защищать и традиции, и материальные ресурсы, бесспорно способствовала бы ускорению процесса реформации на Западе. Напротив, Россия эпигонствующая, капитулировавшая духовно и политически, превращаемая в сырьевой придаток Запада, создает соблазн продлить существование экологически безответственных потребительских обществ за счет огромной ресурсной подпитки.

Этим она оказала бы плохую услугу человечеству, в том числе Западу. Достанет ли у нас мужества, воодушевления, чтобы в конце XX в. возродить цивилизационную альтернативу, обещанную миру в начале этого века? Достанет ли у Запада мудрости признать своевременность этой альтернативы, понять профетический характер российского "традиционизма"?

ПОСЛЕСЛОВИЕ

У Ключевского находим: "При изучении истории неохотно останавливают внимание на... эпохах, дающих слишком мало пищи уму и воображению: из маловажных событий трудно извлечь какую-либо крупную идею; тусклые явления не складываются ни в какой яркий образ; нет ничего ни занимательного, ни поучительного. Карамзину более чем 300-летний период со смерти Ярослава I представлялся временем, "скудным делами славы и богатым ничтожными распрями многочисленных властителей, коих тени, обогранные кровью бедных подданных, мелькают в сумраке веков отдаленных". У Соловьева, впрочем, самое чувство тяжести, выносимое историком из изучения скудных и бесцветных памятников XIII и XIV вв. облекалось в коротенькую, но яркую характеристику периода. "Действующие лица действуют молча, воюют, мирятся, но ни сами не скажут, ни летописец от себя не прибавит, за что они воюют, вследствие чего мирятся; в городе, на дворе княжеском ничего не слышно, все тихо; все сидят запершись и думают думу про себя; отворяются двери, выходят люди на сцену, делают что-нибудь, но делают молча". Такие эпохи, продолжает историк, "столь утомительные для изучения и, по-видимому, столь бесплодные для истории, имеют свое и немаловажное историческое значение. Это так называемые переходные времена, которые нередко ложатся широкими и темными полосами между двумя периодами, такие эпохи перерабатывают развалины погибшего порядка в элементы порядка, после них возникающего"²⁴³. К таким переходным временам, передаточным историческим стадиям принадлежит и переживаемое нами время. Его значение не в нем самом, а в тех последствиях, какие могут из него выйти.

Что нас ожидает в новой исторической эпохе, какой наша жизнь будет? — во многом зависит от отечественной реформы, призванной преодолеть индустриализм, обеспечить гарантированное устойчивое экологическое развитие, укрепить национальную безопасность, сохранить территориальную целостность, способствовать интеграции страны в мировое хозяйство. Как это все претворится в деталях, обсуждать невозможно. Возможно обсуждать общие принципы реформирования. К последним, по-нашему, относятся следующие.

Конкретный подход в толковании явлений политосферы. До недавнего времени здесь доминировал радикальный абстрактный функционализм²⁴⁴, апогей которого в отечественной культуре олицетворяют фигуры Ленина — учение о партии: партия — всепоглощающая абсолютная форма, релятивизирующая все, кроме власти; Богданова — тектология: управление — универсальный систематический тип, моделирующий проявления структур в отрыве от качественной специфики; Кандинского — теория абстрактного искусства: генерал-бас живописи — извлечение формально выразительного. С высот нашего момента очевидно: радикальный абстрактный функционализм не состоятелен. И в искусстве, и в управлении, и в политике функция и субстанция неразрывны. Понимание этого на уровне теории и тем более практики определяет искомую и исконную политическую суть реформы: принимать в расчет обстоятельства, "стоять за ценой", сообщать человеку величие, не выступать постоянным источником горести. Вспомним сталинское: "Ссылка на так называемые объективные условия не имеет оправдания. После того, как правильность политической линии партии подтверждена опытом... а готовность рабочих и крестьян поддержать эту линию не вызывает... сомнений — роль так называемых объективных условий свелась к минимуму, тогда как роль наших организаций и их руководителей стала решающей, исключительной"²⁴⁵. Лишь конкретный антифункционалистский подход, отвергая

²⁴³ Ключевский В. О. Соч. В 9 т М., 1987 Т. 1 С. 351.

²⁴⁴ Идея А.Фурсова.

²⁴⁵ Сталин И.В. Вопросы ленинизма. М., 1952. С. 477.

противопоставление "обстоятельств" и "организаций", ограждает от "пьяных спекуляций" (Маркс) реформационных доктрин и следующих им партийно-политических авангардов.

Недопустимость социальной механизации. "Господствовать легко, управлять трудно", — констатировал Гете. Отечественной власти надо учиться управлять. Через весь ток российской истории красной нитью идет линия центрального звена-рычага модернизации: потянешь за звено, вытянешь цепь в целом. Такого рода интенции воплощались в моделях наращивания досуга — больше досуга, ближе к коммунизму; химизации; распространения кукурузы и т.д. Новомодный проект из разряда указанных — программа подъема национальной интеллектуальной элиты: будущее России в руках научно-технической интеллигенции. Вполне очевидный, казалось бы, план этот наталкивается на неожиданное препятствие — общество наше непродуктивно, не способно утилизировать плоды деятельности научно-технических работников. Над решением этой проблемы бился Хрущев, не нашедший ничего лучшего, как учредить Комитет по новой технике. Далее Брежнев из партийного съезда в съезд озабочивался соединением преимуществ социализма с достижениями НТР. У Хрущева новая техника не внедрялась, у Брежнева социализм и НТР не соединялись. Тщетно. Теперь в том же русле план развития научно-технических элит.

Мораль, какую возможно извлечь из истории, заключается в том, что научно-техническая элита как таковая — не органический элемент нашего социального целого. Элиту можно поддержать, законсервировать — мягкими технологиями: заинтересовать, создать условия; жесткими технологиями: оперативно прервать эмиграцию, опустить железный занавес. Можно. Так что? Как изменится производство, качество жизни? Никак. Инновационными они не станут.

В порядке усиления аргумента сошлемся на обобщенный показатель соотношения протяженности железных и шоссейных дорог. Ситуация считается оптимальной, если на 1 км железнодорожного полотна приходится 30 км шоссе. В России пропорция не 1 : 30, а 1 : 6. По данному показателю мы отстаем в 5 раз. Что вытекает? По механистической логике центрального звена — "чтоб все было хорошо" — нужно строить дороги.

Какова обстановка с дорогами в стране, известно. Не было бы российских дорог — не было бы истории Чичикова, спровоцированной плохим состоянием магистралей. Сломалось колесо — пошла плясать губерния. И пляска ее не остановилась. Но... зададимся отрезвляющим: разве дело в дорогах? Дело в терминалах, станциях переработки, хранилищах, инфраструктуре. Без инфраструктуры дороги бессмысленны. Очередной модернизационный проект дает круги на воде. Не более.

Общество — динамичный объект, исключаящий при попытке его реформирования способ действия согласно механистической идее главного звена. Такого звена нет. Тянуть за часть в надежде вытянуть целое — подчеркнутая эскамотация.

Оптимизм. Наша лексика изобилует трагизмами, соответствующими эпохе перемен (как говорят в Китае: желаем врагам жить 100 лет в эпоху перемен): озабочиваются не тем, как жить, а как выжить. Пессимизм никогда не был перспективной философией. Хватит выживать. Пора начинать жить. Достойно. Довольно.

Нам не нужна ненависть в обертке социального патронажа. Нам не нужно насилие как инструмент достижения справедливости, блага. Отчего погиб Пушкин? Ближе лежащее — от пули убийцы — поверхностно. Обстоятельнее блоковское объяснение: в николаевской России дышать было трудно; Пушкина погубила атмосфера. Теперь у нас дышать столь же трудно. Но погибать нельзя: речь идет не о человеке — о народе.

В противоположность всеотрицающему дадаизму, упивающемуся разрушительным "нет", Батай пытался оформить созидательное течение "да". Нечто вроде

благородной философии приятия мира требуется нам сегодня. Переименовая Струве, скажем: социально-культурное творчество не может управляться отрицательной идеей. Государство насилия, одаривающее запретами, заставляющее глотать наживки инструкций, — в прошлом. С позиций родовых признаков и исторически репрессалии и брожение, принуждение и недовольство идут рука об руку, они равны друг другу.

Современное существование и современное знание, говорит Пригожин, кладут конец любым возможным мечтаниям об абсолютно контролируемом обществе. Путь нашего освобождения — оптимистическая самоорганизация. Преодоление пессимизма — в преодолении ценностного вакуума через осознание гражданского и, национального интереса и корректного оформления его в политике.

Боги социализма разрушены. Вера в него иссякла. Нужны новые сильные консолидирующие идеалы, делающие из общества не случайное скопление атомов, а солидарную целостность. Последнее — в началах сбалансированной, национально прочувствованной социальной техники, сохраняющей, поддерживающей, обеспечивающей плавный естественно-исторический ток вершения жизни.

Разгосударствление. Разгосударствление произошло. Но формально. Оно не привнесло ни эффективности, ни оптимальности, ни инициативности. Имел место специфический тип трансформации собственности из безликой государственной в персонифицированную чиновно-бюрократическую. Аппаратчики стали вполне конкретными собственниками ранее неконкретной государственной (общенародной) собственности. Государство, таким образом, как было, так и осталось у нас всем. Необходимо с этим кончать. Центр тяжести пора перевести на народ. Вершина, где свет воистину не меркнет, — народный ум и народная воля.

В 1699 г. Петр ориентировал купцов в торговле на складывание капиталов в компании. Вопреки этому на Руси выработана иная форма — складывание не капиталов, а лиц на базе родства и нераздельности имущества. Возникли товарищества — торговые дома, воплощающие отношения не общества, а общности. Императивы почвы сказались в хозяйстве, и это неопровержимо. Также, в политике. Приемлемо лишь то, что воспринимает народ. Были пикировки: Новгород — Москва; сословно-представительная монархия — самодержавие; оттепель — реакция; перестройка — торможение. Почему? Потому что заявлялся курс, непонятный народу. История — не мартиролог борьбы либералов (реформаторов) с консерваторами (реакционерами), а летопись жизни народа, который живет и желает жить по своим, не доктринальным или заемным устоям. В народе будущность России.

Человеколюбие. Носители гуманизма — не избранные интеллигенты, а народные подвижники. Как проявили себя некоторые представители интеллигенции в трагические октябрьские дни 1993 г., призывавшие правительство уничтожать оппозицию, мы помним. Но призвание интеллигенции — филантропия, а не экстремизм. "Я не верю в нашу интеллигенцию, — признавался Чехов, — лицемерную, фальшивую, истеричную, невоспитанную, ленивую, не верю даже когда она страдает и жалуется, ибо ее притеснители выходят из ее же недр. Я верю в отдельных людей, я вижу спасение в отдельных личностях, интеллигенты они или мужики. В них сила, хотя их и мало. Они играют незаметную роль в обществе, они не доминируют, но работа их видна. Что бы там ни было, наука идет вперед. Общественное самосознание нарастает, нравственные вопросы начинают приобретать беспокойный характер, и все это делается помимо прокуроров, инженеров и интеллигенции в целом и несмотря ни на что". Сказано точно. Дело не в какой-либо социальной страте. Дело в человеке. Человек же — не лампада на ветру. Где вопрос переводится в плоскость "возмездие", "устрашение", там производится разрушение неотъемлемых прав человека (А.И.Эртель), начал человеколюбия. Приемлемей, точнее пастернаковская мироносная формула гефсиманского сада: социальный спор не решим железом — следует управлять течением мыслей, и только вслед за тем — страной.

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие

ЧАСТЬ I

ПАНОРАМА ОТЕЧЕСТВЕННЫХ РЕФОРМ

Древняя Русь

Объединение русских земель под эгидой Москвы, образование национального централизованного государства в XIV—XV вв.

Реформы середины XVI в.

Реформы Петра I

Контрреформы 1725—1762 гг.

Реформы Александра I

Контрреформы Николая I

Великие реформы 1856—1874 гг.

Контрреформы Александра III

Реформы П. Столыпина

Февральская буржуазно-демократическая революция 1917 г.

Октябрьский переворот 1917 г.

Послеоктябрьские действия

Политика военного коммунизма

Новая экономическая политика (НЭП)

Россия социалистическая

Довоенные пятилетки

Война

Закат сталинизма (1945—1953 гг.)

Хрущевское время (1953—1964 гг.)

Застой (1964—1985 гг.)

Перестройка (1985—1991 гг.)

Рынок и демократия

ЧАСТЬ II AD FUTURUM

Раздел I. Сквозные линии

Раздел II. Россия и Запад: вызовы и ответы.

ЧАСТЬ III РЕФОРМА И КУЛЬТУРА

Раздел I. Социокультурный ракурс Российских реформ

Раздел II. Российская культура как фактор планетарной реформации

Послесловие

Научное издание
Ильин Виктор Васильевич, Панарин Александр Сергеевич, Ахиезер
Александр Самойлович

РЕФОРМЫ И КОНТРРЕФОРМЫ В РОССИИ

Зав. редакцией Н.А.Рябикина Редактор Г.П.Баркова.
Художественный редактор Л.В.Мухина.
Технический редактор З.С. Кондрашова.
Дизайнер на компьютере С.Ю.Воронина
Корректоры В.А.Ветров, Г.А.Ярошевская
ЛР № 040414 от 27.03.92

Подписано в печать 08.10.96. Формат 60 x 90 1/16.
Бумага офс. № 1 Гарнитура Таймс.
Печать офсетная. Усл. печ. л. 25,0
Уч.-изд. л. 25,16. Тираж 3000 экз. Заказ № 1195
Ордена "Знак Почета" издательство Московского университета.
103009, Москва, ул. Б. Никитская, 5/7.
119899, Москва, Воробьевы горы.